

**ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ**

**М.М. ШАХБАНОВА
Ю.М. ЛЫСЕНКО
Р.М. МАМАРАЕВ**

**ДАГЕСТАНСКИЕ РУССКИЕ:
ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

АЛЕФ

МАХАЧКАЛА – 2015

ББК 60.55(2Рос-6Даг)+63.3(2Рос-6Даг)

УДК 316.47 (470.67) +94 (470.67)

Ш-31

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-03-00104 «Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения русскоязычного населения Республики Дагестан».

Печатается по решению Ученого Совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Ответственные редакторы:

Верещагина А.В., доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Гимбатова М.Б., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнографии ИИАЭ ДНЦ РАН.

Рецензенты:

Гарунова Н.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Дагестанского государственного университета.

Иноземцева Е.И., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИИАЭ ДНЦ РАН.

Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамараев Р.М.

Ш-31 Дагестанские русские: историко-социологическое исследование. Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2015. – 320 с.

Данная монография посвящена проблеме трансформации этнической идентичности, анализу этнического положения и этнического самочувствия, специфике межэтнического поведения русского населения Республики Дагестан.

Монография предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех тех, кто проявляет интерес к данной проблематике.

ISBN 978-5-4447-0024-2

© ИИАЭ ДНЦ РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	
ГЛАВА I. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности	
1.1. Идентичность: определение, структура.....	
1.2. Этничность и этническая идентичность: теоретические и методологические подходы исследования	
1.3. Этническая идентичность: типы, структура, социальные функции	
ГЛАВА II. Расселение и социально-экономическое положение русского населения Республики Дагестан	
2.1. Расселение русских в Дагестане: история и современность.....	
2.2. Социально-экономическое положение дагестанских русских (вторая половина XVI – первая половина XIX в.)	
2.3. Социально-экономическое развитие русских переселенцев и нижнетерского казачества (вторая половина XIX в. – начало XX в.).....	
2.4. Социально-экономическое положение русских в Дагестане в 1920 – 1980-е гг.....	
2.5. Социально-экономическое положение русскоязычного населения Республики Дагестан в конце XX – начале XXI в.....	
ГЛАВА III. Этническая идентичность русского населения Республики Дагестан	
3.1. Этническая идентичность дагестанских русских в структуре социальной идентичности	
3.2. Этнокультурные компоненты воспроизводства этнической идентичности дагестанских русских	
3.1. Этноконфессиональная идентичность дагестанских русских в структуре социальной идентичности.....	

ГЛАВА IV. Установки межнациональной толерантности и стратегии межэтнического поведения дагестанских русских

4.1. Толерантность: определение, структура, формирование. Уровни толерантности

4.2. Общественное мнение дагестанских русских о межэтнической ситуации в Республике Дагестан

4.3. Состояние межнациональной толерантности в Республике Дагестан

4.4. Особенности межэтнической коммуникации и поведения дагестанских русских

ГЛАВА V. Этнические стереотипы дагестанских русских и их отражение на формирование этнической идентичности

5.1. Определение, структура и методы исследования этнического стереотипа

5.2. Этнические стереотипы в структуре этнической идентичности дагестанских русских

5.3. Инокультурное взаимодействие дагестанских русских: оценка и тенденции

Заключение

Литература.....

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальной проблемой региональной этносоциологии является изучение этнического положения и этнического самочувствия, проживающих в многонациональной среде народов, специфика формирования типов социальной идентичности в полиэтническом пространстве, этнокультурные компоненты воспроизводства этнической идентичности, факторы формирования позитивной и негативной этнической идентичности, тесно связанных с ней принципов толерантности и интолерантности в массовом сознании и поведении. Индикатором толерантных установок становится отношение к народам, которые являются носителями иной национальной культуры и вероисповедания.

В постсоветский период развития российского общества наблюдалась массовая миграция русскоязычного населения из республик Северного Кавказа, в том числе и из Дагестана. Самые различные причины вынуждали их покидать северокавказский регион, но большей частью они были обусловлены распадом Советского Союза и, как следствие, кардинальной трансформацией социально-экономической и политической основ российского государства, на фоне усиления этнической самоидентификации коренного населения, сопровождавшееся ухудшением межнациональных отношений и ростом националистических тенденций.

Экономический спад, сокращение производства, особенно в промышленном секторе, ухудшение и неудовлетворенность уровнем жизни вынуждало людей выезжать за пределы Дагестана, и в числе первых, кто мигрировал, оказались русские, которые не смогли адаптироваться к новым социально-экономическим реалиям. Не менее существенными факторами, которые в 90-х гг. прошлого столетия оказали определенное влияние на массовый отток русских из республики являются: во-первых, появление на политической сцене Дагестана национальных движений, ставивших вопрос о федеративном переустройстве республики с учетом этнического фактора, во-вторых, ухудшение межнациональных отношений и рост межэтнической напряженности, в-третьих, усиление исламского фактора в дагестанском обществе, стремление духовных лидеров контролировать не только бытовую, но и

образовательную сферу, в-четвертых, распространение учений радикального ислама, противостояние между «традиционалистами» и «салафитами», угроза религиозного экстремизма, террористических актов, которые в совокупности негативно отразились на национальной сфере.

Исследовательской задачей данного проекта является изучение выраженности типов социальной идентичности дагестанских русских, состояния этнической идентичности русского населения, выявление ее типов, установление этнокультурных компонентов воспроизводства этнической идентичности, определение базы формирования принципов толерантности и интолерантности на территории проживания русских и других дагестанских народов. В постсоветский период в Дагестане наблюдалась активизация этничности, которая в последующем только усилилась, и данный процесс сопровождался ростом значимости в массовом сознании определенных этнических маркеров, при ухудшении климата межнационального общения. В этой связи оценка характера межэтнической коммуникации (русских с другими дагестанскими народами), процессов адаптации в условиях ухудшения социально-экономического положения, кадровая политика, степень этнической мобилизации русских, межэтнические установки, механизмы урегулирования межэтнической напряженности, рассмотрение этнической идентичности как индикатора состояния межнациональных отношений представляется одной из важнейших задач.

В Дагестане, в должной мере не уделяют внимания социально-экономическому положению русского населения, особенно, проживающему на территории Кизлярского и Тарумовского районов, соответственно, основной задачей является анализ их социально-экономического, этнического положения в данных административных образованиях, ибо они неоднократно поднимали и поднимают вопрос об ущемлении своих социально-экономических и территориальных прав, подчеркивая при этом, что «их вынуждают покинуть свои исторические территории». Существует целый комплекс факторов, которые вынуждают русских Кизлярщины переезжать, в зависимости от своих матери-

альных возможностей, как в центральные, так и в соседние российские регионы, с преобладающим русским населением.

Таким образом, основной целью данного проекта является получение нового социологического материала об этническом самочувствии русских в Республике Дагестан, диагностика межэтнической напряженности и межнациональной ситуации в районах проживания русского населения, установление факторов усиления/ослабления межэтнической напряженности, определение социальной дистанции и ее замеры между дагестанскими русскими и другими дагестанскими народами, выявление специфики межэтнического поведения дагестанских русских.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

1.1. Идентичность: определение, структура

Современные реалии актуализировали дальнейшее исследование состояния и направленности изменений самосознания, идентификации различных этнических групп населения под воздействием объективных и субъективных факторов. Опыт последних десятилетий демонстрирует, что своевременное выявление общественным мнением состояния этнической самоидентификации может помочь в разработке действенных мер по предотвращению межнациональной напряженности, межэтнического противостояния и конфликтов, соответственно, способствовать формированию у этнических общностей единого общегражданского сознания.

Термин «идентичность» широко вошел в этносоциологию и междисциплинарные исследования в конце 70-х гг. прошлого века, благодаря исследованиям Э. Эриксона¹, который рассматривает ее в двух аспектах: «Я-идентичность» (природное и индивидуальное) и социальная идентичность (включенность личности в социальные процессы); А. Турен считает идентичность осознанным самоопределением социального субъекта².

В отечественной науке актуальность категория «идентичность» приобрела в 90-х гг. XX столетия при изучении этнической идентичности. Если ранее идентичность больше была связана с процессами социальной трансформации, социализации и самоопределения личности, то в последующем она характеризуется не столько как личная и культурологическая, сколько с социальных и политологических позиций. Таким образом, процесс идентификации выходит за рамки личного дела гражданина, превращаясь в средство мобилизации масс для политических элит.

Под идентичностью в самом общем виде понимается «процесс идентификации индивида с социальными образцами поведе-

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 14.

² Цит. по: Сагдиева Э. А. Трансформация этнической идентичности трудовых мигрантов // Этнологические исследования в Татарстане. Казань, 2009. С. 152.

ния и ожиданиями его социальной среды, необходимостью все нового и нового согласования собственных притязаний с притязаниями других. Идентичность отдельного "Я" зависит как от репертуара социальных ролевых ожиданий, так и от его осознанного распределения приоритетов со стороны индивида. В зависимости от контекста, определенные частичные идентичности, связанные с нашими ролями в семье, в профессиональном коллективе, в сообществе друзей и т.д., становятся значимыми для нас или уходят на задний план»¹.

Исследование идентичности в поликультурном пространстве актуализировано возникшей потребностью человека в систематизации своей жизни, необходимостью принятия преобладающих в данном сообществе ценностей, символов и норм поведения. Несомненно, формирование идентичности для подавляющей части общества является процессом, который не очень отчетливо осознается, иными словами, процесс основанный больше на интуиции, следовательно, «свойственные человеческой психике инертность, стремление уйти от духовного напряжения ведут к тому, что многие в развитии своего "Я", своей индивидуальности идут по пути наименьшего сопротивления, заменяя свою уникальность изменчивым мозаичным набором частичных идентичностей, которые "в готовом виде" могут предложить современные средства массовой информации. Ценности соответствующей культуры определяют сферу, в которой преимущественно разворачиваются формы проявления индивидуальности, поощряемые "узаконенной" в данной ментальности социокультурной нормативностью»².

Идентичность является системой, причем сложной системой, включающей в себя многие идентификационные формы. В современной науке общепринятой является узкое рассмотрение понятия идентичности, оставляющее за рамками исследования множественность идентичности, впрочем, как и субъективно значимых оснований для тождественности индивидов с различными общностями.

¹ *Водопьянова Н. А.* Потенциал интегрированных маркетинговых коммуникаций в формировании российской идентичности // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов/н/Д, 2007. С. 54 – 55.

² Там же.

В отечественных и западных исследованиях при изучении идентичности констатируется существование разных ее типов (национальный, этнический, этнокультурный, расовый, культурный, социокультурный, возрастной, профессиональный, региональный, имущественный, политический), которые являются общепризнанными и наиболее частыми в употреблении. Однако представляется необходимым к этим типам социальной идентичности причислить и государственно-гражданскую идентичность, ибо современный период развития российского общества характеризуется усилением интегративных тенденций, и, как правило, возрастанием исследований в сфере политики идентичности, механизмов становления и путей формирования надэтнической (государственно-гражданской) идентичности.

Иными словами, идентичность, как самоопределение личности по отношению к другим, своим и чужим, представляет собой социальный конструкт, который выражается местом рождения, самоназванием, расовой и национальной принадлежностью, национальным языком. Наряду с ними, правда подверженным изменениям, в структуре идентичности является конфессиональная принадлежность, территория жительства, гражданство, профессиональный и семейный статус. Таким образом, можно утверждать, что идентичность личности не характеризуется статичностью и подвержена процессу изменчивости, находится в постоянном движении, поэтому на разных этапах человеческой жизнедеятельности может наблюдаться преобладание разных признаков, т.е. идентичность выступает как результат и продукт определенных обстоятельств.

Характерный самоидентификации динамизм составляет объективную трудность в процессе исследования феномена идентичности, поэтому исследователи отмечают разные оттенки идентичности, ибо термин «идентичность» переводной, заимствованный. При переводе возникает ситуация многозначности термина, ибо то, что произошло от лат. *identicus* – тождественный, одинаковый – получило много смыслов: во-первых, можно понимать идентичность как тождественность. В этом смысле речь может идти только об индивидуальной идентичности. То есть индивид тождественен самому себе, настоящему, имеющему

уникальное и целостное "Я". Во-вторых, идентичность понимается как подлинность. В этом случае, например, этническая идентичность индивида определяется "по крови". Подлинность устанавливается в прагматических утилитарных целях. В политическом отношении это связано с практикой создания государств на моноэтнической основе, с отождествлением этноса и нации, с разделением этносов на титульные и нетитульные, с этнической дискриминацией в различных ее формах. В-третьих, можно выделить понимание идентичности как принадлежности... индивида к какой-либо общности людей: это может быть принадлежность к полу, возрастной, профессиональной и иной группе»¹. Таким образом, переплетенность множественных по природе своей коллективных, культурных идентичностей (религиозная, республиканская, региональная, национально-государственная, этническая и т.д.), их взаимообусловленность и взаимозависимость, накладываясь одна на другую, в разных ситуациях образуют нерасторжимую связь, примером которой является этноконфессиональная идентичность.

Одним из последствий распада СССР явился идентификационный кризис, более остро переживаемый россиянами в прослойке старшего поколения, в связи с чем исследователями не одно десятилетие констатируется кризис идентичности и проблемы, связанные с ней, как «острое чувство потери идентичности в современной России» и «внезапную утрату личной идентичности»². Опасность кризиса идентичности заключается в заложенном в нем сильном деструктивном потенциале: «кризис идентичности нередко способен привести к выбору в качестве объекта идентичности существенно более узкого круга социальных общностей, более локальных, а порою и маргинальных. Человек, утративший чувство родины, заполняет образовавшийся вакуум иным, идентифицируя себя с религиозными, этническими, родоплеменными, профессиональными, а то и криминальными общностями. В условиях неопределенности и частичного разрушения

¹Иванова С. Ю., Аракелян Э. А. Становление гражданской идентичности в полиэтническом социуме // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов/н/Д, 2007. С. 81.

² Там же. С. 77.

этнических, государственных, корпоративных, профессиональных и социальных связей на всех уровнях общества теряется или деформируется социальная модель поведения и индивидов, и социальных групп, происходит своего рода "биологизация" поведения, упрощение мотивации, с одной стороны, а с другой – ее усложнение в связи с частичной переориентацией на нетрадиционные социальные и этнокультурные ориентиры»¹.

Таким образом, социально-экономические, политические, культурные трансформации российского общества способствовали кризису идентичности, психологическому дискомфорту подавляющей части населения, причем в России кризис национальной идентичности сопровождается небывалым ранее ростом социальной напряженности, ксенофобии, националистической идеологии, антисемитизма, неприязни к кавказцам и жителям Средней Азии, интолерантных установок в общественном сознании и поведении россиян. Соответственно, возникает вопрос: «Какие символы и ценности способны консолидировать общество и благодаря чему, при усиливающейся самоидентификации народов, можно формировать толерантные установки в общественном сознании и поведении?» и, без учета фактора идентичности, вряд ли можно с уверенностью говорить об успешности реформ в экономической, политической, социальной и т.д. сферах.

Гипертрофирование идентичности, в том числе и этничности, является почвой, на которой прорастают семена неприязни иной этнической группы, следовательно, и основой дестабилизации межэтнических отношений. Особенностью современного общества является регионализация сознания, впрочем, как и других составляющих его, в частности, социально-политической и социально-экономической организации общества. Социологи отмечают, что в настоящее время подавляющая часть российского общества в силу тех или иных объективных и субъективных факторов оказалась вынужденной сузить свою идентичность до «географической», что не позитивно отразилось на их этнической и национальной идентичности. Однако можно сказать, что в России существует некая «перекрестная идентичность» между всеми

¹Там же. С. 77.

формирующимися группами, т.е. наличие некой интегративной, социокультурной, мировоззренческо-деятельностной рамки, которая может стать основой для консолидации российского общества.

1.2. Этничность и этническая идентичность: теоретические и методологические подходы исследования

Как уже отмечалось, идентичность – понятие, имеющее в науке различное смысловое толкование: «в самом общем плане идентичность – это интегративное многоуровневое понятие, подразумевающее различия как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Индивиды воспринимают свою идентичность как то, что их отличает от других людей. Точно также идентичность социальных групп зависит от групповых различий в релевантном социальном контексте. Важнейшей составляющей интегративной идентичности является этническая идентичность»¹.

Исследуя феномен этничности, М. Бэнкс отмечал: «на протяжении многих лет "этничность" является ключевым понятием социологии и антропологии, но, тем не менее, по-прежнему представляется неясным ее значение, применение и соотношение с другими понятиями»². Именно такая неясность и обуславливает существование многообразных точек зрения на данное явление, соответственно, необходимость изучения данной дефиниции применительно к современным условиям.

Рассматривая категорию идентичность, представляется необходимым обратиться к другим, не менее значимым понятиям как «национальное самосознание», «этническое самосознание», «этничность», «этническая идентичность», «этнос».

Дискуссия о национальном самосознании и этнической идентичности имеет длительную историю. К проблеме изучения этнического (национального) самосознания ученые обращались

¹ Коновалова А. В. Формы проявления этнической идентичности в полиэтничном социуме // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов/н/Д, 2007. С. 119.

² Цит. по: Сикевич З. В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2. С. 69.

еще в начале XX столетия, когда не в такой острой форме давали знать о себе этнические проблемы. П.Н. Милюков в работе «Очерки по истории русской культуры», рассматривая историю «народного самосознания», считал, что оно долго оставалось монополией создавшего его мировоззрения и содержание «"народного самосознания" решавшее важнейшие вопросы народной жизни, считалось неподлежащим анализу: оно было дано искони, от века вложено в сознавший себя народ»¹. Более того, П.Н. Милюков предпринял попытку рассмотреть становление национального самосознания в историческом контексте и, по его мнению, «сознание об особенностях своего типа в племенной период существует как легенда о едином родоначальнике племени или о братьях родоначальника племен, сознающих свою национальную близость. Как более сложная форма, национальное самосознание развивается в период территориального объединения наций, когда язык и физический тип являются основными чертами, определяющими несходство, а затем определенную роль играет религия»².

В последующий, в социалистический период, интерес к феномену национального самосознания спал, ибо он оказался не включенным в сталинское определение нации, по которому под нацией понималась исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющихся в общности культуры.

Рассматривая вопрос формирования народности, В.В. Мавродин подчеркивал, что «два основных фактора определяют собой народность как понятие этническое: язык и национальное самосознание, сознание себя как единой народности»³. Впервые в обществоведческой литературе он дал определение национальному самосознанию: «термин "национальное самосознание" я применяю в смысле сознания единства людей, принадлежащих к

¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. С.-П., Ч. 3. Выпуск 1. 1901. С. 17.

² Милюков П. Н. Указ. работа. С. 17.

³ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 396.

данному народу, к данной народности или нации, единства их интересов, психологического склада и т.п.»¹.

В те же годы, появилась работа Д.С. Лихачева, в которой формирование самосознания русского народа рассматривалось через анализ развития русской литературы и искусства XI – XVII вв. В последующем проблема национального самосознания получила отражение в работах П.И. Кушнера, определившего его как «основной этнический определитель», подчеркнув при этом, что «для правильного ответа на вопрос о национальности необходимы следующие основные условия: 1. отчетливое представление опрашиваемого о характере его этнической общности с другими людьми, т.е. наличие развитого национального самосознания, 2. возможность открыто и свободно высказывать убеждение об этом. Национальное самосознание не является прирожденным свойством человека»².

И.И. Потехин определяет «национальное самосознание... прежде всего и главным образом, сознание принадлежности к своему народу, осознание его национальных интересов... национальное самосознание является органической частью общественного сознания и подчиняется тем же законам развития»³. Анализ развития национального самосознания исследователь проводит с использованием множества терминов – «этническая территория», «этническая общность», «язык и культура».

В 60-х гг. XX столетия проблема самосознания нашла более широкое рассмотрение не как «национальное самосознание», а как «этническое самосознание», в частности, в работах С.А. Токарева и Н.Н. Чебоксарова. В работе «Проблемы происхождения древних и современных народов» Н.Н. Чебоксаровым этническое самосознание включено в число признаков этноса, при этом подчеркнуто, что взаимодействие всех основных признаков этнической общности, «их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности выражается в виде вторичного фак-

¹ *Мавродин В. В.* Формирование русской нации. М., 1947. С. 25.

² *Кушнер П. И.* Этнические территории и этнические границы. М., 1951. С. 56, 42.

³ *Потехин И. И.* Формирование национальной общности южноафриканских банту. М., 1955. С. 218.

тора, фактора этнического самосознания, который является, в конечном счете, решающим для определения принадлежности к той или иной этнической общности»¹.

В тот же период С.А. Токарев определил этническое самосознание как соотношение социальных связей, в частности, общности происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии, на которых может быть основана этническая общность: «исторически обусловленное соотношение между этими видами связи порождает этническое самосознание, посредством которого субъективно определяется в наше время этническая принадлежность того или иного лица, той или иной социальной группы»².

В.И. Козлов отмечал, что «среди широкого круга вопросов, разрабатываемых... в рамках теории этноса (этнической общности), важное место занимают проблемы, связанные с этническим (или, как его часто называют применительно к развитым народам, национальным) *самосознанием*, под которым понимается, главным образом, сознание принадлежности к определенному народу»³.

В дискуссии по теории нации, которую провел журнал «Вопросы истории» (1966 – 1969 гг.), обществоведы заново обращаются к проблеме этнического самосознания: одни включали его в число признаков нации, другие отвергали, но на тот период так и не смогли прийти к единому мнению.

В течение долгого периода времени исследователи трактовали национальное самосознание как осознание индивидом своей принадлежности к определенной национальной общности. Вопрос о более широком его понимании поставил С.Т. Калтахчян: «национальное самосознание включает в себя 1. сознание этнической общности и отношение к другим этносам, 2. приверженность к национальным ценностям, языку, территории, демокра-

¹ Чебоксаров Н. Н. Проблемы происхождения древних и современных народов (Вступительное слово на симпозиуме). Труды VII МКАЭН. Т. V. М., 1970. С. 748.

² Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11. С. 53.

³ Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и его место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2. С. 79.

тической культуре, 3. осознание социально-государственной общности, 4. патриотизм, 5. осознание общности в национально-освободительной борьбе»¹.

В дальнейшем появляются труды И.С. Кона, Б.Ф. Поршнева, Ю.В. Бромлея. Последний определил этническое самосознание как «неотъемлемый компонент этноса» и «непременное условие функционирования этноса»².

Л.М. Дробижева в ряде своих работ отмечает: «мы понимаем его (этническое самосознание – Авт.) не только как самоидентификацию, точнее не только как отнесение себя тем или другим лицом к этнической группе. Мы понимаем его широко: это "образ мы", т.е. и этнические стереотипы, и представление о происхождении, историческом прошлом своего народа, о языке, о культуре, территории проживания и, что принципиально важно, мы включаем в этническое самосознание этнические интересы, то есть осознаваемые людьми потребности своего народа»³.

Таким образом, категория «этническое самосознание», находившаяся в поле исследования философов, социологов, этнологов, психологов (Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей, Л.М. Дробижева, П.И. Кушнер, М.В. Крюков, Т.Г. Стефаненко, С.А. Токарев, Н.Н. Чебоксаров, Г.В. Шелепов и т.д.), понимается как *относительно устойчивая система отраженных в сознании объективно существующих элементов этнической реальности и способов жизнедеятельности этноса, преломленных сквозь призму индивидуального опыта*. Из данного определения следует, что этническое самосознание является понятием более широкого плана, чем этническая идентичность, ибо оно включает в себя кроме собственно этнической и другие формы идентификации, соответствующие существующим факторам этнической реальности (культурной, языковой, расовой, религиозной, психологической и т.д.), в то время как этническая идентичность основана, в первую очередь, на осознании общности происхождения, этниче-

¹ Калтахчян С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности. М., 1967. С. 217.

² Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 180.

³ Дробижева Л. М. Этническое и историческое самосознание народов СССР на рубеже последнего десятилетия XX в. (в конце 60-х – нач. 90-х гг.) // Духовная культура и этническое самосознание. М., 1991. С. 19.

ских ценностей и символов, традиций и обычаев, преемственности поколений. Истоки идентичности лежат в глубинных пластах этногенеза и этническая идентичность определяется тем значением, придаваемым членству в определенной этнической группе, а также как с сознательной, так и бессознательной сферой мотивации¹.

Социально-экономические и политические преобразования перестроечного периода способствовали повышению интереса и внимания специалистов к феномену национального самосознания. Например, Е. Овлякулиев отмечал: «во-первых, национальное самосознание не только "комплекс", "совокупность", "духовное образование", "структура в сознании", но, прежде всего, система духовной жизни народа, проявление его духа во всех сферах бытия – экономике, политике, праве, культуре. Во-вторых, национальное самосознание, как объект исследования, может рассматриваться и как система, и как процесс. Система и процесс неразрывно связаны между собой. Собственно, в природе не бывает нефункционирующих систем, и как процесс, национальное самосознание определяется заданными системными параметрами, под которыми понимается зарождение, становление, развитие, ограничение, торможение, кризис, депрессия, рост. Представляется неприемлемой абсолютизация какой-либо одной стадии, считая ее постоянной, например, "закономерный рост". Ведь рост может прерываться кризисами, депрессией, разорванностью. В-третьих, национальное самосознание рассматривается как социальный феномен»².

По мере накопления материала по этническому (национальному) самосознанию возник вопрос о его структуре. М.В. Крюков в качестве компонентов этнического самосознания выделил представления о единстве происхождения и территории расселения, язык, особенности культуры и этнические стереотипы³. Г.В. Шелепов в структуру этнического самосознания включил осо-

¹ Коновалова А. В. Указ. работа. С. 122.

² Овлякулиев Е. Формирование национального самосознания: социально-философский анализ. Автореферат дисс. на соискание ученой степени д-ра философских наук. М., 1993. С. 19 – 20.

³ См.: Крюков И. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. Выпуск 6. М., 1976. С. 42 – 62.

знание людьми своей этнической принадлежности, этноцентризм, этнический стереотип, этнические симпатии и антипатии. Говоря о взаимосвязи между всеми названными элементами, автор как главную определил «осознание людьми своей этнической принадлежности», отражающее общность их происхождения¹. По мнению Ю.В. Бромлея, «представление об общности происхождения членов этноса и своеобразное отражение его объективных свойств, будучи двумя важнейшими составляющими этнического самосознания, находятся в тесном взаимодействии, контролируя и дополняя друг друга»². А.К. Уледов включил в структуру национального самосознания «взгляды и представления, связанные с самоопределением национальной общности, с осознанием социальных, социально-политических, нравственных, эстетических и многих других ценностей, т.е. психический склад, национальный характер, нравы и другое»³.

Исследуя процесс формирования национального самосознания, Ю.В. Арутюнян выделил подпитывающие его источники: 1. Родовой, связанный с происхождением, который базируется на осознании общности происхождения, единства исторической судьбы народа и, как выражение социально-биологической природы, особенно сильно проявляется в экстремальных ситуациях, объединяя «своих по роду и племени» людей в своей или иноэтнической среде. 2. Психологический, проявляющийся в периоды кризиса и обесценивания накопленных целыми поколениями духовных идеалов, как попытка заполнить «пустоту» гипертрофированными национальными чувствами, «освящением» национальных ценностей и символов и заметно обостренными национальными чувствами и национальной идеей. 3. Культурный источник диктуется реальными культурными потребностями и интересами, стремлением к своей национальной культуре – нормам поведения, языку, социально-нравственным представлениям, обычаям, традициям и другим элементам, которым характерны национальные черты и оттенки. Наиболее яркое выражение куль-

¹ Шелепов В. Г. Общность происхождения – признак этнической общности // Советская этнография. 1968. № 4. С. 72.

² Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 190.

³ Уледов А. К. Русская идея как феномен национального самосознания // Вестник высшей школы. 1992. № 7 – 9. С. 34.

турные источники находят в национальной литературе, искусстве, фольклоре, семейных и бытовых нормах, в конечном итоге, определяя национальную общность и сознание людей. 4. Социальный и этносоциальный источник представляет собой общественные интересы, находящие выражение в национальном самосознании. Носителями их выступают, прежде всего, группы, заинтересованные в активных социальных ролях или остро нуждающиеся в этносоциальном общении. Социальная сущность данного источника – стремление к «активизации» собственных социальных ролей. Его внимание усиливается по мере преодоления социального отставания народа и роста его социально-культурного потенциала¹.

Дефиниция «этничность», несмотря на ее широкое употребление в зарубежной науке, вошла в отечественную науку в перестроечный период. Впервые термин «этничность» в мировой научной практике употребил Л. Уорнер и его коллеги в 40-е гг. XX в. Данную категорию использовали А. Фишхоф и Л. Гумплович, хотя исходили из различных ее значений. По мнению Н. Глейзера и Д. Мойнихана, «в некоторой степени, правомочно утверждение, что те формы идентификации, которые основаны на различных социальных реалиях, таких, как религия, язык и национальное происхождение, имеют нечто общее (так, например, для ссылки на все эти понятия используется новый термин – "этничность"). Общим для нас всех является то, что оно стало важным центром мобилизации групп на достижение конкретных политических целей, оспаривая первенство такой мобилизации у класса, с одной стороны, и у нации – с другой»². По мнению Б. Андерсона и Э. Хобсбаума, явление этничности является универсальным и всеобщим, ибо этничность всечеловеческий способ выражения лояльности к культуре своего народа и территория её действия охватывает весь, без исключения, земной шар.

Феномен этничности является категорией междисциплинарных исследований, поэтому «основные объяснительные модели

¹ Арутюнян Ю. В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание

// Социологические исследования. 1990. № 7. С. 31.

² Glezer N., Moynihan D. P. (Hg.) Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge (USA), 1976, P. 18.

"этничности", разрабатываемые социологами и политологами, психологами и конфликтологами, сводятся к признанию этнической реальности как фундаментальной тенденции, связывающей человека и общность»¹.

Для распространенного в отечественной научной литературе подхода этнос – это объективная реальность, имеющая социокультурную ценность. Понятие «этнос» распространяется на доплеменные общности, делая дефиницию еще более древней, еще более исторической. В советский период нашей истории такая заикленность социально-гуманитарных наук на одной дефиниции «этнос» оказалась возведенной в ранг официальной доктрины, а термин «этничность»/«этническая идентичность» в литературе почти не употреблялся. Редукция «этничности»/«этнуса» к объективной реальности характерна для позитивистских теоретических построений не только у нас².

Характерное для постсоветского периода обострение межэтнических отношений на всем российском пространстве заставило обществоведов заново обратиться к национальной сфере. Основой для теоретической дискуссии по проблеме этничности послужила статья С.В. Чешко «Человек и этничность» (1994)³, обусловившая в последующем рост интереса к феномену этничности⁴.

По мнению С.Е. Рыбакова, «этническое – это не язык, культура или склад психики, но и не все перечисленное вместе; этническое – это "нечто" само по себе, которое может лишь отслеживаться по указанным параметрам»⁵ и «эти самые "признаки" и "маркеры" затмевают исследователю взгляд и отвлекают его внимание от проникновения в этническое само по себе»⁶.

¹ Пискотель А. А. Этничность и «внутренняя природа» человека // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Выпуск 5. М., 1998. С. 36.

² Там же.

³ См.: Чешко С. В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 35 – 46.

⁴ См.: Арутюнов С. Л. Этничность – объективная реальность (отклик на статью С.В. Чешко) // Этнографическое обозрение. 1995. № 5; Заринов И. Ю. Исторические рамки феномена этничности (по поводу статьи С.В. Чешко «Человек и этничность») // Этнографическое обозрение. 1997. № 3.

⁵ Рыбаков С. Е. Философия этноса. М., 2001. С. 58.

⁶ Там же. С. 62.

В современный период в исследовании этничности/этнической идентичности выделяются примордиалистский, конструктивистский и инструменталистский подходы. Для примордиалистов этнос является естественным явлением, ему характерно общее происхождение и общая культура. Примордиалистский подход к этничности представлен в трудах Л.Н. Гумилева, П. Ван ден Берге, К. Гирца, отчасти у Ф. Барта и Д. Мойнихана. Примордиализм включает в себя два основных направления: *социобиологическое и эволюционно-историческое*. Сторонники первого направления рассматривают этничность как объективную данность, изначальную характеристику человечества. Социобиологическое понимание этноса представлено в работах Л.Н. Гумилёва, который продолжил развитие идей, сформулированных в начале XX в. М.С. Широкогоровым. Сторонниками второго (эволюционного историзма) направления являются Э. Смит, Ю.В. Бромлей, которые характеризуют этнос как социальное, а не биологическое сообщество, глубоко связанное с конкретно историческим комплексом.

Конструктивизм рассматривает порождаемое на основе дифференциации культур этническое чувство и формируемые в его контексте представления и «доктрины» как интеллектуальный конструкт учёных, политологов, писателей и в массовое сознание внедряется при помощи системы образования и СМИ. Основными теоретиками конструктивизма являются Б. Андерсон, Р. Бурдье, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум.

Э. Смит считает этничностью, а точнее, этнией, некую социальную группу, обладающую мнимым общим происхождением и хранящую общие воспоминания о прошлом. Членам этнической группы присуще социальное взаимодействие, так как они связаны друг с другом специфическими элементами культуры, религии, языка и обычаев, а в некоторых случаях даже сумели создать сильную связь с территорией и страной предков. Этничность коренится в общих мифах, воспоминаниях, ценностях и символах – в ансамбле, который создается обществом и постоянно меняется¹. Следовательно, этничность нельзя рассматривать как явление статичное, как это предлагают некоторые исследова-

¹ *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 63.

тели социальных проблем, ее необходимо понимать исторически, как нечто, предполагающее новое содержание. Она в большей степени является воображаемой и сконструированной, чем есть на самом деле. В основе инструменталистского понимания этничности лежит социально-психологическая теория личности, общения, компенсаторных потребностей. Инструменталисты объясняют сохранение этнической группы потребностями людей в преодолении отчуждения, свойственного современному обществу массовой культуры, в достижении целей. Инструменталистский подход наблюдается у М. Бэнкса, М. Бэнтонна, Н. Глейзера, Э. Смита, Д. Хоровитца, М. Фишера, А. Эпштейна и т.д.

Большинство зарубежных исследователей примордиалистского и конструктивистского направлений в этничности самым важным считают эмоциональный компонент. Так как этничность ситуативна и в социальной идентификации она занимает не постоянное, хотя и существенное место, под воздействием внешних факторов она может возрастать или ослабевать.

В отечественной науке существуют разнообразные подходы к изучению понятия этничности и этнической идентичности. Авторы разделяют позицию С.Е. Рыбакова, что «раздутое и отмеченное сегодня небывалым полемическим пафосом противостояние между "конструктивистами" и "примордиалистами" в российском научном сообществе явно обусловлено преимущественно идеологическими мотивами. Конечно, здесь есть предмет и для собственно научной дискуссии, однако характер "вселенского спора" ей придает именно идеологический "привкус", и это ни для кого не секрет. Ведь совершенно естественно, что примордиализм – это, как правило, кредо национально мыслящего консерватора, а конструктивизм – космополитически ориентированного либерала... Кажется, неслучаен и выбор самого термина в русском научном "новоязе" (тем более что не совсем-то и корректно сваливать теорию этноса Ю.В. Бромлея и В.И. Козлова в одну кучу с концепциями западных собственно "примордиалистов")»¹. Более того, С.В. Рыбаков отмечает некорректность радикального конструктивизма², потому что «конструктивизм – это не теория, а

¹ Рыбаков С. Е. Этничность и этнос // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 5.

² Рыбаков С. Е. Философия этноса. М., 2001. С. 79 – 138.

некоторое описательное утверждение о том, что политическое и культурное самосознание является результатом человеческой деятельности. Под сенью конструктивизма скрывается целый ряд различных подходов»¹. Следовательно, «бескомпромиссный, приобретающий характер идеологии и даже своеобразной постмодернистской "религии" конструктивистский инструментализм никак не может быть признан адекватной методологией для этнологической науки. Если нет этничности и этноса как объективной реальности, то нет и этнологии как научного знания, а есть лишь постмодернистские эссеобразные "дискурсы"»².

Отдельные конструктивистские положения и выводы справедливы, а социальные конструкты при определенных условиях являются несомненной реальностью. Нельзя не согласиться со сторонниками конструктивизма в том, что этнос и этничность, имея объективную природу, в то же время фактически базируются на ее отражении в самосознании, на субъективности – на том сугубо субъективном феномене, который Ю.В. Бромлей называет «этническим самосознанием» (а наши англоязычные коллеги – «этнической идентичностью») ³: «собственно этническая общность предстает как результат совместной исторической практики ряда поколений людей, воплощенной в специфических материальных и духовных атрибутах этой общности и фиксированных в сознании ее членов. Именно поэтому для существования этника важнейшее значение имеют межпоколенные (диахронные) информационные связи, а также самосознание составляющих его людей, включающее в той или иной форме представление об общности исторических судеб их предков»⁴.

С.В. Чешко подчеркивает: «какие бы объективные корни ни имела этничность, она, в конечном счете, представляет собой продукт человеческого (массового) сознания, спонтанную форму идеологического отражения и освоения социальной среды. Эт-

¹ *Комарофф Дж.* Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 41.

² *Рыбаков С. Е.* Этничность и этнос // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 5.

³ Там же. С. 6.

⁴ *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 383.

ничность, вне всякого сомнения, имеет иррациональную природу, наука же, оперирующая сугубо рациональными методами познания (чем она отличается, например, от религии или искусства), ограничена в возможностях исследования иррационального»¹. И далее, «то явление, которое обозначается термином "этничность", едва ли можно, по крайней мере, на современном этапе развития науки, выразить посредством какой-то точной дефиниции. Пытаясь придумать такую дефиницию, мы, скорее всего, допустим ошибку, абсолютизовав одни стороны этничности и отбросив другие... крайняя субъективизация, и крайняя онтологизация этничности и этноса в равной мере уведут от исследования существа проблемы. Этничность, с одной стороны, – это представление о наследуемой групповой солидарности, основанное на представлениях об общем (не всегда реально общих) происхождении, исторических судьбах, интересах и культуре. С другой стороны, такие представления имеют объективную основу – они действительно вырабатываются реально существующими группами людей (народами), занимающими относительно обособленное положение в окружающей социальной среде. Эта обособленность непосредственно не связана с культурой: этносы могут быть в культурном отношении внутренне гетерогенными, могут мало отличаться или практически не отличаться от соседних этносов... Эта обособленность, если она сохраняется в течение достаточно длительного времени, продуцирует культурную специфику или, что важнее, представление об особости своей культуры, а также саму этническую идентичность»².

Совершенно справедлива позиция И.Ю. Заринова, что «природа этнического феномена настолько сложна и разнообразна, что постижение ее в рамках одной методологической модели просто невозможно. Что касается отечественной теории этноса и западной концепции этничности, то при всей их видимой противоположности они должны иметь точки соприкосновения, так как имеют дело с одним и тем же социальным феноменом, но прояв-

¹ Чешко С. В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 40.

² Там же. С. 40.

ляющимся через различные историко-культурные реалии»¹. Аналогична позиция Э.Г. Александренкова, который подчеркивает, что «среди ряда identities есть и ethnic identity, рассматриваемая как идентификация себя с этнической группой. Такое понимание ethnic identity мало чем отличается от понимания "этнического самосознания". Различие заключается лишь в понимании "этнo-са" и "этнической группы". Но оно представляется недостаточным для того, чтобы в русский язык вводить термин "этническая идентичность", если в нем есть почти идентичное понятие "этническое самосознание"»². И далее «чувство принадлежности к группе было сформулировано в конце концов на английском языке как ethnic identity, и вполне соответствует русскому "этническому самосознанию"»³.

Можно было бы обобщить различия между конструктивизмом и эссенциализмом. Во-первых, и конструктивисты, и эссенциалисты строят, конечно же, некую идеальную модель этничности (или этноса), однако первые берут эту модель из «должного будущего» (идеального образа «цивилизованного человечества»; кстати говоря, в феномене «должного будущего» и заключается сама суть двух сменяющих друг друга главных лозунгов «цивилизованного человечества» как нации, так и глобализации), а вторые обращаются к «должному прошлому» (т.е. к ретроспективным историческим реконструкциям, причем чаще всего фактически к родоплеменной эпохе, где действительно легче всего обнаружить «чистый этнос»). Во-вторых, конструктивисты явно тяготеют к методологической унификации, к рассмотрению «этнической группы» как представителя общего ряда всевозможных социальных групп, в то время как эссенциалисты озабочены поиском того «собственно этнического» («этнической субстанции»), которое делает этническую группу этнической; иными словами, первые делают акцент на «этнической *группе*», а вторые

¹ Заринов И. Ю. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 16.

² Александренков Э. Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 20.

³ Там же. С. 21.

– на «этнической группе». Конструктивизм делает свои выводы на основе материала современного модернизированного и урбанизированного общества¹.

Исследователи выделяют условия относительной адекватности конструктивистского (постмодернистского) образа этничности: а) активно формирующийся феномен нации как гражданства; б) превалирование национальной идентичности над этнической, а точнее – более или менее продвинутый процесс замещения этнического самосознания национальным в ходе нациогенеза (нациестроительства); в) городская среда обитания; г) индивидуальный, атомарный способ бытования и функционирования этничности; д) существование реликтов прежней традиционной этничности (порой уже в мифологических формах) – преимущественно у мигрантов, оторвавшихся от своего этноса, но еще не успевших (или по каким-либо причинам не желающих) раствориться в новом социуме – нации².

В отличие от советской теории этноса постмодернистские интерпретации этничности, «кажется, намеренно уходят от исторической парадигмы развития человеческого общества, сосредоточивая свое внимание исключительно на теперешних результатах этого развития»³. Несмотря на отсутствие в научном сообществе общепринятой дефиниции феномена этничности, существуют некоторые характеристики, свойственные для общностей, которые позволяют считать их этническими или говорить о присутствии этничности как таковой: 1. разделяемые членами группы представления об общем территориальном и историческом происхождении, единый язык, общие черты материальной и духовной культуры; 2. политически оформленные представления о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые могут считаться частью того, что составляет понятие «народ»; 3. чувство отличительности, т.е. осознание членами группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом фор-

¹ Рыбаков С. Е. Этничность и этнос // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Заринов И. Ю. (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 7.

мы солидарности и совместные действия. Иными словами, «этничность – это форма социальной организации культурных различий... Этническая общность (народ) есть общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях»¹.

При всем многообразии подходов к определению этничности в целом о ней сложилось представление как о социальном по своей сущности феномене. Н.Г. Скворцов выделил аспекты в процессе исследования и понимания этничности: «1. интеракционный, когда этничность интерпретируется как форма межгруппового взаимодействия; 2. атрибутивный, когда этничность – это качество (набор определенных качеств группы); 3. субъективно-символический, когда этничность рассматривается, прежде всего, как этническая идентичность»². «Под этничностью мы понимаем – пишет З.В. Сикевич – особое константное, хотя и различное по интенсивности, состояние групповой идентичности и солидарности, формирующееся на основе биогенетического и биосоциального единства и проявляющееся в форме сравнения "нас" с "не-нами" в ходе межгруппового взаимодействия в этническом пространстве»³.

С учетом вышесказанного можно сказать, что этническая идентичность является внутренним, субъективно-символическим аспектом этничности, выражающая в осознании и переживании личностью своей принадлежности к определенному этносу, народу. Она основывается на целом комплексе национальных символов и признаков, которые формируют единство с этносом, несмотря на существующие внутри него различия.

¹Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 60, 115.

²Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997. С. 49.

³Сикевич З. В. Этнический фактор в политических процессах современной России. СПб., 1996. С. 7.

1.3. Этническая идентичность: типы, структура, социальные функции

Актуализация типов социальной идентичности связана с социально-экономическими и политическими преобразованиями российского общества. Воплощение и реализация основных, базовых ценностей происходит в процессе отождествления человека с определенным сообществом, соответственно, через приобщение к социальным ролям, стандартам поведения, основанным на их воспроизведении или копировании.

Существующие в современной отечественной и зарубежной науке подходы в исследовании этничности и этнической идентичности подробно изложены в коллективной монографии «Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра». Исследовательская группа под руководством В.А. Ядова рассматривает социальную, в том числе и этническую, категоризацию, сквозь призму анализа стратегий построения «мы-они» идентичностей. Полное развитие анализ социальной идентичности получил в работах социальных психологов Г. Тэжфела и Дж. Тернера в контексте изучения процессов межгрупповых отношений и межгруппового сравнения. К этому же направлению можно отнести исследования Ф. Барта, который показал, что именно усилия групп по поддержанию этнических границ способствуют тому, что те культурные различия, которые воспринимаются как значимые, закрепляются в качестве критериев этнической дифференциации и широко используются в повседневной практике, в процессах общения и взаимодействия людей различной этнической принадлежности¹.

Исследователи подчеркивают, что «современные модернизационные процессы в России прослеживаются в трехуровневой модели социальной идентичности: *макроидентичность* нашего общества имеет две модификации – национально-государственную и цивилизационную; *мезоидентичность* (социально-групповая) показывает принадлежность индивидов к определенным общностям и социальным группам внутри данного общества; *микроидентичность* позволяет увидеть отдельного инди-

¹ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Ответ. ред. Л.М. Дробижева. М., 2013. С. 15.

вида в неповторимой уникальности отношений с обществом. Для эффективного развития модернизационных процессов необходимо органичное взаимодействие всех уровней идентичности»¹.

Проблема этнической идентичности является предметом междисциплинарного исследования. Большое внимание исследованию этнической идентичности уделяется в зарубежной психологии, внутри которой выделяются разнообразные школы и направления, к числу которых относятся социальная и когнитивная психология, психологическая антропология. От своих зарубежных коллег не отстают и российские исследователи, которым характерен междисциплинарный подход, заключающийся в использовании методики социальной психологии и этносоциологии для наиболее полного понимания этнофункциональных процессов идентичности, различных форм самоидентификаций. Базой для наших ученых являются методологические разработки, основанные на принципах единства сознания, деятельности и развития, а также личностный и системный подходы.

При рассмотрении этнической идентичности как представления о субъективном, личностном отношении к условиям национального бытия актуальной является именно та часть, связанная с рассмотрением процесса самоидентификации, которая зависит от степени выраженности воздействия этнических признаков на индивида.

Первой формой этнической идентичности, возникшей у людей первобытного общества можно считать «осознание родства по крови и браку», следовательно, этническая идентификация была подвержена изменениям. По мере становления и развития человеческого сообщества, на смену представлениям о горизонтальном родстве и единстве людей, приходит процесс межгруппового сравнения, осознание общности происхождения о вертикальном родстве. Последнее находит отражение в идее территориальной общности².

¹Иванова С. Ю., Аракелян Э. А. Становление гражданской идентичности в полиэтничном социуме // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов/н/Д, 2007. С. 78.

²Коновалова А. В. Формы проявления этнической идентичности в полиэтничном социуме // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов/н/Д, 2007. С. 125.

Этническая идентичность – это не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и ее оценка, значимость членства в ней, разделяемые этнические чувства (чувства достоинства, гордости, обиды, страхи), которые являются важнейшими критериями межэтнического сравнения. Эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи человека с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней, формируются в процессе общения индивида.

Этническая идентичность выступает, в первую очередь, как результат когнитивно-эмоционального процесса, осознания себя представителем этноса, знания об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков (национальный язык, религия, историческая память, национальный менталитет, национальная культура, территория и т.д.). Аффективный компонент этнической идентичности, будучи осознанием принадлежности к этнической группе, отношением и оценкой ее качеств, к членству в ней выражается в этнических стереотипах (автостереотипах). Позитивная этническая идентичность включает в себя положительные автостереотипы, соответственно и высокую самооценку, гордость за принадлежность к данной этнической общности, ее достижениями, что, однако, не исключает наличия в общественном сознании, следовательно, и в автостереотипах, негативного заряда образов собственного народа, чувства униженности, могущие привести к отрицанию собственной этнической идентичности, формированию предпочтительности относить себя к более развитым народам.

Г.У. Солдатова определяет этническую идентичность «как разделяемые в той или иной мере членами данной этнической группы общие представления, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиций, места происхождения (территории) и государственности. Общее знание связывает членов группы и служит основой ее отличия от других этнических групп»¹. Однако необ-

¹ Дробижнева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У. Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. С. 296.

ходимо учесть, что идентичность не может существовать сама по себе, как комплекс эмоционально окрашенных представлений, по причине наличия в ней не менее важного регулятивного, поведенческого компонента. Данный компонент, наиболее выражен в интересах, оказывающих глубокое влияние на жизнь и деятельность человека. В основе интересов лежат потребности, выражающиеся в познании окружающего мира, своего места в нем, потребности принадлежать к социальной (этнической) группе, занимать в ней определенное место, пользоваться привязанностью и вниманием окружающих, быть объектом их уважения и любви. Соответственно представитель этноса имеет потребность принимать и соблюдать существующие в данной этнической общности нормы и правила¹.

Как правило, этнический статус человека не подвергается изменениям, несмотря на то, как отмечают исследователи, этническая идентичность является не статическим, а динамическим образованием. Иными словами, какие-то внешние факторы могут переориентировать, независимо от возраста, личность на переосмысление места этнической принадлежности, вследствие чего может произойти трансформация этнической идентичности. Такому изменению этнического статуса наиболее подвержены те, кто состоят в межнациональном браке, и, соответственно, незрелость этнического самосознания приводит такого рода изменениям.

Формирование и последующее развитие этнической идентичности происходит в процессе социализации, когда от предыдущих поколений к последующим передаются нормы и ценности социокультурной среды, личность приобретает новые знания о существующих межэтнических отличиях и, соответственно, более четко определяет свою принадлежность к определенной этнической группе.

Важную роль в процессе осознания этнической принадлежности играет среда проживания – полиэтническая или мононациональная, ибо человек, проживающий в моноэтнической среде

¹ См.: Дробижсва Л. М. Этническое и историческое самосознание народов СССР на рубеже последнего десятилетия XX в. (в конце 60-х – нач. 90-х гг.) // Духовная культура и этническое самосознание. М., 1991.

позже осознает этническую принадлежность в отличие от человека, находящегося в многонациональном окружении.

В полиэтнической среде огромную роль играет фактор межнационального общения, дающий возможность получения информации об иных народах, об их отличительности, частотности этноконтактов, предрасположенности к межнациональной коммуникации или же ее игнорированию и ориентированности на самоизоляцию.

Теоретическая разработка и изучение эмпирического материала по этническим группам, находящимся в позитивных ситуациях межэтнического взаимодействия и в обстановке разного уровня напряженности и конфликтов, позволила этнопсихологам и этносоциологам выделить семь типов этнической идентичности: 1. *Нормальная идентичность*, при которой образ своего народа воспринимается как положительный момент, – имеет место благоприятное отношение к его культуре, истории, естественный патриотизм, не переходящий в фаворитизм, толерантные установки на общение с другими народами. 2. *Этноцентричная идентичность*, которая означает ориентацию личности только на одну, свою этническую общность, с которой она связывает свои ожидания, жизненные планы, установки, свою судьбу. В этноцентризме основным пунктом восприятия и оценки чужих обычаев, нравов и т.д. является опыт своей этнической группы. Этноцентризм обозначает предпочтение образа жизни собственной этнической группы всем остальным. 3. *Этнодоминирующая идентичность* фиксирует такое состояние самосознания и поведения человека, при котором не только этническая идентичность становится первостепенной среди других видов идентичностей (гражданин, муж, мать, представитель профессии и др.), но и достижение целей, интересов (возможно и ложно понимаемых) начинает восприниматься как безусловно доминирующая ценность. 4. *Этнический фаворитизм* – идентичность, при которой абсолютное доминирование этнических интересов и целей, часто иррационально понимаемых, сопровождается готовностью идти во имя них на любые жертвы и действия, вплоть до использования терроризма. Данный тип представляет собой крайнюю форму агрессивной идентичности. 5. *Этническая индифферентность*

когда люди практически равнодушны к проблемам этничности и межэтнических отношений, к ценностям своего и других народов. Они свободны от норм и традиций, на их жизненные поступки, на поведение в любых сферах деятельности никак не влияют ни их собственная этническая принадлежность, ни этничность других. 6. *Этнонигилизм* в форме космополитизма, когда личность, не причисляя себя ни к одному этносу, относит себя ко всему человечеству, выходя на надэтнический уровень, представления о своем «Я» как о субъекте мирового сообщества (гражданин мира). 7. *Амбивалентная*, невыраженная, а иногда «сдвоенная» или даже «строенная» идентичность. Этот тип распространен в этнически смешанной среде¹.

Известный отечественный исследователь Г.У. Солдатова в работе «Психология межэтнической напряженности» дает методическую разработку – «Типы этнической идентичности» и отмечает, что «главной задачей методической разработки "Типы этнической идентичности" является определение тенденций трансформации этнического самосознания в условиях роста межэтнической напряженности»², потому что свидетельством кризиса этнической идентичности является повышение уровня этнической интолерантности. При этом, степень этнической толерантности оценивалась на основе следующих критериев: уровня «негативизма» в отношении к собственной и другим этническим группам, уровня порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение, степени выраженности агрессивных и враждебных реакций по отношению к другим группам³.

В своей методической разработке Г.У. Солдатова дается следующую классификацию типов этнической идентичности: этнонигилизм (индикаторы – 3, 9, 15, 21, 27), этническая индифферентность (индикаторы – 5, 11, 17, 28, 30), норма (позитивная этническая идентичность – 1, 7, 13, 19, 25), этноэгоизм (индикаторы

¹ Коновалова А. В. Формы проявления этнической идентичности в полиэтничном социуме // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов/н/Д, 2007. С. 130.

² Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1997. С. 217 – 219.

³ Там же.

– 6, 12, 16, 18, 24), этноизоляционизм (индикаторы – 2, 8, 20, 22, 26), национальный фанатизм (индикаторы – 4, 10, 14, 23, 29).

«Я – такой человек, который...»

	Согласен	Скорее согласен	В чем-то согласен, в чем-то нет	Скорее не согласен	Не согласен
1. Предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам					
2. Считает, что межнациональные браки разрушают народ					
3. Часто ощущает превосходство людей другой национальности					
4. Считает, что права нации всегда выше прав человека					
5. Считает, что в повседневном общении национальность не имеет значения					
6. Предпочитает образ жизни только своего народа					
7. Обычно не скрывает своей национальности					
8. Считает, что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности					
9. Часто испытывает стыд за людей своей национальности					
10. Считает, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа					
11. Не отдает предпочтения какой-либо национальной культуре включая и свою собственную					

12. Нередко чувствует превосходство своего народа над другими					
13. Любит свой народ, но уважает язык и культуру других народов					
14. Считает строго необходимым сохранять чистоту нации					
15. Трудно уживается с людьми своей национальности					
16. Считает, что взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей					
17. Безразлично относится к своей национальной принадлежности					
18. Испытывает напряжение, когда слышит вокруг себя чужую речь					
19. Готов иметь дело с представителем любого народа, несмотря на национальные различия					
20. Считает, что его народ имеет право решать свои проблемы за счет других народов					
21. Часто чувствует неполноценность из-за своей национальной принадлежности					
22. Считает свой народ более одаренным и развитым по сравнению с другими народами					
23. Считает, что люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории					
24. Раздражается при близком общении с людьми других национальностей					
25. Всегда находит возможность мирно договориться в межнациональном споре					
26. Считает необходимым «очищение» культуры своего народа от влияния других культур					

27. Не уважает свой народ					
28. Считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу					
29. Никогда серьезно не относился к межнациональным проблемам					
30. Считает, что его народ не лучше и не хуже других народов					

Таким образом, при рассмотрении этнической идентичности мы исходим из ее понимания как общности культуры, разделения характерных для данного сообщества определенных представлений, готовности к принятию общих ценностей, идеалов, при существовании сложной системы межэтнических отношений и этноконтактов, основанных на принципах толерантности.

Уровни этничности. Феномен этничности имеет несколько уровней и упрощенно выделяют два уровня: личностный и групповой. Личностный уровень этничности – это отождествление индивида со своим этносом, реализация себя в этом этносе: этничность – идентификационная категория и на индивидуально-личностном уровне выступает в качестве особой формы «Я»-концепции¹. Этническое «Я» зависит от степени выраженности определения индивидом самого себя. Групповой уровень этничности – это есть этническая общность. Таким образом, в структуре социальной идентичности, этнический фактор занимает приоритетное место, хотя ему, в зависимости от обстоятельств, свойственен динамизм: в ситуации обострения межэтнических отношений может наблюдаться «выпячивание» национального «Я» и его «затухание» в стабильной ситуации. Преобладание этнического «Я» может явиться причиной межнационального конфликта, особенно в ситуации ущемления прав одного народа другим этносом с преобладающей численностью при существовании неравного этнического статуса и т.д.

В современных исследованиях встречаются и другие уровни этничности, например, на *микроуровне*, в экзистенциальном ра-

¹ См.: Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 176 – 206.

курсе, этничность соотносится с отдельным человеком. Ее можно обозначить как микроэтничность – устойчивое, порой не рефлексированное, подсознательное межпоколенное тяготение индивидуума к своим сородичам, а также изменчивое, то возрастающее, то ослабевающее сознательное единение с теми этнофорами, которые способны наиболее ярко и образно выражать присущие им этнические свойства и характеристики. На *макроуровне*, в планетарном ракурсе, этничность соотносится с группой, которая способна включать от нескольких десятков или сотен до миллионов человек. Макроэтничность – это то коллективное бессознательное, которое проявляется в этноязыке и конфессиональности, исторической памяти и государственности. Макроэтничность присуща этникосам, сохраняющим родной язык, народно-бытовую культуру и обрядовую жизнь, обладающим коллективным этническим самосознанием, закрепленным в этнониме. На *мегауровне*, во вселенском ракурсе, этничность соотносится с человечеством в целом¹.

Обществоведы придерживаются позиции, что этничность является проявлением общечеловеческого процесса индивидуальной адаптации личности, для которой знание своих исторических корней является жизненно необходимым фактором. Осознание принадлежности к культуре своего народа является более сложным, чем понимание причастности к своей нации, ибо этничность является сущностью «индивидуальности». В этой связи можно согласиться с Т. Эриксоном, который рассматривает этничность как аспект социального взаимодействия между людьми, считающими себя культурно отличными от других групп, с которыми у них поддерживается минимум регулярных контактов. Это социальная идентичность, характеризующаяся метафорой родства или фиктивным родством.

Анализируя феномен идентичности, необходимо выделить механизмы социальной самоидентификации, которые основаны на выделении своей «группы» и своей «культуры» как существенно значимого и отличительного референта в социальном

¹ См.: Савельев В. В. Этничность как геном культуры // Ориентиры культурной политики. Информационный выпуск. Выпуск 8. М., 2001. С. 23 – 33.

пространстве: «выделяя понятие "социального Я" в структуре личности в отличие от "физического Я" и "духовного Я"...», что "социальное Я", то есть представление индивида о себе как о социальном существе, формируется в процессе его общения с другими людьми на основе того признания, которое индивид получает от других»¹.

Огромное значение для понимания природы коллективных форм самосознания, в том числе национального, имеет мысль Б.Ф. Поршнева о том, что «осознание коллективом своего "мы" возникает позже, чем осознание существования других "они". Материал не только из истории разных эпох иллюстрирует, что может подчас быть очень слабо выражено, вовсе отсутствовать сознание "мы" при ясно выраженном "они". "Они" – не "мы", и, наоборот, "мы" – это не "они". Только ощущение, что есть "они" порождает желание самоопределиться по отношению к "ним", обособиться от "них" в качестве "мы"»². «Мы» стало универсальной психологической формой самосознания всякой общности людей, противостоящей чуждому окружению. Любой народ существует, развивается в конкретно-исторической среде, в окружении других этносов, поддерживая с ними многообразные, сложные связи и отношения. В зависимости от характера этих взаимоотношений и формируется контрарность «мы – они», лежащая в основе формирования этнической идентичности. При этом своя культура, общественно-бытовой уклад служат своеобразным идеальным эталоном, в сравнении с которыми могут сосуществовать образы своего и соседних этносов. Иными словами, важнейшим элементом этничности является установка «мы – они» в общественном сознании, базирующаяся на представлении о границах между этносами.

По мнению З.В. Сикевич, «этничность никогда полностью не исчезает и при определенных обстоятельствах может быть востребована на любой стадии исторического развития общества. Не вызывает сомнения, что этничность – это групповая характеристика, которая обнаруживается в сравнении "нас" с "не-

¹ Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Современная социальная психология на Западе. М., 1978. С. 209.

² Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С. 80 – 81.

нами". При этом границы группового членства этничности первоначально проходят по антропологическим признакам самоидентификации людей, имеющих общие родовые корни, которые уходят в историческую почву биогенетического и биосоциального единства. Особые генотипические и фенотипические черты, но особенно историческая родина, которая характеризуется экологией местности – все это отличает "нас" от "не-нас" в этническом отношении»¹.

Первым условием существования этничности является наличие дихотомического отношения «мы – они» считает Н.Г. Скворцов, если такого отношения не существует – нет и этничности², т.е. «родовым понятием для этничности является оппозиция "свои – чужие"»³, следовательно, для полноценного функционирования этничности необходимы коммуникация и сравнение с иными этническими образованиями, благодаря которым проявляют себя «непохожесть», «особость». Несмотря на процессы трансформации данная дихотомия «мы – они» остается неизменной. Таким образом, этническая идентичность, как и любая из форм социальной идентичности, предполагает существование оппозиции «мы – они», определенный набор представлений о социокультурных особенностях между «своей» и «чужими» группами.

Важным методологическим принципом при исследовании проблем этнической идентичности является рассмотрение этого феномена сквозь призму «культурных границ» и «культурной дистанции». В западной антропологии тема этнических границ и культурных различий была поставлена и наиболее полно теоретически разработана Ф. Бартом. Культурное единство этнической группы, по мнению Ф. Барта, следует рассматривать не как первичную и дефиниционную характеристику этнической группы, а как результат и даже смысл ее существования⁴. Культурной тео-

¹ Сикевич З. В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2. С. 69 – 79.

² Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997. С. 61.

³ Рыбаков С. Е. Этничность и этнос // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 12.

⁴ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2013. С. 19.

рии этнической идентичности придерживается Дж. де Вос, для которого характерно акцентирование внимания на субъективных характеристиках этничности, иными словами, на осознаваемой и актуальной этнической идентичности¹.

Исследователи выделяют выполняемые этничностью на групповом и индивидуально-личностном уровнях функции: «Во-первых, для каждого из членов одной общности этничность, опосредуя институциональные нормы, выступает регулятором социального поведения. Ведь любой человек, обремененный многочисленными статусами, одновременно выполняет целый набор социальных ролей, входит во множество слабо связанных между собою групп, причем каждая роль и каждая группа предъявляют к нему собственные требования, которые зачастую не согласуются, а, напротив, противоречат друг другу. Этничность же регулирует межличностное и межгрупповое общение на основе традиций, обычаев, общепризнанных устойчивых ценностей. В этом состоит *регулятивная функция* этничности. Во-вторых, формируя единую символическую среду, этничность выступает в качестве своеобразного информационного фильтра. В современном обществе человек оказывается невольно втянут в постоянный и хаотический поток разнообразной и нередко внутренне противоречивой информации. Этничность в известном смысле не только упорядочивает и систематизирует ее, но и "просеивает" с точки зрения общепринятых культурных ценностей и идеалов. В этом ее *информационная функция*. В-третьих, этничность способствует удовлетворению органично присущей человеку потребности в определенной психологической устойчивости и определенности. Актуализация этничности является защитной реакцией психики на унифицированность или нестабильность окружающей социальной среды. Смена социальных и, в частности, политических детерминант разрушает ценностный мир человека, неизменность же этнического, традиционного в противовес социальной инновации противодействует развитию социально-психологической фрустрации и аномии. Этничность консервативна и в кризисной, конфликтной ситуации человек стремится укрыться в

¹ Гражданская, этническая... С. 25.

ней как в материнском лоне. В этом состоит *психологическая* или *защитная* функция этничности»¹.

В стадии мобилизации этническая идентичность может мотивировать ту или иную направленность сознания и поведения как на групповом, так и на индивидуально-личностном уровне. В обстановке роста этнической идентичности политические, экономические, культурные и иные ценности рассматриваются этносом через призму соответствия или несоответствия этническим интересам, в то же время сама этническая идентичность выступает как критерий оценки социальных, в том числе и политических, трансформаций, как маркер национального достоинства.

Сущность этнической идентичности проявляется через взгляды и представления людей о национальном происхождении, принадлежности к родной земле, отношением к историческому прошлому, как, впрочем, и к настоящему, к родному языку, к духовно-нравственным ценностям и символам идентификации. Процесс идентификации рассматривается через социальный контакт и взаимодействие. Если бы не существовало контрастности «мы – они», основанной на противопоставлении, то необходимости в изучении идентичности не возникла бы. В нашем случае этническая идентичность формируется благодаря межэтническим контактам и взаимодействию. Только в случае определения культурных различий, как значимых и осознания этой значимости, межгрупповые связи приобретают этническую окрашенность. Часто окрашенность этнических различий способствует формированию интолерантных установок в сознании и поведении, а острота их зависит от социально-экономического, политического статуса этнических общностей, от состояния их этнического самочувствия. Определенную роль в данном процессе играет историческая память и историческое самосознание, способствующие росту национального самосознания, поиску места среди других, и как отличающее «нас» от «них», с нашим своеобразным историческим прошлым, которым мы гордимся с одной стороны и, с другой, способствуют дальнейшему саморазвитию народа, потому что «представление об историческом прошлом является од-

¹ Сикевич З. В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2. С. 72 – 73.

ним из компонентов национального самосознания»¹. При этом необходимо выделить внутренние и внешние границы этнической общности, проявляющие себя через ряд индикаторов. Если первые проявляются через межэтнические контакты, то вторые, через ценностно-символическую систему. Таким образом, этническая идентичность есть духовное образование, включающее в себя самоидентификацию, точнее не только как отнесение себя тем или другим лицом к этнической группе, но и представления о территории проживания и происхождении, о языке и культуре, историческую память, этнические стереотипы (автостереотипы и гетеростереотипы).

Проведенный анализ показывает существование в современной отечественной и западной научной литературе следующих основных концепций и методологических подходов исследования этничности и этнической идентичности: примордиалистский, инструменталистский и конструктивистский, хотя их разделение в определенной степени является условным, ибо эти концепции пересекаются между собой и взаимозависимы. Однако они имеют и принципиальные различия. Сторонники примордиализма рассматривают этничность как изначальную характеристику, присущую индивиду, как члену реально существующей этнической группы, и ее основой является кровное родство, общее происхождение и исконная территория проживания. Конструктивизм рассматривает этничность как ситуативный, нередко «навязанный» феномен и при ее объяснении исходит из позиции, что этничность коренится не «в сердцах», а «в головах» индивидов, которые являются членами этнических групп – «воображаемых сообществ» или «социальных конструкций». Инструментализм синтезирует положения примордиализма и конструктивизма и предлагает объяснение этничности как средства достижения групповых интересов, как идеологию, создаваемую элитой для мобилизации национальных общностей с целью защиты своих этнических интересов. Причем этничность выполняет функции политического инструмента, с помощью которого можно добиться права на привилегированное положение на определенной тер-

¹ Дробижева Л. М. Историческое самосознание как часть национального самосознания // Традиции в современном обществе. М., 1981. С. 319.

ритории, получение определенных льгот, в частности, различных квот в кадровой сфере.

Если для отечественных исследователей интерес представлял понятие «этническое самосознание», то в зарубежной науке больше внимания уделялось дефинициям «этничность» и «этническая идентичность». Однако в перестроенный период наблюдается усиление внимания к данным категориям и этническое самосознание, а позже и этническая идентичность становятся центральными объектами изучения. Российские исследователи заимствуют из западной науки дефиниции «этническая идентичность» и «этничность», с целью пояснения природы социальных и этнических конфликтов, межкультурных взаимодействий, политической активизации этнических меньшинств в индустриально развитых странах, социальных и политических изменений в постколониальном мире. Отечественные исследователи рассматривают этническую идентичность как когнитивно-мотивационное ядро этнического самосознания и считают, первое уже, чем второе. Однако при этом уточняется, что этническая идентичность шире, так как содержит в себе также слой бессознательного. Следовательно, этническая идентичность должна изучаться, во-первых, как концентрированная форма и главная характеристика этнического самосознания и, во-вторых, как его «изнанка» – этническое бессознательное.

ГЛАВА II. РАССЕЛЕНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

1. Расселение русских в Дагестане: история и современность

На протяжении более двух десятилетий «русский вопрос» являлся, впрочем, и сейчас является одной из злободневных на постсоветском пространстве и не теряет своей актуальности по целому ряду объективных и субъективных факторов. Особенно остро данная проблема дает о себе знать на национальных окраинах, в частности, в полиэтнических республиках северокавказского региона.

Проблематика социально-экономического, этнического положения и самочувствия русского и русскоязычного населения исследуется как научным сообществом, также ей уделяется внимание на республиканском уровне.

С целью глубокого и полноценного анализа современного положения русского населения в Дагестане представляется необходимым рассмотреть исторический аспект, в частности, появление русских на территории современного Дагестана, специфики их расселения и хозяйственной деятельности. Так расселение русских и украинцев на территориях, входящих на сегодняшний день в состав Республики Дагестан началось достаточно давно и происходило поэтапно на различных исторических отрезках развития страны.

Как в историческом прошлом, так и на сегодняшний день «русскими» называются территории, которые в настоящее время входят в состав Кизлярского и Тарумовского районов, образуя, так называемую «Кизлярщину». Данное название образовалось от основанного в 1735 г. г. Кизляр, который являлся его центром, более того, был по сути «Русскою столицей и русской крепостью на Кавказе»¹, но назвать его полностью русским городом не представляется возможным, ибо он был полиэтническим образо-

¹ Гриценко Н. П. Город Кизляр и производительные силы Северо-Восточного Кавказа // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный, 1982. С. 288.

ванием с преобладающим русским населением. Заметную роль в освоении данных земель сыграло терское казачество, явившееся первым элементом колонизации и освоения низовьев Терека. Как известно, процесс формирования вольного казачества на территории современного российского государства был обусловлен определенными экономическими и социальными причинами развития в XVI – нач. XVII вв. Процесс дальнейшего закрепощения крестьян привел к тому, что усилился приток беглых русских людей на Терек со второй половины XVI в., после ликвидации войсками Ивана Грозного Казанского и Астраханского ханств и выхода России к границам Кавказа¹.

О процессе активного формирования нижнетерского казачества свидетельствуют письменные источники второй половины XVI в. и с этого периода начинается непрерывный рост общин казаков, пополнение их многочисленными потоками беглых из различных уголков Русского государства.

Терское казачество представляло собой сложное социальное и этническое образование, в формировании которого приняли участие казачьи группы других регионов (донцы, волжцы), крестьяне, представители кавказских народов и др., на что указывает в своем исследовании В.А. Потто: «В разметах низового течения Терека терялась черта, разграничивавшая шамхальские и кабардинские владения, и сюда-то в непролазную глушь приречных камышей, недостижимых ни для какой московской погони, стекались удальцы со всего Поволжья... Сюда же, в глухое приволье Тюменского владения, как в безопасное убежище, бежали разные кабардинцы, чеченцы, кумыки, Большие и Малые ногаи, даже грузины, армяне и закубанские черкесы, – все, кому тесно было жить на родине...»², при этом вопрос этнической или религиозной принадлежности не имел вообще какого-либо значения.

Первые письменные сведения о казачьей вольнице на Терек зафиксированы в царской грамоте 1581 г., в которой сообща-

¹ *Ибрагимов М.-Р. А.* Основные этапы формирования русского населения в Дагестане // Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала, 1990. С. 65 – 68.

² См.: *Потто В. А.* Два века терского казачества. Владикавказ, 1917.

ется, что вольные «... казаки... живут на Тереке, на море...»¹, т.е. как в устье Терека, так и по его течению. Следует заметить, что в исторических источниках не прослеживается деление на нижне-терских и гребенских казаков. Царские воеводы в своих донесениях в XVI – XVII вв. часто путали их, называя общим именем «терские казаки».

К этому времени Русское государство, утвердилось в русле Волги, стало завязывать политические и экономические отношения с феодальными владетелями Северного Кавказа и Дагестана, которые складывались не всегда мирно, но их частотность заметно росла. Основанный русскими в устье Терека Терский городок (Терки), важный центр политических и экономических связей России с народами Северо-Восточного Кавказа, в котором были сосредоточено не только военно-служилое население, но и длительное время проживали русские купцы, работники, обслуживавшие прибывшие с моря бусы и стружки, а также рыбные промыслы. Здесь была сосредоточена вся русская военная сила на Кавказе².

Опричнина и «Великий голод» начала XVII в., и последовавшие вслед за этим события «Смутного времени» привели к новой волне притока русского населения в низовья Терека, который усилился в период крестьянской войны под предводительством Степана Разина.

В первой четверти XVIII в. граница Российской империи переносится на Терек, создается Терская укрепленная линия, строится и город Кизляр – «русская столица» на Кавказе, появляются станицы Терского семейного войска. В 30 – 50-е гг. XVIII в. казачество низовьев Терека продолжало пополняться беглыми людьми из России, казачьи городки разрослись и стали именоваться станицами. Несмотря на продолжавшийся в течение всего XVIII в. приток в низовья Терека всякого рода беглых, увеличение численности казачьего населения происходило весьма мед-

¹ Цит. по: Козлов С. А. Пополнение вольных казачьих сообществ на Северном Кавказе в XVI – XVII вв. // Советская этнография. 1990. № 5. С. 45.

² Иноземцева Е. И., Лысенко Ю. М. Дагестанские русские: история и современность // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской конференции. Москва – Ставрополь, 2001. Ч. 1. С. 217.

ленно. Одной из причин являлись тяжелые условия жизни и высокая смертность населения края¹.

Жили казаки «разбросанными юртами» в терском устье. Те, кто обзавелся семьями, обосновались в станицах по берегам Терека. Семейные казаки, как более надежные и лояльные к царским властям Терского города, чаще привлекались последними к проведению военных акций, получая за это жалование. Со временем зависимость и вольных нижнетерских казаков от царских воевод установилась сама собой, сначала спорадически, а затем и регулярно привлекаемых к государственной службе.

С упразднением крепости Святого Креста (1735 г.) и переселением в новую крепость Кизляр, часть казачества, состоявшая из непосредственно низовых терчан и горцев Северо-Восточного Кавказа, была поселена отдельной слободой на окраине Кизляра и получила название Терско-Кизлярского войска. Терско-кизлярские казаки были лучшими разведчиками и переводчиками, сопровождавшими различные посольства из Москвы, из государств Ближнего Востока. Их не привлекали к сторожевой и охранной службе, передав эти функции терско-семейным казакам.

На сегодняшний момент в рамках границ современного Дагестана казачьими станицами остаются Александрийская, Александра Невская, а также сам Кизляр, как центр казачества². Старожильческое население низовьев Терека формировалось не только из казаков, положивших начало формирования его ядра. С 1735 г. Кизляр быстро заселялся переселенцами из русских и украинских губерний, казаками и отставными солдатами, а также грузинами, армянами, ногайцами, татарами, горцами северокавказского региона. Ускорению этого процесса способствовало льготная политика царского правительства. В первой четверти XIX в. в Кизляре проживало 15 тыс. чел., не считая военных и

¹ *Иноземцева Е. И.* Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала, 2001. С. 27.

² *Лысенко Ю. М., Лысенко Л. Ф.* К вопросу о заселении низовьев Терека // Научное обозрение. Сб.ст. Ассоциации молодых ученых Дагестана. Махачкала, 2006. Вып. 35. С. 25.

пришлых и он являлся, после Тифлиса, самым крупным городом на Кавказе¹.

Рыбаки и работники рыбных промыслов побережья Каспийского моря сыграли определенную роль в увеличении числа русского населения в низовьях Терека.

Заселение побережья Каспийского моря относится к XVIII в., так в 1782 г. правительство Екатерины II опубликовало Указ, который разрешал заселение земель между Кумой и Терекком, двумя путями, во-первых, переселением на эти территории государственных крестьян, во-вторых, раздачей земель помещикам, хотя до выхода данного указа многие государственные и помещичьи крестьяне самовольно бежали в эти земли. Некоторые из них оседали на северных рукавах Терека к северо-востоку от Кизляра. Именно эти «разного состояния» беглые люди основали не позднее 1775 г. на небольшой речушке Бекетей вольное селение Тягаловку, (впоследствии Раздолье)².

В 1776 г. в устье реки Бороздинская Прорва, на берегу Кизлярского залива было основано с. Черный Рынок (в настоящее время с. Кочубей), который до второй половины XIX в. являлся центром рыбных промыслов в низовьях Терека. Примерно в 1776 г. астраханский купец Григорий Чурек на острове Березяк основал постоянный рыболовецкий промысел, положивший начало селению Старый Бирюзьяк³. В 1800 г. близ устья р. Таловки возникло с. Брянское, благодаря существованию около него Брянской пристани, получившее важное экономическое значение и, к которой был проложен, соединявший Кизляр с морем почтовый тракт⁴.

¹ *Гарунова Н. Н.* Кизляр в XVIII – первой половине XIX века: проблемы политического, социально-экономического и культурного развития. Автореф. дисс... к.и.н. Махачкала, 1999. С. 15.

² См.: *Редькин Ф.* Историческое описание Черноморского хозяйства и рыбных ловель, состоящих в Кизлярском округе при берегах Каспийского моря. 1825. Астраханская областная библиотека. С. 9 – 16; *Васильев Д. С.* Очерки истории низовьев Терека. Досоветский период. Махачкала, 1986. С. 126.

³ *Васильев Д. С.* Очерки истории низовьев Терека. Досоветский период. Махачкала, 1986. С. 127.

⁴ Там же. С. 34.

Последствием понижения уровня Каспийского моря и надвигания дельты Терека явилось увеличение расстояния от берега моря в пределах от 5 до 12 км., из-за чего пришлось закрыть Брянскую пристань.

Позднее в 1880 г., у устья Старого Терека, близ существовавших здесь издавна рыбных промыслов было основано с. Крайновка, получившее свое название в честь рыбопромышленника Андрея Крайнова и в настоящее время она является наиболее крупным хозяйственным центром Приморья. В 1783 г. князю А.А. Вяземскому за службу было пожаловано более 100000 десятин земли, на которых возникли эти села, в последующем, в 1791 г. князь продал эти земли своему управляющему генералу Н.А. Бекетову¹.

До революции крупные рыбные промыслы на Каспийском море находились в руках рыбопромышленников, державших в аренде промыслы на Бороздинской Прорве, Таловке, Уч-Косе и на острове Чечень. По Старому Тереку и Кордонке были разбросаны войсковые казачьи промыслы. В начале XX в. было более десятка рыболовецких поселков: Тушиловка, Бирюзьяк, Брянск, Новый Чечень, Суюткино, Бахтемир, Новый Терек, Крайновка, Старый Терек, Лопуховка и др.

В конце XVIII в., коллежский советник Андрей Тарумов получил 14667 десятин земли «под поселение крестьян». В 1786 г. он первую партию крестьян поселил близ почтового тракта и этот год следует считать годом основания с. Тарумовка (ныне центр Тарумовского района). Возникали села и на землях розданных капитану армянского военного эскадрона Захарию Арешеву, офицеру Серебрякову, купцу Аглинцеву, старшине кизлярских тезиков Атаю Ходжаеву. Села основанные на их наделах, часто носили их имена: Большая и Малая Арешевки, Серебряковка, Черняевка, Оттай-Батхана и другие. Основная масса проживавших в них были русскими, большая часть из них были крепостными крестьянами, переселяемыми из внутренних губерний Российской империи.

¹ *Виноградов В. Б.* «Уголок России – отчий дом...». Очерки об истории Тарумовских степей и Кизлярщины. Армавир – Кизляр, 1996. С. 28.

В 60-е гг. XIX в. начинается новый этап переселения русских в регион, так как в ходе развития российского капитализма вширь на Северном Кавказе начинают развиваться капиталистические отношения. Новые социально-экономические отношения постепенно проникали во все сферы хозяйственной и торговой жизни населения Терской и Дагестанской областей (сельское хозяйство, промышленность, транспорт, торговлю), что потребовало много рабочих рук. Однако не менее важным катализатором миграций русского населения на Северо-Восточный Кавказ являлась политика Российского государства по экономическому освоению этого региона и отмена крепостного права 1861 г. Эти и другие причины вызвали активизацию миграционных процессов, в частности приток новых переселенцев на Терек, в восточные районы Терской и северные районы Дагестанской областей. Наиболее интенсивным был приток переселенцев в 80 – 90-е гг. XIX в. К примеру, в 1867 г. их было 1420 чел., в 1876 г. – 1837 чел., в 1885 г. – 2591 чел., в 1892 г. – уже 3082 чел.¹.

Если вернуться к вопросу раздачи земель, то только в Хасавюртовском округе в 70-х гг. XIX в. из казенных земель 100 дес. было пожаловано секретарю Хасавюртовского окружного полицейского управления штабс-капитану Тимошенко, подполковнику Григоревичу – 234 дес., капитану Юзбашеву – 254 дес. Число лиц, которым были пожалованы земельные участки, в этом округе к 1895 г. достигло 358 чел.².

В одной из своих заметок о Дагестане И. Костемеровский отмечал: «Дагестан, бесспорно, русская область, и уже не «украина». А между тем, в ней почему-то нет еще ни одного русского самостоятельного поселения. В видах политико-экономического и стратегического, здесь необходимо устроить ряд самостоятельных русских поселений»³.

¹ Цит. по: *Нахшунов И. Р.* Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956. С.70.

² *Суздальцева И. А.* Русское переселенческое движение на Северо-Восточный Кавказ в конце XIX- начала XX веков: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Махачкала, 1997. С. 12.

³ Цит. по: *Егорова В. П.* И.С. Костемеровский (1813 – 1891) – представитель русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 2000. С. 47.

Планомерное переселение русских крестьян в Дагестан началось с принятия 13 июля 1889 г. закона о переселении выходцев из центральных областей России на казенные земли, хотя свое окончательное утверждение он получил лишь 15 апреля 1899 г.¹ Законом не было точно определено поземельное устройство переселенцев. Количество земли, выделяемой переселенческому хозяйству, разрешалось установить местным чиновникам в зависимости от имевшегося земельного фонда. Сложной была и процедура оформления пособий для переселенцев. Трудности устройства русских переселенцев в Дагестане были связаны также и с отсутствием в области достаточного количества свободных земель.

Начало нового политического курса правительства в переселенческом вопросе ознаменовал собой, принятый 6 июня 1904 г. закон о добровольном «переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев на казенные земли». После восстановления наместничества на Кавказе в 1905 г. царская администрация предприняла еще одну попытку планомерного заселения Кавказа русским населением.

По материалам первой переписи населения Российской империи к 1897 г. в Дагестане насчитывалось уже 16 тыс. русских, что составляло 2,8 % населения области, а к 1913 г. их количество в крае выросло до 41,7 тыс. чел. или 5,9 % от общего количества населения, не включая нынешние северные территории республики¹. В 1915 г. в одном только Хасавюртовском округе проживало более 23 тыс. русских крестьян-переселенцев².

Однако переселенческая политика царского правительства проводилась без учета факта малоземелья и безземелья местного крестьянства. Власти были вынуждены признать, что русским переселенцам в Дагестане выделялись зачастую безводные, заболоченные, нездоровые участки земли. Не хватало поливной и даже питьевой воды, материалов для возведения жилищ и хозяйственных построек, кормов для скота и др.

Все это приводило к осложнению положения не только переселенцев, но и местных крестьян, ухудшая, с одной стороны,

¹ Русское население Дагестана: социально-экономические, политические и этнические проблемы. Махачкала, 1996. С. 5.

² История Дагестана. М., 1968. Т. 2. С. 267.

взаимоотношения между ними, с другой стороны, и без того тяжелое материальное положение русских крестьян и местных жителей, лишившихся части своих земельных угодий, отводившихся царскими властями переселенцам, в частности, такая ситуация сложилась в Хасавюртовском округе. В этой связи, областное правление Терской области в 1907 г. специально рассматривало вопрос о земельном устройстве, поселившихся в селениях Карланюрт, Муцалаул и Баматбекюрт Хасавюртовского округа, русских переселенцев.

В тяжелом положении оказались также русские переселенцы, поселившиеся в Кюринском округе, жители с. Кандаураула и Ботаюрта, переселенцы с. Ново-Владимировка. Причиной обострения отношений между ними послужило то, что местная администрация не установила межевых границ земельных наделов названных сел. Подобного рода жалоба поступила и от русских переселенцев хутора Вязовского Хасавюртовского округа. Жители хутора жаловались на проведение жителями с. Акболатюрт оросительной канавы через их земли, чем наносили определенный ущерб их хозяйству¹. От жителей переселенческого поселка «Озень» близ Шамхал-Термен, наоборот, вода была отведена. Отсутствие медицинской помощи приводило к многочисленным смертям от малярии и других эпидемических заболеваний среди переселенцев, селившихся зачастую в неблагоприятных для проживания местах.

В Хасавюртовском округе эпидемий малярии не было, что, видимо, и послужило одной из причин оседания здесь большей части переселенцев. Так, в 1889 г. 60 семей из России (380 чел.) купили у землевладельца Клычева участок земли, на котором образовали поселок Ново-Георгиевск. В 1889 г. товариществу из 19 безземельных крестьян слобод Зыбиной и Трефиловки и деревни Хотежской Грайворонского уезда Курской губернии был отдан в аренду без торгов Акташевско-Лагерный казенный участок Хасавюртовского округа площадью 506,15 дес. Образовавшийся на этом участке поселок получил название «Николаевское». В 1894

¹Ковалевская Е. А. Хозяйственная деятельность русского населения в Дагестане во второй половине XIX – нач. XX в. Дисс...к.и.н. Махачкала, 2004. С. 45.

г. 7 семей русских переселенцев арендовали участок земли у купца 2-й гильдии П.И. Ярморкина сроком на 6 лет и организовали поселок в 8 верстах от Хасавюрта на берегу реки Ямансу в районе с. Боташюрт. А уже через 3 года, в 1897 г., они купили участок в полную собственность и создали хутор Ярморкина¹.

Еще в начале 90-х гг. XIX в. переселенцы, преимущественно из Киевской, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской и других российских губерний, начали селиться на территории бывшего Темир-Хан-Шурина округа, на землях, арендованных у казны, князей Темирова и Казаналипова, у землевладельцев Казиева, Шушанова и др. Таким образом, были основаны хутора Темировка, Нечаевка, Шушановка, Еремеевка, Казиева, Осадченко, Шамуданова. На казенных землях, выделенных на основании закона 1899 г., к началу 1912 г. были созданы в старых границах Дагестанской области следующие переселенческие села: Новоалексеевское, Новоалександровское, Преображенское, Царедарское, Новониколаевское. В тот период в них проживали 488 семей русских и украинских переселенцев общей численностью в 3011 чел. Во много раз увеличилось число переселенцев на Кумыкской плоскости, где несколько раньше были основаны переселенцами населенные пункты: Владимировка, Евгеньевка, Романовка, Петраковский, Могилевский, Измайловский, Прянишникова, Баташева номера I и II, Капланова и др.² На участке земли, приобретенной у князя Хамзаева, русскими переселенцами был образован поселок Покровский, который сохранился до настоящего времени под тем же названием. По сельскохозяйственной переписи 1916 г. в нем проживало около 400 переселенцев³.

Поселок Ново-Владимирский был основан в 1901 г. на переселенческом участке Баматюрт, жители которого были расселены по другим аулам Хасавюртовского и Грозненского округов за противодействие властям. В поселке поселились 580 русских

¹ Мансуров М. Х. Засулакская Кумыкия. Махачкала, 1994. С. 35.

² Нахшунов И. Р. Указ. работа. С. 69.

³ Бексултанов Б. А. Роль русскоязычного населения в развитии капиталистических отношений в северо-восточном Дагестане (2-я пол. XIX – нач. XX в.). Дисс... к.и.н. Махачкала, 2001. С. 37.

крестьян, ранее проживавших в разных селениях Хасавюртовского округа. До этого Баматюртовский казенный участок сдавался в аренду 96 семействам русских переселенцев¹.

Переселенцы поселились на казенных участках Ямансуский, Ладыженский, Аксаевский, Бавтугаевский, Аркабашевский и др. Например, Ямансуский казенный участок площадью в 1468 дес. был арендован с 1 января 1898 г. двумя товариществами сроком на 12 лет².

Вначале переселенческие поселки в Хасавюртовском округе образовались на берегах рек Терек, Аксай, Акташ, Кардоновка, а позднее в других местностях округа и в 1902 – 1903 гг. в 96 селениях проживало 1738 семей переселенцев численностью 10370 чел., что составляло 14,3 % от всего населения округа³.

Наряду с поселками в Хасавюртовском округе образовалось множество переселенческих хуторов, состоявших из нескольких семей. Так, крестьяне из Могилевской, Тамбовской, Херсонской и других губерний основали здесь хутора Дубовка, Измайлово, Новопетраковский, Прянишникова, Бессарабский, Ладыженский, Екатеринославский, Яковчук и др.⁴. На хуторе Татьянаовка проживало 28 семей, состоявших из 191 чел., на хуторе Яковчук – 4 семьи из 30 чел., на хуторе Новопетраковский – 117 чел., на хуторе Прянишникова – 115, на хуторе Бессарабский – 61 чел. и т.д.⁵.

Ввиду того, что большинство крестьян-переселенцев, также как и местные жители, не имело экономических возможностей покупать земли, они чаще всего прибегали к ее аренде, потому что она обходилась дешевле. Причем переселенцы старались брать в аренду большие земельные участки. Крестьянин Василий Веретельник в 1901 г. арендовал у князя Уцмиева участок в 400 дес., крестьянин Архип Месяцев арендовал у Ф. Гомолицкого 480 дес., мещанин Михаил Будков арендовал 412 дес. земли, принад-

¹ ЦГА РД. Ф.147. Оп. 1. Д. 5. Л. 2 – 3.

² Мансуров М. Х. Русские переселенцы в Дагестане (2-я половина XIX – начало XX в.). Махачкала, 1994. С. 29.

³ Суздальцева И. А. Русские переселенцы в Дагестане в конце XIX – начале XX в.: численность, состав, деятельность. Махачкала, 2006. С. 76.

⁴ Ковалевская Е. А. Указ. работа. С. 48.

⁵ Мансуров М. Х. Засулакская Кумыкия. Махачкала, 1994. С. 36.

лежавшей Нарышкиным. Казак Козьма Буглак арендовал 300 дес. земли у владельца Измайлова, крестьянин Моисей Тенета у Александра Сохачевского – 814 дес., Кондрат Николенко у Абдулатипа Сеитова – 346 дес.¹.

В Кизлярском округе в изучаемый период образовалось множество переселенческих хозяйств. К ним относятся Серебряковка, Большая и Малая Арешевка, Новосеребряковка, Александровская, Новоталовка и др. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в восточной части Кизлярского округа русские составляли 35,1 % населения или 24,1 тыс. чел. Значительная часть переселенцев (1740 чел.) осела в самом Кизляре.

Определенная часть переселенцев оседала в городах и слободах Дагестана – одни в качестве хозяев различных промышленных предприятий, другие – в качестве наемных рабочих. Среди архивных документов встречаются многочисленные прошения крестьян и мещан различных губерний России с просьбой причислить их к городам Дагестана. Многим из них было разрешено поселиться в Петровске, Дербенте, Кизляре, Хасавюрте, Темир-Хан-Шуре. Капиталисты набирали рабочую силу, прежде всего из центральных губерний, поскольку эти рабочие обладали уже некоторой квалификацией. Рабочие на рыбные промыслы, как правило, набирались из Саратовской, Астраханской и отчасти Самарской губерний; бондари из Рязани и Волжского региона; текстильщики из подмосковного фабричного района и Иваново-Вознесенска. Уже к началу XX в. русские составляли около половины городского населения Дагестана.

Здесь стоит подчеркнуть, что Хасавюртовский и Кизлярский округа входили в состав Терской области, поэтому данные по этим административным образованиям в таблице № 1 не приведены.

Проведение Владикавказской железной дороги вначале до г. Петровска (1893 г.), а затем и до Баку через всю Прикаспийскую низменность (1899 г.) также повлияло на приток русских переселенцев. Они селились на многочисленных станциях и разъездах: Хасавюрт, Темиргое, Шамхал, Петровск-Кавказский, Тарки, Манас, Каякент, Мамедкала, Дербент, Белиджи. В 1903 г. насчиты-

¹ ЦГА РД. Ф. 219. Оп. 1. Д. 5. Л. 5 – 6; Ф. 111. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.

валось 13667 рабочих и служащих дагестанского отрезка Владикавказской железной дороги вместе с членами их семей, а в 1917 г. их стало около 16 тыс. чел.¹.

Таблица 1

**Сведения о численности и географии расселения
из данных Всеобщей переписи 1897 г.**

Название округа	Численность русского населения (чел.)	
	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>
Темир-Хан-Шуринский	1197	487
г. Темир-Хан-Шура	1407	492
г. Петровск	2694	1124
Аварский	85	15
Андийский	13	1
с. Ботлих	5	4
Гунибский	97	4
с. Гуниб	311	21
Даргинский	45	10
с. Леваша	3	2
Казикумухский	3	5
с. Кумух	10	8
Кайтаго-Табасаранский	1100	219
г. Дербент	728	130
Кюринский	95	35
Касумкент	6	7
Самурский	94	7

Таким образом, к 1917 г. на территориях, входящих на сегодняшний день в состав Дагестана, образовалось множество разного типа населенных пунктов, в которых проживали русские переселенцы. Конечно, основными районами их расселения были

¹ *Ибрагимов М.-Р. А.* Основные этапы формирования русского населения в Дагестане // Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала, 1990. С. 67; *Мелешко А. Г.* Расслоение крестьянства в дагестанском ауле накануне Октября // УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1958. Т. IV. С. 36; *Очерки истории Дагестана.* Махачкала, 1957. Т. 1. С. 272.

Хасавюртовский, Кизлярский, Темир-Хан-Шури́нский округа и города Петровск, Темир-Хан-Шура, Дербент, Кизляр, слободы Хасавюрт, Чирюрт. Незначительная часть русских переселенцев поселилась и в Аварском, Андийском, Ботлихском, Гунибском и др. горных округах Дагестана¹.

В период Гражданской войны и иностранной военной интервенции часть русских эмигрировала во внутренние губернии России. Тяжелее всего пришлось жителям Хасавюртовского округа и самого Хасавюрта. Только с декабря 1917 г. по середину марта 1918 г., слободу Хасав-Юрт покинуло более 4500 чел. Весной 1918 г. слобода Хасав-Юрт подверглась ужасному погрому и разграблению², что также повлекло за собой резкое сокращение, в первую очередь, русских, в этом регионе.

Строительство нового социалистического государства требовало квалифицированных кадров, особенно сильно в них нуждались отсталые национальные окраины. Поэтому в 20 – 30-х гг. XX в. наблюдается приток в республику русских специалистов, в частности, квалифицированных рабочих, техников, инженеров, особенно учителей, преподаватели вузов, техникумов, училищ, работники культуры. В период с 1939 по 1959 гг. фиксируется интенсивный рост русского населения в Дагестане и самая высокая доля их в общей численности населения республики. В этот же период русские прибывали в растущие города Дагестана, так в Махачкале их численность была выше 60 %, в Каспийске – 65,5 % от всего населения города³.

В послевоенный период в связи с восстановлением промышленности, строительством новых крупных промышленных предприятий и развитием образовательных и культурных учреждений в республику вновь стали направлять учителей, работни-

¹ Ковалевская Е. А. Хозяйственная деятельность русского населения в Дагестане во второй половине XIX – нач. XX в. Дисс...к.и.н. Махачкала, 2004. С. 50.

² Джамбулатов Р. Т. Из истории города Хасавюрт. К трагедии апреля 1918 года. Электронный ресурс. Сайт «Кумыкия». URL: <http://kumukia.ru/author?q=1093> (Дата обращения 01.02. 2014).

³ Ибрагимов М.-Р. А. Динамика численности русского населения Дагестана (середина XIX – начало XXI в.) // Вестник ИИАЭ. Махачкала, 2011. № 4 (28). С. 29.

ков культуры, квалифицированных специалистов и число русских в Дагестане постоянно росло¹. Здесь также стоит отметить, что в 1957 г. в состав Дагестана вошли Кизлярский, Крайновский, Тарумовский районы и г. Кизляр, в которых преимущественно проживало старожильческое русское население, причем большая часть его в сельской местности. В других частях Дагестана русские в основном проживали в городах, и только небольшая часть в сельской местности, в том числе в нескольких селах Хасавюртовского и Бабаюртовского районов, образованных еще на рубеже XIX – XX вв.

Примерно с середины 1960-х гг. численность русских в Дагестане сначала стабилизировалась, а затем начала медленно уменьшаться. В 70 – 80-х гг. XX в. отмечается продолжение дальнейшего процесса постепенного уменьшения числа русских в Дагестане, в том числе в районах, называемых традиционно «русскими» – Кизлярском и Тарумовском.

Следует отметить, что на сужение ареала расселения русских в сельских районах и г. Кизляр влияют два обстоятельства: миграция русских за пределы республики и в определенной степени организованный, но главным образом, стихийный приток жителей горных районов Дагестана. В Кизлярском районе только с 1970 г. по 1989 г. русское население сократилось в 2 раза, в то же время численность аварцев и лезгин возросла в 2 раза, даргинцев в 3,5 раза, лакцев в 7 раз².

Рассмотрим динамику расселения и роста с 1979 г. по 1989 г. населения Кизлярского и Тарумовского районов ДАССР по национальному составу. Население Кизлярского района в 1989 г. (по данным переписи) составило 47808 чел., в том числе: русские – 14069 (29,8 %), аварцы – 14288 (30 %), даргинцы – 7197 (13 %), кумыки – 1024 (2 %), лезгины – 1474 (2,2 %), лакцы – 1327 (2,1 %), ногайцы – 3760 (7,9 %), остальные других национальностей³.

¹ Там же. С. 30.

² *Кульчик Ю. Г., Конькова З. Б.* Нижнетерское и гребенское казачество на территории Дагестана. М., 1995. С. 225.

³ *Лысенко Ю. М.* «Русские районы» Дагестана: проблемы этнодемографического развития (вторая половина XX в.) // Русский язык в истории и культуре народов Дагестана. Махачкала, 2007. С. 128.

За период с 1979 г. по 1989 г. число аварцев увеличилось здесь на 6125 (75 %), даргинцев – 3342 (18,7 %), ногайцев – 727, лакцев – 807, лезгин – 450, кумыков – 252¹, в то же время численность русских уменьшилась почти вдвое (с 28256 до 14069 чел.)². В районе уже в большинстве сел преобладало, а на сегодняшний день преобладает, аварское и даргинское население, а в отдельных населенных пунктах (Цветковка, Ст. Терек и др.) русские уже не проживают³.

Подобные явления происходили и в Тарумовском районе. Из 28242 чел. населения района русские в 1989 г. составляли 10242 чел. (36 %), аварцы – 6571 (23 %), даргинцы – 4885 (17,2 %), ногайцы – 2232, остальные других национальностей⁴. В таких населенных пунктах, как райцентр Тарумовка в 1989 г., из 2992 чел. русских – 1940 чел., аварцев – 870 чел., даргинцев – 681 чел.; соответственно в с. Кочубей – 8419 чел., из них русских – 2719 чел., аварцев – 2979 чел., даргинцев – 1663 чел., лакцев – 27 чел. и т.д.; с. Калиновка 1182 чел., из них русских – 680 чел., даргинцев – 508 чел.; с. Юрковка – 1626 чел., из них русских – 615 чел., аварцев – 609 чел., даргинцев – 302 чел.; с. Раздолье – 1090 чел., из них русских 529 чел., аварцев – 215 чел., даргинцев – 210 чел.⁵. К концу XX – началу XXI в. тенденция сокращения русского населения только усилилась. Единственным моноэтническим русским селом на сегодняшний день является Коктюбей, в котором проживает 738 чел.

Если в 1970 г. в Кизлярском районе аварцы составляли 10,5 % от общего числа населения, а в 2002 г. – почти 40 %, даргинцы:

¹Булатов Б. Б., Рамазанова Д. Ш. Деятельность органов государственной власти Республики Дагестан в области межнациональных отношений (80 – 90 гг. XX в.). Махачкала, 2000. С. 141.

²Паламарчук В. С. Роль нерегулируемой миграции в экономическом и социальном развитии города Кизляра // Проблемы русского и русскоязычного населения Республики Дагестан. Материалы научно-практической конференции. Махачкала, 1996. С. 14.

³Алиева В. Ф. Русское население Дагестана. Махачкала, 2001. С. 42.

⁴Основные национальности Республики Дагестан. Ст. сб. Махачкала, 1995. С.106.

⁵Лысенко Ю. М. Северный Дагестан 1957 – 2000 гг. (аспекты социально-экономического развития г. Кизляра, Кизлярского и Тарумовского районов). Махачкала, 2005. С. 140.

4,9 % и 17,5 %, русские соответственно 65,2 % и 19,0 %. В Тарумовском районе в 1970 г. аварцы составляли 6,1 % об общего числа населения, а в 2002 г. – 31,2 %, даргинцы соответственно: 4,9 % в 1970 г. и в 2002 г. – 21,6 %. Таким образом, русское население за этот же период в названных районах сократилось, в частности, в Кизлярском районе с 65,2 % в 1970 г. до 19 % в 2002 г., в Тарумовском районе с 66,9 % в 1970 г. до 25 % в 2002 г.¹.

На такие изменения существенное влияние оказала переселенческая политика правительства ДАССР на протяжении 50-х – 70-х гг. XX в., а также стихийное переселение в 80-е – 90-е гг. XX в., что привело к появлению новых сел на «севере» республики и исчезновение из ряда населенных пунктов русских². По материалам Всероссийской переписи населения 2002 г. русских в Дагестане насчитывается 120,9 тыс. чел., или 4,7 % всего населения республики. По данным переписи 2010 г. в РД насчитывалось 104 тыс. русских, или 3,6 %³. Основная их часть проживает в гг. Махачкала, Каспийск, Кизляр, Кизлярском и Тарумовском районах, а также небольшое число их проживает в остальных городах и районах республики.

2.2. Социально-экономическое положение дагестанских русских (вторая половина XVI – первая половина XIX в.)

На экономическую, общественную и культурную жизнь терских казаков огромное влияние оказывала сельская (станичная) община, которая представляла собой основное социально-

¹ *Ибрагимов М.-Р. А.* Динамика численности русского населения Дагестана (середина XIX – начало XXI в.) // Вестник ИИАЭ. Махачкала, 2011. № 4 (28). С. 131 – 132.

² *Лысенко Ю. М.* Миграция русских Кизлярщины в регионы Юга России: причины, механизм, особенности // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента. (К 90-летию ИИАЭ ДНЦ). Махачкала, 2014. С. 105.

³ *Ибрагимов М.-Р. А.* Динамика численности русского населения... С. 130; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis_2010/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения 10.01.2015).

экономическое звено в общественной структуре терского казачества¹.

Первые сведения о хозяйственных занятиях терского казачества относятся к концу XVIII в. и основными видами их деятельности были рыболовство, охота, виноградарство, скотоводство и земледелие. В небольших количествах терские казаки выращивали просо, пшеницу, рожь, ячмень, из технических культур – коноплю, из бахчевых – арбузы, дыни, тыквы, из огородных – репу, редьку, капусту, лук и др. Кроме того, царское правительство обязывало казаков разводить тутовые сады и заниматься шелководством.

У терских низовых казаков из-за плохого качества земли выращивание зерновых культур находилось на низком уровне, на что указывает И.Л. Омельченко: «получая от государства за военную службу хлебное довольствие, казаки в определенной степени чувствовали себя обеспеченными и не проявляли особого стремления к усовершенствованию техники земледелия и расширению обрабатываемых площадей. Недостаток зерна восполнялся закупками у горских народов в форме обмена на товары своего производства»². Иными словами, развитие сельскохозяйственного производства сдерживали представления казаков о непрестижности земледельческого труда, малопродуктивные почвы, ежегодные разливы Терека, заболачивание берегов, частые нашествия саранчи, недостаточная развитость транспортных средств и проч. На размеры засеваемой площади существенно влияла и служебная занятость казаков. Многие из них оставляли свой земельный пай необработанным³. Тем не менее, здесь сложились определенные приемы земледелия: так сжигали притеречные камыши, затем выпускали на эти участки скот, который вытаптывал корни камыша. В первых числах марта поля вспахивали, борошили, сеяли рожь, овес, ячмень, просо, кукурузу. После уборки пашню заливали водой и на лиманах высаживали фасоль, горох, чечевицу и другие культуры. Спустя 4 – 5 лет земле давали год-два «отдохнуть». Однако, несмотря на появившийся положительный

¹ *Заседателева Л. Б.* Терские казаки (середина VI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974. С. 227.

² Цит. по: *Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 172.

³ Там же. С. 173.

опыт, урожаи зерновых в станицах низовьев Терека были низкими.

К первой половине XIX в. заметных изменений в земледелии терского казачества не произошло, о чем свидетельствуют исторические документы. Так, в 1860 г. командир Кизлярского полка в своем донесении причины упадка сельского хозяйства связывал с недостатком плодородной земли, нехваткой рабочих рук, дороговизной на промышленные товары и ремесленные изделия и нашествием саранчи, которая в отдельные годы полностью истребляла посевы на полях. О сложившейся в 1828 г. в станице Александрийская ситуации позволяют судить архивные документы: «на 74 домохозяев-казаков один посеял 6 десятин, один – две, семь казаков – по полторы десятины, четыре – по одной, два не посеяли, но землю имеют», а 58 казаков совершенно не занимались обработкой земли, так как не имели рабочего скота и сельскохозяйственных орудий¹.

Таким образом, развитие земледелия на Тереке в дореформенный период, несмотря на имеющиеся потенциальные возможности, протекало крайне медленно и до середины XIX в. не занимало ведущего места в экономике казачьего хозяйства. Слабое развитие земледелия объясняется, прежде всего, отсутствием удобных земель, особенно в районах ранней казачьей колонизации, где предпочтение отдавалось скотоводству и виноградарству. Не менее серьезными причинами низкого уровня земледелия были отсутствие у основной массы казачества рабочего скота и сельхозорудий.

Надо отметить, что главной земледельческой отраслью терских казаков являлось виноградарство, получившее широкое распространение, и потому что правительством было разрешено «из родившегося в их садах винограду чихирь продавать в Кизляре и в Астрахани повольною ценою»². В 1773 г. казаки в виде особой привилегии получили право широкой продажи вина не только на месте, но и с выездом в другие города России. Благодаря поддержке правительства виноградарство на Тереке расширялось и к последней трети XVIII в. достигло уже значительного развития.

¹ Там же. С. 176.

² *Дмитренко И. И.* Материалы к истории Терского казачьего войска // Терский сборник. Владикавказ, 1897. Кн. 4. От. 2. С. 62.

Посетивший в 1773 г. низовья Терека естествоиспытатель И.П. Фальк свидетельствовал, что в то время виноградарство в хозяйстве казаков имело преобладающее значение¹.

В конце XVIII в. только вокруг Кизляра под виноградными садами было занято около 2000 десятин с ежегодной добычей более 700000 ведер вина, находившего себе широкий сбыт в России. А в г. Кизляре виноградарство превратилось в решающую отрасль хозяйства. В первой половине XIX в. «самый бедный казак выручал за сад свой от 500 до 800 руб.»². Однако в начале 70-х гг. XIX в. в станицах Кизлярского округа было произведено 341329 ведер вина. В конце XIX в. в Кизлярском отделе собиралось 90 % винограда, выращиваемого в станицах Терского казачьего войска³. Однако, следует отметить, в целом уровень развития виноградарства на Тереке носил примитивный характер, и казаки при полном отсутствии хорошей винодельческой техники получали низкие урожаи и перерабатывали сырье кустарным способом.

На рубеже XVIII – XIX вв. не только все окрестности Кизляра превратились в сплошные виноградные сады количеством до 4830, но и берега Терека на многие километры оказались заняты виноградниками, особенно в гребенских станицах⁴. При этом переработка виноградного сырья в основном велась в Кизляре⁵. Наличие крупного политического и экономического центра рядом со станицами являлось дополнительным стимулом для развития виноградарства.

Начало XIX в. характеризуется бурным развитием виноградарства в низовьях Терека, благодаря хорошему и устойчивому спросу на внутреннем рынке, близостью дешевого водного пути в центральные районы страны, а также отсутствием конкуренции, вызванной еще и тем, что начался период наполеоновских войн в

¹ См.: *Васильев Д. С.* Очерки истории низовьев Терека. Досоветский период. Махачкала, 1986. С. 139.

² Там же.

³ *Великая Н. Н.* Казаки восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. Ростов/н/Д, 2001. С. 69.

⁴ Очерк виноделия Кавказа // Сборник сведений о Кавказе. Т. III. Тифлис, 1875. С. 352.

⁵ *Ровинский И. В.* Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809. С.449–450.

Европе и континентальной блокадой. Используя благоприятную ситуацию, жители Терского левобережья еще более увеличили площади под виноградными садами.

Российское правительство, заинтересованное в дальнейшем увеличении продукции отечественного виноделия, принимало широкомасштабные меры по его улучшению. В 1807 г. в Кизляре открылось первое в России Кавказское казенное училище виноградарства¹. Но жители станиц, также как и кизлярцы, в основном культивировали сорта, которые главным образом использовались на спиртокурильнях. Первоначально виноградно-водочные и спиртокурительные предприятия появились в Кизляре. Местные власти всячески поощряли развитие новой отрасли². Действия правительства, также благотворно влияли на увеличение выгонки из виноградного сырья водки и спирта³. Во внутренних губерниях России «кизлярка» пользовалась заслуженной славой.

Скупщики предпочитали грубые сорта винограда, поэтому казаки низовых станиц, расположенных в непосредственной близости от Кизляра, стали засаживать новые площади соответствующими сортами. Главным образом, хорошо зарекомендовавшим себя «Алым терским», в ущерб винным «культурным и нежным сортам»⁴. В 1815 г. в Кавказской области (без Кизляра) было выкурено, главным образом в низовых станицах, 20000 ведер спирта⁵. В 1817 г. была предпринята попытка обложить продукцию винокурения акцизным налогом в 6 руб. и только усилиями генерала А.П. Ермолова, сумевшего убедить Сенат, акцизный налог

¹ Гриценко Н. П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края V – середины XIX века. Изд-во Ростовского университета, 1984. С. 97.

² Гарунова Н. Н. Кизляр в XVIII – первой половине XIX века: проблемы политического, социально-экономического и культурного развития. Автореф. дис. ...к. и. н. Махачкала, 1999. С. 19.

³ Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986. С. 141.

⁴ Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 211 – 212.

⁵ Васильев Д. С. Указ. работа. С. 141 – 142.

был снижен до 2 руб.¹, что и позволило спиртоводочному производству еще некоторое время оставаться рентабельным.

Дальнейшее развитие винокурения в станицах затормозилось в начале третьего десятилетия XIX в., по причине значительного повышения акциза на изготавливаемую водку. Также был введен штраф и запрет на ее производство, если она была больше или меньше установленной государством крепости². Выдерживать установленные нормативы было весьма трудно при работе на полукустарных заводиках, соответственно, закупочные цены на сырье для винокурения заметно снизились.

Таким образом, к началу XIX в. развитие виноградарства на левобережье Терека достигло впечатляющих масштабов. Кизлярцы и жители близлежащих станиц на несколько десятилетий стали монополистами в производстве вина, водки и спирта на территории России. В дальнейшем ситуация изменилась кардинальным образом, что, в первую очередь, связано с ухудшением военно-политической обстановки на Кавказе и законодательными актами правительства, направленных на изыскание финансовых средств.

Рыболовство. В рассматриваемый период северные рукава р. Терек (Борозда, Таловка, Бекетей) и прилегающая к их устьям часть Каспийского моря были чрезвычайно богаты рыбой. Поэтому сюда часто стали заходить на своих судах предприимчивые люди с Волги, занимавшиеся рыболовным и тюленьим промыслом. Они собирались «ватажками», жили в становищах на Тереке и острове Чечень, ловили рыбу, добывали икру, забивали тюленей, там же перерабатывали добычу, иногда реализуя ее на месте. Получили известность рыболовецкие промыслы на о. Березяк и с. Черный Рынок.

В 1783 г. около 65 тыс. десятин земли в низовьях Терека были «пожалованы за службу» ген.-губ. князю А.А. Вяземскому. Ему же отошла прилегающая к этим землям часть Каспийского

¹ Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827 – 1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 129.

² Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. // ЧИНИИ ИЯЛ. Т. IV. Грозный, 1961. С. 50.

моря, простирающаяся от Кумского прорана до Суюткиной косы. Для обработки и заселения этих земель А.А. Вяземский переселяет сюда из своих имений во внутренних губерниях крепостных крестьян. Часть переселенцев была отправлена на р. Куму, а остальных расселили по разным местам: Березяке, Черном Рынке, Тягаловке и др. пунктах. Причем всех этих крестьян сразу же стали «приучать» к рыболовному промыслу¹.

В 1787 г. новый владелец обширного участка кумско-терских степей (около 700000 десятин от ногайских кочевий до острова Тюлений и от Суюткиной косы до устья Кумы, с протяженностью береговой линии до 90 верст) дворянин и промышленник В.А. Всевожский перенес в с. Черный рынок управление всем своим имением². В 1792 г. Всевожский отправляет на Терек 600 крестьян, которых расселили по всем ранее основанным селам и рыбным промыслам. Им же были организованы промыслы на Емелькином ерике, протоке Средней и Суюткиной косе, где ловили большей частью красную рыбу – белугу, осетра и севрюгу. Вблизи берегов и в устьях рек ловили сомов, судаков, сазанов; вылавливалось и большое количество разной мелкой рыбы (вобла, шемай и др.).

Особого расцвета рыбные промыслы Всеволожских достигли в первой половине XIX в. Так, в 1849 г. ими было добыто «белуг 31213, осетров – 75678, севрюг – 7813, лососей и жереха – 3000, сомины – 11596 пудов, шемаи – до 50000 штук, судака – 98398, щуки – 2769 пудов, икры красной рыбы – 1200 пудов, вязиги – 400, икры лососевой – 125, клею – 45 пудов»³.

Кроме того, у помещиков Всеволожских имелся тюленевый промысел, располагавшийся на острове Тюленьем, где ежегодно добывалось до 12500 пудов тюленьего жира и до 50000 шкур. Их общий годовой доход от рыбного и зверобойного промыслов в 1850 г. составил 260000 руб.⁴. Большая часть рыбы и рыбопродуктов вывозилась в Астрахань, Саратов, Казань, Москву, на Макарьевскую ярмарку.

¹ Там же. С. 127.

² См.: *Виноградов В. Б.* «Уголок России, отчий дом...». Очерки об истории Тарумовских степей и Кизлярщины. Армавир-Кизляр, 1996. С. 29.

³ *Васильев Д. С.* Указ. работа. С. 126 – 127.

⁴ Там же. С. 154.

В «Очерках рыболовства по реке Волге и берегам Каспийского моря...» содержатся сведения о рыбных промыслах на Черном рынке, славившихся во второй половине XIX в. «богатством улова и хорошим устройством»¹. Описывая состояние этих промыслов в 1856 г. автор «Очерков...» называет породы рыб, водившихся в р. Прорва: шемай, пескарь, усач, сом, вобла, густера, красноперка, синец, сапа, шереспер, жерех и т.д. При этом осенью вылавливались только лох, лосось, шемай, а вся остальная рыба выбрасывалась или отдавалась работникам.

До начала XIX в., по данным И.Л. Омельченко, лов рыбы на Тереке и в море никем не регулировался и не управлялся. Местная администрация ограничивала взысканием налога с пойманной рыбы и сдачей свободных угодий в аренду. Промысловый лов рыбы в угодьях атаманов и старшин не подвергался контролю со стороны местной военной администрации, и пойманная рыба не облагалась пошлиной в пользу казны. С 1749 г. для казаков была установлена обязательная сдача в пользу государства клея и визиги, которую раньше казаки выбрасывали. Одновременно вводилась и норма отлова рыбы: для казаков эта норма была установлена в размере 50 штук на одного человека. Казаки-рыбаки, превысившие эту норму, подвергались штрафу до 10 руб.

Пользуясь привилегиями в рыбном промысле, полученными от государства, атаманско-старшинская верхушка захватывала лучшие рыбные угодья в пойме Терека и на море. По данным второй половины XVIII в. многие атаманы владели рыбными угодьями на правах частных собственников и организовывали там промысловый лов рыбы с целью продажи на рынке. Так, войсковой атаман Аука владел двумя суводями и двумя плавами на 200 сажень по Тереку².

Некоторые атаманы проявляли незаурядные способности рыбопромышленников и рыботорговцев, организаторов промыслового лова рыбы и сбыта своей продукции далеко за пределами

¹ Очерки рыболовства по реке Волге и берегам Каспийского моря: Извлечение из донесения доктора медицины Овсянникова, командированного с высочайшего соизволения в Астраханскую губернию для исследования рыболовства и изыскания причин порчи соленой рыбы. Астрахань, 1856. С. 13 – 17.

² Там же. С. 222.

мест ловли. Стоит отметить, что техника рыболовства и обработка рыбы историческом прошлом в низовьях Терека были крайне примитивны. Так, казаки часто солили рыбу в земляных ямах, вырытых на берегу Терека, отчего качество рыбной продукции оставляло желать лучшего. Долгое время рыболовы на Тереке не знали, что делать с селедкой и выбрасывали её. И хотя российское правительство и предпринимало меры с целью повысить культуру рыболовства в низовьях Терека, мало что менялось: использование рыбных ресурсов края в массе своей по-прежнему осуществлялось хищническими методами, а техника и культура рыболовства оставались крайне низкими.

Шелководство, добыча и производство марены. Исторические документы свидетельствуют, что с середины XVIII в. терские казаки занимались шелководством, хотя оно имело преимущественно потребительский характер. С целью распространения шелководства среди казаков правительственным указом от 5 мая 1800 г. предписывалось «внушать ... жителям, дабы они, елико возможно и к собственной их пользе старались разводить шелковичные деревья»¹. Однако, несмотря на покровительственную политику царского правительства и местной администрации, шелководство у терских казаков не получило широкого распространения. Основная причина состояла в том, доносил командир Кизлярского полка, что «заниматься шелководством жители станиц не могут, так как огромные работы, связанные с работой в поле, не дают возможности заниматься этой отраслью хозяйства»². В Кизлярском полку «шелководством жители полка, по случаю трудных работ домашних и общественных занимаются очень мало»³. В 20-е гг. XIX в. из Кизлярского округа было отправлено в Москву от 500 до 600 пудов шелка сырца⁴.

Производство и добыча марены представляли «стародавний промысел» терских казаков. После каспийского похода Петра I, строившего планы широкого использования ресурсов Прикаспия,

¹ ГА АО. Ф. 13. Оп 1. Д. 396. Л. 28 об.

² *Омельченко И. Л.* Указ. работа. С. 220.

³ Там же.

⁴ Описание кавказского шелководства // СМОМПК. Вып. 11. Тифлис, 1891. С. 10 – 11.

велись усиленные поиски различных красящих средств в регионе (1722 – 1723 гг.). Так терскому коменданту «государь изволил писать, чтобы осведомитца, возможно ль на Терках или в Гребнях сыскать коренья..., что называется марена», и узнать, по какой цене она покупается¹. В 1744 г. астраханский губернатор В.Н. Татищев советовал русскому правительству запретить самовольный вывоз марены иранскими купцами с Терека и установить контроль над торговлей ею. В 1748 г. на имя кизлярского коменданта поступил царский указ о том, что марену следует «покупать в казну, а за границу ее не продавать»². Для купцов экспорт марены сулил большую выгоду. Они скупали ее у горцев и казаков за бесценок, а продавали в Астрахани втридорога. Иногда в роли скупщиков выступала старшинская верхушка и зажиточные казаки, имевшие для этого достаточно средств и свободного времени.

В связи с развитием в России хлопчатобумажной и шелкоткацкой промышленности спрос на марену имел тенденцию к значительному росту. Так, по данным за 1827 г., терские казаки добыли более 3000 пудов сырого корня марены, что составило после сушки около 700 пудов готового к продаже товара. В дальнейшем казаки продолжали заниматься собиранием дикорастущей марены, а некоторые и возделывать этот ценный натуральный краситель. В 1860 г. командир Кизлярского полка доносил, что жители станиц «приступили к первоначальному посеву марены... к распространению сего полезного растения...»³.

Скотоводство. Важным занятием населения низовьев Терека было скотоводство. Животноводство этого периода по существу мало чем отличалось от кочевого скотоводства ногайцев. Кормов на зиму не заготавливали или заготавливали очень мало, больше надеялись на подножный корм. Однако, по мнению Д.С. Васильева, обилие пастбищ и явная выгодность этой отрасли хозяйства, не требовавшей применения большого количества рабочих рук, заставили казаков усилить внимание к скотоводству, что

¹ Цит.: Лысов В. П. Персидский поход Петра I. 1722 – 1723 гг. М., 1952. С. 33.

² Цит.: Гриценко Н. П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края V – середина XIX в. Ростов/н/Д, 1984. С. 96.

³ Там же.

и наметилось у них к середине XIX в.¹. На Тереке преобладал скот обыкновенной породы, отличавшийся большой выносливостью. Крупный рогатый скот в низовьях казачьих станиц представлял помесь калмыцкого скота с ногайским, отчасти черкесским².

Помимо мясомолочного скота большую роль в хозяйстве казаков играл рабочий скот, который использовался в качестве тягловой силы. Все хозяйственные работы, связанные с обработкой земли, перевозкой грузов, кормов и т.д., производились на волах, и наличие тягловой силы служило основным показателем экономической мощности казачьего хозяйства.

В низовых станицах распространены были овцы обыкновенной русской породы, которые делились на волоцких и комолых и отличались друг от друга лишь по внешним признакам³. В дореформенный период овцеводство не играло ведущей роли в хозяйствах терских казаков и развивалось очень медленно. Казаки, постоянно занятые по службе, не имели возможности заниматься овцеводством, требовавшим определенного внимания и ухода, и в своем хозяйстве они имели несколько голов исключительно для потребительских нужд. Однако с увеличением спроса на шерсть, овчины и мясо увеличивалось и поголовье, о чем свидетельствуют следующие данные. Так, если в 1843 г. у казаков Кизлярского полка насчитывалось 1556 голов овец, то в 1861 г. их было уже 2603 головы⁴.

Особый интерес низовые казаки, так же как и вообще Терское казачество, имели к развитию коневодства. Согласно существовавшему положению о прохождении военной службы, каждый казак должен был иметь строевую лошадь и содержать ее на свои средства. Особо популярна среди казаков-воинов была лошадь кабардинской породы, которая отличалась прекрасным экстерьером и другими особыми качествами. Во время военных походов казаки обязаны были находиться «о двуконь», т.е. иметь двух боевых коней, что, под силу было только зажиточным каза-

¹ Васильев Д. С. Указ. работа. С. 149.

² Омельченко И. Л. Указ. работа. С. 190.

³ Там же. С. 194.

⁴ Там же. С. 196.

кам и офицерам. Естественно при таких условиях и в связи участвовавшими военными действиями на Кавказе, занятие коневодством становилось делом весьма выгодным. Причем с целью сохранения конского поголовья категорически запрещалось продавать лошадей за пределы станицы или полка, и если такие факты вскрывались, то виновники жестко наказывались.

Примитивный уход за скотом при полном отсутствии ветеринарного контроля приводил к его значительным потерям. Многочисленные эпизоотии наблюдались преимущественно в летнее время, когда комары изнуряли животных и ослабевший скот начинал худеть и легко заболел. Эпидемические болезни (сап, чума, ящур) практически не излечивались и заболевший скот, как правило, погибал. Только в 1844 г. в станицах Семейно-Кизлярского полка погибло – крупного рогатого скота 12 голов, овец 665, лошадей 88¹. Многие хозяйства остались вообще без скота. Подводя итог, следует отметить, что скотоводство по своему экономическому значению занимало в хозяйстве терских казаков второе место после земледелия. По неполным данным, в 1844 г. жители Кизлярского округа помимо казачьих полков и кочевников-ногайцев, имели лошадей – 4487, рогатого скота – 5316, овец – 10117².

Адаптация к экологическим условиям богатых природных угодий Притеречья, а также политика правительства способствовали появлению ряда новых перспективных отраслей производящего хозяйства, игравших значительную роль в социально-экономическом развитии Нижнего Притеречья, где все еще сохранялись и черты более «древнего» военно-промыслового уклада.

2.3. Социально-экономическое развитие русских переселенцев и нижнетерского казачества (вторая половина XIX в. – начало XX в.)

Период со второй половины XIX – начало XX вв. характеризовался массовым переселением русского населения в Дагестан.

¹ Там же.

² Васильев Д. С. Указ. работа. С. 150.

Благодаря активному включению русского населения и русского капитала в разные отрасли экономики Дагестана, особенно в сельское хозяйство, промышленность, в строительство дорог, мостов и т.д. наблюдалось их прогрессивное развитие.

Переселение сопровождалось большими трудностями, связанными с приобретением земли и обустройством, однако, несмотря на все трудности, начавшееся в пореформенный период переселенческое движение получило широкое развитие в конце XIX – начале XX вв. Связано это было с систематически повторявшимися в России с 1897 г. неурожаями, голодом во многих губерниях Нечерноземья, а также с мероприятиями правительства при проведении столыпинской аграрной реформы, открывшей широкий простор для свободной купли и продажи крестьянских наделных земель.

Русские переселенцы, по сравнению с местным населением, владели более передовыми способами ведения сельскохозяйственного производства, что позитивно отразилось на дальнейшем развитии земледельческого хозяйства Дагестана. Благодаря русским, в хозяйство дагестанцев проникли более совершенные методы обработки земли, внедряется русская земледельческая техника – железные плуги, сеялки, жатки, сенокосилки, молотилки, а позже и трактора. Бурное развитие сельскохозяйственного сектора края обуславливает большую потребность в использовании наемного труда. Русские крестьяне применяли удобрения, сортовые семена, знакомили местное население с современными способами обработки земли и возделывания сельскохозяйственных культур¹.

Под влиянием переселенцев, местные крестьяне на равнинной части Дагестана стали по-новому обрабатывать свои поля: если раньше они только вырубали кустарники и на этом месте возделывали кукурузу и пшеницу, то стали выкорчевывать кустарники специально приспособленными для этой цели кирками, привезенными переселенцами. Новый способ расчистки посевных площадей избавил крестьян от тяжелой работы, которую они

¹ Ковалевская Е. А. Хозяйственная деятельность русского населения в Дагестане во второй половине XIX – нач. XX вв. Дисс...к.и.н. Махачкала, 2004. С. 76.

ежегодно проводили весной. В хозяйствах дагестанских крестьян вместо деревянных сабанов, появились железные плуги, бороны, сеялки, молотилки, которые они арендовали у своих соседей – русских крестьян или же покупали в Центральной России. Например, русские помещики братья Скрежинские, Мазаев, Гаврилов и Тинита из Хасавюртовского округа были одними из первых, которые применили в своих хозяйствах железные плуги, тракторы, сенокосилки¹.

Русские переселенцы приложили большие усилия для превращения непригодных для земледелия участков в пашни, так как многие из них получили такие участки, которые раньше не обрабатывались из-за низкого их качества. Несмотря на все трудности, переселенцам удалось создать высокопроизводительные хозяйства².

Действительно, с образованием в Дагестане хозяйств русских переселенцев значительно расширились и улучшились посевные площади, выросла урожайность сельскохозяйственных культур, особенно в плоскостной части области. Так, благодаря русским переселенцам, Хасавюртовский округ превратился в хлебную житницу Дагестана и стал одним из важнейших центров торгового земледелия. Производство зерна выросло с 113250 четвертей в 1879 г. до 403249 четвертей в 1915 г., т.е. более чем в 3,5 раза. Однако следует отметить, что этот рост происходил неравномерно, что объяснялось тем, что урожайность зерновых нередко зависела от природно-климатических условий и снижение урожаев в последующие годы, могло явиться следствием стихийных бедствий.

По количеству хлеба, производимого на душу населения Хасавюртовский округ намного опережал остальные районы Дагестана. Если в 1895 – 1900 гг. в Дагестане на душу населения в среднем приходилось примерно по 0,65 четв. хлеба, то в Хаса-

¹ *Гаджиев А. С.* Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1965. С. 32.

² *Бексултанов Б. А.* Роль русскоязычного населения в развитии капиталистических отношений в Северо-Восточном Дагестане (2-ая пол. XIX – нач. XX в.). Дисс.... к.и.н. Махачкала, 2001. С. 124.

вюртовском округе – 2,2 четв.¹. В одном из документов отмечалось: «Справедливость требует при этом признать, всем этим, чем Хасавюртовский округ стал в последние годы, он почти всецело обязан своему пришлому населению – тем 25 тыс. упомянутым выше переселенцам из внутренних российских губерний, которые за последние 20 – 25 лет в качестве мелких арендаторов, а отчасти и крупных земельных собственников поселились на землях округа и оплодотворили их своим трудом»².

В зерновом хозяйстве русских переселенцев ведущее место занимало выращивание пшеницы, ячменя, проса, ржи, овса. Основными сортами выращиваемой пшеницы были мягкая и твердая остистая и безостая, имевшие озимые и яровые сорта. Бурный рост переживало выращивание и производство подсолнуха, который активно вытесняет льняные плантации на землях терских казаков.

Значительное место в хозяйстве переселенцев занимало производство овса, из-за его неприхотливости и возможности сеять на малопригодных для посевов других культур участках³. Возделывали также ячмень разных сортов (двухрядный, четырехрядный, шестирядный) и просо (разветистое, пониклое, комовое и др.)⁴. Значительное развитие получили такие неизвестные в Дагестане культуры, как гречиха и сорго. Так, еще в 1861 г. купец Шушанов арендовал в шамхальстве Тарковском участок земли и засеял его семенами сорго, всходы которого дали неплохие результаты.

Господствующей системой земледелия была переложная, а с конца XIX в. большее распространение получила трехпольная система. В низовьях Терека преобладало лиманное земледелие, при котором после уборки урожая, в поле, обычно расположенное в низине, пускали воду из рек с помощью прорытых каналов.

¹ Магомедова Р. Ш. Социально-экономические отношения в Хасавюртовском округе во второй пол. XIX – нач. XX в. Дисс... к.и.н. Махачкала, 2000. С. 95.

² Мансуров М. Х. Русские переселенцы... С. 41; Бексултанов Б. А. Указ. работа. С. 72.

³ Ризаханова М. Ш. Дагестанские русские. XIX – нач. XX вв. Махачкала, 2001. С. 35.

⁴ Васильев Д. С. Указ. работа. С. 196.

Осенью, когда земля подсыхала, вспахивали и сеяли озимые культуры – пшеницу, рожь и т.д.

В конце XIX – начале XX вв. со всей остротой в Терской и Дагестанской области встал вопрос о необходимости повышения агротехнической культуры и технического оснащения сельскохозяйственного производства. Большой вклад в дело распространения агрономических знаний и более передового опыта ведения хозяйства в Дагестан внесли не только русские переселенцы, но и представители администрации области. Так, 22 января 1902 г. был создан «Дагестанский областной комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности», в состав которого вошли помощник военного губернатора, генерал-майор Соловьев, правитель канцелярии военного губернатора, статсоветник Лазарев, секретарь Дагестанского областного статкомитета, статсоветник Козубский, лесной ревизор, коллежский советник Партанский, податный инспектор, коллежский асессор Буткевич, областной инженер, титулярный советник Темир-Ханов, областной ветеринарный инспектор, коллежский советник Макаров, начальник Темир-Хан-Шурина округа, полковник Сущинский, садовладелец полковник князь Аргутинский-Долгоруков, землевладелец ротмистр Бей-Бола-Бек Табасаранский и помощник правителя канцелярии военного губернатора Дагобласти, надворный советник Эмиров. Председателем комитета был губернатор области ген.-лейт. Тихонов¹.

Штатная должность областного агронома была утверждена 21 ноября 1912 г. и уже в 1913 г. агрономический персонал начинает изучение состояния сельского хозяйства для чего посетил около 120 населенных пунктов. Жителям 22 поселений были розданы семена кормовых трав (свыше 25 пудов), приняты меры к обеспечению питьевой и оросительной водой земельных участков, где особенно остро ощущалась ее нехватка.

К 1913 г. в области насчитывалось уже 30 специалистов сельского хозяйства с высшим и средним образованием – полеводы, гидротехники и пр. В целях обеспечения населения Дагестана сельскохозяйственными орудиями труда, машинами, семенами во многих населенных пунктах были организованы агрономические

¹ Ковалевская Е. А. Указ. работа. С. 126.

пункты и кабинеты. Помимо областного агрономического пункта, находящегося в Темир-Хан-Шуре, были открыты агрономические пункты в Нижнем Дженгутае, Ахта, Маджалисе, Хаджалмахи, Хунзахе и т.п. Члены агрономических организаций во время служебных разъездов по округам Дагестана с помощью переводчиков проводили беседы по разнообразнейшим вопросам сельского хозяйства. Часто эти беседы сопровождались показательными работами по той или иной культуре. Так, в 1915 г. по области было проведено около 60 бесед. В период с 1913 по 1916 гг. в Самурском, Даргинском, Кази-Кумухском, Гунибском, Дербентском округах с подрайонными пунктами в Маджалисе и Дешлагаре уже работали агрономы. Русские агрономы проводили среди местного населения разъяснительные беседы и читали лекции по полеводству: о семенах для посева и по борьбе с сорняками; об обработке почвы под озимые и яровые; о значении своевременного обмолачивания хлебов; о кукурузе и ее скороспелых и урожайных сортах; о значении времени вспашки для повышения урожайности; о целесообразном использовании поливной воды при выращивании кукурузы; об удобрении земли; о зерноочистительных машинах и т.п.

Большую помощь в распространении агрономических знаний среди местного населения оказали работники агрономического поезда. 17 сентября 1915 г. Владикавказской железной дорогой, с разрешения начальников соответствующих областей и губерний, был организован его первый рейс. Поезд останавливался в Порт-Петровске и Дербенте, и работники агрономических организаций проводили разъяснительную работу по вопросам сельскохозяйственного производства¹.

Однако, несмотря на это, население ряда округов Дагестана испытывало большой дефицит хлеба, что подтверждается архивными материалами, в частности, в отчете военного губернатора Дагестанской области за 1901 г. отмечается: «экономическое благосостояние населения области, подорванное целым рядом неурожайных годов, не могло поправиться и в отчетном году»². В

¹ ЦГА РД. Ф 35. Оп. 3. Д. 7. Л. 48.

² Цит. по: РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5611. Л. 156.; Мансуров М. Х. Русские переселенцы... С. 104.

1902 г. на Терек обрушился сильнейший «неурожай хлебов и трав», особенно пострадал Кизлярский отдел. Для оказания помощи пострадавшим от засухи и неурожая из общественных запасных магазинов было выдано 1135 четв. 7 гарнцев и 7189 пудов разного хлеба, 606 руб. казакам из станичного продовольственного капитала и пожертвования из общественных магазинов¹.

С осени 1914 г. под руководством энтомолога Яцентковского в области проводились работы по выяснению наилучшего способа массового истребления полевых мышей. Однако эти начинания, направленные на подъем сельского хозяйства, совпали по времени с началом Первой мировой войны, в связи с которой резко сократилось число рабочих рук, уменьшилось количество рабочего скота и лошадей, из продажи почти исчезли сельскохозяйственные орудия и машины, а там, где они были, цены возросли в несколько раз. В этих условиях произошло сокращение посевных площадей как во всей России, так и в Дагестане. Опасаясь катастрофического уменьшения поступлений продуктов сельского хозяйства, военная администрация в 1915 г. предложила в экстренном порядке выделить из войсковых капиталов деньги и приобрести для казачьих станиц сельскохозяйственные машины, независимо от их стоимости².

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. под влиянием русских переселенцев и не без влияния проведенных властями в Дагестане, хотя и ограниченных мероприятий, в зерновом хозяйстве области произошли изменения, способствовавшие росту производства зерна.

Важными отраслями сельского хозяйства Дагестана в рассматриваемый период, наряду с хлебопашеством, стали виноградарство, садоводство и огородничество. Определенные позитивные преобразования в их развитии связаны не только со строительством Дагестанского участка Владикавказской железной дороги, обеспечившего вывоз продуктов в центральные российские губернии, но и с деятельностью русских переселенцев. Так, Константином Козловским, майором, квартировавшим в с. Хасавюрт 80-го пехотного Кабардинского полка, в окрестностях слободы Хасавюрт был разбит сад площадью в 20 десятин. На 10 из них

¹ Омельченко И. Л. Указ. работа. С. 185.

² ЦГА РД. Ф. 35. Оп. 3. Д. 9. Л. 43.

было посажено 110500 виноградных лоз, представленных 41 сортами винограда (мускатный, рислинг, херес, бордо, венгерский мускат, бургундский, черный, простой и др.).

Владельцем крупного виноградного сада в Темир-Хан-Шуринском округе являлся русский купец Лопухин. Еще в 1867 г. ему был отведен участок земли в 35 десятин. На 6 десятинах 1100 саж. Лопухин развел виноградный сад, насчитывающий до 52 тыс. виноградных лоз¹.

Вблизи слободы Хасавюрт имел фруктово-виноградные сады штабс-капитан Дьячков. В рапорте с просьбой выделить ему участок в 13 десятин, где располагался сад, он писал: «имея желание заняться садоводством и, приобретя о том необходимые знания, я в свободное от службы время рассадил вблизи сл. Хасавюрт до 2 тыс. 700 фруктовых и шелковичных деревьев и около 4 тыс. различных сортов лучших виноградных лоз»². Большую известность имели фруктовый и виноградный сады полковника Аргутинского-Долгорукого в Темир-Хан-Шуринском округе. В 1868 г. на 25 десятинах росли высокосортные яблоки, груши, вишни, айва, абрикосы и многие другие деревья, выписанные из-за границы и из Крыма.

По данным за 1904 – 1905 гг. в Темир-Хан-Шуринском округе фруктовые и виноградные сады были у следующих лиц: Тургаева Мария имела виноградный сад на 18,5 десятинах и фруктовый сад на 0,17 десятинах; Никулина Елизавета – фруктовый сад на 4 десятинах; Михайлова В.А. – 3 дес. виноградников; Грязнов Алексей – 2 дес. виноградников; Крянов Ефим – 1 дес. фруктового сада; Лопухина Елизавета – 2 дес. фруктового сада и 3 дес. фруктово-виноградного сада; Осадчев – 4 дес. виноградников, 0,5 дес. фруктового и 1 дес. смешанного садов³.

Это лишь неполные данные о владельцах фруктово-виноградных садов, принадлежащих русским переселенцам, причем сведения даны только о тех владельцах, которые имели сады более одной десятины. Кроме того, в округе было множество виноградных и фруктовых садов меньших размеров. В общей слож-

¹ ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 3. Д. 57. Л. 51.

² Гаджиев А. С. Указ. работа. С. 34

³ Ковалевская Е. А. Указ. работа. С. 88.

ности в 1904 – 1905 гг. в Темир-Хан-Шуринском округе виноградники занимали площадь 723,895 дес., фруктовые сады – 118,76 дес. и смешанные сады более 13 дес.¹.

Князь Воронцов-Дашков в середине 80-х гг. XIX в. купил в местности Геджух земли у бека Амир-Чопана, которые были расчищены от кустарника и леса, осушены, подведена оросительная канава от р. Рубас и посажен виноградный сад, площадь которого через 10 лет достигла 80 дес. Виноградный сад Воронцова-Дашкова выделялся тем, что в нем культивировались лучшие европейские сорта винограда: рислинг, семильон, тролинер, пинोगри, педро-хименес, саперави, вердалью, каберне, бордо, шало, мускат, мцивани, ркацетели, александрийский и др., а также местные сорта: нарма, гилиби, гимринский, агадан, аганзюм и т.д. Вместе с тем в имении применялись более совершенные методы обработки земли, посадка лозы производилась правильными шпалерами, применялись усовершенствованные орудия труда. Уже в 1895 г. с 40 дес. было получено около 7 тыс. ведер вина. В имении была построена хорошо оборудованная винодельня и вскоре геджухские вина получили широкое признание и сбыт.

Лучшими сортами винограда отличался виноградный сад садовода-винодела К.А. Кочергина, расположенный в северо-западной части Дербента на площади 20 дес. Он доказал возможность разведения винограда без орошения и получал довольно высокие урожаи. Почин Кочергина широко подхватили местные жители². Наибольший прирост площадей в области виноградников наблюдался в конце XIX – начале XX вв. Если с 1886 по 1896 гг. средний ежегодный прирост площадей виноградных садов составлял 1%, то в последующие годы он увеличился до 6 %.

Самыми крупными производителями винограда в этот период стали Кизлярский и Дербентский подрайоны, за ними шли Хасавюртовский, Темир-Хан-Шуринский и Кайтаго-Табасаранский округа. В 1890 г. в станицах Кизлярского отдела числилось 1400 домохозяев, имеющих виноградные сады, площадь которых со-

¹ Мансуров М. Х. Указ. работа. С. 44.

² Рамазанов Х. Х. Освоение производственного опыта России в Дагестане // Проблемы социально-экономического и политического развития Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1978. С. 56.

ставляла около 700 десятин. Следует отметить, что большую роль в развитии виноградарства здесь играли предприниматели, имевшие крупные виноградные сады промышленного масштаба. Они также создавали крупные имения, где наряду с другими культурами выращивали виноград. Так, крупный землевладелец И.В. Давыдов владел имением «Давыдовка» в 35 верстах от Кизляра, общая площадь которого достигла 4344 дес. земли. Из них на 30 дес. были виноградники, под зерновыми – 1200 дес., земли удобной для хлебопашества и сенокосения было 3020 дес., неудобной – 92 дес.¹. Таких садовладельцев в Кизляре и его окрестностях было около сотни. В 1893 г. в Кизлярском отделе было собрано 8800 пудов винограда, однако, впоследствии здесь виноградарство стало приходить в упадок. Причиной тому, как отмечается в официальном документе за 1913 г., являлось следующее обстоятельство: «виноградарство некогда так же процветало, как и скотоводство. В настоящее время оно, благодаря невысоким ценам на вино и появлению различных грибных болезней на виноградной лозе... и отсутствию железнодорожного сообщения, падает и плохо окупает себя»². Развитие виноградарства в других губерниях страны привело к стремительному сокращению спроса на спиртоводочную продукцию терских виноградарей, что отрицательно отразилось на благополучии большинства семей в Кизляре и ближайших левобережных станицах. К концу XIX в. промышленное виноградарство пришло в упадок, но по-прежнему сохраняло значение в домашнем хозяйстве местных жителей.

Как уже отмечалось, г. Дербент был одним из крупнейших районов промышленного виноградарства, характерной чертой которого была концентрация производства. Из хозяйств крупных дербентских садовладельцев ежегодно в центральные районы России отправлялось от нескольких сотен до тысяч пудов виноградных изделий. Только в 1914 г. из Дербента было вывезено 160 тыс. пудов винограда. Немалую роль, как уже отмечалось, виноградарство играло и в экономике Хасавюртовского округа. В 1873 г. здесь насчитывалось 573 виноградных сада³. Постепенно,

¹ Мансуров М. Х. Русские переселенцы... С. 106.

² Обзор Дагестанской области за 1913 год. Темир-Хан-Шура, 1915. С. 16.

³ Мансуров М. Х. Русские переселенцы... С. 110.

как и в других округах, виноградарство и здесь приобрело торгово-промышленное значение. Происходил рост числа садов и площадей под виноградниками¹. В Муцал-ауле все переселенческие хозяйства имели свои виноградные сады. Из винограда они изготавливали вино для продажи. Переселенцы давили вино не только из винограда, собранного со своих участков, но и покупали виноград у кумыков, так как они виноделием не занимались. Жители переселенческого населенного пункта Покровское также занимались виноградарством. Не было в селе ни одного двора, который не имел своего сада. Житель этого села – Писаревский имел большой виноградный сад, где в сезон полевых работ трудились сезонные рабочие из русских с оплатой в день 20 – 30 коп.

В ряде городов и сел были созданы опытно-показательные участки для демонстрации правильной посадки и ухода за виноградниками. Такими участками являлись в Дербенте виноградник Н. Шульженко, виноградный сад Н. Соловьева в с. Шахман-зил Кюринского округа, участки Сардаровой и Кобровой в г. Петровске, участок Овчаренко в с. Царедаровка Темир-Хан-Шуринского округа и т.д.².

В 1902 г. «Дагестанский областной комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности» постановил учредить в области должности инструкторов по садоводству и виноделанию. Важное значение в развитии виноградарства в области имело открытие в 1904 г. в г. Дербент школы садоводства, огородничества, виноградарства и виноделия первого разряда.

Начало Первой мировой войны и введение «сухого закона» в 1914 г. отрицательно сказались на этой доходной отрасли сельского хозяйства. Началось повсеместное сокращение и даже, в некоторых районах полное уничтожение виноградных плантаций.

Садоводство в Дагестане служило важным подспорьем в хозяйстве крестьян с давних времен. Его дальнейшее развитие, увеличение площадей под фруктовыми садами, разведение новых сортов плодовых деревьев во многом связано с появлением в Дагестане русских переселенцев. Особенно это относится к плоскостному Дагестану. Возникновение крупных фруктовых садов,

¹ ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 3. Д. 57. Л. 2.; Бексултанов Б. А. Указ. работа. С. 105.

² Ковалевская Е. А. Указ. работа. С. 162.

имевших торговое значение, относится к 60-м гг. XIX в. В Хасавюртовском округе фруктовые сады начали разбивать русские офицеры. Например, К. Козловский в окрестностях Хасавюрта, помимо виноградного, заложил и большой фруктовый сад. Просьбу выделить ему участок земли под сад он мотивировал тем, что «желает подать пример местным жителям». В 1869 г. на 4 десятинах его сада насчитывалось 264 яблоневых дерева, 200 грушевых, 57 вишневых, 449 абрикосовых, 56 персиков, 10 миндалевых, 20 грецких орехов, всего 1139 деревьев. На сад и усадьбу, построенную в саду, Козловский потратил более 10 тыс. руб.¹. Посельников посадил в окрестностях Хасавюрта фруктовый сад на 6 десятинах. Большой (15 дес.) фруктово-виноградный сад развели в Хасавюртовском округе братья Нарышкины. В 1885 г. фруктовый сад М. Егорова в Темир-Хан-Шуринском округе занимал 22 дес., 2250 кв. саженей в котором росли плодовые деревья (яблони, груши, сливы, абрикосы, черешни, вишни), облагороженные большей частью, лучшими сортами посредством прививок и окулирования².

Опыт русских садовладельцев охотно перенимали и местные садоводы, плодовые деревья облагораживались, высаживались высококачественные сорта, завозимые в Дагестан из Крыма и других центров российского садоводства. В 1893 г. в Хасавюртовском округе насчитывалось 1436 фруктовых садов, в которых выращивали в основном нежные фрукты (черешню, абрикосы, персики)³.

Однако в Кизлярском отделе развитие садоводства тормозилось частыми переделами надельной земли, в результате чего плодородные земли совершенно исключались из садоводческого оборота, и население вынуждено было пользоваться лишь приусадебными участками или малопригодными землями. К тому же изобиловавшие дикорастущими фруктовыми деревьями и кустарниками окрестные леса практически удовлетворяли потребности станичников. И только в начале XX в. производство продукции фруктового садоводства здесь выходит за пределы потре-

¹ Цит.: Мансуров М.Х. Русские переселенцы... С. 43.

² ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 5 а. Л. 42 – 45.

³ Цит.: Мансуров М. Х. Русские переселенцы... С. 113.

бительского спроса, и значительная часть этой продукции появляется на местных рынках¹.

Развитию торгового садоводства способствовала и деятельность русских переселенцев, так, по сообщению жителя Батаюрта Багава Атаева, возле с. Батаюрт трое русских, старшего из которых звали Антон, купили участок земли в местечке «Уллу гёнденен» и развели на нем черешневый сад. Жители с. Петраковское близ Хасавюрта также полностью засадили свои участки фруктовыми деревьями. Значительные фруктовые сады выросли в селениях Костек, Темираул, Муцалаул, Байрамаул.

Развитие огородничества в Дагестане также во многом было связано с деятельностью русских переселенцев. До их появления в Дагестане эта отрасль сельского хозяйства была развита очень слабо. В значительных размерах огородничество стало развиваться с середины 90-х г. XIX в., особенно после ввода в эксплуатацию Петровской ветки Владикавказской железной дороги. При этом наибольшее развитие оно получило вблизи городов и населенных пунктов, где проживало русское население. Уже с 80-х гг. XIX в. стали выращивать картофель, а там, где позволяли климатические условия, наряду с бахчевыми культурами – арбузами, дынями, стали культивировать капусту, помидоры, огурцы, баклажаны, салат и другие овощи. В небольшом количестве возделывались подсолнечник и конопля. Широкое развитие огородничество получило в Хасавюртовском округе. В 1909 г. здесь было занято под огородами 431 дес., под бахчу отвели 831 дес.².

Крупным центром возделывания новых земледельческих культур был Кизлярский округ. В отчете начальника округа за 1912 г. отмечалось: «В последнее время жители ст. Кохановской и Петропавловской стали производить овощи, преимущественно ранние помидоры, для вывоза их в большие города России»³. В 1913 г. в округе под огороды было отведено 2410 дес. земли. В этом же году в Кизлярском уезде было собрано 369 тыс. пудов картофеля, 790 тыс. пудов разных овощей, 890 тыс. пудов арбузов и дынь, 78 тыс. пудов гороха и бобов. Жители округа выра-

¹ *Омельченко И. Л.* Указ. работа. С. 216.

² ЦГА РД. Ф. 35. Оп. 3. Д. 7. Л. 48.

³ *Ковалевская Е. А.* Указ. работа. С. 172.

щивали арбузы, дыни, огурцы, свеклу, подсолнухи. Бахчеводство во многих случаях являлось необходимым дополнением при существовавшей тогда сельскохозяйственной системе. Под бахчевые культуры отводилась преимущественно «новина», т.е. земля или в первый раз поступающая под обработку, или вообще занимающая первый посев в ряду других растений. Большинство станичников возделывали бахчевые культуры для собственного потребления: готовили арбузный мед, подсолнечное масло. Но жители пригородных станиц извлекали значительную выгоду, вывозя свою продукцию на городские базары.

Животноводство в Дагестане является одной из важнейших и древних отраслей хозяйства, но в середине XIX в. его развитие тормозилось тем, что отсутствовала ветеринарная служба, не хватало пастбищ, была ограничена кормовая база, скот был зачастую малопродуктивным. Русские переселенцы не только завезли в Дагестан улучшенные породы лошадей, коров, овец, птицы, но и применяли более рациональные способы использования земель для производства сочных кормов и заготовки на зиму грубых кормов. Привезенные ими животные не были приспособлены к суровым горным условиям, поэтому они были вынуждены осуществить скрещивание породного скота с местным, в результате чего были получены новые породы, отличавшиеся высокой продуктивностью и выносливостью скота. В с. Алексеевка был организован случный пункт по выведению племенных швицов. По примеру алексеевцев племенной скот стали приобретать и жители других селений Дагестана – Казикумуха, Нижнего Дженгутая, Кака-Шуры, Эрпели, Нижнего Казанища. Так, в 1908 г. жители с. Казикумух приобрели на Харьковской селекционной ферме двух чистокровных швицких быков. В этом же году заместником Кавказа было выделено 3 тыс. руб. для приобретения 8 швицких быков для Дагестана¹.

Русские переселенцы явились инициаторами тонкорунного овцеводства в Дагестане. Еще в 1861 г. русский предприниматель пригнал из Ставрополя в шамхальство Тарковское 7 тыс. мериносов. Но почти все мериносы погибли из-за 800 км. километрового перегона, уцелело лишь 550 голов, постепенно численность ме-

¹ Ризаханова М. Ш. Указ. работа. С. 40.

риносов стала увеличиваться. Ряд переселенцев держали по несколько тысяч овец этой породы. Так, например в с. Эндирей Хасавюртовского округа у предпринимателей П.Ф. Месяцева и И.В. Месяцева работало 32 наемных пастуха, у них были огромные площади под пастбищами. В 90-х гг. они купили у владельца Панина кутан «Чобан-Тюбе» площадью 650 дес. В 1881 г. в Хасавюртовском округе насчитывалось до 2 тыс. мериносов, а в 1901 г. – 49882 или 24 % всего овцепоголовья округа.

Тонкорунное овцеводство получило развитие в основном в плоскостной части, в частности в Темир-Хан-Шуринском, Кизлярском и Хасавюртовском округах. В 1909 г. в Хасавюртовском округе насчитывалось 64068 тонкорунных овец¹. Отдельные переселенцы держали в своих хозяйствах по несколько тысяч овец этой породы.

Внимание в животноводческих хозяйствах русских старожилов и переселенцев уделялось не только улучшению породности скота, но и развитию кормовой базы. Почти во всех переселенческих селах Хасавюртовского округа кормовые травы выращивались на значительных площадях². В с. Покровское под травами было 23,5 дес. земли, на хуторах Ладыжинский – 33,5 дес., Бессарабский – 22 дес., Прянишникова – 14 дес. и т.д. В 1913 г. были устроены показательные участки по травосеянию в Темир-Хан-Шуре, Ишкартах, Алексеевке, Н. Дженгутае, Гелли, Царедаровке, В. Каранае, Н. Казанищах, Карабудахкенте, Чохе, Гимрах, Ботлихе, Дешлагаре и др.³.

В с. Казмаул этого же округа, русский переселенец Гаврил владел 30 – 40 тыс. тонкорунных овец и имел 40 наемных пастухов. В окрестностях Казмаула он построил 4 кутана для зимовки овец, оснащенные артезианскими колодцами для питьевой воды и пекарнями для выпечки хлеба.

¹ ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 4. Д. 52. Л. 50.

² Ковалевская Е. А., Лысенко Ю. М. Вклад русских переселенцев в развитие сельского хозяйства Дагестана в начале XX века // Трансформация социально-экономических отношений на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века. Материалы Всероссийской научной конференции. Махачкала, 2014. С. 87.

³ Обзор Дагестанской области за 1913 год. Темир-Хан-Шура, 1915. С. 13; Ковалевская Е. А. Указ. работа. С. 114.

Немаловажную роль в хозяйстве переселенцев играло свиноводство. Свиньи были завезены в Дагестан в начале 90-х гг. XIX в. и довольно скоро эта отрасль получила широкое распространение. Если в конце 80-х гг. их было всего 94 свиней, то к 1914 г. только в Хасавюртовском округе их количество достигло 6 тыс. голов. Хотя свиноводство в Дагестане не получило высокого уровня развития, как другие отрасли животноводства, однако и в нем были достигнуты определенные успехи.

Важную роль в распространении сельскохозяйственной культуры среди населения Дагестана сыграл агрономический поезд, в отделе молочного хозяйства которого были представлены плакаты, которые объясняли, как выбрать молочную корову, как кормить ее для увеличения производства молока, материалы о маслодельных артелях. Была выставлена посуда для молочного хозяйства, сепараторы, маслоделки и приборы сыроварения. Отдел птицеводства был представлен разнообразными породами домашней птицы. Здесь же была представлена небольшая коллекция кроликов. Кроме того, работниками выставки проводились беседы на следующие темы: «Кормление и содержание рабочего и молочного скота», «Переработка молока на масло и сыр», «Разведение культурных пород и метизация», «Откорм птицы», «Болезни и их лечение»¹.

В 1915 г. в целях содействия развитию птицеводства в Темир-Хан-Шуре был учрежден Дагестанский отдел Российского общества сельскохозяйственного птицеводства. Из птицеводческих хозяйств России были выписаны продуктивные породы птиц и яйца для распространения их среди населения.

Огромный ущерб животноводческой отрасли сельского хозяйства Дагестана наносили инфекционные болезни. В конце XIX – начале XX вв. общая заболеваемость домашних животных значительно повысилась. Это было связано с большим передвижением скота во время закупок его скотопромышленниками по станциям и селениям области для нужд армии и перегона во внутренние районы России. В течение 1905 г. заболело 31658 голов скота, а в 1915 г. – 78905 голов, главным образом, крупного рогатого. Только в начале XX в., благодаря работе русских ветврачей

¹ ЦГА РД. Ф. 35. Оп. 3. Д. 7. Л. 49.

и фельдшеров в области стала формироваться ветеринарная служба. Довольно активно предпринимались меры по прекращению заразных заболеваний и недопущению их распространения, в частности, изоляция больных, очистка и дезинфекция помещений, правильная уборка трупов павших животных, предохранительные и вынужденные прививки. Только в 1905 г. было привито 232205 овец, 3788 голов крупного рогатого скота и 1758 лошадей¹. Такие профилактические меры, естественно, сокращали потери скота и ограничивали зоны распространения инфекционных болезней. Таким образом, русское население оказало положительное влияние на развитие животноводства в Дагестане в рассматриваемый период.

Промышленная и торговая деятельность русских переселенцев. Среди русских переселенцев и казаков широкое распространение получило производство деревянных, кожаных, шерстяных, пеньковых и пр. изделий. В Дагестане русские переселенцы прославились как искусные бондари, к концу XIX в. только в одном г. Дербенте было 20 русских бондарей². Бондарный промысел являлся одним из наиболее прибыльных, обеспечивал постоянный сбыт, особенно в тех станицах Притеречья, где было развито виноградарство и виноделие. Изделия бондарей (бочки, кадки и пр.) пользовались широким спросом на месте, а также на рынках Северного Кавказа. Заработок одного человека-бондаря составлял около 100 – 150 руб. в год³.

Значительное развитие и распространение у русского населения Дагестанской области получили промыслы по обработке шерсти: изготовление сукна, вязание шерстяных изделий (носок, платков, жакетов и т.д.), плетение и витье веревок из шерсти. Ткачеством занимались исключительно женщины, используя привезенные из России самопрялки и ткацкие станки. В конце XIX в. в селениях, расположенных ближе к торговым центрам, при тканье стали употреблять хлопок, а на смену шерсти, используемой в производстве ковровых изделий, пришло волокно рас-

¹ Омельченко И. Л. Указ. работа. С. 201.

² Ризаханова М. Ш. Указ. работа. С. 43.

³ Максимов Е. Терское казачье войско // Терский сборник на 1891 год. Владикавказ, 1890. С. 127.

тительного происхождения – конопли и льна. Казаки степных станиц нередко изготавливали из грубой шерсти или косицы шерстяную ткань для мешков. Рыболовные снасти и пряжа, необходимая для их плетения, изготавливались крестьянами, живущими по взморью и в дельте р. Терек, потому что рыбный промысел являлся у них одной из статей дохода. В частности, жители с. Черный рынок специализировались на производстве рыболовных сетей¹. Постепенно, с развитием фабрично-заводского производства ряд промыслов исчезает, другие имеют значение только в домашнем хозяйстве.

В Кизлярском округе к середине XIX в. широкое распространение получило виноградно-водочное производство, которое развилось до уровня промышленно-заводского спиртокурения, подчинив себе виноградарство и виноделие. В 1865 г. купец Бароев построил новый паровой завод, а в следующем году их было уже 12, в 1867 г. – 17 и, наконец, число их дошло до 40 в одном Кизляре². В 1889 г. Сараджев организовал выкурку коньячного спирта в Кизляре, уже в 1904 – 1905 г. построил «Фруктово-виноградно-водочно-коньячный завод». Мещанка А.И. Науменкова в феврале 1904 г. получила разрешение открыть огневой фруктово-виноградоводочный завод под одной крышей с коньячным заводом. В марте 1904 г. разрешение на открытие такого же завода получил и кизлярский механик М.Г. Фабриков.

В Хасавюртовском округе, также как и в Кизлярском, большими темпами развивалось винокурение. Надо отметить, что основы винокурения были заложены еще в 70-х гг., когда в сл. Хасавюрте был построен винокуренный завод с паровым котлом, который обеспечивал высокую производительность предприятия. В последующем, в 1894 г. завод был арендован купцом Григорием Бондаренко. Помимо этого завода, действовали огневые винокуренные предприятия, принадлежавшие Свиридову и Банкетову. По данным за 1901 г. в слободе действовало 4 небольших винокуренных предприятия. Кроме того, в сл. Хасавюрт имелись оптовые склады вин, владельцами которых являлись Самарин и

¹ Ризаханова М. Ш. Указ. работа. С. 44.

² Суровикин П. Н. Кизлярский коньячный завод (летопись в фотографиях и фактах). Махачкала, 1972. С. 9.

Свиридов, а также винные погреба и трактиры, принадлежащие Жилину, Сорокину, Буткову¹.

В 70 – 90-е гг. XIX в. в Дагестане начинает зарождаться обрабатывающая промышленность, представленная винодельческой, мукомольной, рыбной, консервной, текстильной, табачной и другими отраслями. Значительная часть этих предприятий принадлежала русским переселенцам – отставным офицерам, промышленникам, вкладывавшим свои капиталы в развитие разных отраслей обрабатывающей промышленности в Дагестане.

Также в Дагестане русские предприниматели наладили огневую сушку плодов и овощей. В 1894 г. в Дербент для демонстрации нового метода сушки плодов и овощей был прислан выпускник Тифлисской школы садоводства Ефрем Варажев. В 1901 г. в Дербенте была открыта единственная в области паровая мельница Ф.И. Мочалова. В 1897 г. Алексей Иванов около с. Аксай построил крупнейшее мукомольное предприятие – мельницу «усовершенствованного типа».

На кавказском побережье пионером морского неводного лова являлся К.П. Воробьев, который в 1893 г. открыл близ Петровска три сельдяных тони, впервые организовал лов сельди в море и ее обработку для последующей реализации на рынке, отправлял в разные города мороженную рыбу, а также консервы, судя по отзывам, не уступающие Одесским фабрикам по своему качеству². Им же в 1895 г. был построен в г. Петровск холодильник стоимостью 185 тыс. руб., рассчитанный на хранение 187 тыс. пудов рыбы³. К.П. Воробьев, за 10 лет своей трудовой деятельности, благодаря новой отрасли рыбной промышленности, организации ловли сельди закидными неводами сумел нажить крупное состояние. У него нашлись последователи, например, предприниматель Егор Киреев владевший несколькими рыбными промыслами в Кизлярском округе («Летний плав» недалеко от с. Черный рынок, «Плот» находился на р. Прорве), арендовавший несколько рыбных промыслов кизлярский мещанин Алексей Иванов⁴. Крупные рыбные промыслы организовал в Аграханском заливе

¹ Мансуров М. Х. Русские переселенцы... С. 59

² Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961. С. 171.

³ Обзор Дагестанской области за 1908 год. Темир-Хан-Шура, 1909. С. 42.

⁴ Мансуров М. Х. Русские переселенцы... С.51.

Иван Тушмалов; рыбные промыслы на р. Сулак были также арендованы в 1897 г. сроком на 6 лет переселенцами Дмитриевым и Башакиным. Однако рыбные промыслы сплошь и рядом переходили из рук в руки, от одного арендатора к другому, из-за разорения, недохода и конкуренции, поэтому мелкие рыбопромышленники вынуждены были оставлять начатое дело, которое тут же переходило в руки другого предпринимателя. Несмотря на определенные трудности, количество арендаторов росло, например в Кайтаго-Табасаранской округе можно отметить А. Самоцветова, А. Фоменко, А. Вишневская, Д. Горбунова, Г. Бельяникова, С. Дрюка, Н. Рогаткина, А. Окунева (г. Петровск), А. Вишневого (г. Грозный), С. Бондаренко (г. Пятигорск), Е. Борисова (Владикав. губер.) и др.

Рыболовство всецело базировалось на вольнонаемном труде. На промыслах работало значительное количество постоянных и сезонных рабочих. В 1903 г. на 79 сельдяных промыслах трудилось от 8 до 10 тыс. рабочих. Рыбопромышленники привлекали в основном квалифицированных рабочих с Черного и Азовского морей, Волги, что позволяло им использовать более передовой опыт рыболовства. С увеличением добычи рыбы предприниматели стали строить в Петровске крупные бондарные мастерские¹. Так в бондарных мастерских Наумкина, Долгополова, Матюхина и Рябицевых трудилось около 1500 бондарей.

Однако хищнический лов, ведшийся в течение ряда лет, привел к истощению рыбных запасов на побережье Каспия. Все это привело к тому, что правительство, с 1 сентября 1908 г. запретило сдачу в аренду войсковых морских вод, с представлением их в пользование казачьего населения. В 1909 г. казаками было организовано «Первое терское казачье рыбопромышленное товарищество», которое было утверждено 15 мая 1910 г. военным министром Сухомлиновым. Администрация оградила товарищество от конкуренции и в дальнейшем проводила активную покровительственную политику. Уже в 1915 г. казаками было поймано 185 тыс. штук сельдей².

¹ Гаджиев В. Г. Указ. работа. С. 301.

² Омельченко И. Л. Указ. работа. С. 229.

Бурное развитие текстильной промышленности в Дагестане способствовало началу строительства в 1897 г., близ Петровска, текстильной фабрики, которое с 1898 г. вело АО «Каспийская мануфактура» во главе с директором-распорядителем Решетниковым и статским советником Петренко. 1 мая 1900 г. фабрика начала работать и уже в 1902 г. численность рабочих составила 795 чел., с доминированием местного русского населения. В 1902 г. на фабрике было изготовлено 40603 пуд. пряжи¹.

Свое развитие в Дагестанской области нефтяная отрасль, и первым среди нефтепромышленников считается В.И. Козляковский, арендовавший нефтяную группу ХХІХ на Берикейской казенной даче. В 1894 г. он пробурил скважину до 54 сажень глубины. Затем началось бурение на заявочных участках – на одном начал работы пермский купец И.И. Любимов, а на другом бакинцы Кварнстрем и Шапиро. Любимов прорубил на участках № 33 и № 482 ручные скважины до 48 сажень глубины, получил газ и небольшое количество густой нефти. Затем дело Любимова перешло к ростовскому купцу Баланову, который в 1900 г. довел скважины на участке № 33 до 99 сажень и получил небольшой приток густой нефти на глубине 60 сажень. Позднее Балабанов приобрел еще 4 участка. Промыслы Кварнстрема и Шапиро перешли к товариществу Бр. «Нобель»². В 1893 г. дворянкой О.А. Царевой было получено разрешение на производство земляных работ для разведки нефтяных источников на участке № 10 в Берикейской казенной даче сроком на 2 года при оплате 5 руб. за дес.³. Аналогичное разрешение было получено О. Диковой на участок № 51⁴, хотя в последующем их отобрали. В 1904 г. участок № 36 площадью в 3 дес. 300 кв. саж. был отведен горному инженеру А.Ф. Васильеву. В 90-х г. ХІХ в. инженер Ханский добывал на Гийк-Салганском месторождении по 20 тыс. пудов серы. В 1902 г. месторождение эксплуатировалось тайным советником Охотниковым. В 1903 г. работы на этом месторождении

¹ Обзор Дагестанской области за 1902 год. Темир-Хан-Шура, 1903. С. 36.

² Обзор Дагестанской области за 1903 год. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 89.

³ ЦГА РД. Ф.58. Оп. 17. Д. 12. Л.3.

⁴ Там же. Д. 19. Л.4.

были прекращены¹. Также немаловажную роль русские предприниматели и зажиточные переселенцы играли и в торговле и основными торговыми центрами на тот период являлись Кизляр, Темир-Хан-Шура, Петровск, Хасавюрт, Дербент².

Значительные торговые обороты были связаны с реализацией продукции хлебопашества. Одним из крупных районов производства хлеба, как уже было отмечено, являлся Хасавюртовский округ. Особенно большое количество зерна было вывезено в конце XIX – начале XX в. после появления на территории Дагестана предпринимательских хозяйств русских переселенцев. Только с 1895 по 1900 гг., по железной дороге из Хасавюрта, было вывезено 1 млн. 268 тыс. пудов хлеба. Кроме того, торговля зерном велась и по морю. Так, купец Иванов, владелец двух крупных мукомольных мельниц, вывозил муку через петровский порт в города Красноводск и Ашхабад, где у него были специальные склады для хранения хлеба. Только за 1896 г. им было реализовано хлеба на 105 тыс. руб.³ После строительства железной дороги из Дагестана стали вывозить фрукты и консервы, не только местные купцы, но и купцы из городов Кавказа и Центральной России. В 1902 г. через транспортную контору общества «Кавказ и Меркурий» было отправлено до 4350 тыс. пудов консервов и 19341 пуд пюре. Кроме того, помимо транспортных контор ежегодно из области вывозилось около 40 тыс. пудов. Мещанин Герасим Дерзинов из сл. Хасавюрт занимался комиссионерством вина по железной дороге⁴. В 1903 г. в Дербенте открылось отделение банка Малютина, основной капитал которого – 10 тыс. руб., был пожертвован торговым домом «П. Малютин и сыновья»⁵.

Таким образом, рассматриваемый период характеризуется важными прогрессивными сдвигами в развитии хозяйства, которые произошли в крае под влиянием активного включения русских переселенцев и русского капитала в различные отрасли экономики Дагестана, в том числе в аграрное, промышленное производство и торговлю. Более того, приведенные исторические

¹ Там же. С.53.

² Гаджиева С. Ш. Указ. работа. С. 175.

³ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1964. С. 282.

⁴ Бексултанов Б. А. Указ. работа. С. 89.

⁵ Обзор Дагестанской области за 1903 год. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 98.

данные свидетельствуют, что успехи многих отраслей промышленности Дагестанской области были зачастую связаны с деятельностью русского населения и русских предпринимателей.

2.4. Социально-экономическое положение русских в Дагестане в 1920 – 1980-е гг.

Характеризуя аграрный сектор экономики, в который вовлечены русские в период с 1920 по 1990 гг., мы в большей степени рассматриваем территорию современных Кизлярского и Тарумовского районов, несмотря на то, что русские, особенно до середины XX в. достаточно компактно проживали в Бабаюртовском, Хасавюртовском, Кизилюртовском, Дербентском районах. Однако вычлениить и установить их пропорциональное участие в сельскохозяйственном производстве в полной мере на сегодняшний момент не представляется возможным. Также, изучая развитие Кизлярщины¹, стоит подчеркнуть, что «русским» этот регион можно назвать условно, так как он всегда был полиэтничным, и если до 1960 г. здесь вместе с русскими проживали, украинцы, армяне, грузины, немцы, ногайцы и др., то в 60 – 80-е гг. XX в. идет масштабное переселение в регион этнических дагестанцев, в результате которого в 90-х гг. XX в. русские на данных территориях оказывались в меньшинстве. Но так как в исторической литературе и политической практике за регионом закрепился статус «русского», мы кратко рассмотрели экономическое развитие именно этого подрегиона республики.

Сельское хозяйство, несмотря на изменения производственных отношений, форм хозяйствования, орудий труда, достаточно длительное время было основой экономики, функционирования и развития Кизлярщины и она по-прежнему остается аграрной частью Дагестана. Летом 1920 г. Кизлярский уезд преобразовался в одноименный округ. Хозяйствование велось индивидуально. В 1923 г. было образовано первое сельскохозяйственное товарищество, сыгравшее, под руководством первого председателя А.Ф.

¹ Кизлярщина – под этим термином, понимается территория Кизлярского, Тарумовского районов и г. Кизляр.

Захарова, большую роль в восстановлении и подъеме отраслей хозяйства, расширении посевных площадей, повышении урожайности сельхозкультур. В 20-е гг. XX в. жители с. Аверьяновка также образовали коммуну «Зеленый гай», которая затем стала колхозом «Вторая пятилетка».

В 1929 г. Кизлярский округ разукрупняется на три кантона: Кизлярский, Шелковской и Караногайский. Кизлярский кантон насчитывал 42,2 тыс. чел. населения с площадью 486 тыс. га. И объединял 27 сельских Советов. В том же году решением Советского правительства кантоны были преобразованы в районы. К этому времени Кизлярский район имел 17,5 тыс. га посевных площадей, 360 тыс. га пастбищных угодий.

В конце 30-х гг. XX в. Кизлярский район успешно справлялся с государственным планом продажи зерна и винограда. В эти же годы в районе было построено два кенафных завода, решались задачи по строительству больших оросительных систем.

Мирное и поступательное развитие Кизлярского района было прервано начавшейся войной. Перед трудящимися города и округа встала ответственная задача – расширить посевные площади, увеличить урожайность сельскохозяйственных культур. Чтобы заменить ушедших на фронт механизаторов, женщины обучились новым профессиям. Только по Кизлярской МТС в 1942 – 1943 гг. 52 женщины стали трактористами, 12 комбайнерами, 45 прицепщиками, 32 сеяльщиками. Большая работа была проделана кизлярцами по эвакуации ценного государственного и общественного имущества. Например, А.Г. Берестовский с пятью помощниками обеспечивал эвакуацию скота из других областей и республик, а также колхозов Кизлярского района. В результате через переправу Бирючок было переброшено свыше 100 тыс. голов скота. Председатель колхоза «Красная Армия» А.Н. Маменко так же организовал эвакуацию вглубь страны общественного и колхозного скота; И.В. Тереченко с угрозой приближения немцев

к Кизляру провел большую работу по эвакуации за р. Терек лошадей, повозок и автотранспорта Кизлярского округа¹.

Первая мирная пятилетка (1945 – 1950 гг.) была пятилеткой подвига советского народа в восстановлении сельского хозяйства и промышленности, улучшения материального положения тружеников села. По развитию сельскохозяйственного производства экономика колхозов и совхозов района намного превзошла довоенный уровень.

За выдающиеся достижения в получении урожая винограда Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1949 – 1950 гг. 21 колхознику области было присвоено звание Героя Социалистического Труда, столько же награждены орденами Ленина, 76 – Трудового Красного Знамени и 186 – медалями².

Кизлярский и Тарумовский районы были одними из самых крупных плоскостных районов, включенных в состав ДАССР в 1957 г. притом орошаемых, с условиями, позволяющими выращивать зерновые культуры. Поэтому этот регион стали называть житницей Дагестана, делая упор именно на развитие зернового хозяйства. Восстановление посевных площадей активно шло после окончания Великой Отечественной войны и коллективные хозяйства районов активно включились в выращивание зерновых культур. Так, их количество в колхозах Кизляра с 1950 – 1953 гг. увеличилось на 23 %, хотя урожайность зерновых оставалась достаточно низкой. Однако, несмотря на это, в 1955 г. колхозы Кизляра сдали государству хлеба на 35624 пуда больше, чем в 1954 г., при этом они полностью обеспечили себя семенами, появилась возможность значительно больше зерна выдать на трудодни колхозникам, а также на фураж скоту. Более того, несмотря на неблагоприятные условия для выращивания зерновых культур, посевные площади в коллективных хозяйствах города расширялись.

¹ *Лысенко Ю. М.* Вклад кизлярцев в Победу в Великой Отечественной войне // Народы Кавказа в Великой Отечественной войне 1945 – 1945 гг. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1945 – 1945 гг. Махачкала, 2005. С. 269.

² *Ширяев С.* Грозненская область. Грозный, 1955. С. 160 – 161.

Благодаря применению удобрений, улучшению агротехники возделывания сельхозкультур отмечался рост урожайности озимой пшеницы. В Кизлярском районе в 1965 г. было собрано по 15,8 ц. с га, в 1970 г. – 17, 1 ц/га, в 1981 – 1985 гг. – 20,3; соответственно в Тарумовском районе – 14,7; 18,2; 17,8 ц/га. Однако, несмотря на отмеченный рост урожайности валовые сборы озимой пшеницы в Кизлярском районе неуклонно снижались: в 1965 г. было собрано 243,6 тыс. ц., в 1970 г. – 191,3 тыс./ц., в 1975 г. – 103,4¹.

Снижение валовых сборов явилось результатом уменьшения посевных площадей под озимой пшеницей. Если в 1965 г. в Кизлярском и Тарумовском районах посевные площади составили 15,9 тыс. га и 9,2 тыс. га, то в 1976 г. соответственно – она составляла 5,0 тыс. га и 4,1 тыс. га². Часть земель была переориентирована под выращивание высокоурожайных зерновых культур – риса и кукурузы. А также некоторая часть земель стала использоваться под выпасы для отгонного животноводства. Но, несмотря на низкую урожайность, на полях Кизлярщины выращивали шестую часть озимых Дагестана.

Низкая урожайность зерновых колосовых объяснялась тем, что земледелие велось на землях, нуждающихся в коренной мелиорации. Почвы дельты Терека большей частью солончаковые, нуждающиеся в рассолении. Перспективной зерновой культурой специалисты признавали рис, поскольку урожайность его была намного выше озимой пшеницы и его можно возделывать на засоленных почвах.

В 1965 г. Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС рассмотрел причины отставания рисосеяния и наметил пути по расширению выращивания посевов рис, в частности, в хозяйствах Кизлярщины начала осуществляться реконструкция оросительной системы. С 1966 по 1970 гг. было сдано в эксплуатацию под рис полей инженерного типа – 2100 га³ и на базе существующих колхозов были созданы крупные рисоводческие совхозы «Горьковский», «Путь Ленина», «Россия», а позже «Огузерский», «Мелиоратор», «Цветковский». В общедагестанском урожае, доля киз-

¹ Дагестан к 60-летию Великого октября. Махачкала, 1972. С. 15.

² Там же.

³ ЦГА РД. Ф. 2377-П. Оп. 1. Д. 383. Л. 65.

лярского и тарумовского риса была относительно высокой: в 1965 г. из 157485 ц. риса, выращенных в Дагестане, 56933 ц., 36 % было получено на Кизлярщине, а в 1970 г. – более 70 %¹.

Большие успехи в развитии зернового хозяйства Кизлярщины отмечены в 1987 г., когда земледельцы Кизлярского района впервые достигли сотысячного рубежа валового производства зерна. Однако экономический кризис 90-х гг. прошлого столетия, сопровождавшийся сокращением финансирования сельского хозяйства имел негативные последствия для развития зерноводческих хозяйств Кизлярского района. Тем не менее, хозяйства, расположенные в дельте Терека, несмотря на экономический спад и в 90-е гг. XX в. продолжали заниматься рисосеянием и получать неплохие урожаи, среди них совхозы «Горьковский», «Россия», «Мареновский», а также ДОМС².

Если обратиться к анализу состояния другой традиционной сельскохозяйственной отрасли – виноградарству, то, ознаменовавшее войнами (Первая мировая, Гражданская, вторая мировая) первая половина XX в., со сменой существовавшей общественно-экономической формации, отрицательно сказалось на его развитии. В 30-е гг. на Кизлярщине на базе частных виноградников крупных предпринимателей и бывших помещиков, экспропрированных после установления Советской власти, были созданы коллективные виноградарские хозяйства.

После окончания Великой Отечественной войны начался подъем виноградарской отрасли, в хозяйствах были проведены большие работы по расширению посадок культурных лоз, переводу виноградников на шпалеру и распространению широкорядной посадки кустов, позволяющей механизировать их обработку. Повышение агротехники и улучшение ухода за виноградниками значительно подняли валовые сборы винограда. За 1950 – 1952 гг. площадь виноградников в колхозах города выросла с 795 га до 918,7 га, в том числе 537 га было плодоносящих³, в совхозах с 951 га до 1135 га, доля плодоносящих составляла 657,6 га. В 1951

¹ Там же. С. 95.

² Лобанов В. Рис: хотим как лучше, продолжается как прежде // Дагестанская правда. 1999. 1 октября. С. 3.

³ ЦГА РД. Ф. 2730-п. Оп. 1. Д. 193. Л. 80.

г. в колхозах было посажено виноградников на территории 44,5 га, в 1952 г. – 60 га, в 1953 г. – 30 га. За 1950 – 1952 гг. колхозы города получили урожай с одного гектара в 1950 г. – 41 ц., 1951 г. – 134 ц., в 1952 г. – 61,9 ц. В совхозах в 1950 г.: – 25 ц., в 1951 г. – 100 ц., 1952 г. – 60-70 ц., в 1953 г. 130 ц.¹.

Характерным явлением развития виноградарства в Кизляре был рост урожайности. Если в 40-х гг. XX в. совхозы получали самый низкий урожай – 25 ц. с га, то в начале 50-х гг. урожайность повышается до 100 – 130 ц. с га. Также за этот период увеличились площади под виноградниками с 2446 га до 2880 га². На Кизлярщине выросла большая группа мастеров-виноградарей, добившихся урожайности 180 – 220 ц. винограда с га. За получение высоких урожаев многие колхозники-виноградари были награждены орденами и медалями Советского Союза, а 26 труженикам Кизляра было присвоено звание Героя Социалистического Труда, в том числе С. Пачикову, Е. Григорьянцу, Д. Чухновой, А. Михитарову, Р. Мигерову, получившим рекордные урожаи винограда до 200 и более ц/га. Средняя урожайность винограда в колхозах г. Кизляр в 1950 г. составила 120 ц/га. Это почти в два раза превышало среднюю урожайность виноградников в Дагестане и Ставропольском крае. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июня 1956 г. «Об увеличении производства и заготовок плодов, ягод и винограда», способствовало улучшению экономики виноградарских хозяйств и явилось мощным рычагом для дальнейшего их развития. Повышение закупочных цен усилило материальную заинтересованность колхозов и совхозов в развитии виноградарства.

Только в 1957 г. за сданный государству виноград, кизлярские колхозы получили свыше 6,5 млн. руб., отличился колхоз «Вперед», получивший 10 млн. руб.³. Среди виноградарских коллективов наиболее крупным стал, созданный в 1924 г. на базе 203 частных садовладений, расположенных на северо-восточной окраине Кизляра, совхоз «Кизлярский». В 1955 г., его директор Иван Досов отмечал, что с общей эксплуатационной площади

¹ Там же. Л. 81.

² Там же. Д. 160. Л. 90.

³ ЦГА РД. Ф. 2377-П. Оп. 1. Д. 305. Л. 67.

856 га получено в среднем по 132 ц. с га. Валовой сбор винограда превысил плановый на 4630 т., или на 70 %. Самые высокие показатели были у бригады, руководимой Н.В. Турлюном, урожайность в которой составила 170 ц., валовой сбор – в два раза превысил плановый. Почти по 169 ц. винограда с га получили работники 14-й бригады во главе с бригадиром А.Л. Новиковым¹.

Решающую роль в возделывании виноградников и увеличении их урожайности сыграл возросший агротехнический уровень, своевременное проведение основных циклов работ на плантациях, более широкая механизация. Замена тахтовой (коллекторной) системы полива плантаций – бороздковой позволила в большем масштабе применить тракторную культивацию междурядий. Повсеместно были построены полумеханизированные эстакады для приготовления бордосской жидкости и др. Совхоз не только выращивал и собирал виноград, но и перерабатывал его, при нем имелось три винодельческих пункта, которые за сезон 1959 г. переработали почти 14 тыс. тонн винограда². Вина совхоза «Кизлярский» за 1956 – 1959 гг. получили высокую оценку в стране и за рубежом. Четыре медали совхоз получил на ВСХВ.

Отличные результаты были и в других коллективных хозяйствах – «Красный восход», «Победа» Кизлярского, колхоз «Первая пятилетка» Тарумовского районов. В колхозах Кизляра занимались также выращиванием чубуков не только для внутривосхозных нужд, но и для всей республики. В 1962 г. колхозы и совхозы Кизлярского района посадили 74,9 га фруктовых садов при плане весенней посадки 50 га, винограда же было посажено 37,5 га при плане 50 га³.

Хорошие климатические условия сделали виноградарство наиболее экономически выгодной среди всех отраслей сельского хозяйства региона. В 1962 г. 1 гектар виноградника давал 150 руб. прибыли, а овцеводство – 45 руб. В шестидесятых годах в отдельных хозяйствах значительную часть денежных доходов составляли доходы именно от виноградарства. Так, в колхозах Кизлярского района доход от этой культуры составлял до 70 – 80 %

¹ Досов И. Высокими темпами // Дагестанская правда. 1959. 31 октября. С. 3.

² Там же.

³ ЦГА РД. Ф. 2377-п. Оп. 1. Д. 364. П. 34.

всех доходов¹. В 1960 – 1965 гг. урожайность в колхозах г. Кизляра составляла 112,2 ц. с га, а в колхозах г. Дербента – 87 ц. Урожайность виноградников в колхозах Кизлярского района была в 2,6 раза больше, чем в колхозах Дербентского района².

На Кизлярщине стали выращивать виноград пяти основных высокоурожайных сортов: алый терский, ркацетели, пиногри, алиготе-саперави. Марочные вина «Кизлярское десертное», «Терское десертное» и портвейн «Кизляр» на международных выставках к 1979 г. получили 25 медалей, из которых 13 золотых.

Таким образом, высокие урожаи винограда на территориях его традиционного выращивания являлись результатом применения передовой агротехники, ликвидации изреженности, концентрации производства, внесения достаточного количества местных и минеральных удобрений, своевременной и качественной борьбы против вредителей. Старые виноградники списывались, вырубались, промывалась почва. Ежегодно строилось свыше 100 км. подводных оросительных каналов³. При этом с каждым годом повышался уровень механизированных работ на виноградниках, внедрялись в производство новейшие достижения науки и передового опыта, новаторов производства.

В совхозе «Кизлярский» за 1980 г. было сделано межкустовой обработки почвы на 1958 га при плане 1500 га, при этом сэкономлено было 22100 руб. Открытие виноградников воздушным потоком на площади 923 га дало экономию 26 тыс. руб. Механизированное снятие лозы со шпалеры на 985 га составило экономию 17986 руб.⁴. Ежегодная прибыль совхоза составляла 2 – 2,5 млн. руб.⁵.

Но не все было гладко в виноградарской отрасли. Успехи передовых хозяйств скрывали недостатки в других колхозах и совхозах Кизлярского и Тарумовского районов. Так, на 36 район-

¹Агаларханов М. Д. Настоящее и будущее сельского хозяйства Дагестана. Махачкала, 1965. С. 46, 54.

²Там же.

³Лысенко Ю. М. Северный Дагестан. 1957 – 2000 гг. (аспекты социально-экономического развития Кизляра, Кизлярского и Тарумовского районов). Махачкала, 2005. С. 43.

⁴АОА КР. Ф.р.-128. Оп. 2. Д. 7. Л. 4.

⁵Жидков Н. Преображенные плантации // Кизлярская правда. 1979. С. 3.

ной партийной конференции (1967 г.), директор совхоза «Кизлярский» И. Досов остановился на вопросах дальнейшего развития винограда в Кизлярском районе, подчеркнув необходимость расширения площадей под виноградниками, для обеспечения коньячного завода сырьем. Так, в 1965 г. было получено от хозяйств сырьевой зоны и переработано винограда 10475 т., в 1966 г. – 8858 т., в 1967 – 6145,8 т.¹ Основными причинами снижения заготовок было ежегодное сокращение площадей под многолетними насаждениями и снижение урожайности винограда.

На 1 января 1961 г. по хозяйствам сырьевой зоны насчитывалось 2375 га виноградников, а на 1 января 1967 г. их осталось 2099 га, то есть за семь лет площади уменьшились на 276 га². В Кизлярской зоне, за исключением совхоза «Кизлярский» системы объединения «Дагвино» не было ни одного специализированного хозяйства по выращиванию винограда. Ранее созданные виноградарско-плодопитомнические совхозы (им. Урицкого, «40 лет Октября», «Юрковский», им. Крупской) стали животноводческими хозяйствами, тогда как в условиях Кизлярского и Тарумовского районов рентабельным является виноградарство. Опыт работы всех колхозов и совхозов районов убедительно подтверждал необходимость независимо от их специализации, иметь виноградники на площади 100 – 200 га, потому что эта доходная отрасль позволяла значительно улучшить хозяйственно-финансовую деятельность хозяйств³.

Перепрофилирование хозяйств было связано с политикой проводимой руководством ДАССР и Министерством сельского хозяйства, которые при разработке перспективного плана развития виноградарства на 1976 – 1980 гг. приняли предложение Республиканской плановой комиссии, по которому северная часть равнины Дагестана становилась зоной высокотоварного кормопроизводства, скотоводства и преимущественно орошаемого зернового хозяйства с рисосеянием. Виноградарству же была отведена роль дополнительной культуры, что негативно отразилось на состоянии отрасли в целом. На все предложения руководителей хозяйств региона по развитию виноградарства, направленные

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 3055. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Ф. 2377-П. Оп. 1. Д. 400. Л. 63.

в различные инстанции – «Дагвино», отдел легкой и пищевой промышленности обкома КПСС, Министерство сельского хозяйства, ответ был практически одинаковым – «по имеющимся почвенным и гидрогеологическим материалам в колхозах Кизлярского и Тарумовского районов 80 % почв, из-за близкого залегания грунтовых вод и засоление под виноградные насаждения непригодны, в связи с чем организовывать специализированные виноградарские совхозы нецелесообразно»¹. При этом со счетов сбрасывался вековой опыт кизлярских виноградарей, высокая доходность этой культуры, в угоду развития животноводства.

Конечно, несмотря ни на что, виноградарство по прежнему развивалось в некоторых колхозах Кизлярского района – «Красный Восход», «Вперед», совхозе «Кизлярский». Только в 1984 г. совхоз «Кизлярский» реализовал государству 10774 т. винограда, или 43 % от общего урожая района. Плантации под виноградниками занимали 947 га. Это была третья часть всех виноградников Кизлярского района. Урожайность за 1975 – 1980 гг. составила по 110,6 ц/га². Однако, если до 1985 г. виноградарство и виноделие в районах низовьев Терека развивались в соответствии с отраслевой программой, то после принятия антиалкогольного указа началось интенсивное разрушение отрасли.

Также в рамках изложения социально-экономического аспекта, представляется необходимым обратиться и к другой отрасли – животноводству. Некоторые успехи в *животноводстве* в рассматриваемых районах были достигнуты благодаря организации в феврале 1962 г. в Дагестане хозрасчетного треста «Скотопром», с включением в его состав 6 специализированных откормочных совхозов в Тарумовском, Кизлярском и других районах. В 1962 г. «Скотопром» отправил на мясоперерабатывающие предприятия Дагестана 24,4 тыс. т. скота в живом весе и 11,3 тыс. т. – в Азербайджан, Чечено-Ингушетию, Северную Осетию и Астраханскую область³.

¹ЦГА РД. Ф. 1-П. Оп. 2. Д. 3055. Л. 4.

² *Лысенко Ю. М.* Северный Дагестан... С. 45.

³*Искендеров Г. А.* История совхозного строительства в Дагестане. 1920 – 1980 гг. М., 1982. С. 92.

Ценный опыт в разведении мясного скота, организации промышленного скрещивания был накоплен в совхозе «40 лет Октября» Тарумовского района, что свидетельствовало о наличии огромного потенциала в колхозах и совхозах республики в увеличении производства мяса и повышении качества. В 1967 г. в совхозе «40 лет Октября» была организована специализированная мясная ферма для производства дешевой говядины. В колхозе им. Второй пятилетки Кизлярского района также была создана специализированная откормочная бригада, которая ежегодно откармливала 350 – 400 голов молодняка крупного рогатого скота и получали 15 – 20 т. дополнительного привеса. Большое внимание хозяйства уделяли развитию овцеводства. Многие чабаны колхозов и совхозов Кизлярского и Тарумовского районов брали на себя высокие обязательства и добивались высоких результатов. Так, чабан колхоза им. Ленина, лауреат Государственной премии А. Михайлов вступил в соревнование за коммунистический труд в начале 1959 г. Он обязался сохранить к концу 1959 г. от каждой 100 овцематок 129 ягнят и настричь с каждой овцы по 6,7 тонкой шерсти¹. Многие овцеводы показывали и более высокие результаты, например, Тыхтыло И. С. из колхоза «Россия» получил по 8,1 кг шерсти с 1227 голов овец. И.А. Лазаренко, старший чабан опорно-показательного хозяйства им. XX Партсъезда, в 1962 г. получил и сохранил по 120 ягнят. Настриг шерсти с одной головы составил 7 кг, на каждого члена бригады настриг шерсти составил в среднем по 16 центнеров².

Таким образом, правильная организации работы в животноводстве способствовало улучшению показателей в данной отрасли. Так Кизлярский и Тарумовский районы часто становились победителями в республиканских и союзных социалистических соревнованиях. Участвуя в социалистическом соревновании среди районов плоскостной зоны, в 1974 г. Кизлярский район добился лучших показателей, и по его итогам был признан победите-

¹Гасанов Р. М. Руководство партийных организаций Дагестана развитием движения за коммунистический труд в сельском хозяйстве (1959 – 1965 гг.) // Вопросы истории Дагестана и северного Кавказа (Советский период). Вып. 1. Махачкала, 1973. С. 277.

²Наши маяки // Блокнот агитатора. 1963. № 5. С. 15.

лем и руководству Кизлярского района было вручено переходящее Красное Знамя Обкома КПСС и Совета Министров ДАССР¹.

Социально-экономические реформы 90-х гг. способствовали убыточности молочно-товарных ферм Кизлярщины, на фоне повального сокращения КРС. Например, совхоз «Галовский» в конце 80-х гг. имел около 4 тыс. голов крупного рогатого скота, где работала специализированная МЖС, то к 1997 г. сам совхоз и МЖС стали банкротами². В некоторых хозяйствах МТФ сохранили в качестве подсобных хозяйств, и только единичные хозяйства продолжают развивать животноводство. Также сократилось и общее овцепоголовье.

Во второй половине XX в. больших успехов в выращивании птицы добились в хозяйствах Кизлярщины, особенно в совхозе «Октябрьский», где было создано мощное специализированное хозяйство со всеми вспомогательными службами. К 1975 г. практически все птицеводство Кизлярского района было сосредоточено в одном совхозе «Октябрьский». Концентрация производства птицеводства в крупном хозяйстве имела большое значение, что позволило организовать выращивание птицы на научной основе и повысить продуктивности птицы. Птицесовхоз «Октябрьский» стал самым лучшим по всем показателям треста «Птицепром» Дагестана. Он отличался постоянным выполнением и перевыполнением планов, наращиванием производства, удешевлением себестоимости производимой продукции. Например, прибыль совхоза «Октябрьский» за 1975 г. составила 905,1 тыс. руб., вместо плановых 900, план по мясу план был перевыполнен на 124 тонны, яиц на 1994 тыс. штук, по отношению к 1974 г. соответственно на 200 % и 130 %³. Яйценоскость на одну курицу-несушку составила в 1976 г. – 185,7, в 1975 г. – 153, в 1975 г. было 186,0 проинкубировано яиц, в 1976 г. – 2861,0⁴.

Экономический кризис, начавшийся в 90-е гг., отбросил большинство сельхозпредприятий региона на многие десятилетия

¹ЦГА РД. Ф. р-558. Оп. 1. Д. 41. Л. 17.

²Иванов А. Живет село нелегкими заботами // Дагестанская правда. 1997. 18 октября. С. 3.

³ЦГА РД. Ф. р.-558. Оп. 1. Д. 75. Л. 39, 40.

⁴Там же. Оп. 2. Д. 6. Л. 27.

назад. Брошенные на произвол судьбы, большинство дагестанских птицефабрик, приостановили производство. Это же предприятие смогло выстоять и на сегодняшний день является наиболее благополучным в Кизлярском районе.

Традиции рыболовства, являвшимся одной из отраслей хозяйства, русского населения этого региона в XX в. претерпели значительные изменения. После установления Советской власти начинаются процессы обобществления и коллективизации. В конце 20-х – нач. 30-х гг. XX в. создаются рыболовецкие колхозы, были обобществлены средства ловли. В то же время рыбная ловля в регионе оставалась подсобной отраслью индивидуального хозяйства. Государство, в первую очередь, помогало коллективным рыболовецким хозяйствам, но развитие отрасли было сопряжено большими трудностями. В низовьях Терека было более десятка рыболовецких поселков, в которых были созданы рыболовецкие колхозы «Победа Каспия», «Волна революции», «им. Сталина», «им. Четвертой пятилетки», «им. Кирова», «Путь к коммунизму», также открываются рыболовецкие и перерабатывающие заводы – «Брянский», «Коллективизатор», «Красный рыбак», «Старотеречный», «Тюлений», рыбокомбинат Крайновский, моторно-рыболовная станция¹.

В конце 30-х гг. XX в. рыболовецкие колхозы сдавали государству 12 и более тыс. тонн «красной» и частичковой рыбы. В годы Великой Отечественной войны количество полукустарных рыбозаводов возросло. Рыбозаводы принимали рыбу, как от коллективных хозяйств низовьев Терека, так и от индивидуальных рыбаков. Труд на заводах был практически не механизированным, рыбу солили в больших чанах, сушили на свежем воздухе, большую часть её направляли на фронт.

В 50-х гг. XX в. с сокращением площади всей системы Терских разливов на Аракумских водоемах промышленный лов был прекращен, а на Нижнетерских и Каракольских водоемах рыбопродуктивность соответственно снизилась. У колхозов не хватало средств для приобретения орудий лова, в трудном положении оказались колхозы «Победа Каспия» и «Волна Революции», «им. Калинина» и «Четвертая пятилетка». Руководители этих хозяйств

¹ ЦГА РД. Ф. 2377-п. Оп. 1. Д. 364. Л. 1.

настаивали на развитии прудового хозяйства, так как население, имевшее давние хозяйственные и культурные традиции рыболовства, было ориентировано на занятие в данной сфере.

«Голос» крайновско-кизлярских рыбаков был услышан и с 1960 г. в республике принимались меры по улучшению внутренних водоемов¹. В 1962 – 1963 гг. «Гидрорыбпроект» были разработаны схемы мероприятий по воспроизводству рыбных запасов во внутренних водоемах и развитию прудового хозяйства республики. Уже в 1963 г. вступили в эксплуатацию нагульные прудовые хозяйства рыболовецких колхозов «Красная звезда» и «Путь рыбака», расположенные в Тарумовском районе², хотя вплоть до 1967 г. они были малоэффективными.

Развитие прудового рыбоводства было связано и с тем, что до 1961 г. рыболовецкие колхозы, объединяемые Дагрыбколхозсоюзом вели промысел, в основном в море, а с 1961 г. на Каспийском море были введены новые правила рыболовства, по которым лов рыбы сетями и неводами был запрещен. В результате, морской промысел стал малорентабельным, так как затраты на ремонт флота и постройку орудий лова не компенсировались доходами, финансовое состояние колхозов ухудшилось, снизились заработки рыбаков, что вело их к увольнению из рыбоколхозов³.

Общий вылов рыбы колхозами снижался, два рыбоперерабатывающих предприятия Кизлярского района (Крайновский комбинат и рыбозавод Брянский) понесли до 2 млн. руб. убытков⁴. Для выведения отрасли из кризиса в 1965 г. было сдано в эксплуатацию и закреплено за рыболовецкими колхозами более 36 тыс. га озер, в 1968 г. были введены в эксплуатацию первые очереди Широкольского и Суюткинского полносистемных прудовых хозяйств⁵. Данные действия были направлены на увеличение уловов частиковой рыбы во внутренних водоемах, для привлечения трудоспособного населения рыбоколхозов, сохранение

¹Серажутдинов О. А. Рыбная промышленность Дагестана и перспективы ее развития // Проблемы развития экономики Дагестана. Вып. VIII. Махачкала. 1970. С. 171.

²Лысенко Ю. М. Северный Дагестан ... С.69.

³ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 3057. Л. 4.

⁴Там же. Д. 3033. Л. 6.

⁵ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 3057. Л. 5.

кадров рыбаков. Как показал опыт работы некоторых колхозов, добыча рыбы в восстановленных водоемах была вполне эффективна.

В этих условиях следовало ожидать, что Дагрыбакколхозсоюз, объединявший рыболовецкие колхозы Дагестана, будет содействовать переключению колхозов на лов во внутренних водоемах и сохранению специализации колхозов для обеспечения рыбопромышленных предприятий высокоценным сырьем и населения республики, прилегающих промышленных центров свежей рыбой.

Объединение «Дагрыба» несколько лет добивалось ликвидации Дагрыбакколхозсоюза и концентрации его функций в одних руках. Дагтеруправлением рыбной промышленности к 1972 г. в Кизлярском и Тарумовском районах было восстановлено до 50 000 га озер, организовано озерно-товарных хозяйств на площади более 3200 га и свыше 3000 га рыбопитомников и прудов по выращиванию товарной рыбы¹.

Однако районные комитеты партии настоятельно возражали против такого объединения, так Кизлярский районный комитет партии отмечал, что «в рыболовецких колхозах построено прудовое хозяйство», и это позволило продать в 1972 г. 9282 ц. рыбы, а в стадии строительства находится 1500 га. Но кроме этого рыболовецкие колхозы стали заниматься развитием сельского хозяйства. Тарумовский РК КПСС также отмечал, что подобную реорганизацию проводить нецелесообразно, так как руководство и труженики колхозов категорически возражали против передачи их промышленной организации «Дагрыба». Также, игнорирование воли колхозников означало бы нарушение демократических основ коллегиального хозяйства. В рыболовецких колхозах «Красная звезда», «Путь рыбака» было создано полносистемное прудовое хозяйство на площади 664 га, с которых в 1972 г. было продано государству 662 т. прудовой и 300 т. морской рыбы².

В середине 80-х гг. XX в. на территории Каспийско-Терского района действовали полносистемные прудовые хозяйства: объединения «Дагрыба» – Широкольское и Суюткина коса, рыбопитомни-

¹ Там же. Д. 3758. Л. 19.

² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 3058. Л. 21.

ки Новый Бирюзьяк, Уйташ и Змейка. Разведением и выращиванием прудовой рыбы здесь занимались и рыболовецкие колхозы «Путь рыбака», «Красная звезда», «Победа Каспия» и «им. Кирова».

Успешно справлялся с планами производства и реализации рыбы Широкольский комбинат прудового рыбоводства, который за 1981 – 1985 гг. отправил в торговую сеть более 3,5 тыс. т. рыбы¹. Рыбообрабатывающая промышленность в Кизлярском районе в 1985 г. была представлена единственным и старейшим в Дагестане предприятием Крайновским рыбокомбинатом, участки которого были расположены в прибрежных селах. Созданный на основе существовавших некогда самостоятельных рыбозаводов побережья, отсталых в техническом отношении, комбинат в 80-е гг. был оснащен новой техникой². Но были и трудности в работе рыболовецких хозяйств, связанные с неэффективностью использования 13 тыс. га озерно-товарных площадей прудового рыбоводства³. Все рыболовецкие и рыбоводческие хозяйства региона сталкивались с проблемой реализации выловленной рыбы в городах республики. Недостаток автотранспорта приводил к простоям в отлове рыбы, и её гибели. Для прудовых хозяйств легче было вырастить рыбу, чем ее сбыть.

Промышленность на территориях компактного проживания русского населения в XX в. в основном была сосредоточена в Кизляре, в значительной части предоставленная перерабатывающими предприятиями небольшой мощности. В 30 – 50-е гг. местная промышленность Кизляра состояла из небольших, кустарного типа предприятий: трех артелей: «Октябрьская революция», «Новый путь», им. 1 Мая, горместпрома, горпищекombината, торглегпрома, хлебозавода, молокоперерабатывающего завода «Райсырпром», спирто-коньячного завода, учебно-производственного предприятия общества слепых, производственно-заготовительной конторы с убойным пунктом, мельницы, строительного управления № 5. В 50-е гг. наблюдается качественное улучшение их работы, на базе старых предприятий строятся новые, с более высоким уровнем техники. Однако промышленность в городе разви-

¹ ЦГА РД. Ф. 2628-п. Оп. 1. Д. 478. Л. 22.

² Степанов В. Продолжая взятый курс // Кизлярская правда. 1985. 28 сентября. С. 2.

³ ЦГА РД. Ф. 2628-п. Оп. 1. Д. 478. Л. 22.

валась трудно, хотя труженики Кизляра старались выполнять поставленные перед ними производственные планы. Так за 1951 г. легпромкомбинат, артель им. 1 Мая, УПП ВОС, горместпром, артель «Октябрьская революция» увеличили выпуск валовой продукции, по сравнению с 1950 г., в два раза¹. Но на предприятиях Кизляра была низкая производительность труда и слабо механизированное производство. В 1951 – 1955 гг. произошел определенный рост промышленности. Но местная промышленность испытывала большие трудности в поставках сырья, новой техники, строительстве новых производственных корпусов. Промышленные предприятия в большей степени ориентировались на покупателей только своего региона. Артелями и заводами выпускалось большое число наименований продукции, что не всегда было оправданным. Не всеми предприятиями выполнялись производственные планы в намеченных объемах. Слабой была помощь предприятиям Кизляра со стороны областного центра (что Махачкалы в 20 – 30-е гг., Ставрополя в 30 – 40-е гг., Грозного в 40-е – 50-е гг. XX в.). Тем не менее, многие рабочие – кизлярцы достойно трудились на предприятиях и в организациях, внося посильную лепту в развитие города, области и страны. А на коньячном заводе, именно, в 50-е гг. XX в. был заложен фундамент будущих успехов кизлярских коньяков. В 1914 г., в связи с началом Первой мировой войны, производство коньяков было запрещено и только в 1924 г. Советское правительство решило возобновить его выработку. В период с 1924 по 1940 гг. коньячный завод находился в подчинении различных организаций, а само коньячное производство находилось в упадке. Только перед самой Великой Отечественной войной коньячный завод заработал на сверхполную мощность. В 1942 г. большая часть спиртов была отгружена на Тбилисский коньячный завод. В 1946 г. в Кизляре был организован Кизлярский коньячный трест «Росглавино», который назывался коньячным, хотя его работа была ориентирована на производство вина. Слабое развитие коньячного производства объяснялось, в первую очередь, отсутствием грамотных кадров. На заводе не было электроэнергии, требуемого парового хозяйства, спиртохранилищ, вся работа проводилась вручную. В

¹ ЦГА РД. Ф. 2628-п. Оп. 1. Д. 154. Л. 54.

конце 40-х – первой половине 50-х гг. на заводе была проведена реконструкция. Трест «Росглавино» направил на завод подготовленных молодых кадров, без которых невозможно было наладить производство коньяков¹.

В августе 1949 г. «Росглавино» направило в Кизляр выпускника Московского пищевого института А.А. Чтецова. В октябре 1949 г. из треста на завод направляется старший винодел А.Я. Лапко, в 1950 г. инженеры-технологи В.М. Вовченкова и Ф.М. Хобта, молодой специалист Л.Ф. Андреев и Л.Н. Карнаушенко – энохимик. Таким образом, с 1955 г. на заводе стали работать специалисты с высшим образованием. Опираясь на старые кадры рабочих, они добились больших успехов в развитии коньячного производства, повышении качества выпускаемых коньяков, механизации производства, строительстве помещений и оборудовании цехов².

С расширением мощностей завода, установлением оборудования новой аппаратуры, требовались кадры, которые могли бы управлять всем этим. Необходимо было создать школу техминимума при заводе и переквалифицировать старых мастеров и готовить новых. Новыми были молодежь, комсомольцы, пришедшие на завод после школ. Они прекрасно овладели техникой и технологией производства, перевыполняли задания с хорошими качественными показателями и высокой производительностью труда.

В 1957 – 1960-е гг. на заводе были построены производственные помещения, комната отдыха, лаборатории. В это же время решалась серьезная задача – жилищная проблема, ибо нехватка жилья способствовала высокой текучести кадров. В 1956 г. для рабочих был построен четырехквартирный дом, а в 1957 г. дом для инженерно-технических работников, к 1959 г., благодаря предпринятым мерам, руководству завода удалось окончательно решить жилищную проблему.

В 1955 – 1960 гг. коллектив инженерно-технических работников добился хороших результатов. В 1955 г. был выпущен первый марочный коньяк КВ из спиртов 6 – 7 летней выдержки. Авторами его были коньячный мастер А.А. Чтецов и А.Я. Лапко. На

¹ *Суровикин П. Н.* Указ. работа. С. 23.

² *Лысенко Ю. М.* Северный Дагестан... С. 84.

Всесоюзной дегустации в Москве коньяк получил оценку 9,5 баллов при 10 бальной системе. В 1957 г. была выпущена вторая марка коньяка «Юбилейный Дагестанский» из спиртов 8 – 9 летней выдержки с крепостью 45⁰, такое название ему было дано в связи с присоединением Кизляра к Дагестанской АССР и 40-летием Советской власти. В 1959 г. выпущена третья марка коньяка «Кизляр» из спиртов десятилетней выдержки. Одновременно с выпуском марочных коньяков намного улучшилось качество ординарных 3 – 4 и 5-ти звезд.

Коньяки «Юбилейный Дагестанский» и «Кизляр» в 1960 г. на международной выставке в городе Будапеште получили серебряные, а потом золотые медали. Кроме коньяков завод выпускал вина: портвейн, мадеру, розовое десертное, кагор, Кизлярское десертное, Рка-Цители, сухое. В 1958 г. на завод стали поступать вина из Дербента, Махачкалы, Мамед-Калы. Продукция Кизлярского коньячного завода отгружалась в Москву, Ленинград, Омск, Свердловск¹.

На заводе большое внимание уделялось уменьшению себестоимости производимого коньяка, ускорению процесса его созревания, для чего были усилены связи с научно-исследовательскими институтами за пределами Дагестана.

В 1963 г. началось строительство нового современного коньячного завода и уже в 1966 г. вступила в действие первая очередь. Но строительство завода, начатое в 1963 г., растянулось на 15 лет, потому что в 1972 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». Это постановление ударило по виноградарству и связанному с ним промышленному производству. Принятие такого постановления сразу же сказалось на работе завода. За четыре года девятой пятилетки коньячным заводом было выкурено спирта около 260 тыс. дал, то есть не более объема одного 1970 г.². Виноконьячное производство в общем объеме промышленности города сократилось с 56 до 36 %. Эта тенденция развития коньячного производства сохранилась и в последующие

¹АОА ГОК. Ф.р-23. Оп. 3. Д. 23. Л. 127.

²ЦГА РД. Ф.р. 2730-П. Оп. 1. Д. 491. Л. 106.

годы¹. Несмотря на это, завод продолжал уделять внимание повышению качества выпускаемой продукции, хотя практически не имел рекламаций². На конец 1970 г. валовая продукция завода составила около 30 млн. руб. Выросла выдержка коньячных спиртов, в среднем составив 600 тыс. дал. В 1970 г. коньячный завод вырабатывал три сорта ординарных коньяков 3 – 4 – 5 звезд, коньячный напиток «Южный», марочные коньяки –КВ (коньяк выдержанный), КВВК – «Кизляр», «Лезгинка», «Юбилейный Дагестанский», «ОС» (особо старый), «Дагестан» и «Россия». Марочные коньяки на международных выставках были отмечены тринадцатью золотыми и девятью серебряными медалями.

В мае 1985 г. были опубликованы постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», устанавливающие строгие запреты на производство и реализацию виноводочных изделий, под корень вырубались огромные площади виноградников. Руководство завода заставили перепрофилировать два крупных заводских винпункта на производство безалкогольной продукции, ливкидировать 16 автоматических технологических линий по переработке винограда и заменить их одной линией ручного розлива виноградного сока. Производственные же «успехи» квалифицированных виноделов по выпуску безалкогольного напитка были следующими: в 1987 г. было наполнено три тыс. баллонов, в 1988 г. еще 10,5 тыс. и на этом потребность в виноградном соке была исчерпана. После такого антиалкогольного удара и наступившего экономического кризиса по всем производственным законам, кизлярскому коньячному делу была уготована незавидная участь. Но в этот критический в судьбе предприятия момент, его возглавил В. Григорьянц. Смекалка потомственного винодела, знания, опыт работы в коньячном производстве, личные деловые качества позволили ему верно выбрать курс развития предприятия. Опыт и мастерство работников комбината В. Касимовой, А. Анисимовой, Л. Яценко, Л. Шведовой, Н. Осиповой, рабочих Р. Богдановой, В. Панченко, А. Медник, Л.

¹Там же. Д. 593. Л. 108.

²*Иванова И.* Главное качество // Кизлярская правда. 1980. 9 декабря. С. 3.

Евтушенко и других, позволили заводу выбраться из кризиса¹ и он прочно стал на ноги.

Еще одно крупное предприятие пищевой промышленности Кизляра – предприятие с меняющимся названием, но одинаковым по сути – молзавод, маслозавод, маслосырзавод, АО «Кизляр-грокомплекс». Молочный завод в Кизляре был организован в 1938 г. В послевоенные годы маломощный молокоперерабатывающий завод назывался «Райсырпром». Был всего один маслоцех с ручной маслобойкой емкостью до 100 кг. сливок. Аппаратный цех состоял тоже из одного ручного сепаратора, производительностью 600 литров в час. В начале 50-х гг. XX в. завод имел свои сепараторные пункты в сс. Н. Кохановке, Б. Бредихине, М. Арешевке, Черняевке, Карабаглах и Таловке².

До 1959 г. в Кизляре по существу не было мясоперерабатывающего предприятия, работал только примитивный скотоубойный цех. Естественно, их мощности и оснащение не соответствовали потребностям населения и развитию сырьевой базы региона. Поэтому руководство Дагестанской АССР принимает решение о строительстве консервного комбината, молзавода и мясоперерабатывающего комбината. В 60-е гг. XX в. велось строительство нового молзавода и мясокомбината, в конце 50-х – нач. 60-х гг. началось строительство хлебозавода.

Полностью Кизлярский головной маслозавод был введен в эксплуатацию в 1972 г., с производственной мощностью 25 тн. переработки молока в смену³. Был построен и консервный завод. Динамично развивался и мясокомбинат. Усилия коллектива, внедрение новой техники, расширение производственных площадей дало возможность увеличить выпуск валовой продукции с 640 тыс. руб. в 1959 г., до 2 млн. 24 тыс. руб., в 1964 г., выпуск продукции был увеличен в 3,7 раза⁴. За шесть лет выработка мяса увеличилась в 6 раз, а колбасных изделий в 4 раза. Производительность хлебозавода была столь велика, что хлебом обеспечива-

¹Иванов А. Этот терпкий юбилей // Дагестанская правда. 1995. 6 декабря. С.1

²Кизляр орденоносный. Махачкала, 1995. С. 108.

³АОА ГОК. Ф. р-144. Д. 117^а. Л. 30.

⁴ЦГА РД. Ф. 2370-П. Оп. 1. Д. 376. ЛД. 16.

лись не только горожане, но и жители Кизлярского района, а также соседние Тарумовский и Бабаюртовский районы.

Мясокомбинат, хлебозавод и молзавод в 80-е гг. продолжили свое поступательное развитие, строились новые производственные здания, увеличивался ассортимент выпускаемой продукции и ее качество¹. На молзаводе был построен цех по выработке сухого обрата и заменителя цельного молока для вскармливания молодняка. В 1988 г. на заводе было смонтировано новое оборудование – резервуары для созревания сливок, охлаждающе-пластинчатая установка и т.д.

В 1980 – 1981 гг. на мясокомбинате вступил в строй птицеводческий цех с холодильником для птицы, производительностью 10 т. мяса птицы в смену, цех технических полуфабрикатов. К этому времени мясокомбинат выпускал мясо всех видов скота и птицы, в широком ассортименте колбасные изделия, пищевые животные жиры, сухие животные корма и т.д. Продукция Кизлярского мясокомбината поступала в различные города страны. Именно в 80-е гг. на хлебозаводе были смонтированы 3 новых автоматических линии непрерывного замеса теста, проведена реконструкция булочного цеха и смонтирован новый расточный шкаф. Таким образом, предприятия пищевой промышленности, в их современном виде сложились в конце 50 – 70-х гг., прошли сложный и поэтапный путь развития, в 90-е гг. XX в. подверглись суровым испытаниям перехода на рыночные основы, что не всегда позитивно отразилось на их производительности.

Становление и развитие машиностроительных предприятий. Среди первых предприятий стекольной, тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса Дагестана можно назвать ряд предприятий, в становлении и развитии которых большую роль сыграли русские специалисты и рабочие. Это, в первую очередь, стекольный завод «Дагестанские Огни» (ныне – ООО «Дагестан Стеклотара») старейшее предприятие стекольной промышленности России. Основанное в 1926 г. предприятие было ориентировано на выпуск листового стекла. В 1938 г. на заводе работало уже 1842 чел., из них дагестанцев – 806 чел., русских – 920 чел., других национальностей – 116 чел. Лучшими масте-

¹ АОА ГОК. Ф.р-144. Оп. 1. Д. 128. Л. 95.

рами завода были Х. Абасов, М. Мусаев, М. Пахомова, Е. Измайлова, М. Глуховкина, В. Дягтеров, Е. Польшакова, А. Фатафутдинов, М. Загиев, Н. Давлетханов, Е. Клименко и т.д.¹.

В июне 1941 г. мирный труд заводчан был прерван вероломным нападением немецко-фашистских захватчиков. Производство перешло на военные рельсы. Бутылки для знаменитого «Коктейля Молотова», ампулы для медицинских препаратов стали основными изделиями. Благодаря самоотверженному труду всего коллектива стеклозавод перевыполнил план 1945 г. Только в первом полугодии 1945 г. сверх плана дал 125 вагонов оконного стекла для восстановления Сталинграда, Севастополя и Донбасса. За заслуги перед Родиной, сотни огнищев награждены орденами и медалями СССР. В 60 – 70 гг. был освоен выпуск стеклотары. Завод являлся флагманом стекольной промышленности СССР. В течение 60 – 80-е гг. XX в. на заводе были подготовлены специалисты из представителей дагестанских народов.

Еще одно знаковое и градообразующее предприятие республики – завод № 182 (с 1966 г. завод «Дагдизель»), строительство которого было начато в 1932 г. В этом же году группой инженеров и проектировщиков из Ленинграда был разбит палаточный городок «Двигательстрой», который в 17 сентября 1947 г. был переименован в город Каспийск. Строительство было объявлено всесоюзной комсомольской стройкой, поэтому в стройке принимали участие мастера каменной кладки из Армении, опалубщики из Архангельска, днепропетровские бетонщики, землекопы из Кубани и Ставрополя, инженеры из Москвы и Ленинграда, камнетесы из горных аулов Дагестана. Приезжали лучшие молодые специалисты страны. Через 8 лет палаточный поселок превратился в настоящий город с красивыми многоэтажными домами, с хорошей инфраструктурой – две школы, поликлиника, больница, стадион, клуб, гостиница, библиотека, танцплощадка, а также с заводом, ТЭЦ.

В 1940 г. завод № 182 стал одним из крупнейших предприятий на Северном Кавказе, с производственной площадью почти 115 тыс. кв. м. и с численностью рабочих более 6 тыс. чел. Сам поселок

¹ Гусейнова С. К. Становление и развитие стекольной промышленности Советской России 1921 – 1980-е гг. (на примере стекольного завода «Дагестанские Огни»). Автореф. дисс... к.и.н. Махачкала, 2010. С. 25.

«Двигательстрой» насчитывал в то время около 17 тыс. жителей. В годы Великой Отечественной войны завод № 182 снабжал фронт вооружением и боеприпасами. На заводе также производились авиационные и глубинные бомбы, зенитные снаряды и мины, минометы, ППШ и противотанковые ежи. Осенью 1941 г. посёлок «Двигательстрой» принял, разместил и обеспечил работой эвакуированных из прифронтовой полосы тружеников предприятий Токмака, Киева и Таганрога, причём токмакский завод полностью влился в завод № 182. Около 800 жителей «Двигательстроя» были отмечены боевыми и трудовыми наградами, 200 тружеников удостоились медалей «За оборону Кавказа». В 1948 г. на заводе № 182 освоили производство дизельных двигателей, которые поставлялись в более чем 34 страны мира. В 50-е гг. Каспийск был ещё и поставщиком самоходных пресс-подборщиков, узлов для силосных комбайнов и другой сельскохозяйственной техники.

В 1960 г. вступило в строй ещё одно предприятие военно-промышленного комплекса – Каспийский завод точной механики, которое специализировалось на производстве навигационного и корабельного оборудования. В настоящее время ОАО «Каспийский завод точной механики» является единственным поставщиком навигационных комплексов для подводных лодок ВМФ России. Производственный и научный потенциал г. Каспийска дополнил филиал Горьковского судостроительного завода «Волга», построенный в конце 60-х гг. Именно здесь велись сборка и летные испытания экранопланов. В 30 – 80-е гг. XX в. Каспийск считался «русским» городом¹, но на сегодняшний день русские составляют около 10 % каспийчан, так как промышленные предприятия в 90-е гг. XX в. с трудом пережили конверсию и отсутствие госзаказов, поэтому многие промышленные рабочие вынуждены были покинуть город в поисках работы.

В восстановлении и развитии промышленности, транспорта и связи, в достижении успехов в индустриальных отраслях экономики огромную роль сыграла помощь федерального Центра, который выделял республике необходимое оборудование, капиталоло-

¹ Халидова О. Б. «Дагестанские русские» в регионах юга России в 1980 – 2010 гг.: особенности адаптации в материнском этносе // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента. (К90-летию ИИАЭ ДНЦ). Махачкала, 2014. С. 147.

вложения, направлял в Дагестан квалифицированных специалистов, помогал их готовить в крупных учебных центрах страны.

В 50 – 60-е гг. XX в. в республике была проведена большая работа по увеличению мощностей электростанции, централизации выработки и распределения электроэнергии. Была полностью введена в строй первая мощная электростанция Сулакского каскада Чирюртовская ГЭС, расширены Гергебильская ГЭС, Махачкалинская и Каспийская ТЭЦ, заработал агрегат Чиркейской ГЭС, крупнейший на Северном Кавказе. Ее строительство было объявлено ударной комсомольской стройкой республики. На стройке работали специалисты и квалифицированные рабочие из многих регионов страны. Годы семилетки (1959 – 1965 гг.) явились годами формирования единой энергетической системы Дагестана, явившейся новым этапом в развитии энергетики. Основу ее составляли также мощные электростанции, как Махачкалинская и Каспийская ТЭЦ, Гергебильская, Ахтынская и Чирюртовская ГЭС с суммарной мощностью 148,1 кВтч. Эта новая система в электроэнергетике сыграла большую роль в объединении энергосистем и создании Единой энергетической системы СССР. В 1962 г. с участием дагестанских, чечено-ингушских и российских энергетиков было завершено строительство линии электропередачи Хасавюрт-Ойсунчур (Чечено-Ингушетия)¹.

Особое внимание в пятидесятые годы уделялось развитию машиностроения, что рассматривалось как главный фактор в осуществлении взятого курса на ускорение технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства².

Укрепление производственно-технической базы тяжелой промышленности шло, прежде всего, за счет нового капитального строительства. При помощи правительства Российской Федерации в конце 50-х и в первой половине 60-х гг. в республике были построены 35 современных промышленных предприятий, возникли новые отрасли промышленности (станкостроительная, химическая, электротехническая, приборостроительная), представленные заводами «Даг ЗЭТО», «Дагэлектромаш», Махачкалин-

¹ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009. С. 580.

² История советского рабочего класса. В 6-ти томах. Т. 4. М., 1987. С. 90.

ский приборостроительный, Стекловолокно, Сепараторный, «Точная механика», Буйнакский агрегатный, Дербентский шлифовальных станков и «Электросигнал» и др.¹ Коллективы всех промышленных предприятий Дагестана являлись многонациональными. В каждом из более чем 400 промышленных предприятий, наряду с этническими дагестанцами, трудились русские, украинцы, белорусы, азербайджанцы, грузины, армяне и представители других национальностей СССР. Примером является завод «Дагогни», в котором трудились представители 29 национальностей Советского Союза, Чирюртовскую ГЭС строили рабочие и специалисты 34 народов. Ярким примером братской дружбы, сплоченности и взаимопомощи народов СССР явилось строительство Чиркейской гидроэлектростанции, коллектив которого состоял из представителей 28 национальностей СССР².

В рассматриваемый период, в северной зоне ДАССР было решено построить два машиностроительных предприятия, первым из которых являлся завод «Дагэлектроаппарат», позднее переименованный в «Кизлярский электро-аппаратный завод». В 1959 г. он начинает выпускать продукцию – вибростойкие нажимные пускатели. Первое время на заводе ощущалась острая нехватка персонала, потому что его строительство происходило не в городской черте, следовательно, пришлось одновременно с заводом и строить рабочий поселок. Численность промышленного персонала в 1959 г. составила 85,4 % от необходимого количества работников. Но, несмотря на это, строительство завода шло быстрыми темпами. План капитального строительства был выполнен на 130 %. За 1959 г. было сдано в эксплуатацию 1368 м² жилой площади, при плане 800 м². Заводом было выпущено продукции на 602 тыс. руб.³.

В 1963 г. план завода по выпуску продукции был выполнен на 107,1%. Необходимо отметить, что завод чуть-ли не с первого года своей работы поставлял свою продукцию на экспорт. В от-

¹ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России... С. 582.

² Там же. С. 585.

³ Лысенко Ю. М. Северный Дагестан... С. 104.

чете работы завода за 1963 г. указывается, что завод получил 111 заказов – нарядов на экспортную поставку продукции и все они были выполнены¹.

В 1963 г. в г. Кизляре было начато строительство крупнейшего промышленного предприятия – Кизлярского электромеханического завода (КЭМЗ)². Первыми рабочими, принятыми на завод в первой половине декабря были А.М. Егоршин, В.А. Волков, Б.П. Барсуков, А.С. Наумов; директором был назначен И.И. Зинченко³. Это предприятие также было призвано решать задачи по созданию в Дагестанской АССР предприятий группы «А». Долгие годы, именно Кизлярский электромеханический завод являлся флагманом промышленности не только Кизлярщины, но и Дагестана, также став составной частью военно-промышленного комплекса страны. Продукция его была секретна, за исключением небольшого количества товаров народного потребления. С его развитием связаны изменения в жизни многих кизлярцев, самого города, региона. В декабре 1965 г. была выдана первая продукция завода для народного хозяйства – ЭК-1.

С 1968 г. коллектив завода «Дагэлектроаппарат» перешел на новый метод планирования и экономического стимулирования, благодаря чему, по сравнению с 1967 г., на 9 % увеличилась производительность труда, в 1969 г. больше на 5,2 % по сравнению с предыдущим годом, а в 1970 г. – на 4,1 % больше чем в 1969 г.⁴. Производительность труда только за 3 года (1968, 1969 и 1970 гг.) возросла, по сравнению с 1967 г., на 19,5 %, значительно улучшилась финотдача, только за 1969 – 1970 гг. балансовая прибыль выросла на 24 %, расчетная рентабельность за три года возросла на 42 %, увеличились фонды материального поощрения с 60 тыс. руб. в 1967 г., до 190 тыс. руб. в 1970 г.⁵.

Вслед за «Дагэлектроаппарат», на новую систему планирования и экономического стимулирования с 1 июля 1967 г. также перешел Кизлярский электромеханический завод⁶. На нем было

¹Лысенко Ю. М. Северный Дагестан... С. 104.

²Журова Т. Юбиляр // Кизлярская правда. 1997. 24 сентября. С. 3.

³Силанов А. Н. Наша рабочая гордость. Махачкала, 1990. С. 37.

⁴АОА ГОК. Ф. 320. Оп. 1. Д. 106. Л. 2.

⁵Там же.

⁶ЦГА РД. Ф.1-П. Оп. 2. Д. 3033. Л. 4.

разработано и действовало положение о хозрасчетном цехе основного производства, в котором были определены права и обязанности цеха, основные технико-экономические показатели, порядок их доведения до цеха и определение результатов хозрасчетной деятельности¹.

Созданный в Дагестане в первые годы семилетки завод «Дагэлектроаппарат», вместе с заводами с «ДагЗЭТО», «Дагэлектроавтоматом», «Дагэлектромашем» и другими заметно увеличили долю машиностроения и приборостроения в общем объеме производства, что вызвало коренные изменения в отраслевой структуре республиканской промышленности. Так, в Дагестанской АССР в промышленности, производящей средства производства, машиностроению принадлежало в те годы первое место².

Доказательством высокого качества выпускаемой продукции КЭАЗа, в середине 80-х гг. являлся экспорт 80 % от общего объема выпускаемой продукции. Изделия завода – микропереключатели и созданные на их базе другие аппараты отлично зарекомендовали себя во многих странах. За 20 лет сотрудничества ни одной рекламации на завод не поступило³. Вокруг завода вырос рабочий поселок «Комсомольский». Были построены одно- и многоквартирные дома, столовая, клуб на 420 мест. Функционировала библиотека, при заводе тренировались спортивные команды. В поселке работали продовольственный и промтоварный магазины⁴.

Большую работу по техническому перевооружению проводили на КЭМЗе, где была произведена реконструкция 5 цехов и за 1976 – 1977 гг. установили 150 единиц оборудования на сумму – 1 млн. 780 тыс. руб.⁵. Трудовые успехи КЭМЗа были отмечены постановлением бюро обкома КПСС, Совмина ДАССР и Президиума Дагоблсовпрофа (21 марта 1980 г.) о награждении коллектива завода свидетельством о занесении в книгу трудовой славы ДАССР. А через пять лет – 29 июня 1985 г., Кизлярскому элек-

¹ЦГА РД. Ф.1-П. Оп. 2. Д. 3033. Л. 4.

²История Дагестана. М., 1969. Т. 4. С. 128.

³Иванов А. А. Экспортная продукция // Кизлярская правда. 1985. 28 сентября. С. 3.

⁴Солдатов Е. Хорошо отдыхают! // Рассвет. 1963. № 93. С. 3.

⁵ЦГА РД. Ф. 2730-П. Оп. 1. Д. 547. Л. 28.

тромеханическому заводу присвоили высокое звание «Предприятие коммунистического труда»¹.

КЭМЗ был настоящим гигантом местной промышленности, развивался он очень быстро и масштабно, что позволило ему, с самого момента своего возникновения, начать строительство жилья для рабочих КЭМЗа². Так был построен целый микрорайон г. Кизляр «Черемушки», с детскими комбинатами, кинотеатром, площадью и Дворцом Культуры. В эти же годы для заводчан были построены коллективные дачи. Таким образом, Кизлярский электромеханический завод к концу восьмидесятых представлял собой большой комплекс сложного и точного производства, отмечался высокой культурой и деловой активностью трудящихся.

В первой половине 80-х гг. в промышленности республики преобладающим оставалась экстенсивная форма развития, подразумевающая новое строительство промышленных предприятий, расширение на функционирующих заводах, фабриках и других производствах отраслей индустрии производственных мощностей. Всего за годы одиннадцатой пятилетки в Дагестане было построено и введено в строй 37 новых промышленных предприятий и цехов, началась эксплуатация мощностей на заводах им. Гаджиева, радиотоваров, приборостроительном и комбикормовом. Была сдана в постоянную промышленную эксплуатацию Чиркейская ГЭС мощностью 1 млн. кВт³.

Многотысячному и многонациональному коллективу Чиркей ГЭС-строя параллельно со строительством уникальнейшего гидротехнического сооружения с арочной плотиной высотой 233 м пришлось создавать под новостройку мощную материально-техническую базу. К месту строительства ГЭС по горам была проложена 38-километровая асфальтированная дорога, рассчитанная на проезд тяжелых грузовых автомашин и перевозку большегабаритной техники, построен временный поселок строителей Дружба, на горе Хадум заложен поселок Дубки, завершено строительство высоковольтной линии электропередачи Чирюрт – Чиркей ГЭС, сдан в эксплуатацию домостроительный комбинат

¹Силанов А. Н. Указ. работа. С. 82.

²ЦГА РД. Ф. 2730-П. Оп. 1. Д. 264. Л. 42.

³История многовековых взаимоотношений... С. 587.

мощностью 35 тыс. кв.м., другие производственные объекты. Пуск Чиркей ГЭС на полную проектную мощность стал огромным событием, имевшим значение не только для экономического развития республики, но и всего Северного Кавказа.

Начало 90-х гг. XX столетия ознаменовалось всеобщим кризисом производства, особенно затронувшим предприятия военно-промышленного комплекса. Сокращение госзаказов, неоплата за произведенную продукцию, нехватка нужного сырья, поступавшего ранее из других республик СССР, привело к нарушению ритма работы Кизлярского электромеханического и Кизлярского электроаппаратного заводов, а также большинства промышленных предприятий республики, где трудились и русские специалисты и рабочие.

2.5. Социально-экономическое положение русскоязычного населения Республики Дагестан в конце XX – начале XXI в.

С 1991 г., после распада СССР, в стране началось осуществление радикальной экономической реформы с одномоментным переходом к рыночной экономике, с борьбой с инфляцией и бюджетным дефицитом, сопровождавшаяся приватизацией госсобственности. Однако экономические реформы перестроечного периода не способствовали улучшению ситуации в народном хозяйстве, по-прежнему продолжалось падение производства промышленной продукции, ухудшилась продовольственная ситуация в стране, выросла безработица¹.

Кардинальные преобразования практически во всех сферах, особенно в экономике существенно трансформировали социально-экономическое и общественно-политическое положение как в целом по стране, так и в Дагестане. Непродуманное и поспешное проведение экономических реформ усугубило и без того сложную социально-экономическую ситуацию в стране, способствовало падению уровня производства и благосостояния людей, вытолкнула огромные пласты людей за рамки привычной жизни,

¹ Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохин Т. А. История России с древнейших времен до наших дней. М., 1999. С. 486.

усилила страх перед будущим. Многие рабочие коллективы, особенно в промышленном секторе, оказались невостребованными, отсутствовали заказы, а приспособиться к новым экономическим условиям и реалиям оказалось очень сложным. Поэтому одним из важных направлений в экономическом развитии стало акционирование промышленных предприятий. Только за 1995 г. в Дагестане было создано 32 новых акционерных общества, а к концу года доля акционированных среди приватизированных предприятий в республике составила 65,3%¹.

Однако, собственно в отраслях индустрии доля акционерных предприятий была небольшой, потому что создание акционерных обществ представляло собой сложный и трудоемкий процесс. Более того, созданная при социалистической форме ведения хозяйства, основная часть промышленных предприятий Дагестана не была приспособлена для функционирования в условиях рынка, в первую очередь, машиностроительных, в котором доля предприятий военно-промышленного комплекса в выпуске продукции в 1990 г. составила 77 % и в них было занято около 80 % промышленно-производственного персонала². В 1995 г. было приватизировано 37,8 % промышленных предприятий республики³. В последующие годы спад в промышленности республики приобрел обвальный характер, охватил все основные отрасли и предприятия. В 1996 г. объем промышленной продукции Дагестана составил 23 % к уровню 1990 г.⁴. Многие предприятия отраслей индустрии вынуждены были приостанавливать производство или работали не на полную мощность, сокращая значительную часть производственного персонала. На большинстве машиностроительных предприятий и предприятиях военно-промышленного комплекса работало большое число инженерно-технического персонала и рабочих из русских, и в условиях конверсии, упадка производства, отсутствия госзаказа, попав под сокращение, многие русские, оказавшись без средств существования, вынуждены были мигрировать из республики.

¹ Социально-экономическое положение Республики Дагестан. 1995 г. Махачкала, 1996. С. 87 – 88.

² Дагестанская правда. 1997. 3 сентября.

³ Социально-экономическое положение Республики Дагестан. 1995 г. ... С. 87.

⁴ История многовековых взаимоотношений... С. 642.

Как уже было отмечено, начало 90-х гг. XX в. характеризовалось нарушением экономических связей между предприятиями и поставщиками сырья, что негативно отразилось на работе предприятий пищевой промышленности. На Кизлярском мясокомбинате, несмотря на прекрасное техническое оснащение завода, руководство не сумело справиться с непростыми экономическими проблемами. Несмотря на заметное сокращение производства, мясокомбинат по-прежнему, хотя и не на полную мощность, все же продолжал работать. Кизлярский хлебозавод сумел выйти и из кризиса 90-х гг. и, в настоящее время уверенно занимает лидирующее положение на кизлярском рынке хлебобулочных изделий. Также сохранить свои производственные мощности сумели кизлярские консервные предприятия, которые и по сей день продолжают функционировать.

Конечно, одни предприятия сумели переориентироваться, другие же пытаются наладить производство. Во второй половине 80-х – нач. 90-х гг. с большими трудностями столкнулся стеклозавод в Дагестанских Огнях, который после распада СССР утратил экономические связи с главными поставщиками соды – Болгарией и Крымом. Руководство завода во главе с директором В.А. Ибрагимовым предприняло огромные усилия по ликвидации отставания и улучшения качества выпускаемой продукции¹. Однако, известный не только в СССР, но и в Европе, впрочем как и в остальном мире, завод, к середине 90-х гг. был вынужден временно остановить производство, что вынудило русских специалистов выехать из г. Дагестанские Огни в поисках работы.

На состояние отраслей промышленности Дагестана, как и всего народного хозяйства, жизненном уровне населения, крайне отрицательно сказался экономический дефолт 1998 г. Также в августе 1999 г. Дагестан пережил вторжение бандформирований с территории Чеченской Республики, ухудшив и без того сложную социально-экономическую ситуацию в республике.

В отличие от стекольного завода в Дагестанских Огнях, Кизляре в определенной мере удалось сохранить рабочих на одном из градообразующих предприятий. Заводы Кизляра, используя свой производственный потенциал и отработанные техноло-

¹ ЦГА РД. Ф. 1475 – п. Оп. 1.Д. 1014. Л.20

гии двойного применения, в 90-е гг. XX в. освоили ряд новых видов гражданской продукции, в том числе ОАО «КЭМЗ» и ГУП «КЭАЗ». Оба завода («КЭАЗ» и «КЭМЗ») провели сокращение рабочих, что негативно сказалось на социальном самочувствии, оказавшихся безработными кизлярцев. При этом дирекции заводов пытались перевести предприятия на рыночные рельсы. Экономисты отмечали, что у «КЭМЗа» есть шансы на успешное развитие в условиях рыночной экономики. В работе КЭАЗа также были положительные тенденции в развитии, однако большая часть рабочего класса не была сохранена, что повлекло за собой их отъезд из республики.

Единственным крупным промышленным предприятием, которое из-за реформ оказалось в плюсе, так же, как и его коллектив – это старейший коньячный завод, который в 90-е гг. сумел не только отстоять свои позиции, но и существенно нарастил темпы производства и в начале 2000-х гг. приобрел статус градообразующего предприятия. На рубеже веков он пополнял на 70 % городской и 10 % республиканский бюджет¹. Кроме того, завод оказывал помощь кизлярским школам, больницам, финансово поддерживает спортсменов. Первые медали кизлярские коньяки «Юбилейный Дагестанский» и «Кизляр» получили в 1960 г., а сейчас их более 260 и 20 Гран-при. Также завод получил международный сертификат качества и приз «Золотая пальма» (Ницца, 1997 г.). На Кизлярском коньячном создали четыре марки элитных коньяков: «Багратион» – 20-летней выдержки (1994 г.), к 110-летию завода «Кизлярский праздничный» – 17-летней выдержки, к 850-летию Москвы – «Московский юбилейный» – 25-летней выдержки (1997 г.), к 300-летию Российского флота – «Медный всадник» – 8 – 9-летней выдержки. В 1998 г. на международной выставке дегустации в Лондоне кизлярский коньяк «Багратион» был признан лучшим напитком года и назван «королем коньяков и коньяком королей». На сегодняшний день ККЗ производит 12 видов коньяков, 9 из которых марочные. Кизлярские коньяки, как новые, так и старые «Лезгинка», «Кизляр», «Россия» – это гордость не только Кизляра и всего Дагестана, но и России. На заводе трудится коллектив (более 300 чел.) едино-

¹Собеседник. 2001. № 32. С. 10.

мышленников и людей, любящих свое производство. Однако события последних лет, связанные с приватизацией Кизлярского коньячного завода, вызвал протест со стороны русских, которых поддержали и другие этнические группы города: армянская и ногайская. Люди считали, что приватизация приведет к безработице оставшихся в городе русских и фермеров-виноградарей в Кизлярском районе. И всё может закончиться катастрофой и крахом предприятия. Митинги, обращения в вышестоящие органы привели к относительно положительному решению местной власти и отмене решения о приватизации.

Наряду с Кизлярским коньячным заводом свои позиции смог сохранить бывший молокозавод, несмотря на продолжавшуюся до 1996 г. кризисную ситуацию производства. Коренным образом в производство ситуация поменялось со сменой руководства. Благодаря новой администрации, возглавляемой А.О. Тукуевым, были разработаны проекты дальнейшего роста производства, расширен ассортимент, улучшено качество выпускаемой продукции, ее внешний вид и эффективно проведенный маркетинг способствовал популяризации торговой марки ОАО «Кизляр-агрокомплекс» не только на Кизлярщине, но и за ее пределами. Таким образом, вложенные в производство инвестиции оправдали себя, внедряются новые технологии, количество работающих сохранилось на прежнем уровне. Завод поддерживает талантливых спортсменов, является спонсором многих мероприятий, преумножает славу Кизляра и Кизлярщины, внося посильный вклад в их процветание.

В 2013 г. агрохолдинг начал реконструкцию и модернизацию существующих и строительство новых животноводческих комплексов в Кизлярском, Тарумовском и Бабаюртовском районах на общее поголовье 10,0 тыс. голов КРС молочного направления, целью которых является обеспечение ежегодного производства в объеме 35 тыс. т. молока и 1,5 тыс. т. мяса. Кроме того, по проекту предусмотрена глубокая переработка сырья и производство продуктов питания (0,5 тыс. т. колбасных изделий, 30,5

тыс. т. цельномолочной продукции, по 2,5 тыс. т. сливочного масла и твердых сыров)¹.

В 2000 г. объемы финансирования республиканской инвестиционной программы превысили уровень 1998 и 1999 гг. соответственно в 3,9 и 2 раза. Позитивное влияние на оживление промышленного производства в республике оказало увеличение госзаказа, финансовая подпитка ВПК, переход от противопоставления крупного и малого бизнеса к их интеграции. С 2003 г. Республика Дагестан вступила в полосу динамичного социально-экономического развития. По предварительным данным, объем промышленного производства в 2005 г. составил 13,9 млрд. руб. и превысил уровень 2004 г. на 35,5 %². Наибольших успехов добились ОАО «Дагдизель», «Авиаагрегат», «Дагэлектроавтомат», стабильно работали ОАО «КЭМЗ», «Завод стекловолокна», ОАО «Завод им. М. Гаджиева», ЗАО «Мушарака», ОАО «Кизлярский электроаппаратный завод», «Дагнефтьиндустрия», «Избербашский радиозавод» и др. Одним из лидеров промышленности республики являлся ОАО «Концерн КЭМЗ», в котором в 2005 г. было произведено продукции на 203,1 млн. руб., что на 11,2 % выше аналогичного показателя 2004 г.³.

Развернувшаяся в стране в начале 90-х гг. XX в. аграрная реформа преследовала цель изменения форм собственности и хозяйствования в аграрном секторе экономики. Определяющими, по мнению инициаторов преобразований в сфере сельского хозяйства и производстве аграрной продукции, должны были стать частные индивидуальные крестьянские хозяйства в различных формах и видах. Многие колхозы и совхозы Северного региона постепенно исчезали, заменяясь различными АО, ООО, где-то сохраняя прежние названия. Так, основу экономики Тарумовского района по-прежнему составляет сельское хозяйство, которое представлено МУПами, СПК, а также КФХ и личными подсобными хозяйствами. В 2012 г. в районе озимые культуры занимали 1372 га, урожайность зерновых составила 29,4 ц/га. Численность крупного рогатого скота составляла более 57 400 голов, в том

¹ Нурадинова Л. Ч. Район в режиме постоянного развития // Народы Дагестана. 2013. № 3. С. 22.

² Дагестанская правда. 2004. 8 февраля.

³ Там же.

числе коров – свыше 38 тыс. Увеличилось поголовье овец и коз и достигло 429600 голов. Наблюдается рост крупного рогатого скота: если в 2011 г. численность племенного стада равнялось 320 голов, то в 2012 г. – 435 голов. Особенно успешны в районе КФХ «Гулебки», ООО «Кавказ», МУП «Таловка»¹. Однако не многие из сельхозпредприятий в новых условиях смогли продолжить поступательное развитие.

С начала 90-х гг. в республике получили развитие фермерские хозяйства, они умело наладили свою деятельность, наращивая производство аграрной продукции. Например, самым первым и успешным фермером в с. Аверьяновка Кизлярского района стал П.И. Олейников. Он объединился еще с тремя фермерами: своим сыном Владимиром и братьями Аликом и Гаджи Алиевыми в малое предприятие «Рассвет». В 1998 г. МП «Рассвет» получило с одного гектара по 30 ц. пшеницы, по 26 ц. подсолнечника, 200 ц. картофеля. Даже в лучшие годы многие кизлярские хозяйства не достигали такой урожайности. Но, к сожалению, таких аграрных предприятий не много. Особенно пострадали виноградарские и зерновые хозяйства. Специалисты отмечают, что на их развитие повлияло и переселенческое движение. Переселенцы, выращивают в большинстве своем скот, который и «вытесняет» зерновые и фруктовые культуры. Население отмечает пагубность для земли содержания большого числа крупного и мелкого рогатого скота².

Отсутствие собственных средств и государственной поддержки в 1991 – 1999 гг. снизило восстановление амортизированных и раскорчеванных площадей под виноградом. Именно в последние годы сложилась ситуация, когда наиболее высокоэффективные виноградные насаждения заменяются люцерной, томатами и другими менее трудо- и ресурсоемкими культурами, так как прибыль от реализации выше, чем от винограда, поэтому в большинстве хозяйств на сегодняшний момент, кроме совхоза «Кизлярский», выращиванием винограда не занимаются. В личном подсобном хозяйстве виноградарство и виноделие также утрати-

¹ Прокопенко Л. И. Будни и праздники Тарумовского края // Народы Дагестана. 2013. № 3. С. 25.

² Лысенко Ю. М., Гаджиева З. Н. Политика переселения горцев на равнину – особый фактор социально-экономического развития Дагестана. 1960 – 1970 гг. // Фундаментальные исследования. М., 2013. № 4. Ч. 3. С. 735.

ло свои позиции, в связи с изменением общественно-политической обстановки и национальной структуры региона. Современное население низовьев Терека виноделием практически не занимается. Так, к 2000 г. площадь виноградников в республике сократилась, по сравнению с 1984 г., в 3,4 раза, валовой сбор в 6,5 раза, урожайность в 2,6 раза¹. В 2000 г. под зерновыми было занято 168 тыс. га земли, что составляло 76 % от уровня 1990 г. Урожайность снизилась за этот период на 43,4 %. На этом фоне наблюдался определенный рост производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан республики. Ведущей отраслью аграрного сектора республики оставалось животноводство, на долю которой приходилось 60 – 65 % валовой продукции отрасли. Основным направлением здесь являлось овцеводство.

Переход к рыночным условиям функционирования экономики неблагоприятно отразился и на состоянии товарного рыбодоводства. Общая рыбопродуктивность нагульных прудов снизилась. К началу XXI в. использовался всего 25 % имеющегося прудового фонда, прудовое рыбодоводство потеряло свое значение и стало убыточной отраслью. Причинами являлись длительная эксплуатация гидротехнических сооружений без ремонта, затопление каналов, отсутствие средств на приобретение необходимой техники и транспорта, кормов для рыбы и др. Рыболовецкие колхозы, практически прекратили свое существование, а Крайновский рыбокомбинат был закрыт. Выращиванием прудовой рыбы занимались только три хозяйства – «Красная звезда», имени Кирова и ФГУП «Широкольский рыбокомбинат», на сегодняшний день, только последний, а также «Новобирюзьякский комбинат». В 2013 г. велось строительство рыбоперерабатывающего завода в с. Речное, инвестором которого является ООО «Амсар» (г. Санкт-Петербург). Вкладчики планировали получать ежегодно около 500 т. рыбы ценных осетровых пород, 25 т. черной икры, 2 млн. экземпляров молоди для выпуска в Каспийское море, а также обеспечить работой 80 чел. местного населения². К сожалению,

¹ Дагестанская правда. 2001. 14 сентября.

² Нурадинова Л. Ч. Район в режиме постоянного развития // Народы Дагестана. 2013. №3. С. 21.

рыболовство отдано на откуп браконьерам и приняло хищнический характер. В прибрежных поселках действует сеть криминальных интернациональных рыболовецких бригад, занимающихся рыбной ловлей в море и не соблюдающих законов, что существенно сократило количество рыбы, особенно осетровых пород. В погоне за икрой, уничтожается большое число поголовья ценных промысловых рыб. Поэтому важно, опираясь на накопленные местным населением низовьев Терека традиции рыбобоводства и рыболовства, вернуть эти отрасли в цивилизованное русло. Выделяемые местному казачеству участки вылова, таковы, что рыбы в них и не поймаете, а перечень разрешенных к вылову не соответствует, имеющимся в прибрежных и речных водах породам рыб. Казаки отмечают, что вроде постановление есть, возможности воспользоваться им – нет.

Не менее актуальной, как показали и результаты нашего социологического исследования, для дагестанских русских является проблема трудоустройства, разумеется, в данной сфере существуют определенные проблемы, а также кадровый вопрос, потому что за постперестроечный период представленность русских во властных структурах, а также на руководящих должностях местного уровня уменьшилась, по сравнению с до перестроечным периодом. Так из-за угрозы вымогательства из Кизлярского района в начале 90-х гг. XX в. выехали три руководителя коллективных хозяйств – А. Полуктов, Ф. Волков, В. Сахаров; несколько семей колхозников и рабочих совхозов из сел. Старый Терек, Суюткино, Кирова и т.д.¹ В 90-е гг. XX в. практически все руководители хозяйств и предприятий русской, ногайской национальностей подверглись вымогательствам, запугиваниям и нередко физическому насилию со стороны преступных группировок. Имело место бездействие правоохранительных органов – влияние на них преступных формирований, вытеснение работников русской национальности – из 254 сотрудников служб внутренних дел г. Кизляр (1996 г.), лишь 36 (14,2 %) – были русскими, в прокура-

¹Паламарчук В. С. Роль нерегулируемой миграции в экономическом и социальном развитии города Кизляра // Проблемы русского и русскоязычного населения республики Дагестан. Материалы научно-практической конференции. Махачкала, 1996. С. 14.

туре из 6 работников, только один русский – помощник прокурора. В 2002 г. в Кизляре только 29 % из функционирующих предприятий и организаций возглавляли русские руководители, при удельном весе русских 45 %, от общей численности населения. А в Кизлярском районе в сельскохозяйственных организациях на тот момент осталось лишь 14 % русских руководителей (при 23 % русского населения)¹. Проведенные Информационно-аналитическим центром Народного Собрания РД в г. Кизляр социологические исследования показали, что в большинстве случаев выезды русских носят вынужденный характер.

Все больший вес в миграции русских набирали экономические причины – спад в промышленности, сельском хозяйстве, рост безработицы. Трудоспособное население города в 1993 г. составляло 21229 чел., из них работали 14514 чел. Правительством Республики Дагестан, Государственным Советом были приняты дополнительные меры для координации деятельности, направленной на создание и совершенствование системы мер по преодолению вынужденного оттока русскоязычного населения за пределы республики. На основе распоряжения Совета Министров РД от 3 сентября 1993 г. была создана и по настоящее время действует Правительственная комиссия Республики Дагестан по проблемам русскоязычного населения². Правительством республики приняты специальные постановления по стабилизации общественно-политического положения и решению социально-экономических проблем в Кизлярском, Тарумовском районах и г. Кизляр. Создан правомочный государственный орган – Координационный совет Северного региона Республики Дагестан, призванный решать социально-экономические проблемы русского населения, проживающего в данных административных образованиях. Также Координационный совет по Северному региону при Правительстве Республики Дагестан, наряду с другими, уполномочен решать вопросы подготовки и расстановки кадров в

¹ См.: *Ильяшенко С. В.* О миграционных процессах в Республике Дагестан // Вопросы статистики. 2003. № 3.

² *Матинов Г.* К вопросу о защите интересов русскоязычного населения республики Дагестан // Народы Дагестана. 2001. № 3. С. 15.

соответствии с Государственной Концепцией кадровой политики в Республике Дагестан¹.

В рамках исследуемой проблематики представляется необходимым подробно изложить программу работы Координационного совета. Данная организация правомочна решать те или иные вопросы в пяти административно-территориальных образованиях республики: гг. Кизляр, Южносухокумск, Кизлярский, Тарумовский и Ногайский районы. Основными задачами и функциями Координационного совета являются повышение эффективности управления общественно-экономическими процессами в Северном регионе Республики Дагестан, стабилизация межнациональных отношений, повышение уровня социальной защиты населения, оказание им помощи в решении социально-экономических, общественно-политических и межнациональных вопросов, участие в разработке и осуществлении комплекса мер по предотвращению вынужденной миграции русскоязычного населения из Северного региона Дагестана, содействие населению Северного региона республики в развитии национальной культуры, языка, подготовке национальных кадров, участие в разработке и реализации комплексных программ развития Северного региона Дагестана на основе развития экономических реформ, традиционных форм хозяйствования, приоритетного развития эффективных отраслей промышленности и сельского хозяйства, содействие установлению и развитию добрососедских, дружеских и взаимовыгодных отношений с соседними республиками, краями и областями Российской Федерации, выработка совместных с Министерством по национальной политике, информации и внешним связям Республики Дагестан рекомендаций по стабилизации межнациональных отношений в Северном регионе Республики Дагестан².

В состав Координационного совета обычно входят руководители северных районов и городов республики, руководители и за-

¹Гусаев М.-С. М. Проблемы русского и русскоязычного населения Дагестана: Истоки, современное состояние, пути решения // Проблемы русского и русскоязычного населения республики Дагестан. Материалы научно-практической конференции. Махачкала, 1996. С. 7.

² Постановление Правительства Республики Дагестан «Вопросы координационного совета по Северному региону Республики Дагестан при Правительстве Республики Дагестан» (16 апреля 1999 г.).

местители различных министерств и ведомств. Так как орган не имеет прямых рычагов управления, то его основная работа направлена на оказание помощи абитуриентам из вышеназванных районов при поступлении в высшие и средние специальные учебные заведения, устройстве на работу и т.д. и эту работу Координационный совет проводит во взаимодействии со многими высшими и средними учебными заведениями республики.

Заседания Координационного совета проходят как в самом Кизляре, где находится приемная председателя, так и в других районах. Так, 20 февраля 2015 г. в Тарумовском районе прошло выездное заседание Координационного совета по Северному региону Дагестана под председательством министра по национальной политике РД Т.А. Гамалей. Главной темой заседания стали вопросы, касающиеся проблем трудовой занятости населения Северного региона и принимаемых мер по их решению. Важным фактором, по мнению всех выступивших, является фактическое отсутствие промышленных и иных производств на территории районов, а в селе нет альтернативной занятости. Была отмечена нерешенность проблем мелиорации и рыболовства в регионе. В то же время, на заседании были озвучены цифры по решению проблемы трудоустройства, например, в 2014 г. в Кизлярском районе удалось оказать содействие 1089 чел. в решении вопроса с работой. Также в целях содействия гражданам в поиске рабочих мест велась работа по проведению ярмарок вакансий, только в 2014 г. их было проведено 4. Полковник ОМВД РФ по г. Кизляру М. Макашарипов на заседании совета отметил, что было усилено внимание к рассмотрению жалоб и заявлений русскоязычного населения, принимаются необходимые меры по стабилизации миграционных процессов среди русскоязычного населения города и дается принципиальная оценка фактам беззакония в отношении лиц русской национальности: «За 2014 г. в ОМВД было возбуждено 70 уголовных дел, по которым потерпевшими признаны граждане русской национальности»¹.

Координационный Совет имеет тесные контакты с Правительственной комиссией Республики Дагестан по проблемам

¹ Выездное заседание Координационного совета по Северному региону Дагестана прошло в Тарумовском районе. [Электронный ресурс]. Сайт «РИА Дагестан». http://www.riadagestan.ru/news/society/vyezdnoe_zasedanie_koordinatsionnogo_soveta_po_severnomu_regionu_dagestana_proshlo_v_tarumovskom_rayone/ (Дата обращения 05.05.2015).

русскоязычного населения, о чем свидетельствует, состоявшее в Кизляре 22 марта 2011 г. совместное выездное заседание, на котором была проанализирована работа правоохранительных органов, состояние и развитие здравоохранения в муниципальных образованиях Северного региона Республики Дагестан, а также информация по оказанию психологической помощи русскоязычным гражданам и семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации. В течение 2010 г. в Правительственную комиссию РД по проблемам русскоязычного населения поступило 137 обращений из городов и районов республики, в частности, г. Махачкала – 122, г. Кизляр – 3, г. Каспийск – 3, г. Дагестанские Огни – 1, г. Дербент – 5, г. Буйнакск – 1, г. Избербаш – 1, Ногайский район – 1, Карабудахкентский район – 1, Каякентский район – 1, Хасавюртовский район – 4; в 20 % полученных жалоб о неправомерных действиях граждан; 15 % – о неправомерных действиях правоохранительных органов; 14 % – по решению социальных проблем; 10 % – по решению жилищных проблем; 6,5 % – жалобы на администрации муниципальных образований; 6 % – по вопросам трудоустройства; 3,6 % – по земельным вопросам. Все поступившие обращения были рассмотрены, по некоторым из них отменены решения о прекращении или приостановлении следствия как незаконных и направлены для всестороннего и качественного расследования в СЧ СУ при УВД. В МВД по РД было направлено 41 обращение. В ряде случаев сотрудниками милиции были рассмотрены конфликты, возникающие на бытовой почве между соседями.

Координационным советом по Северному региону при Правительстве РД было рассмотрено 43 обращения. Основной характер обращений – это просьба оказать содействие в трудоустройстве, поступлении на учебу, направлении на лечение и др. Вместе с тем, участники совещания пришли к выводу, что необходимо повысить качество работы с обращениями граждан, си-

стематически анализировать преступления (правонарушения), совершаемые на межнациональной почве и пр.¹.

Также проблемы русскоязычного населения многократно выносились на рассмотрение Госсовета РД, Народного Собрания РД и Правительства РД. Многие вопросы, требующие правового регулирования, решались путем принятия соответствующих указов и постановлений. В целях усиления гарантий прав русских, проживающих на территории республики, принято Постановление Госсовета РД (от 27 октября 1999 г.) «О дополнительных мерах по предупреждению оттока населения из Республики Дагестан»². Но проблемы так и не были решены полностью. Ответственный секретарь Правительственной комиссии РД по проблемам русскоязычного населения Г. Матинов в 2001 г. отмечал, «что в последние 5 – 6 лет в республике число руководителей разных уровней русской национальности сократилось в 1,5 раза. Есть факты, когда в адрес русских поступают прямые угрозы, направленные на вытеснение из республики»³. В некоторых административных образованиях, например в г. Махачкала, были приняты меры по сохранению контингента русских учителей.

30 января 2008 г. постановлением Правительства Республики Дагестан было принято новое положение о правительственной комиссии республики Дагестан по проблемам русскоязычного населения. Основными задачами Комиссии были определены разработка комплекса мероприятий, направленных на предотвращение оттока русскоязычного населения за пределы республики, в том числе рекомендаций по совершенствованию деятельности министерств и ведомств Республики Дагестан, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций по предотвращению оттока русскоязычного населения за пределы республики; координация деятельности аналогичных комиссий при органах местного самоуправления городов и районов, на территории которых проживает русское население.

¹ В Кизляре обсужден ряд проблем Северного региона РД. [Электронный ресурс]. Сайт «Правительство Республики Дагестан». http://www.e-dag.ru/novosti/novosti-pravitelstva/v_kizlyare_obsujden_ryad_problem_severnogo_regiona.html (Дата обращения 05.05.2015).

² Матинов Г. Указ. работа. С. 15.

³ Там же. С. 16.

Комиссия должна была осуществлять координацию деятельности министерств и ведомств Республики Дагестан во взаимодействии с правоохранительными органами, направленная на создание и совершенствование целостной системы мер по предотвращению оттока русскоязычного населения за пределы республики, подготовку предложений по урегулированию данной проблемы, а также способствовать реализации принятых Президентом и Правительством Республики Дагестан решений в этой области; также она определяет основные направления социологических исследований по проблемам русскоязычного населения, обобщает, анализирует их итоги и готовит соответствующие предложения¹.

Заседания Комиссии проходят от одного до нескольких раз в год, так в 2011 г. на заседании была заслушана информация заместителя министра культуры РД – директора ГУ «Республиканский дом народного творчества» М. Мугадовой об исполнении решения Правительственной комиссии РД по проблемам русскоязычного населения от 27 сентября 2010 г. «О состоянии и мерах по возрождению культуры, традиций казачества в РД».

В марте 2012 г. на заседании комиссии обсудили вопрос о работе муниципальных образований Северного региона РД по выполнению решений Правительственной комиссии РД по проблемам русскоязычного населения.

Зам. главы администрации МО «Кизлярский район» Е. Кусенко в своем выступлении отметила, что общая численность населения Кизлярского района составляет 68,2 тыс. чел., из них русских – 8700 чел. (12,8 %). «По сведениям паспортно-визовой службы по Кизлярскому району, среди основных причин выезда за пределы района в другие регионы страны, представители русскоязычного населения указывают семейные обстоятельства, проблемы трудоустройства, возвращение к прежнему месту жительства», – отметила Е. Кусенко. Зам. главы администрации МО «Тарумовский район» Н. Тудвасова отметила в своем выступлении, что приоритетными в их работе определяются мероприятия,

¹ Постановление Правительства РД от 30 января 2008 г. «О правительственной комиссии Республики Дагестан по проблемам русскоязычного населения». [Электронный ресурс]. http://dagestan.news-city.info/docs/sistemsw/dok_iegboz.htm (Дата обращения 21.03.2015).

направленные на снижение уровня миграции и создание условий для возвращения и обустройства русского населения, так в 2011 г. в район возвратились 40 прежних жителей.

Что касается города Кизляра, то в 2011 г. в администрацию города поступило 896 заявлений и обращений граждан, в том числе от русскоязычного населения 273 (30 %), для сравнения – в 2010 г. было 1097 обращений. Проблемы, затрагиваемые в обращениях, практически не изменились, граждане обращаются по вопросам социального обеспечения, образования, труда и заработной платы, но наиболее многочисленными и острыми остаются вопросы обеспечения жильем и коммунально-бытового обслуживания. Для рассмотрения ряда обращений создавались коммиссионные проверки с выездом на место, давались письменные разъяснения¹.

В 2013 г. опять было проведено совместное заседание Правительственной комиссии республики по проблемам русскоязычного населения и Координационного совета, на котором обсудили состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в муниципальных образованиях Северного региона и меры по их улучшению². Председатель заседания Р. Джафаров, отметил, что основой совместного мирного проживания различных народностей в Северном регионе является наличие культуры межнационального общения и уважительного межконфессионального взаимопонимания. В своем выступлении О. Артюхов акцентировал внимание на важности проведения национально-культурных праздников, в которых принимают участие творческие коллективы разных народов, что способствуют укреплению межнациональных связей, сохранению народного творчества, приобщению молодежи к национальному искусству, изучению

¹ Состоялось очередное заседание Правительственной комиссии РД по проблемам русскоязычного населения. [Электронный ресурс]. Сайт «Правительство Республики Дагестан». http://www.e-dag.ru/novosti/novosti-pravitelstva/sostoyalos_ocherednoe_zasedanie_pravitelstvennoy_k.html (Дата обращения 02.03.2015).

² В Правительстве РД обсудили меры по улучшению межнациональных и межконфессиональных отношений в МО Северного региона. [Электронный ресурс]. Сайт «Правительство Республики Дагестан». http://www.e-dag.ru/novosti/novosti-pravitelstva/v_pravitelstve_rd_obsudili_meri_po_uluchsheniyu_me.html (Дата обращения 05.05.2015).

родных языков и развитию уважительных межнациональных отношений¹.

В 2014 г. на повестке дня заседания комиссии было обозначены вопросы социального обслуживания некоторых категорий русскоязычных граждан и их семей в Кизлярском, Тарумовском и Бабаюртовском районах. Было отмечено, что в течение последних лет востребованность надомного социального обслуживания русскоязычных граждан остается высокой. За 1 квартал 2014 г. услуги отделений социального обслуживания на дому комплексных центров социального обслуживания, в частности, в Кизлярском, Бабаюртовском и Тарумовском районах получили 1,5 тыс. русскоязычных граждан пожилого возраста и инвалидов. Численность русскоязычных граждан, находящихся на социальном обслуживании в учреждениях социального обслуживания населения Кизлярского, Тарумовского и Бабаюртовского районов, составляет более 5 тыс. чел., или 19,3 % от общей численности граждан, получающих социальную помощь. В очереди на социальное обслуживание состоят 40 русскоязычных граждан пожилого возраста и инвалидов. Это означает, что доля взятых на обслуживание из числа выявленных граждан пожилого возраста и инвалидов, нуждающихся в социальном обслуживании, составляет 99,3 %, что, конечно же, является хорошим показателем. Замминистра З. Багомедов отметил, что в Махачкале в 2014 г. более 1,6 тыс. русскоязычных граждан получали социальные услуги².

Внимание органов государственной власти и общественности к данной проблеме вполне понятно, потому что удельный вес пенсионеров в регионах компактного проживания русских составляет 41,8 %. Наиболее высок он в г. Кизляр – 64,7 %. Это отражается на национальном составе учащихся школ региона. Например, в Тарумовском районе за период с 2002 – 2010 гг. число русских школьников сократилось с 40 до 16 %. В Кизлярском районе за этот же период их количество сократилось с 19 до 9 %,

¹ Там же.

² Проблемы русскоязычного населения обсудили в Правительстве Дагестана Правительство Республики Дагестан. [Электронный ресурс]. Сайт «Правительство Республики Дагестан». <http://www.e-dag.ru/novosti/novosti-pravitelstva/problemy-russkoazychnogo-naseleniya-obsudili-v-pravitelstve-dagestana.html> (Дата обращения 05.05.2015).

в г. Кизляр с 55 до 36 %, при соответствующем росте удельного веса школьников других национальностей. Продолжается снижение доли русской молодежи в вузах республики. Например, в Дагестанском государственном университете в 2005 г. число русской молодежи составляло 6,0 %, в 2010 г. – 2,3 %, в Дагестанском государственном педагогическом университете этот показатель снизился с 2,7 % до 0,8 %, в Дагестанской государственной медицинской академии – с 1,3 % до 0,9 %, Дагестанском государственном аграрном университете – с 3,8 % до 2,5 %, Дагестанском государственном техническом университете в 2005 г. – 6,3 %, 2008 г. – 7,0 %, а в 2010 г. – 3,1 %¹.

Руководство республики обращает внимание и на проблемы нижнетерского казачества. С начала 90-х гг. на территории Кизлярщины стало активно функционировать Терское Казачье Войско (ТКВ). Кизлярский казачий округ вел активную работу по выделению казачеству земель для сельскохозяйственного использования. Так, в феврале 1999 г. казачье общество ТКВ подало заявку на отведение им 3000 га земли, которая рассматривалась в Госкомземе Республики Дагестан на предмет формирования земельного казачьего фонда.

Согласно реестру о государственной службе, казаки подготовили программу мероприятий и направили на рассмотрение в Государственный Совет и Правительство Республики Дагестан. В программу были включены следующие вопросы: 1. о службе казаков в Каспийском погранотряде; 2. о квотировании мест для Кизлярского отдела Терского Казачьего войска (КО ТКВ) в органах рыбоохраны, таможни, налоговой полиции и инспекции, расположенных на территории г. Кизляр, Тарумовского и Кизлярского районов; 3. о беспошлинных квотах на лов рыбы частиковых пород; 4. об освобождении казаков от арендной платы за используемые ими помещения в коммерческих целях, а также всевозможных других льготах, например, ежегодно по заявке выделять округу целевые бюджетные места в учебных заведениях Дагестана. Однако большинство предложений не были поддержаны

¹ Обсуждены вопросы, связанные с оттоком русскоязычного населения. [Электронный ресурс]. Сайт «Правительство Республики Дагестан». <http://www.e-dag.ru/novosti/novosti-pravitelstva> (Дата обращения 05.05.2015).

или приняты формально. Начальник штаба Кизлярского особого приграничного округа Терского казачьего войска В.С. Мататов отмечал: «В каждом районе остаются земли госфонда, и из них безболезненно можно выделять в целевой казачий фонд. Если у казачества появятся деньги, то они смогут покупать еще, а бесплатные земли идут из госфонда». Однако решение этого вопроса (ситуация 2008 г.) тормозилось отсутствием республиканской программы по казачеству. До 2014 г. Дагестан оставался единственным субъектом Российской Федерации, в котором отсутствовала республиканская целевая программа (по вопросам казачества) с бюджетной поддержкой, в то время как в соседних регионах, в частности, в Ставрополье, Северной Осетии, Чеченской Республике, Кабарде такие программы действовали¹. Немногочисленное казачество жалуется на то, что земли им не выделяются, а если выделяются, то не оказывается поддержка в виде техники и горючего. Подобные проблемы и в традиционной отрасли русских, проживающих на Кизлярщине – рыболовстве.

Большой резонанс получило «дело» казака А.А. Ширкина из станицы Александрийской Кизлярского района, который в феврале 2013 г. был задержан работниками Кизлярского РОВД за то, что он для личных нужд с помощью старой капроновой сети выловил 16 сазанов. Как он объяснил – сделал это вынужденно, у него трое детей и в это время ни он, ни жена временно не работали. Нанесённый государству ущерб в сумме 4000 руб. А.А. Ширкин возместил. Однако, вместо привлечения А.А. Ширкина к административной ответственности за нарушение правил любительского рыболовства против возбуждается уголовное дело по ст. 256 ч.1 п. «б» УК РФ за массовое истребление водных биоресурсов. В ходе рассмотрения данного уголовного дела судом, по мнению казачьей общественности, были допущены нарушения существующего законодательства. В 2014 г. письмо с просьбой объективно рассмотреть данный вопрос правление Нижне-Терской казачьей общины направило и.о. министра по национальной политике Республики Дагестан З.З. Ильясову, потому что большинство жителей региона занимают-

¹ Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011. С. 305.

ся любительским рыболовством и судебный процесс против А.А. Ширкина считают произволом не только по отношению к нему, но и ко всем любителям-рыболовам. Не получив ответа, атаман Нижне-Терской казачьей общины А.А. Старчак в январе 2015 г. направил обращение Главе Республики Дагестан Р.Г. Абдулатипову, в котором подчеркнул, в правление Нижне-Терской казачьей общины неоднократно поступали жалобы от жителей на действия правоохранительных органов, которые довольно часто и незаконно привлекают рыбаков-любителей за мелкие нарушения вместо административной к уголовной ответственности. Жители лишь одного села, практически моноэтнического (Коктубей) продолжают заниматься рыбным промыслом, как и их предки.

7 марта 2014 г. состоялась встреча Главы Дагестана Р.Г. Абдулатипова с представителями Кизлярского окружного казачьего общества, в которой приняли участие заместители председателя правительства РД Ш. Шарипов и Р. Джафаров, зам. руководителя администрации Главы и правительства РД А. Исрапилов, полномочный представитель Главы Республики Дагестан в Северном территориальном округе РД В. Паламарчук, глава МО «Тарумовский район» М. Абрамкина, глава МО «Кизлярский район» А. Виноградов, глава МО «город Кизляр» А. Шувалов, начальники управлений администрации Главы и Правительства РД. Казачье общество было представлено атаманом Кизлярского особого приграничного окружного казачьего общества Терского войскового казачьего округа Н. Спириным, атаманом Нижнетерской казачьей общины В. Старчаком, атаманом Кизлярского городского казачьего общества В. Бабенко и атаманом Кизлярского районного казачьего общества В. Ивановым.

В ходе встречи было обсуждено состояние нормативной правовой базы РД по вопросам казачества и мер его государственной поддержки. Для поддержки казачества в Дагестане, учитывая его влияние на общественно-политическую ситуацию в Северном регионе республики, в т.ч. на процесс оттока русского населения, в рамках Государственной программы РД «Поддержка проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения на 2014 – 2017 годы», в республике была утвер-

ждена подпрограмма «Государственная поддержка казачьих обществ в Республике Дагестан на 2014 – 2016 годы» с общим объемом финансирования 15 млн. руб.¹.

На 2014 г. было выделено 5 млн. руб., которые предусматривалось направить на проведение учебных сборов и курсов повышения квалификации для атаманов, оплату казачьих дружин, мероприятия по подготовке казаков-призывников к несению воинской службы, издание книги о казачестве в Дагестане, оказание помощи казачьим воскресным школам, организацию фестивалей, конкурсов, викторин, спортивных состязаний, приобретение костюмов и экипировки. Однако следует отметить, что ни в одной из северокавказских республик программа возвращения русскоязычного населения не достигла поставленных целей.

Социальное положение (занятость) русского населения Северного региона на начало 2007 г. характеризовалось следующими цифрами. Составляя немногим более 24 % от общего числа жителей региона, более всего они были представлены в органах управления (гор-, рай-, сельадминистрации) – 49,1 %, в сфере образования – 26,8 %, в организациях культуры – 35,6 %, в здравоохранении – 28,9 %, в органах внутренних дел – 10,0 %, на предприятиях промышленности и транспорта – 35,0 %, среди работников сельхозпредприятий – 3,5 % (в Кизлярском районе – 4,3 %, в Тарумовском – 28,0 %), в крестьянско-фермерских хозяйствах – 4,4 % (Кизлярский район – 1,6 %, Тарумовский – 12,0 %), состоявшие на учете безработные – 12,3 %, пенсионеры – 35,1 %, студенты вузов, техникумов, колледжей – 18,9 %, учащиеся школ – 13,4 %, дети дошкольного возраста – 8,1 %. В перечне цифр обращает на себя внимание незначительный процент занятости русских в органах внутренних дел, малый – в кооперативно-фермерских хозяйствах и, наоборот, большой процент русских среди пенсионеров². Представленные цифры, на наш взгляд, вполне отражают ситуацию не только в Северном регионе РД, в

¹ Глава Дагестана призвал казачество активнее участвовать в развитии республики. [Электронный ресурс]. Сайт «РИА Дагестан». http://www.riadagestan.ru/news/president/glava_dagestana_prizval_kazachestvo_aktivnee_uchastvovat_v_razvitiy_respubliki/ (Дата обращения 05.05. 2015).

² Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011. С. 300.

других городах и районах также основной трудовой нишей для русских является сфера образования, культуры, здравоохранения. А вот собственно в производственную сферу, особенно сельское хозяйство, они практически не вовлечены.

В составленной сотрудниками Координационного совета для республиканской власти справке о демографических изменениях в Северном регионе РД за период с 2002 по 2007 гг. отмечено следующее: численность русского населения сократилась на 3,7 тыс. чел., в том числе миграционная убыль составила 2,2 тыс. чел. (59,5 % от общего оттока населения), а естественная убыль – 1,5 тыс. чел. (40,5 %). Среднегодовая миграционная убыль составляла 385 чел., а естественная убыль – 360 чел., суммарно – 745 чел. Так же Координационный совет обозначил основные причины миграции русского населения: 1. *экономические*, перераспределение первичного капитала, расслоение населения по этническому и имущественному признаку, безработица; 2. *политические*, связанные с активизацией деятельности политических и религиозных экстремистов, противоречия между различными этническими группами, криминальная угроза, распространение ваххабизма; 3. *социальные* – недостаточная защищенность населения, слабая поддержка малоимущих категорий населения в таких вопросах, как поощрение рождаемости, бесплатное обучение студентов, льготное кредитование на приобретение и строительство жилья и другие. В Заключении справки подчеркнуто, что миграция и связанное с ней изменение этнического состава населения оказали негативное влияние на традиционную сферу деятельности местного населения. Основная масса мигрантов представлена неквалифицированными работниками: в сельской местности это жители, занимающиеся животноводством, в городах – предпринимательской деятельностью.

В такой ситуации, при сохранении нынешней динамики убыли русского населения в Северном регионе Дагестана, по мнению Ю.Ю. Карпова и Е.Л. Капустиной, с которым мы согласны, через 15 – 20 лет русские могут стать малочисленной этнической группой со статусом национального меньшинства, не имеющей влияния на ход политических, экономических и культурных процессов в регионе¹.

¹ Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Указ. работа. С. 302.

ГЛАВА III. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

3.1. Этническая идентичность дагестанских русских в структуре социальной идентичности

Повышение интереса к историческому наследию своего народа очень часто сопровождается обострением идентификационных процессов и от политической ситуации в государстве зависит усиление того или иного типа социальной идентичности. Несмотря на рост, характерных для современного мирового сообщества глобализационных процессов «этническая идентичность как у русских, так и у людей тех национальностей, которые дают название республикам, не только остается столь же распространенной, как и десять лет назад (у 80 – 90 % населения и более), но и у очень значительной части наших граждан сохраняется ощущение "сильной связи" с людьми их национальности... И все это дает основание полагать, что исчезновение этничности в условиях глобализации – скорее "миф", чем реальность... Не только социальная реальность корректирует его. Очевидно, что сама глобализация может стимулировать этничность. Ведь именно с ней связано свободное перемещение капитала, а за ним и рабочей силы, которая в значительной мере культурно разнообразна и рождает сопоставление "мы и другие"»¹.

В работе мы уже отмечали, что в перестроечный период в Дагестане появились национальные движения, ставившие вопрос о федеративном переустройстве республики, и этнолидерами дагестанских народов очень часто становились люди, вступавшие в конфликт с законностью и, на волне социально-экономической и политической трансформации российского общества, преследовавшие свои политические цели. Распад огромной страны, сложная политическая ситуация в государстве, дополненная социально-экономическим кризисом, отсутствие стабильности в обществе и изменение социального статуса огромного пласта людей и

¹ Дробижсва Л. М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии РАН. 2010. № 1. С. 431.

ряд других факторов способствовали ухудшению межэтнических отношений в России. В такой ситуации люди «вынуждены» были, как отмечают исследователи, обратиться к более устойчивым, не потерявшим своей важности общественным, групповым объединениям, и таковыми оказались этнические группы.

Исследователи выделяют установки и, базируясь на них различные типы этнической идентичности: 1. респонденты, считающие, что очень важно жить среди людей своей национальности и очень важно разговаривать на своем языке («этноцентристы»), 2. респонденты, считающие, что для них очень важно жить среди людей своей национальности, но при этом не очень важно или вовсе неважно разговаривать на языке своей национальности. Значимость этничности для них скорее проявляется в пространственно-средовом аспекте («предпочитающие моноэтническую среду»), 3. считающие, что для них не очень важно или совсем неважно жить среди людей своей национальности, но очень важно разговаривать на языке своей национальности, что отражает скорее потребность в вербальном проявлении этничности, совпадении семиотической картины мира с людьми из круга общения, 4. считающие, что для них не очень важно или совсем неважно как жить среди людей своей национальности, так и разговаривать на языке своей национальности («этноиндифферентные»)¹.

Прежде всего, необходимо отметить, что этническая идентичность в структуре социальной идентичности не всегда выполняет доминирующую роль и уступает место другим, более значимым типам (республиканскому, религиозному, государственно-гражданскому). Потеря прежнего социального статуса, вынужденные перемены рабочей обстановки и ряд других факторов способствовали заметному изменению культуры межэтнического общения, утрате прежней символической системы и принципов этнокультурного поведения. А это, в свою очередь, способствовало обострению чувства этнической принадлежности, и, как следствие, усилению межэтнической напряженности в многонациональной среде. В этой связи исследователи акцентировали внимание на том, что на уровне субъективных факторов важней-

¹ *Абрамова М. А., Гончарова Г. С.* Степени этничности как основа национальной политики // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 42.

шую роль в межэтнических отношениях играет этническое самосознание, ее полнота, характер¹ и, в типологии этнической идентичности, полярными проявлениями являются этноиндифферентность и этноцентризм. Более того, последний является основой формирования межнационального противостояния и конфликтности.

В данном параграфе будет рассмотрен ряд вопросов, среди них соотношение типов социальной идентичности (этнический, республиканский, государственно-гражданский, религиозный), место этнической идентичности в структуре социальной идентичности, типология этнической идентичности, проявление гипо- и гиперидентичных установок в массовом сознании дагестанских русских.

Прежде чем перейти к изложению результатов социологического опроса представляется необходимым охарактеризовать выборку социологического опроса.

Характеристика выборки социологического исследования. Социологическое исследование по изучению этнической идентичности и стратегии межэтнического поведения русского населения Республики Дагестан проведено в 2014 – 2015 гг. в районах как дисперсного, так и компактного их проживания: в Буйнакском, Дербентском, Кизилюртовском, Кизлярском, Хасавюртовском, Тарумовском районах, гг. Буйнакск, Дербент, Дагестанские Огни, Каспийск, Кизляр, Кизилюрт, Махачкала, Хасавюрт, с. Тарумовка. N – 2841.

Следует отметить большие сложности в проведении социологического опроса среди русского населения республики. Если в устной беседе русские респонденты открыто демонстрировали свое этническое самочувствие и заявляли о своих национальных проблемах, то, к огромному сожалению, несмотря на то, что многие вопросы в анкете социологического опроса сознательно были сделаны полуоткрытыми, чтобы опрашиваемые могли в полной мере выразить свою позицию, при заполнении анкеты не нашли своего отражения.

В нашем исследовании изучение этнической идентичности дагестанских русских проводилось с использованием разрабо-

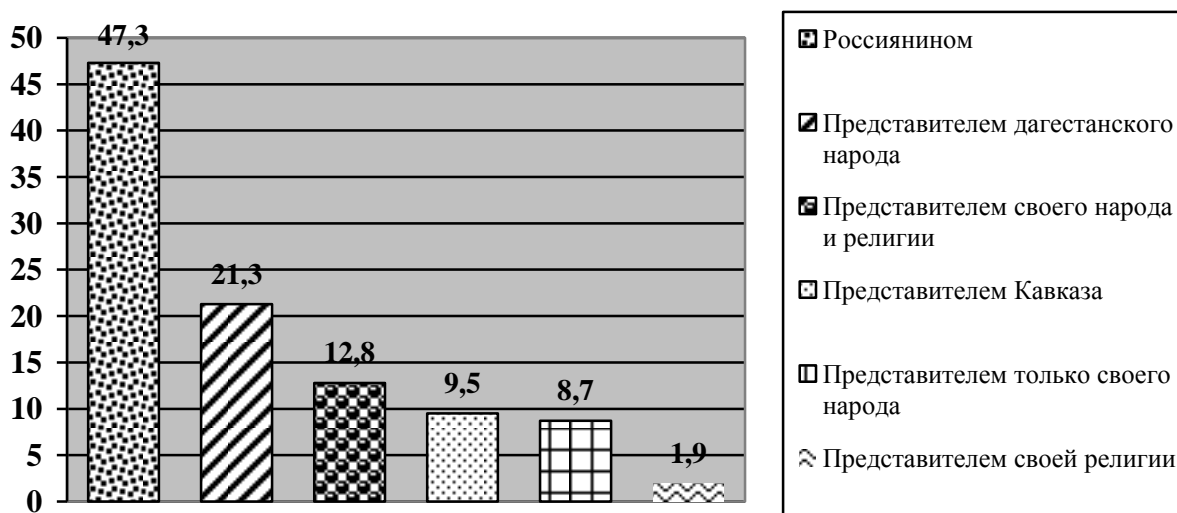
¹ См.: Дробижева Л. М. Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов. М., 1994.

танного и апробированного в ходе исследования трансформации этнической идентичности и выявления ее типов метода Г.У. Солдатовой. Методологический инструментарий исследования типов этнической идентичности базируется на шести шкалах и типы этнической идентичности определены на основе индикаторов-суждений, конкретизирующих конец фразы «Я такой человек, который...».

В анкету социологического опроса вошли вопросы, выявляющие соотношение типов социальной идентичности и их проявление в общественном сознании дагестанских русских (см. гист. № 1).

Гистограмма 1

Распределение ответов на вопрос «*Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?*»
(варианты ответов даны в %)

Наше исследование показывает актуализацию у дагестанских русских государственно-гражданской идентичности, проявляющаяся в форме осознания себя, в первую очередь, «россиянином», затем во множественной идентичности, при слабости этнической идентичности. По мнению российских исследователей, «если у титульных народов взрыв этнических чувств находил выражение в заинтересованности развития языка, культуры, увеличения самостоятельности республик, то у русских актуализация этнического самосознания (в тех случаях, когда она имела место) связывалась с усилением общегосударственной идентичности. Это позволило... сделать вывод о том, что возможное возрастание

значимости этничности у русских будет идти параллельно с усилением общегражданской идентичности, обретая толерантный вектор развития»¹.

Анализ вопроса *«Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?»* через образовательный признак показывает, что *«осознание себя представителем дагестанского народа»* в большей степени проявляется в позициях каждого пятого респондента с высшим (22,0 %), со средним (20,3 %) и со средним специальным образованием (20,1 %). Длительность совместного проживания на относительно небольшой территории обуславливает важность в общественном сознании опрошенных русских государственно-гражданской идентичности, сопровождающаяся высокой оценкой значимости общероссийской политической символики (герб, гимн, флаг) и республиканской (общедагестанской) идентичности.

При сопоставлении вопроса *«Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?»* с типами этнической идентичности, независимо от нормального, пассивного или деструктивного, в массовом сознании дагестанских русских превалирует российская идентичность. В то же время носители «национального фанатизма», с ярко выраженной этнической идентичностью («представитель только своего народа»), подчеркивают суждения *«я такой человек, который считает, что права нации выше прав человека»* (23,4 %), *«я такой человек, который считает, что любые средства хороши для защиты интересов моего народа»* (35,9 %), *«я такой человек, который считает строго необходимым сохранять "чистоту" народа»* (48,1 %). «Этноизоляционисты» с превалирующей этнической идентичностью («представитель только своего народа») придерживаются позиций *«я такой человек, который считает свой народ более одаренным и развитым по сравнению с другими народами»* (29,7 %), *«я такой человек, который считает необходимым "очищение" культуры своего народа от влияния других культур»*

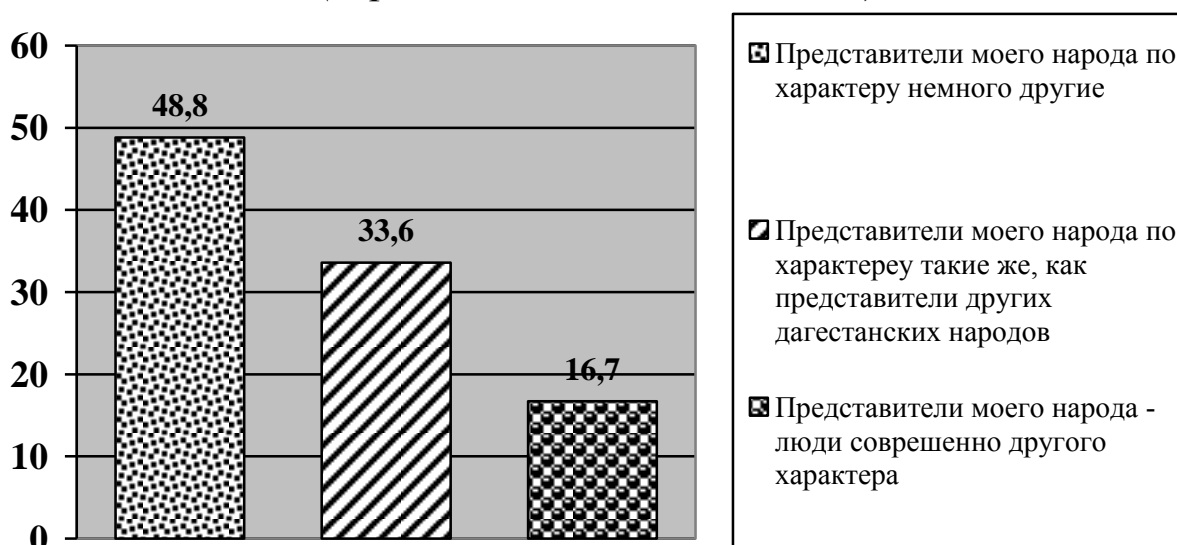
¹ Рыжова С. В. Некоторые аспекты национального самосознания русских в республиках Российской Федерации (по материалам эмпирического исследования) // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995.

(34,4 %), «я такой человек, который считает, что межнациональный брак разрушает народ» (45,3 %).

Однако, при доминировании российской идентичности над другими типами социальной идентичности, опрошенные в ответах на другой вопрос демонстрируют иное поведение (см. гист. № 2).

Гистограмма 2

Распределение ответов на вопрос «*Можно ли утверждать, что представители Вашего народа по характеру...*»
(варианты ответов даны в %)

По всему массиву опрошенных превалирует суждение «*представители моего народа по характеру немного другие*», хотя каждый третий опрошенный считает, что представители его народа «*точно такие же, как представители других дагестанских народов*». Вместе с тем, каждый шестой опрошенный придерживается позиции «*мы люди совершенно другого характера*»; в опросе 2013 г. суждения «*мы люди совершенно другого характера*» придерживался каждый четвертый опрошенный (24,5 %). Наличие в массовом сознании дагестанских русских таких позиций объясняется доминированием у них российской идентичности, хотя за период с 2001 г. по 2013 г. заметных изменений в суждениях русских не наблюдается, и они, по-прежнему, объединяющим факторами с дагестанскими народами считают «*длительность совместного проживания на одной территории*» и «*единую территорию проживания*».

Установление места этнической идентичности дагестанских русских в структуре социальной идентичности предполагает выявление выраженности типов этнической идентичности (см. таб. № 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «*Я такой человек, который...*» (варианты ответов даны в %)

<i>Варианты ответов</i>	<i>Согласен</i>	<i>Не согласен</i>
<i>Нормальная идентичность</i>		
Предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам	84,3	12,2
Обычно не скрывает своей национальности	93,8	2,8
Любит свой народ, уважает язык и культуру других народов	93,1	2,9
Всегда находит возможность мирно договориться в межнациональном споре	89,8	6,3
Готов иметь дело с представителями любого народа, несмотря на национальные различия	88,9	7,3
<i>Всего:</i>	<i>89,9</i>	<i>6,3</i>
<i>Этноизоляционизм (этноцентризм)</i>		
Считает, что межнациональный брак разрушает народ	20,5	75,8
Считает, что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности	6,9	89,7
Считает, что его народ имеет право решать свои проблемы за счет других народов	6,3	89,7
Считает свой народ более одаренным и развитым по сравнению с другими народами	16,2	80,7
Считает необходимым «очищение» культуры своего народа от влияния других культур	16,8	79,1
<i>Всего:</i>	<i>13,3</i>	<i>83,0</i>
<i>Этноэгоизм (этнодоминирование)</i>		
Предпочитает образ жизни своего народа	61,8	32,6
Нередко чувствует превосходство своего народа над другими народами	15,1	80,1

Считает, что взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей	18,2	78,3
Испытывает напряжение, когда вокруг себя слышит чужую речь	31,2	65,2
Раздражается при близком общении с людьми других национальностей	6,9	89,3
Всего:	26,6	69,1
<i>Национальный фанатизм (этнофаворитизм)</i>		
Считает, что права нации выше прав человека	8,7	87,3
Считает, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа	23,5	71,1
Считает строго необходимым сохранять «чистоту» народа	32,3	62,3
Считает, что люди другой национальности должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории	8,1	87,6
Никогда серьезно не относился к межнациональным проблемам	36,5	59,0
Всего:	21,8	73,5
<i>Этнонигилизм</i>		
Часто ощущает превосходство людей другой национальности	19,1	77,3
Часто испытывает стыд за людей своей национальности	27,9	68,4
Трудно уживается с людьми своей национальности	5,2	90,4
Часто чувствует неполноценность из-за своей национальной принадлежности	7,7	88,2
Не уважает свой народ	4,1	90,8
Всего:	12,8	83,0
<i>Этноиндифферентность</i>		
Никогда серьезно не относился к межнациональным проблемам	2,1	7,0
Не отдает предпочтения какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную	32,2	63,4

Безразлично относится к своей национальной принадлежности	9,8	86,4
Считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу	16,0	80,2
Считает, что его народ не лучше и не хуже других народов	82,7	14,0
Всего:	28,6	50,2

Полученные результаты опроса показывают доминирование в установках дагестанских русских «нормального» типа этнической идентичности с формулировками *«я такой человек, который предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам»*, *«я такой человек, который обычно не скрывает своей национальности»*, *«я такой человек, который любит свой народ, уважает язык и культуру других народов»*, *«я такой человек, который всегда находит возможность мирно договориться в межнациональном споре»*, *«я такой человек, который готов иметь дело с представителями любого народа, несмотря на национальные различия»*. Иными словами, стремление принадлежать к этнической общности на групповом уровне выражается потребностью в позитивной этнической идентичности и этнической безопасности¹. В то же время, каждый восьмой опрошенный не разделяет суждение *«я такой человек, который предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам»*. По сравнению с другими подгруппами, в большей степени «нормальный тип» этнической идентичности демонстрируют респонденты с высшим образованием, у которых выделенные индикаторы варьируются в пределах от 84,5 % (*«я такой человек, который предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам»*) до 96,3 % (*«я такой человек, который обычно не скрывает своей национальности»*). Эти же позиции разделяют опрошенные со средним специальным образованием – 87,1 % и 92,3 %, соответственно, и имеющие среднее образование – 69,2 % и 87,2 %, соответственно.

¹ Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

На второй позиции располагается пассивный тип этнической идентичности в форме этноиндифферентности, которая опрошенными дагестанскими русскими в основном демонстрируется через три суждения – *«я такой человек, который считает, что его народ не лучше и не хуже других народов»* (80,5 % со средним, 81,7 % с высшим, 84,7 % со средним специальным образованием), *«я такой человек, который не отдает предпочтения какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную»* (25,8 % со средним специальным, 26,2 % с высшим и 33,8 % со средним образованием) и *«я такой человек, который считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу»* (19,5 % со средним, 16,7 % со средним специальным и 14,9 % с высшим образованием).

В массовом сознании дагестанских русских на третьем месте располагаются установки этнодоминирования: *«я такой человек, который предпочитает образ жизни своего народа»*, *«я такой человек, который нередко чувствует превосходство своего народа над другими народами»*, *«я такой человек, который считает, что взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей»*, *«я такой человек, который испытывает напряжение, когда вокруг себя слышит чужую речь»*. Суждение *«я такой человек, который предпочитает образ жизни своего народа»* является вполне нормальным для любого индивида, в то же время настороженность вызывает позиция каждого седьмого опрошенного, который *«нередко чувствует превосходство своего народа над другими народами»*, каждого пятого, который считает, что *«взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей»* и каждого третьего, испытывающего *«напряжение, когда вокруг себя слышит чужую речь»*. Установки этнодоминирования в форме противопоставления другим народам – *«я такой человек, который нередко чувствует превосходство своего народа над другими народами»* – характерна респондентам со средним (27,8 %), с высшим (30,9 %) и со средним специальным образованием (35,4 %). При этом 17,3 % с высшим, 18,0 % со средним и 20,1 % со средним специальным образованием считают, *«что*

взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей».

На четвертой позиции располагается этнофаворитизм с суждениями *«я такой человек, который считает, что права нации выше прав человека», «я такой человек, который считает, что любые средства хороши для защиты интересов моего народа», «я такой человек, который считает строго необходимым сохранять "чистоту" народа», «я такой человек, который считает, что люди другой национальности должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории», «я такой человек, который никогда серьезно не относился к межнациональным проблемам».* Национальный фанатизм характерен каждому четвертому респонденту с формулировкой *«любые средства хороши для защиты интересов моего народа»* и каждому третьему опрошенному, разделяющему позицию о необходимости *«сохранять "чистоту" народа».* С повышением образовательного статуса снижается доля придерживающихся позиции *«я такой человек, который нередко чувствует превосходство своего народа над другими народами»* – 33,1 % со средним, 27,3 % со средним специальным и 18,3 % с высшим образованием. При этом каждый третий опрошенный со средним и со средним специальным, каждый четвертый с высшим образованием разделяет суждение *«я такой человек, который считает строго необходимым сохранять "чистоту" народа»*, что свидетельствует о существовании в массовом сознании дагестанских русских, хотя и в слабой форме, интолерантных установок.

На пятом месте находятся этноцентристские установки с формулировками *«я такой человек, который считает, что межнациональный брак разрушает народ», «я такой человек, который считает, что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности», «я такой человек, который считает, что его народ имеет право решать свои проблемы за счет других народов», «я такой человек, который считает свой народ более одаренным и развитым по сравнению с другими народами», «я такой человек, который считает необходимым "очищение" культуры своего народа от влияния других культур».* Последние два суждения разделяет каждый шестой опрошенный

из всего массива, и мнения *«межнациональный брак разрушает народ»* придерживается каждый пятый опрошенный. По образовательному признаку респонденты с высшим (19,1 %), со средним (20,3 %) и со средним специальным образованием (24,4 %) негативно относятся к смешанному браку, с мотивацией, что он *«разрушает народ»*. Также независимо от уровня образования, респондентам со средним (17,3 %), со средним специальным (16,3 %) и с высшим образованием (16,2 %) ближе суждение – *«мой народ более одаренный и развитый по сравнению с другими народами»*. При этом 21,1 % со средним, 16,7 % со средним специальным и 15,2 % с высшим образованием придерживаются позиции о необходимости *«"очищения" культуры своего народа от влияния других культур»*.

На шестой позиции располагаются этнонигилистические установки – *«я такой человек, который часто ощущает превосходство людей другой национальности»*, *«я такой человек, который часто испытывает стыд за людей своей национальности»*, *«я такой человек, который трудно уживается с людьми своей национальности»*, *«я такой человек, который часто чувствует неполноценность из-за своей национальной принадлежности»*, *«я такой человек, который не уважает свой народ»*. При этом ярче всего выражены позиции *«я такой человек, который часто ощущает превосходство людей другой национальности»* (каждый пятый опрошенный), *«я такой человек, который часто испытывает стыд за людей своей национальности»* (каждый третий опрошенный). Далее респонденты с высшим (17,0 %), со средним (21,1 %) и со средним специальным образованием (21,5 %) демонстрируют этнонигилизм с формулировкой *«часто ощущаю превосходство людей другой национальности»*, при этом 25,8 % со средним специальным, 26,2 % с высшим и 33,8 % со средним образованием *«часто испытывают стыд за людей своей национальности»*. По мнению Г.У. Солдатовой, в процессе идентификации огромное значение имеет эмоциональный аспект, потому что характер испытываемых по отношению к собственной группе чувств и их изменения отражают динамику образа группы с точки зрения ее привлекательности/непривлекательности, тем самым, оказывая определенное воздействие на взаимоотношения с

другими группами¹. При этом она акцентирует внимание на двух важнейших для социального взаимодействия компонентах, к числу которых относятся «стыд» и «гордость»: «гордость порождает солидарность с группой и является ее индикатором, в то время как стыд есть показатель и причина отчуждения от группы»². Наше исследование констатирует, что при ориентированности дагестанских русских на поддержание «национального образа жизни своего народа», стремлении сохранить «"чистоту" своего народа» и т.д., опрошенные демонстрируют слабое проявление чувства гордости за свой народ, придерживаясь позиции «*часто испытываю стыд за людей своей национальности*», а это может явиться одним из факторов отторжения от своего народа. Авторы придерживаются позиции, что существование такого мнения в общественном сознании русского населения Дагестана может быть обусловлено их негативным этническим самочувствием на исторических территориях своего проживания.

Социально-демографические особенности в проявлении типов этнической идентичности дагестанских русских. В исследовании не меньший интерес представляют социально-демографические особенности респондентов, которые могут быть носителями разных типов этнической идентичности. Однако необходимо оговориться, что мы не можем представить отчетливые социально-демографические границы между подгруппами, так как, выбирая несколько индикаторов, один и тот же респондент нередко оказывался в двух или даже трех подгруппах, представляющих опрошенных с различными тенденциями трансформации этнической идентичности.

«Нормальный» тип этнической идентичности характерен всем опрошенным независимо от образовательного статуса (см. таб. № 3).

Среди опрошенных этнические установки по типу «нормы» одинаково выражены во всех прослойках респондентов с разным образовательным статусом и в проявлении позитивной этнической идентичности не наблюдается заметных расхождений, хотя

¹ См.: Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1997.

² Солдатова Г. У. Указ. работа. М., 1997.

им, одновременно характерны гипо- и гиперидентичные установки.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «*Я такой человек, который...*» (варианты ответов даны в %)

Варианты ответов // Образование	Среднее	Среднее специальное	Высшее	Среднее	Среднее специальное	Высшее
	Согласен			Не согласен		
	<i>Нормальная идентичность</i>					
Предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам	69,2	87,1	87,4	24,1	8,6	10,5
Обычно не скрывает своей национальности	87,2	92,3	96,3	6,8	2,9	1,6
Любит свой народ, уважает язык и культуру других народов	87,2	91,9	95,0	5,3	3,3	2,4
Всегда находит возможность мирно договориться в межнациональном споре	85,0	89,0	91,4	6,8	6,2	6,5
Считает, что его народ не лучше и не хуже других народов	81,2	89,0	90,8	11,3	6,2	7,3

Вместе с тем специфика идентификационного процесса заключается в том, что носителями гиперидентичных установок являются представители интеллигенции, которые демонстрируют большую активность и различны в своих проявлениях. Изначально от категории опрошенных с высшим образованием ожидают высокий уровень позитивного восприятия иной этнической общ-

ности, потому что проявление интолерантных установок у респондентов с относительно низким образовательным статусом поддается объяснению, в отличие от респондентов с высоким образовательным и социальным статусом. Интеллигенция, которая призвана отстаивать национальные интересы своего народа, одновременно должна, с одной стороны, поддерживать дистанцированность по отношению к другим этническим образованиям с целью обозначения и сохранения своей этнокультурной самобытности, с другой, формировать в массовом сознании позитивный образ не только своего народа, но и уважительное отношение к другим этническим группам.

Среди респондентов, в этнической идентичности которых представлены позитивные установки типа «нормы» – *«я такой человек, который обычно не скрывает своей национальности»* – выделяется поколение «от 60 лет и выше» (97,9 %) и «от 50 до 60 лет» (96,2 %); суждение *«я такой человек, который любит свой народ, уважает язык и культуру других народов»* разделяют 98,9 % опрошенных в возрасте «от 60 лет и выше», 96,2 % «от 50 до 60 лет», 94,2 % «от 40 до 50 лет» и 92,9 % «от 30 до 40 лет», в то время как в подгруппах «от 20 до 30 лет» и «до 20 лет» таковых заметно меньше – 82,4 % и 86,6 %, соответственно.

Национальный фанатизм, по сравнению с другими подгруппами, относительно сильнее выражен у молодого поколения «до 20 лет» (41,9 %) и «от 20 до 30 лет» (42,9 %), подчеркивающих необходимость строгого сохранения *«"чистоты" народа»* и таковых меньше всего в подгруппе «от 40 до 50 лет» (27,3 %).

«Этноцентристов» больше в возрастной категории «от 20 до 30 лет» (25,0 %), которые *«нередко чувствуют превосходство своего народа над другими»*, при этом 24,1 % представителей этой возрастной группы отмечают необходимость *«очищения» «культуры своего народа от влияния других культур»* и 25,0 % опрошенных считают *«свой народ более одаренным и развитым по сравнению с другими народами»*. Можно сказать, что этноизоляционизм и этноэгоизм, по сравнению с другими возрастными подгруппами, характерен респондентам в возрасте «от 20 до 30 лет», т.е. молодое поколение, в то время как поколение после 30 лет, выросшее, если можно так сказать, в социалистической

стране с превалированием принципов интернационализма показывает совершенно противоположное этническое поведение. Вместе с тем, 25,3 % опрошенных в возрастном разрезе «от 40 до 50 лет», 26,3 % «от 60 лет и выше», 29,7 % «до 20 лет», 31,8 % «от 30 до 40 лет», 34,6 % «от 50 до 60 лет», 37,5 % «от 20 до 30 лет» *«испытывают напряжение, когда вокруг себя слышат чужую речь»*.

Во всех возрастных подгруппах этноиндифферентность демонстрируют через суждения *«мой народ не лучше и не хуже других народов»* (82,5 %), *«не отдает предпочтения какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную»* (31,7 %), *«на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу»* (16,2 %).

Этнонигилистические установки с формулировками *«часто ощущаю превосходство людей другой национальности»* (19,7 %) и *«часто испытываю стыд за людей своей национальности»* (27,8 %) характерны всем возрастным подгруппам: первое суждение разделяет относительная большая часть в разрезе «от 30 до 40 лет» (24,7 %) и «от 20 до 30 лет» (20,5 %); второе суждение – 28,4 % респондентов «до 20 лет», по 26,0 % «от 30 до 40 лет» и «от 40 до 50 лет», 33,0 % «от 20 до 30 лет».

Таким образом, несмотря на доминирование «нормального» типа этнической идентичности разным социально-демографическим группам характерна специфика проявления типов этнической идентичности. При декларировании и толерантных установок и уважительного отношения к инациональным общностям и культуре, опрошенные являются носителями как деструктивной, так и пассивной форм этнической идентичности. Причем, как этноцентристские, так и этнонигилистические установки проявляются у диаметрально противоположных по возрасту групп – «до 20 лет» и «от 60 лет и выше».

При оценке межэтнической ситуации в своем населенном пункте разным возрастным когортам характерна различная интерпретация. Так позицию *«в нашем населенном пункте не наблюдается межнациональное противостояние»* подчеркивают респонденты «до 20 лет» (50,4 %), «от 40 до 60 лет» (48,2 %), «от 20 до 40 лет» (47,0 %) и их ниже в прослойке «от 60 лет и выше»

(42,5 %). Однако негативную оценку межнациональным отношениям в своем населенном пункте дает каждый четвертый опрошенный в возрастной категории «от 40 до 60 лет» (22,5 %), в то время как в других подгруппах небольшая часть отмечает данное суждение. Придерживающихся позиции *«в нашем населенном пункте иногда случаются столкновения на межнациональной почве, но мы их быстро регулируем»* заметно выше в двух возрастных прослойках – «до 20 лет» (30,4 %) и «от 20 до 40 лет» (31,6 %) и относительно ниже в когорте «от 40 до 60 лет», «от 60 лет и выше» – 24,6 % и 21,9 %, соответственно.

По образовательному признаку, позитивную оценку межэтнической обстановке на территории своего проживания дают респонденты с относительно низким образовательным уровнем – 50,7 % со средним, 51,7 % со средним специальным против 47,6 % с высшим образованием. Однако, среди имеющих высшее образование, больше доля тех, кто считает, что межнациональная ситуация в их населенном пункте *«напряженная»* (18,4 %), при этом уточняя, что возникающие межэтнические коллизии удастся урегулировать (28,8 %).

При анализе полученного социологического материала, мы сопоставили оценку межэтнической ситуации с типом этнической идентичности. Этноиндифференты, которые не согласны с суждениями *«я такой человек, который не отдает предпочтения какой-либо культуре, включая и свою собственную»* (32,4 %) и *«я такой человек, который безразлично относится к своей национальной принадлежности»* (31,5 %) придерживаются суждения – *«в нашем населенном пункте иногда случаются столкновения на межнациональной почве, но мы их быстро регулируем»*. Противоположная позиция – *«отрицательно, в нашем населенном пункте очень напряженные межнациональные отношения»* – характерна респондентам разделяющим суждения *«я такой человек, который считает, что права нации выше прав человека»* (34,4 %), *«я такой человек, который считает, что люди другой национальности должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории»* (30,5 %) и *«я такой человек, который считает строго необходимым сохранять "чистоту"»*

народа» (24,8 %), т.е. носители гиперидентичности в форме национального эгоизма.

Носители этнонигилистических установок – *«я такой человек, который часто ощущает превосходство людей другой национальности»* (31,9 %) и *«я такой человек, который часто чувствует неполноценность из-за своей национальной принадлежности»* (32,1 %) подчеркивают, что им в Дагестане пришлось испытывать национальную дискриминацию при поступлении на работу, учебу и в организациях, куда они обращались за помощью. При этом опрошенные, придерживающиеся позиций *«я такой человек, который часто ощущает превосходство людей другой национальности»* (57,4 %) и *«я такой человек, который часто чувствует неполноценность из-за своей национальной принадлежности»* (51,8 %) уточняют, что им приходилось слышать в общественных местах (в магазинах, очередях, общественном транспорте) выражения, оскорбляющие их национальное достоинство.

Таким образом, анализ проявления типов этнической идентичности по социально-демографическим параметрам показывает, что респонденты независимо от социального статуса и возраста демонстрируют как этноиндифферентные, так и этноцентристские установки, причем выделяется подгруппа с высоким образовательным статусом и старшее поколение. Вместе с тем, опрошенные являются носителями типа этнической идентичности по типу «норма», что свидетельствует об их стремлении повысить престиж и статус своей этнической общности. А это, в свою очередь, требует формирования базы, обеспечивающей сохранение, воспроизводство и развитие этнокультурной самобытности каждого народа и в данном процессе важную роль выполняет наличие позитивного образа собственной этнической группы при отсутствии негативных характеристик другого народа.

3.2. Этнокультурные компоненты воспроизводства этнической идентичности дагестанских русских

Имманентными маркерами дефиниций «этнос», «нация» исследователи считают общность языка, этнокультуры, этническую идентичность, территорию, рассматривая их как «чувствительные» признаки в процессах межэтнического общения и контактирования, и «абсолютизация целостности этносов на основе таких признаков, как территория, язык, самосознание, без учета их взаимодействия, создает мировоззренческую основу для формирования этноцентризма в идеологии, политике, массовом и индивидуальном сознании»¹.

Наиболее наглядно специфика формирования этнической идентичности прослеживается в ответах на блок вопросов, относительно этнического самоопределения, значимости этнической группы, отношения к людям иной национальной принадлежности, обоснования причин межнационального противостояния и межэтнической напряженности. Вопрос о том, что такое быть представителем своего этноса является ключевым в исследовании. При всей своей очевидной простоте он оказался далеко не столь простым, как мог показаться на первый взгляд. Существует многообразие подходов представителей тех или иных народов к самоидентификации, вытекающие из уровня их культуры, жизненного опыта, психологических особенностей, исторически сложившихся форм межнационального взаимодействия, которые отчетливо проявляются в полиэтнической среде.

Этничность не ограничивается лишь этнической идентификацией, а включает в себя различные элементы «образа мы»: когнитивный компонент – совокупность представлений о своем народе, эмоциональный компонент, связанный с его чувственным восприятием и поведенческий компонент. В образе «мы» отражаются представления о своей этнической общности, ее культуре, характерных признаках, территории, историческом прошлом и т.д. Надо учесть, что содержательное наполнение этих представлений, впрочем, как и значимость отдельных элементов этнической

¹ *Абрамова М. А., Гончарова Г. С.* Степени этничности как основа национальной политики // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 42.

идентичности, различается у разных народов. Специфика самого процесса самоидентификации предполагает выделение этноопределителей, не только внешних (самоназвание, язык, культура и т.д.), но и внутренних, определяющих осознание личностью своей этнической принадлежности.

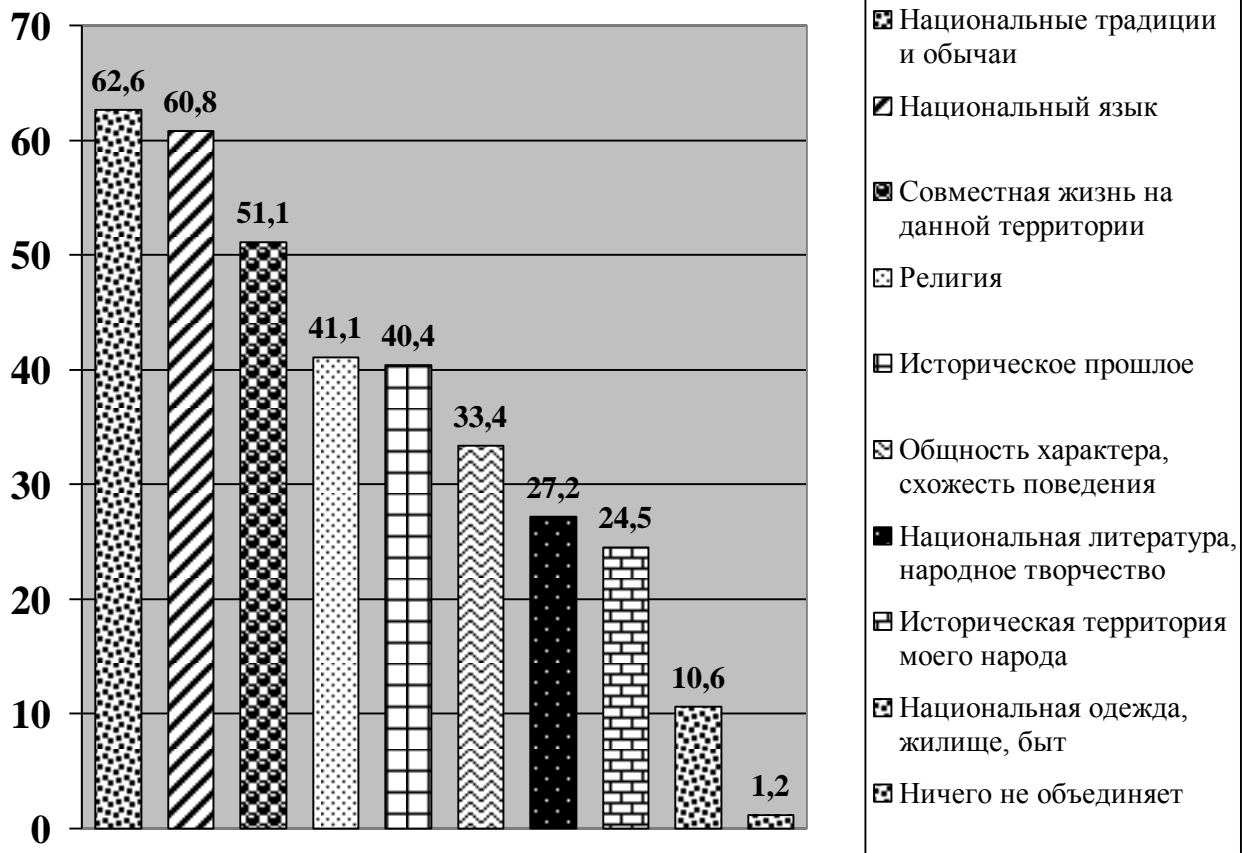
При рассмотрении индикаторов воспроизводства этнической идентичности, мы основываемся на данном Г.У. Солдатовой определении этнической идентичности, в соответствии с которым под ней понимаем разделяемые членами этнического образования представления, формирующиеся в процессе межэтнической коммуникации на основе осознания исторической общности, культурной специфики, исторической территории и т.д.

Представления дагестанских русских об основных этнообъединяющих признаках своей этнической общности показывают ответы респондентов на вопрос «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?». Эти компоненты, или структурообразующие этнической идентичности, одновременно являются факторами этнической самоидентификации, влияющими на ее формирование, содержание и развитие. На следующей гистограмме приведены значимые для опрошенных дагестанских русских этноопределители (см. гист. № 3).

По всему массиву опрошенных, признак *«национальные традиции и обычаи»* является значимым этноинтегрирующим компонентом и занимает первое ранговое место, на второй позиции располагается *«национальный язык»*, на третьей *«совместная жизнь на данной территории»*, на четвертой *«религия»*, на пятой *«историческое прошлое»*. Однако и остальные этнические признаки – *«историческая территория моего народа»*, *«общность характера, схожесть поведения»*, *«национальная литература, народное творчество»*, *«национальная одежда, жилище, быт»* выполняют заметную роль в воспроизводстве этнической идентичности дагестанских русских, хотя последний маркер выделила относительно небольшая доля респондентов. Из всего массива опрошенных статистически незначимая часть придерживается позиции, что их *«ничего не объединяет с представителями своего народа»*.

Гистограмма 3

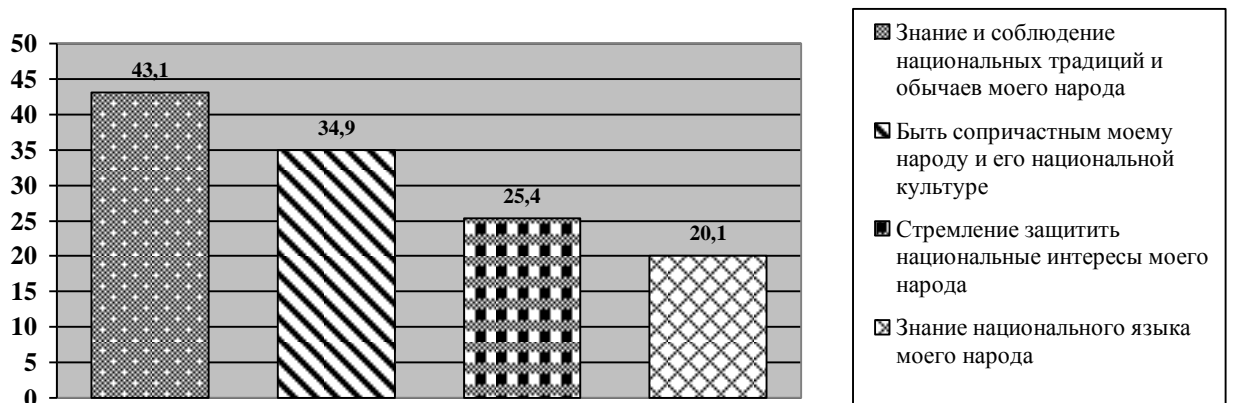
Распределение ответов на вопрос «*Какие признаки сближают Вас с представителями Вашего народа?*»
(варианты ответов даны в %)

Установление этнообъединяющих признаков предполагает выявление значимости для дагестанских русских принадлежности к своему народу, поэтому респондентам был задан «контрольный вопрос» (см. гист. № 4).

Гистограмма 4

Распределение ответов на вопрос «*Что для Вас значит быть представителем своего народа?*» (варианты ответов даны в %)

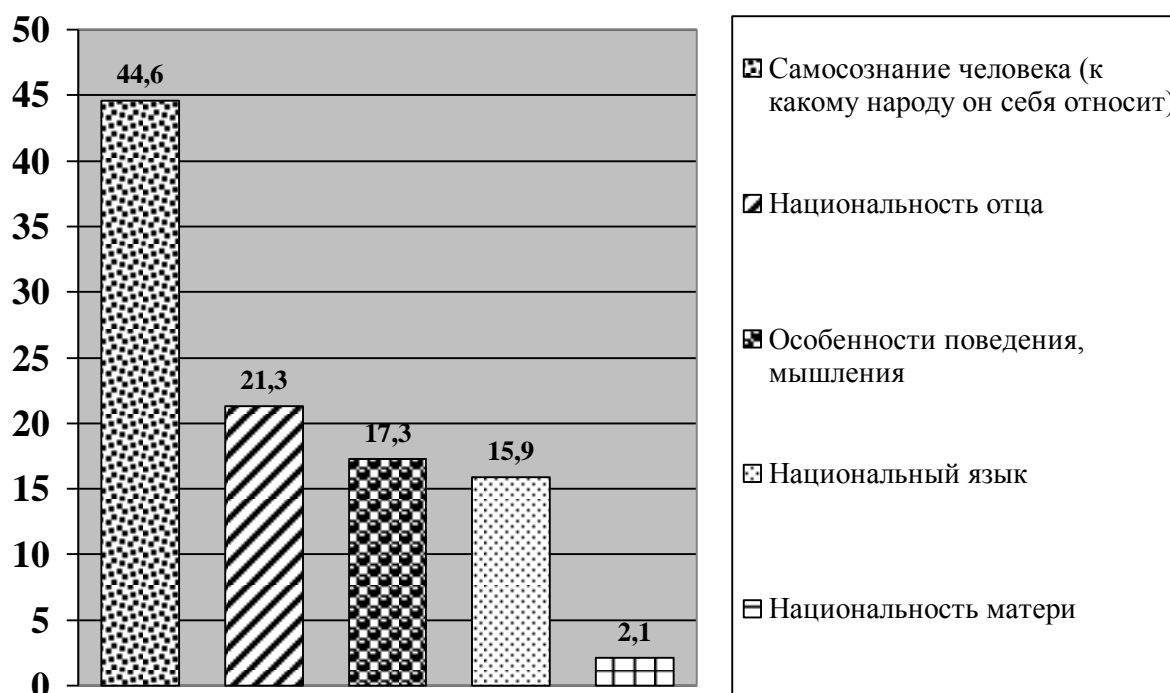

Приведенные в гистограмме № 4 результаты опроса показывают доминирование в установках каждого второго опрошенного суждения «*знание и соблюдение национальных традиций и обычаев моего народа*», каждому третьему опрошенному важна «*сопричастность своему народу и его национальной культуре*», каждый четвертый опрошенный указывает на «*стремление защитить национальные интересы своего народа*», каждый пятый опрошенный подчеркивает необходимость «*знания национального языка своего народа*».

Далее в ходе исследования респондентам был задан вопрос, позволяющий установить индикаторы определения национальной принадлежности человека (см. гист. № 5).

Гистограмма 5

Распределение ответов на вопрос «**Что, по Вашему мнению, необходимо учитывать при определении национальности человека?**» (варианты ответов даны в %)

В позициях дагестанских русских при определении этнической принадлежности человека важнейшим критерием является «*самосознание человека (к какому народу он себя относит)*», затем располагаются индикаторы «*национальность отца*», «*особенности поведения, мышления*», «*национальный язык*» и «*национальность матери*». В отличие от других дагестанских народов, которые по значимости национальную принадлежность одного из

родителей, обычно отца, располагают на первом месте, то в установках опрошенных русских, как показывают результаты опроса, существует иная иерархия определения этнической принадлежности человека.

Язык является одним из символов единства народа и основным этноидентифицирующим маркером. Исследователи отмечают, что этническая идентичность связана не столько с реальным использованием языка всеми членами этноса, сколько с его символической ролью в процессе формирования чувства родственности с общностью и межгрупповой дифференциацией. Чем в меньшей степени люди владеют своим национальным языком, тем более значимой среди этноидентифицирующих признаков они считают общность исторической судьбы и исторической памяти своего народа. Таким образом, сравнительный анализ результатов двух вопросов социологического опроса (**«Что для Вас значит быть представителем своего народа?»** и **«Что, по Вашему мнению, необходимо учитывать при определении национальности человека?»**) показывает кардинальные изменения в позициях респондентов в ответах на второй вопрос. Так в идентификационных процессах опрошенных дагестанских русских наблюдается заметное снижение значимости национального языка. По нашему исследованию, осознание представителем своего народа предполагает *«знание и соблюдение национальных традиций и обычаев своего народа»*, иными словами, респонденты акцентируют внимание на родословных корнях. Также следует обратить внимание на то, что национальный язык не всегда занимает лидирующее положение среди этноинтегрирующих признаков, хотя его эмоционально-психологическая ценность в представлениях респондентов довольно высока. Если опрошенные в других вопросах в качестве этноопределителя отмечали национальный язык, то в ответах на вопрос **«Что, по Вашему мнению, необходимо учитывать при определении национальности человека?»** отодвинули его на четвертую позицию.

Исследователям характерны различные позиции о роли языка в структуре этнической идентичности. Часть исследователей склонна считать, что потеря языковой компетенции понижает значение языка в структуре этнической идентичности, следова-

тельно, и других признаков идентичности, приводит к языковой, а в последующем и этнической ассимиляции: «утрачивая язык, народ перестает психологически осознавать свою идентичность, культурную исключительность, самобытность и пополняет количественно другие, мажоритарные этносы»¹. Другая часть исследователей разделяет позицию, что снижение объединяющей роли языка в структуре этнической идентичности, обусловленное потерей языковой компетенции, замещается иными элементами. Утрата какого-либо этнического признака не свидетельствует об ассимиляции, а вызывает своего рода «возмущение этнического самосознания, которое выскивает иные символы этнической преемственности»². М.Н. Губогло отмечает, что «язык как элемент этнической идентификации, с его интегрирующей функцией, играет значительную роль как внутри этноса между его отдельными элементами, так и в общей устойчивости этноса как самостоятельной системы. Связь между языком и остальными элементами этноса не является однозначной. В случае ослабления интегрирующей функции языка компенсируется усилением подобной функции других элементов этноса, и общая система этнического сознания остается в целом неизменной. В другом случае ослабление интегрирующей функции языка ведет к усилению индифферентности личности к остальным элементам этнической идентификации и через этот промежуточный этап – деэтнизацию – кладет начало процессу этнической ассимиляции»³. Таким образом, при снижении интегрирующей роли языка повышается значимость других компонентов этнической идентичности, не связанных столь тесно с языком, к числу которых относятся единство происхождения, историческое прошлое, общность религии, соционормативная культура, неязыковые формы духовной культуры (музыка, танцы), выполняющие компенсаторную роль.

С другой стороны, можно сказать, что для представителей дагестанских русских характерна ситуация своего рода «размы-

¹ См.: *Нерознак В. П.* Современная этноязыковая ситуация в России // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 53. № 2. М., 1994. С. 16 – 28.

² *Аклаев А. Р.* Язык в системе национальных ценностей и интересов // Духовная культура и этническое самосознание. Выпуск 1. М., 1990. С. 20.

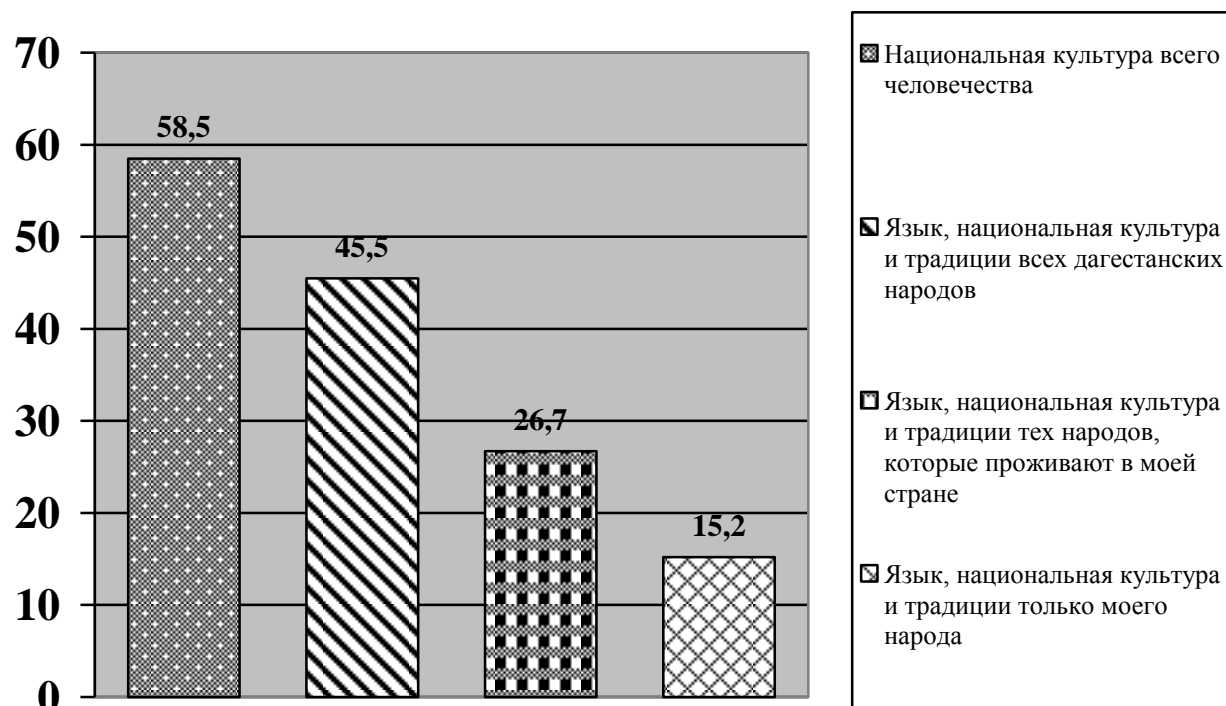
³ *Губогло М. Н.* Проблемы языковой политики: теория и практика // Ресурсы мобилизованной этничности. Уфа, 1997. С. 183.

вания» их этничности, что подтверждается снижением значимости национального языка, национальной принадлежности родителей при наличии осознания принадлежности к своей этнической группе. Однако, несмотря на противоречивые суждения и существующий разброс мнений, в процессе самоидентификации респонденты этнообъединяющими маркерами считают *«национальный язык»*, *«национальные традиции и обычаи»*, при этом как осознание принадлежности к собственной этнической группе отмечают 2 фактора – *«важность их знания и соблюдения»* и *«быть сопричастным своему народу и его национальной культуре»*.

Не менее существенным в процессе самоидентификации является определение и оценка символической системы этнической идентичности (см. гист. № 6).

Гистограмма 6

Распределение ответов на вопрос *«Какие ценности имеют для Вас наибольшее значение?»* (варианты ответов даны в %)

Приведенные в гистограмме № 6 результаты опроса показывают, что выполняющими важные функции в процессе воспроизводства этнической идентичности дагестанских русских символами и ценностями являются *«национальные традиции и обычаи»* и *«религия»*, которые далеко назад отодвинули значимость иных

компонентов символической системы. Уже было отмечено, что в позициях опрошенных русских сильнее проявляется государственно-гражданская идентичность («россиянин»), сопровождающаяся высокой оценкой политической символики России.

Превалирование индикатора *«национальные традиции и обычаи»* над другими маркерами воспроизводства этнической идентичности дагестанских русских, на взгляд авторов, можно объяснить эффективностью проводимой на республиканском уровне политики по сохранению культурного наследия русского, казачьего населения. Например, об этом свидетельствуют масштабные культурные акции, проводимые в Дагестане. Так, начиная с 2007 г., традиционным стало проведение Международного фестиваля русских театров, в котором принимают участие коллективы театров из республик Северного Кавказа, Москвы, Санкт-Петербурга, Калуги, а также из Германии и Франции.

Также на Кизлярщине проводятся народные праздники и гуляния, посвященные Рождеству, Троице, Пасхе, Святкам, Праздник Ивана Купалы. Так с 2000 г. в Дагестане проводится республиканский праздник русской культуры «Масленица», главной задачей которого является ориентация на сохранение русской национальной культуры в Дагестане, а также выявление новых самобытных коллективов и талантливых исполнителей. Участниками праздника являются творческие коллективы и исполнители из Кизлярского и Тарумовского районов, гг. Махачкала, Избербаш, Кизляр, Каспийск, Дербент, Дагестанские Огни, профессиональные коллективы Дагестана – Государственный терский ансамбль казачьей песни, Государственный театр песни «Джислам», Русский драматический театр им. Горького, солисты Даггосфилармонии, гости из Астраханской и Ростовской областей, Ставропольского края и др.¹. Кроме того, Масленица, как и любой народный праздник, играет важную роль в преемственности певческих, хореографических и других этнокультурных тра-

¹ Республиканский праздник русской культуры «Масленица» в двенадцатый раз пройдет в Махачкале. [Электронный ресурс]. Сайт «РИА Дагестан».

http://www.riadagestan.ru/news/culture/respublikanskiy_prazdnik_russkoy_kultury_maslenitsa_v_dvenadtsatyy_raz_proydet_v_makhachkale/ (Дата обращения 05.05. 2015).

диций, в укреплении межнационального и культурного сотрудничества.

Работники культуры Кизлярского и Тарумовского районов ведут большую работу в области возрождения и сохранения национальных традиций и обычаев, этнокультурной самобытности дагестанских русских, ибо в многонациональном окружении неизбежны культурные взаимодействия и взаимовлияния, способствующие стиранию этнических границ. Так, основанный в 1986 г. Государственный Кизлярский Терский ансамбль казачьей песни вносит огромный вклад в возрождение народной казачьей песни и старинного казачьего репертуара, собирая его во время фольклорно-этнографических экспедиций, приобщая к нему население Кизлярщины. Казачий коллектив принимает активное участие в работе республиканских и российских фестивалей и мероприятий, плодотворно сотрудничает с творческими коллективами России, поэтому его деятельность отмечена многочисленными наградами и поощрениями. Также в Кизлярском районе действует народный ансамбль русской песни «Яблонька», ансамбль игры на народных инструментах «Сполох», вокальная группа «Рябинушка» и т.д. В Тарумовском районе работают народные фольклорные коллективы «Народные голоса», «Ложкари», «Тарумовка», «Рыбачка», «Таловчанка», хор казачьей песни «Рябинушка».

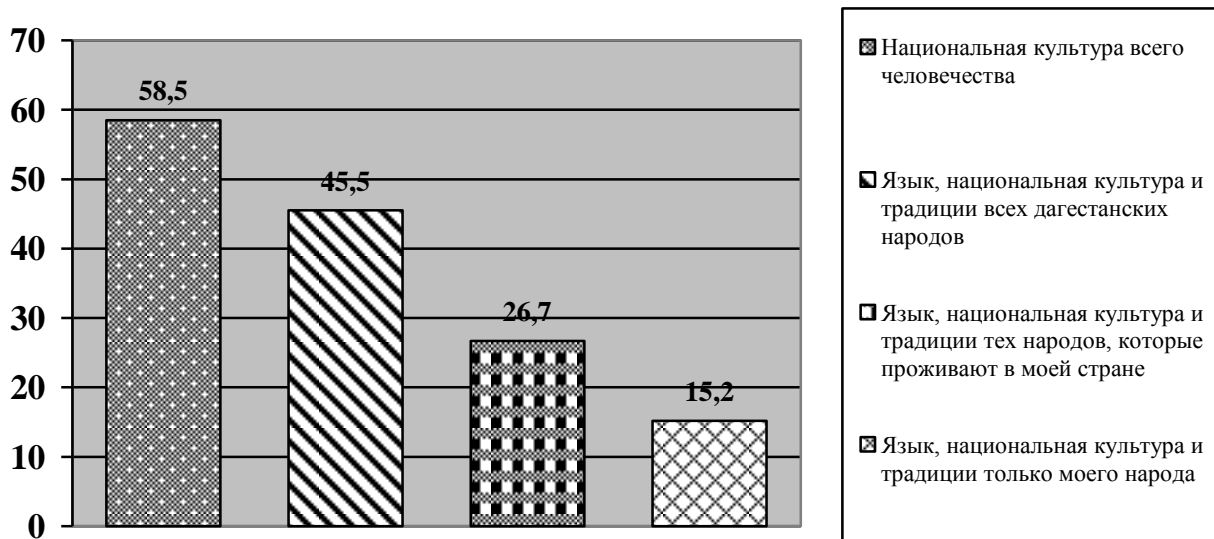
С 1957 г. в Махачкале действует народный хор русской песни «Волна», который стал бессменным участником республиканских культурных мероприятий. На его базе в 1995 г. был организован детский фольклорный ансамбль «Лукоморье», который позволил обеспечить преемственность традиций русского хорового пения¹. При этом следует отметить, что участниками данных музыкальных коллективов являются не только этнические русские, но и этнические дагестанцы.

Определение этноинтегрирующих маркеров требует установления их значимости и наполненности в представлениях русских респондентов (см. гист. № 7).

¹ Базовые коллективы. [Электронный ресурс]. Сайт «Республиканский Дом народного творчества Министерства культуры Республики Дагестан». <http://www.dagfolkkultura.ru/kollektiv> (Дата обращения 22.06.2015).

Гистограмма 7

Распределение ответов на вопрос «*Какие из ниже перечисленных признаков для Вас представляют наибольшую значимость?*» (варианты ответов даны в %)

Результаты нашего опроса показывают, что в общественном мнении дагестанских русских преобладает суждение «*национальная культура всего человечества*», на втором месте находится «*язык, национальная культура и традиции всех дагестанских народов*», на третьем – «*язык, национальная культура и традиции только тех народов, которые проживают в моей стране*» и последнее место занимает позиция «*язык, национальная культура и традиции только моего народа*». На взгляд авторов, доминирование в массовом сознании опрошенных русских российской идентичности обуславливает низкую оценку значимости собственно этнических компонентов.

С целью глубокого анализа значимости тех или иных индикаторов воспроизводства этнической идентичности дагестанских русских мы решили сопоставить между собой вопросы «*Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?*» и «*Какие признаки объединяют Вас с представителями Вашего народа?*». Опрошенные, осознающие себя «представителем только своего народа» и «представителем дагестанского народа» этнообъединяющим маркером считают «*национальный язык*» – 81,3 % и 66,5 %, соответственно; обозначающие важность государственно-гражданской идентичности («россиянин») указывают на «*национальные традиции и обычаи своего*

народа» (65,8 %), осознающие себя «представителем Кавказа» и «представителем своей религии» отметили *«совместную жизнь на данной территории»* – 58,6 % и 78,6 %, соответственно; осознающие себя «представителем своего народа и религии» указали на *«национальные традиции и обычаи»* (62,9 %) и *«религию»* (66,0 %).

Далее, для осознающих себя «представителем только своего народа» быть представителем своего народа означает *«знание национального языка своего народа»* (43,8 %), в то время как осознающие себя «представителем Кавказа» (50,0 %), «представителем своего народа и религии» (46,4 %), «представителем дагестанского народа» (45,8 %), «россиянином» (44,0 %), «представителем своей религии» (42,9 %) придерживаются суждения *«знать и соблюдать национальные традиции и обычаи своего народа»*.

Также в нашем исследовании при анализе полученной социологической информации мы сопоставили вопросы, показывающие, с одной стороны, самоидентификацию, с другой стороны, ценностно-символическую систему воспроизводства этнической идентичности (см. таб. № 4).

Сравнение результатов двух вопросов **«Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?»** и **«Какие ценности имеют для Вас наибольшее значение?»** показывает, что для каждого второго опрошенного осознающего себя «представителем только своего народа» важным символом является *«национальный язык своего народа»* (первое ранговое место), за ним располагаются *«национальные традиции и обычаи моего народа»* и *«религия»*; в то же время для респондентов с превалированием республиканского, регионального, государственно-гражданского типов социальной идентичности значимы *«национальные традиции и обычаи моего народа»*, *«исторические памятники моего народа»* и только после них *«национальный язык моего народа»*.

Респонденты, самоидентифицирующиеся как «представители своей религии» и «представители своего народа и религии» акценты расставляют по-иному: на первом месте располагается *«религия моего народа»*, за ним *«национальные традиции и обычаи моего народа»*.

Таблица 4

Распределение ответов на вопросы «*Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?*» и «*Какие ценности имеют для Вас наибольшее значение?*» (варианты ответов даны в %)

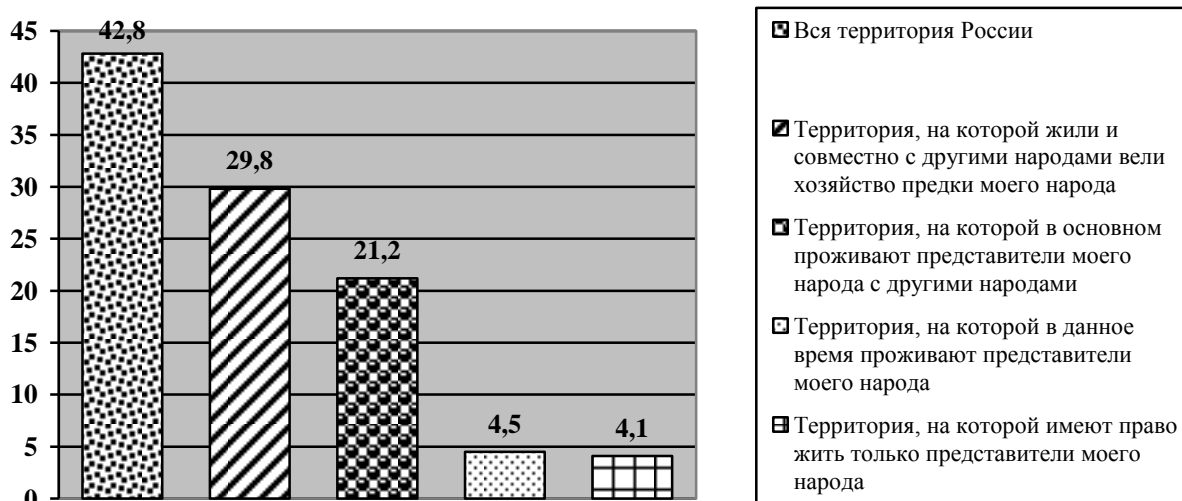
<i>Варианты ответов</i>						
Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан? // Какие ценности имеют для Вас наибольшее значение?	Представителем только своего народа	Представителем дагестанского народа	Россиянином	Представителем авказа	Представителем своей религии	Представителем своего народа и религии
Территория моего населенного пункта	23,4	25,2	24,1	32,9	0	27,8
Исторические памятники моего народа	23,4	36,1	31,6	28,6	21,4	29,9
Национальный язык моего народа	53,1	32,9	31,0	18,6	21,4	32,0
Религия моего народа	42,2	21,3	31,6	28,6	71,4	57,7
Национальные традиции и обычаи моего народа	45,3	51,0	54,0	41,4	35,7	54,6
Политические символы Дагестана (флаг, гимн, герб)	1,6	14,2	13,8	25,7	0	7,2
Национальные праздники моего народа	20,3	21,9	18,1	22,9	35,7	28,9
Политические символы России (флаг, гимн, герб)	23,4	31,0	40,2	28,6	21,4	16,5

Таким образом, проведенное сравнение показывает, что при относительно слабой выраженности этнической идентичности дагестанских русских в структуре социальной идентичности, значимость индикаторов ценностно-символической системы этнической идентичности напрямую зависит от выраженности типа социальной идентичности (этнического, государственно-гражданского, республиканского, религиозного, регионального).

С целью более глубокого изучения индикаторов воспроизводства этнической идентичности в опросе по изучению этнической идентичности русского населения Дагестана выявлялась значимость территории как этнопризнака, потому что одним из компонентов этнической идентичности является территория, обозначаемая как «историческая территория» и «родная земля». Л.Н. Гумилев, анализируя влияние характера ландшафта на облик этноса, указывал на важность исторической территории, подчеркивая ценность земли как значимого признака этноса¹ (см. гист. № 8).

Гистограмма 8

Распределение ответов на вопрос «**Что Вы понимаете под исторической территорией своего народа?**»
(варианты ответов даны в %)

¹ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 186 – 194.

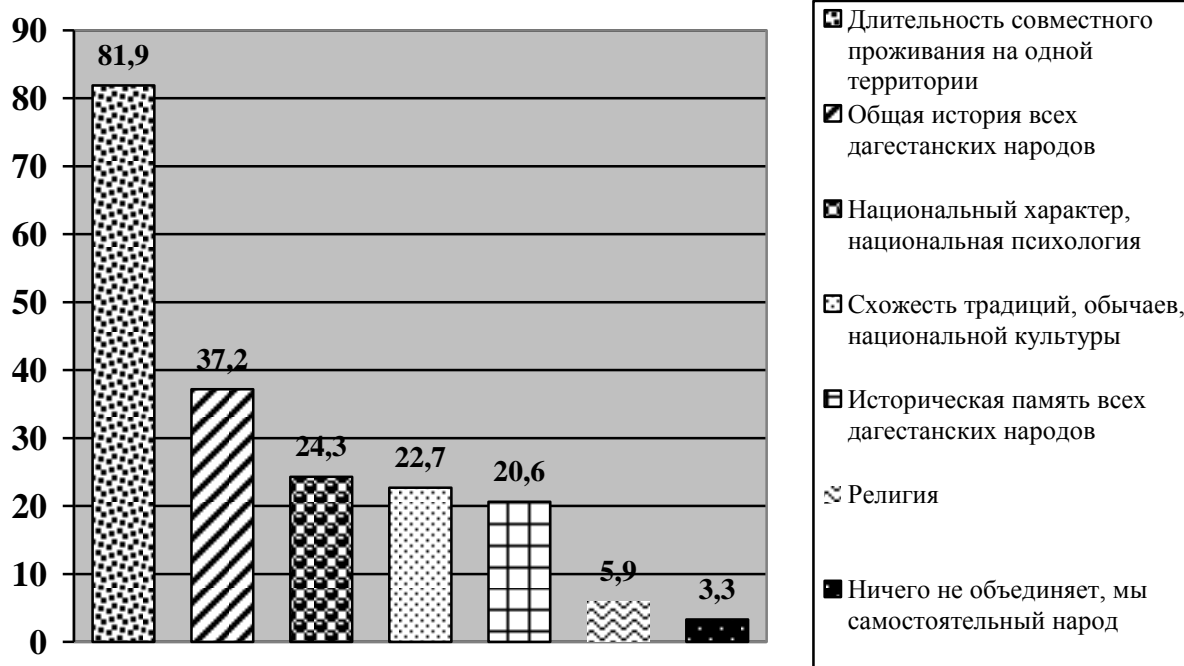
Полученные результаты свидетельствуют о проявлении, если можно сказать «расширенного» понимания опрошенными русскими понятия «историческая территория», т.е. как вся территория проживания русских, иными словами, вся территория российского государства, и как *«территория, на которой жили и совместно с другими народами вели хозяйство предки моего народа»*. Через эти позиции проявляется существующее в общественном сознании дагестанских русских толерантное восприятие совместного проживания, хотя суждение *«территория, на которой в основном проживают представители моего народа с другими народами»* позволяет и противоположную интерпретацию этнического поведения опрошенных – как «вынужденных» проживать на своей исторической территории с другими народами. Вместе с тем, в позициях статистически незначимой доли опрошенных проявляется интолерантная установка – *«территория, на которой имеют право жить только представители моего народа»*.

Значимость дефиниции «историческая территория» в общественном сознании дагестанских русских проявляется в процессе классификации типов этнической идентичности. Так, вариантами проявления деструктивных форм этнической идентичности (этноцентризм и этнодоминирование) являются суждения *«я такой человек, который считает, что люди другой национальности должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории»* (8,1 %) и *«я такой человек, который считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу»* (16,3%). Таким образом, результаты исследования констатируют значимость в районах проживания русских маркера «историческая территория проживания» и, неслучайно опрошенные, одной из причин межэтнических коллизий, считают «территориальные споры».

Не менее важным при исследовании специфики формирования этнической идентичности и этнокультурных компонентов ее воспроизводства является выявление интегрирующих дагестанских русских с другими дагестанскими народами признаков (см. гист. № 9).

Гистограмма 9

Распределение ответов на вопрос «*Какие признаки объединяют Вас с дагестанскими народами?*» (варианты ответов даны в %)

Прежде чем проанализировать полученные в опросе 2014 г. результаты, представляется необходимым обратиться к результатам этого вопроса, заданного в социологических опросах 2001 г., 2005 г. и 2013 г.¹ (см. таб. № 5).

Сравнение результатов социологических опросов (2001 г., 2005 г., 2013 г. и 2014 г.) показывает, что массовому сознанию дагестанских русских, по-прежнему, характерно воспринимать «*длительность совместного проживания на одной территории*» как важнейший объединяющий фактор. Не менее существенными являются «*общая история всех дагестанских народов*» и «*нацио-*

¹ Социологическое исследование по изучению национального самосознания народов Дагестана проведено в Дербентском, Казбековском, Каякентском, Кизлярском районах, гг. Махачкала, Дербент, Кизляр (2001 г.). N – 630; Социологическое исследование проведено в Казбековском, Каякентском, Кизлярском, Новолакском районах и в гг. Махачкала, Кизляр, Хасавюрт (2005 г.). N – 891; Социологическое исследование по изучению этнической идентичности дагестанских народов проведено в Бабаюртовском, Дербентском, Казбековском, Кайтагском, Карабудахкентском, Кизилюртовском, Кизлярском, Кумторкалинском, Хасавюртовском районах, гг. Махачкала, Дербент, Кизляр, Кизилюрт, Хасавюрт. N – 1143. (2013 г.).

нальный характер и национальная психология», которые обладают элементами сходства и в многонациональной среде легко перенимаются, при сохранении важности исторической памяти и общего исторического прошлого. Мононациональная среда изначально формирует признаки, определяющие осознание своей принадлежности к определенному народу, в отличие от полиэтнической местности, где многие этнические отличия стерты. Отождествляя себя с определенным этносом, индивид воспринимает и включает в свой внутренний мир те ценности, идеи, убеждения, образцы, которые выработаны и характерны по преимуществу для этой общности, являются во многом уникальными и специфическими¹.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «*Какие признаки объединяют Вас с дагестанскими народами?*» (варианты ответов даны в %)

<i>Варианты ответов</i>	<i>%</i>		
	<i>2001 г.</i>	<i>2005 г.</i>	<i>2013 г.</i>
Длительность совместного проживания на одной территории	–	60,0	68,5
Общность экономической жизни, национальная культура	34,8	–	–
Образ поведения, жизни	–	20,0	–
Общая территория проживания	78,3	–	–
Общая история всех дагестанских народов	–	20,0	28,0
Схожесть традиций, обычаев, национальной культуры	13,0	20,0	10,5
Историческая память всех дагестанских народов	8,7	–	17,5
Национальный характер, национальная психология	–	40,0	14,7
Религия	4,3	20,0	4,2
Ничего не объединяет, мы самостоятельный народ			21,0

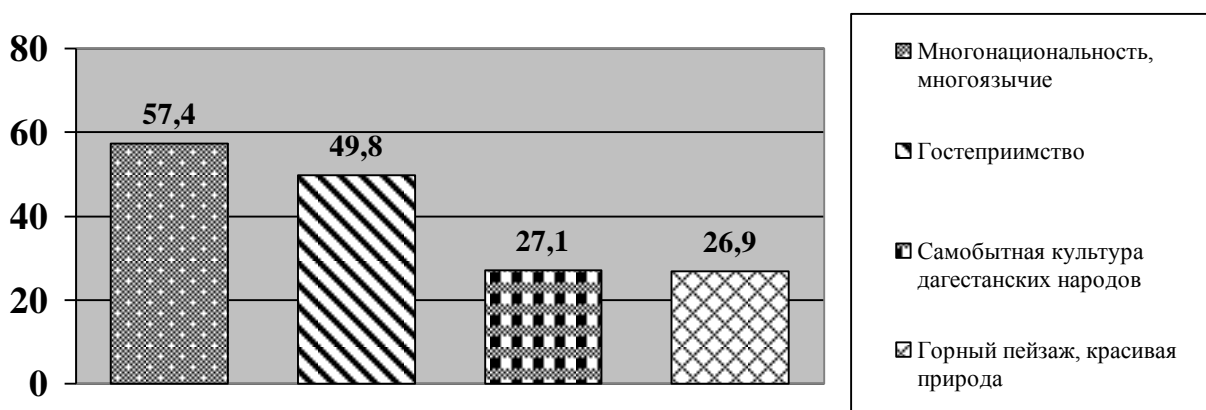
¹ Файзуллин Ф. С., Зарипов А. Я. Грани этнической идентификации // Социологические исследования. 1997. № 8. С. 42.

Наше исследование констатирует, что для опрошенных русских интегрирующими с дагестанскими народами признаками являются «длительность совместного проживания на одной территории» и «схожесть традиций, обычаев, национальной культуры», хотя не теряет своей значимости маркер «общая история всех дагестанских народов». Статистически незначимая доля опрошенных русских придерживается позиции «ничего не объединяет, мы самостоятельный народ», что объясняется тем, что русские являются государствообразующим этносом и их ориентацией на осознание себя на территории Республики Дагестан, в первую очередь, «россиянином».

В нашем исследовании определенное значение имеет восприятие и оценка опрошенными дагестанскими русскими самого Дагестана, как края и т.д. (см. гист. № 10).

Гистограмма 10

Распределение ответов на вопрос «*Какими признаками характеризуется для Вас Дагестан?*» (варианты ответов даны в %)

Приведенные в гистограмме № 10 результаты опроса показывают, что опрошенные русские отмечают важность таких специфических черт Дагестана как его «многонациональность и многоязычие», на второй позиции располагается «гостеприимство», о которой писали еще дореволюционные исследователи горного края. Если обратиться к историческому прошлому народов Дагестана, для них характерным является существование традиций и обычаев, способствовавших формированию межнациональной и межрелигиозной толерантности. Исследователями-этнографами сделаны выводы, что гостеприимство, обычай взаимопомощи и другие национальные традиции и обычаи сыграли

огромную роль в налаживании как внутринациональных, так и межнациональных дружественных взаимоотношений. Существовавший у многих дагестанских народов обычай говорить на языке гостя выступал одним из факторов укреплению дружеских связей, близкому знакомству с материальной и духовной культурой соседних народов, дальнейшему межнациональному общению. Также, характерный для народов Дагестана обычай куначества являлся своего рода формой искусственного родства и выполнял заметную роль в процессах установления дружественных отношений между дагестанскими народами. Очень тонко особенности проявления традиций подметил Л.Н. Гумилев: «надо чрезвычайно чутко относиться к национальным обычаям, хотя и не раздувать различий: "Одни едят свинину, другие – нет – ну и что из этого?". Или – «у нас, у русских, принято при совершении траурных церемоний обнажать голову, у восточных народов, связанных с мусульманской обрядностью, наоборот – непременно должен быть надет головной убор. Разве можно не учитывать этого?»¹. Национальные обычаи и традиции, существующие как форма реализации определенных норм, правил, интересов могут сыграть как этноконсолидирующую, так и этнодифференцирующую роли. Соответственно, они являются в некоторой степени теми факторами, которые могут служить основой для формирования межнациональной и межконфессиональной толерантности, впрочем, как и интолерантности².

Далее в ходе исследования мы сопоставили между собой результаты двух вопросов, чтобы показать степень значимости для опрошенных русских индикаторов, объединяющих их с дагестанскими народами с типом их социальной идентичности (см. таб. № 6).

Приведенные в таблице № 6 результаты исследования показывают доминирование суждений «длительность совместного проживания на одной территории» и «общая история всех дагестанских народов», которых придерживаются опрошенные независимо от типа самоидентификации.

¹ Гумилев Л. Н. Корни нашего родства // Известия. 1988. 13 апреля.

² Шахбанова М. М. Межэтническая толерантность в полиэтническом регионе: состояние и тенденции (на примере Республики Дагестан). Махачкала, 2007. С. 281.

Таблица 6

Распределение ответов на вопросы «*Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?*» и «*Какие признаки объединяют Вас с дагестанскими народами?*» (варианты ответов даны в %)

Варианты ответов						
Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан? // Какие признаки объединяют Вас с дагестанскими народами?	Представителем только своего народа	Представителем дагестанского народа	Россиянином	Представителем Кавказа	Представителем своей религии	Представителем своего народа и религии
Длительность совместного проживания на одной территории	87,5	76,8	84,5	74,3	78,6	79,4
Общая история всех дагестанских народов	26,6	43,2	39,9	37,1	21,4	27,8
Схожесть традиций, обычаев, национальной культуры	12,5	27,7	21,6	21,4	35,7	26,8
Историческая память всех дагестанских народов	10,9	25,8	22,4	24,3	0	15,5
Национальный характер, национальная психология	15,6	31,0	23,3	25,7	7,1	25,8
Религия	3,1	5,8	6,0	4,3	7,1	11,3
Ничего не объединяет, мы самостоятельный народ	9,4	2,6	2,0	0	14,3	4,1

Также обращает на себя внимание позиция носителей этнической, этноконфессиональной и государственно-гражданской идентичности, среди которых, по сравнению с другими подгруп-

пами, больше отметивших суждение *«длительность совместного проживания на одной территории»*. Далее каждый одиннадцатый, осознающий себя «представителем только своего народа» и каждый седьмой самоидентифицирующийся как «представитель своей религии», придерживаются позиции *«ничего не объединяет, мы самостоятельный народ»*.

Таким образом, в массовом сознании дагестанских русских основными этноинтегрирующими маркерами выступают «национальные традиции и обычаи моего народа», «национальный язык», «совместная жизнь на данной территории», «религия» и «историческое прошлое». При этом быть представителем своего народа означает «знание и соблюдение национальных традиций и обычаев своего народа», «сопричастность своему народу и его национальной культуре» и «стремление защитить национальные интересы своего народа». Более того, в определении этнической принадлежности человека важнейшим критерием является «самосознание человека (к какому народу он себя относит)». Объединяющими с остальными дагестанскими народами индикаторами для опрошенных русских являются «длительность совместного проживания на одной территории», «схожесть традиций, обычаев, национальной культуры» и «общая история всех дагестанских народов».

3.3. Этноконфессиональная идентичность дагестанских русских в структуре социальной идентичности

Проблема соотношения религиозного и этнического в установках русского населения Дагестана является не менее актуальной по причине их тесной взаимозависимости и взаимовлияния. Прежде чем перейти к анализу религиозности и религиозного поведения дагестанских русских, представляется необходимым изложить положение православия в современном дагестанском обществе.

С 1998 по 2011 гг., расположенные на территории Республики Дагестан все приходы Русской Православной Церкви относились к Бакинской и Прикаспийской епархии Московского Пат-

риархата¹. 22 марта 2011 г. Дагестан, Чечня и Ингушетия вошли в состав Владикавказской и Махачкалинской епархии. 26 декабря 2012 г. решением Священного Синода из состава Владикавказской епархии была выделена Махачкалинская епархия, наделенная самостоятельным статусом, с центром в Махачкале и с включением в её состав приходов и монастырей в Дагестане, Ингушетии и Чечне².

Махачкалинский церковный округ включает храмы гг. Махачкала, Дербент, Избербаш, Хасавюрт, Буйнакс, Ботлихского, Ахтынского и Хунзахского районов; *Кизлярский церковный округ* включает храмы Кизлярского района; *Тарумовский церковный округ* включает храмы Тарумовского и Ногайского районов, г. Южно-Сухокумск Республики Дагестан³.

На сегодняшний день в Дагестане действующими являются следующие храмы, часовни и монастыри: Кафедральный Собор Успения Пресвятой Богородицы (г. Махачкала); Храм Святого Знамени Божьей Матери (г. Хасавюрт); Церковь Казанской Божьей Матери (г. Каспийск); Церковь Святого Покрова Божьей Матери (г. Дербент); Церковь преподобного Серафима Саровского (г. Избербаш); Церковь Александра Невского (с. Ахты); Церковь Александра Невского (г. Буйнакс); Храм Святого Великомученика Георгия Победоносца (г. Кизляр); Свято-Никольская церковь (г. Кизляр); Часовня во имя иконы Божией Матери «Взыскание погибших» (г. Кизляр); Церковь Казанской Божьей Матери (п. Комсомольский, г. Кизляр); Свято-Никольская церковь (с. Крайновка); Храм святителя Николая Чудотворца (с. Брянск); Церковь Николая Чудотворца (с. Кочубей); Церковь Андрея Первозванного (с. Тарумовка); Церковь Пресвятой Богородицы (с. Таловка); Церковь Петра и Павла (с. Коктубей); Часовня

¹ Ханбабаев К. М., Омарова Т. О. Христианство в Дагестане // Народы Дагестана. 2001. № 3. С. 59.

² Решением Священного Синода в пределах Дагестана, Ингушетии и Чеченской Республики образована Махачкалинская епархия. [Электронный ресурс]. Сайт: «Официальный сайт Московского Патриархата». <http://www.patriarchia.ru/db/text/2674464.html> (Дата обращения 20.05.2015).

³ Епархия [Электронный ресурс]. Сайт: «Гора Господня. Официальный сайт Махачкалинской епархии». <http://goragospodnya.ru/blagochiniya-igramu> (Дата обращения 20.05.2015).

Александра Невского (с. Терекли-Мектеб); Крестовоздвиженский женский монастырь (г. Кизляр).

С конца 80-х гг. XX в. в Дагестане, как и на всем постсоветском пространстве, началось возрождение религии, сопровождавшийся ростом числа прихожан и строительством новых храмов и часовен. С 1990 г. в Дагестане было вновь возведено 8 церквей в Кизляре, Ахта, Буйнакске, Избербаше, Коктюбее, Таловке, Терекли-Мектебе и Комсомольском. В 1995 г. на средства городской администрации и предприятий г. Кизляр был восстановлен, уничтоженный ранее собор Святого Великомученика Георгия Победоносца. При нем функционируют библиотека православной литературы и воскресная школа, где обучаются около 150 детей и благотворительная трапезная. С 2007 г. действует православный Крестовоздвиженский женский монастырь в Кизляре, основанный монахинями из Ярославской области на месте часовни на старом православном кладбище города.

В 2000 г. Махачкалинскому Святоуспенскому собору присвоен статус кафедрального. В 2005 – 2006 гг. в рамках подготовки к празднованию 150-летнего юбилея Махачкалы в храме были проведены ремонтно-восстановительные работы. Капитальный ремонт был начат городскими властями, в течение года росписью собора занималась группа махачкалинских художников под руководством заслуженного художника России, профессора живописи А.Б. Мусаева. В настоящее время в соборе проводятся занятия в воскресной школе для детей и взрослых. При Махачкалинском соборе также функционируют православная библиотека и благотворительная трапезная.

На территории Дагестана действует самый крупный и красивый православный храм Северного Кавказа – Святознаменский собор (г. Хасавюрт), судьба которого наиболее печальна. Из-за оттока русскоязычного населения из города и района, значительно сократилось число прихожан, вся прихрамовая территория застроена и он нуждается в капитальном ремонте.

Стоит отметить, что ряд часовен и храмов в новейшее время были возведены и организованы на территории воинских частей дислоцированных в Дагестане, соответственно, их прихожанами являются не «дагестанские» русские как таковые, а военнослужащие Российской армии. Среди них следует назвать, построен-

ную в 2007 г. по личной инициативе и на средства командира пограничной заставы И.Э. Дункевича часовню в честь святого благоверного князя Александра Невского (с. Ахты), хотя в настоящее время она частично прекратила свою деятельность из-за отсутствия священника. Также в 2011 г. командованием воинской части с. Ботлих, в здании расположенном на территории части, обустроен храм-комната в честь иконы «Торжество Пресвятой Богородицы» Порт-Артурская. Храм в честь святого благоверного великого князя Дмитрия Донского строится в с. Арани Хунзахского района, на территории воинской части № 2454. В 2000 г. в Буйнакске на территории воинской части был построен Храм в честь святого благоверного князя Александра Невского по инициативе генерал-майора С.Н. Моисеева и мэра города О. Османова для нужд военнослужащих. Этот храм посещают и православные жители города Буйнакск¹.

Несмотря на возрождение православия, число прихожан уменьшается по целому ряду субъективных и объективных факторов, к числу которых относятся миграционные и демографические процессы, а также военные события 1999 г. Тем не менее, в праздничные церковные дни можно наблюдать до 250 – 300 прихожан в церквях, а в обычные дни их бывает немного (30 – 50 чел.). Вместе с тем среди прихожан наметился приток молодых людей², хотя степень их религиозности, как показывают результаты нашего исследования довольно низка.

Происходящие не только в современной России, но во всем мире противоречивые религиозные процессы, свидетельствуют о тесной связи, вернее синтезе этнической и религиозной идентичностей, хотя совершенно правомерно П.И. Пучков отмечает, что «этнические и конфессиональные общности – два разных вида социальных общностей людей. Нередко они функционируют на одном территориальном пространстве и представлены в одной совокупности людей. При этом границы между этими видами общностей иногда причудливо пересекаются между собой»³.

¹ Храмы. [Электронный ресурс]. Сайт: «Православие в Дагестане» <http://dagorthodoxy.ru/index.php/hrami> (Дата обращения 20.05.2015).

² Ханбабаев К. М., Омарова Т. О. Указ. работа. С. 59.

³ Пучков П. И. Соотношение этнического и конфессионального в России // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). М., 2008. С. 87.

В последние десятилетия в европейских странах актуальность приобрела проблема миграции носителей иной религиозной веры, сопряженная с трудностями их социальной адаптации в инокультурной и иноэтнической среде. При этом мигранты проявляют своеобразие «этнического поведения» в форме нежелания адаптироваться в инонациональной среде: «не стремятся слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру. Особенно четко это проявляется в тех случаях, когда речь идет об иммигрантах иных конфессий, чем местное население»¹.

В настоящее время не менее важным в российском обществе является определение численности идентифицирующих себя с определенной религией (православие, ислам, католицизм, протестантизм и т.д.), не говоря о национальных и других восточных религиозных течениях и сектах, которые получили широкое распространение на постсоветском пространстве. Проблема соотношения национального и религиозного образований имеет длительную историю, причем не только теоретическую, но практическую. В ходе подготовки переписи населения, вопрос установления численности исповедующих, то или иное вероучение через этническую принадлежность, неоднократно поднимался и обсуждался как в советский, так и в постсоветский периоды развития российского общества. Если в дореволюционную эпоху определение соотношения этнического и конфессионального относительно спокойно воспринималось, то в 1937 г. такая попытка была жестко пресечена, потому что в «новом атеистическом обществе» разумеется, невозможно было ставить вопрос о степени религиозности применительно к новому поколению людей, которые строили социалистическое (атеистическое) общество. Однако и в «другой», в современной России, со свободой вероисповедания, включить пункт о соотношении национального и религиозного компонентов в программу переписи населения, к сожалению, не удалось. Существование такого подхода, не поддающегося научному объяснению, создает определенные сложности для исследователей. В связи с этим возникает вопрос: «А зачем нужно выяв-

¹ Старые и новые лики национальной проблемы / Отв. ред. А.А. Галкин. М., 2005. С. 22.

лять соотношение этнического и конфессионального?». А это имеет несколько аспектов, в частности, «выяснение приоритета этнического или религиозного в сознании человека, определение конфессиональной структуры этносов, определение этнического состава конфессий, возникновение этноконфессиональных групп и т.д.»¹. Отсутствие в переписи населения данных об отношении к религии вынуждает исследователей оперировать результатами социологических опросов. Например, по данным Фонда «Общественное мнение» в 2000 г. доля православных христиан в России составляла 58 %, доля прочих христиан – 2 %, мусульман – 5 %, последователей других религий – 1 %, неверующих – 31 %.

Также нельзя упускать из виду, что тесная связь между этническим и религиозным составляющими заметно выпячивается в ситуации межнационального или религиозного противостояния, потому что очень часто национальные конфликты окрашиваются в межрелигиозные, и наоборот. По мнению Э. Паина, «сегодня невозможно предсказать, где именно проявится очаг (межэтнического противостояния – Авт.), поскольку этнические конфликты все теснее переплетаются с религиозными, а последние – с терроризмом. В Волгограде на следующий день после теракта 21 октября 2013 г., неизвестные забросали "коктейлями Молотова" здание мечети. Еще через два дня произошла вторая попытка отомстить за теракт поджогом мечети, уже расположенной в другом районе города»².

Отечественной науке характерно рассматривать религию как существенный элемент культурного наследия и из такого подхода необходимо вытекает понимание религии как неотъемлемого компонента в процессах воспроизводства этнической идентичности. Поэтому в иерархии этнообъединяющих маркеров «религиозная самоидентификация выступает устойчивым элементом построения этнической идентичности, вносит существенный вклад в формирование чувства "мы". Общая вера является значимым символом этногрупповой солидарности»³. Однако, не-

¹ Пучков П. И. Указ. работа. С. 88.

² Пайн Э. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // Pro et Contra. 2014. № 1 – 2 (62). С. 43.

³ Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия). Информационно-аналитический бюллетень. М., 2012. С. 62.

смотря на то, что религия не выполняет роль ведущего этноинтегрирующего и этнодифференцирующего маркера, ее значимость в процессах становления этнической идентичности довольно высока.

Религиоведы отмечают, что сегодня этноконфессиональная идентичность, складывающаяся на основе традиционных российских конфессий, оказывается значительно шире, чем собственно религиозная мировоззренческая идентичность: социологические опросы показывают, что количество людей, идентифицирующих себя с той или иной религиозной традицией, оказывается значительно больше, чем количество верующих и стремящихся к соблюдению предписанных конфессией правил (касающихся как внешнего поведения, так и моральных норм)¹.

Уже было отмечено, религия, как неотъемлемая часть традиционного культурного наследия, является значимым элементом этнической идентичности. Авторы придерживаются позиции, что наряду с такими критериями этнической принадлежности как «язык», «культура», «обычаи и обряды», «территория (родная земля, природа)», религиозная самоидентификация выступает устойчивым элементом построения этнической идентичности и играет важную роль в процессах формирования этногрупповой солидарности. По мнению Л.С. Васильева, уже на самых ранних этапах развития общества в феномене этноцентризма наиболее наглядно проявилась интегрирующая функция религии: «любая этническая общность, объединенная системой единых верований, ритуалов, обрядов и мифов, считала именно свою систему норм эталоном, отклонение от которого в рамках данной общности считалось недопустимым, а в других общностях – достойным осуждения»².

¹ См.: Мчедлов М. П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественной жизни современной России. М., 2005; Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., 2006; Широкалова Г. С., Аникина А. В. Политический выбор РПЦ как фактор, определяющий ее будущее // Социологические исследования. 2007. № 10; К. Каарийнен, Д. Фурман Религиозность в России в 90-е годы // [http: www/religare.ru/article_print.php?num=58](http://www/religare.ru/article_print.php?num=58); Кублицкая Е. А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 100.

² Васильев Л. С. История религий Востока. М., 1983. С. 5.

В связи с вышесказанным, для нас интерес представляет процесс взаимного влияния, вернее, значимость этнической и религиозной идентичностей в массовом сознании дагестанских русских, выявление существующей между ними связи.

В работе уже было отмечено, что в ответах на вопрос *«Какие признаки объединяют Вас с представителями Вашего народа?»*, индикатор *«религия»* занимает четвертое место, пропустив вперед маркеры *«национальные традиции и обычаи»*, *«национальный язык»* и *«совместная жизнь на данной территории»*. Безусловно, исторически сложившееся переплетение религиозной и этнической принадлежности следует учитывать при анализе отношения верующих к национальным проблемам, поэтому в ходе установления религиозной идентичности дагестанских русских в структуре социальной идентичности была поставлена задача определить значимость/незначимость религиозной и национальной принадлежности и их соотношение. В ответах на вопрос *«Какое из суждений для Вас важнее?»* опрошенные русские показывают «двойственную» или «множественную» идентичность, т.е. желание одновременно демонстрировать важность *«национальной и религиозной принадлежности»* (31,5 %), хотя превалирует суждение *«для меня вообще не важны моя религиозная и национальная принадлежности»* (38,0 %).

В исследованиях отечественных социологов красной нитью проходит мысль, что религия играет важную роль в формировании и развитии этносов, а потому этноконфессиональная связка «русский – православный» – это не только обращенная в прошлое идентичность, это реалья сегодняшнего дня¹. Изучение специфики проявления религиозности в настоящее время показывает, что самоидентификация «мы-православные» для подавляющего числа россиян сегодня является не столько религиозной, сколько культурной идентичностью². Православным человек может счи-

¹ Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь. М. 2001. С. 527.

²См.: Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7; Кублицкая Е. А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 100; Возьмитель А. А. Социология религии и образ жизни // Социологические исследования. 2007. № 2.

тать себя не столько потому, что он верует в Бога, а скорее потому, что крещеный и живет в стране с православными традициями. Такой статус идентичности не подразумевает потерю веры, скорее он свидетельствует о том, что в возрождении православности проявляется массовая потребность в историко-культурной идентификации с Россией, в возрождении и новом воссоздании российского мифа¹. Мы соглашаемся с тем, что, несомненно, роль религиозного фактора огромна в процессе становления и развития этноса, однако восприятие религии как составной части этнокультуры неодинаково проявляется в массовом сознании дагестанских народов.

С целью более глубокого изучения значимости религиозной идентичности респондентам был задан «контрольный вопрос» – **«В какой степени для Вас важна Ваша религиозная принадлежность?»**. В позициях дагестанских русских, с небольшой разницей, превалирует позиция *«для меня очень важна моя религиозная принадлежность»* (29,6 %), хотя для каждого четвертого опрошенного *«не очень важна его религиозная принадлежность»* (24,1 %) и *«совсем не важна его религиозная принадлежность»* (22,2 %). Можно заметить, что конкретизация вопроса показывает изменение в суждениях респондентов: если в вопросе **«Какое из суждений для Вас важнее?»** опрошенным характерна демонстрация «двойственной идентичности», можно сказать этноконфессиональной идентичности, (*«для меня очень важны моя религиозная и национальная принадлежности»*), то во втором вопросе, каждый второй опрошенный подчеркивает суждение *«для меня очень важна моя религиозная принадлежность»*, причем наблюдается рост значимости конфессиональной принадлежности при относительно слабом проявлении чувства общности *«с представителями своей религии»* и осознании себя *«представителем своей религии»*. Далее, при большей доле опрошенных русских ассоциирующих себя с последователями православия (71,3 %), среди них, по сравнению с носителями ислама, меньше всего определивших себя как *«убежденно верующие»* (13,9 %) и

¹ Рыжова С. В. Православная идентичность в гражданском обществе: ресурсы и риски становления // IV Очередной Всероссийский социологический конгресс. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Секция 2. М., 2012. С. 255.

больше обозначающих свое отношении к религии как «верующие» (56,5 %). Поэтому представляется возможным допустить предположение, что опрошенным русским характерно обозначение своей сопричастности с православной культурой и демонстрация культурной самоидентификации, однако такой вывод не в полной мере будет соответствовать действительности, хотя бы потому, что возникает проблема их причисления к определенной группе по типу религиозности. Например, к какой категории относить людей, которые в зрелом возрасте принимают крещение, венчаются, в дни крупных православных праздников принимают участие в богослужениях и в то же время о них нельзя сказать, что они ориентированы на поддержание активного культового поведения. Если вернуться к вопросу о культурной самоидентификации, то в ответах на вопрос *«Согласны ли Вы с суждением – "религия моего народа есть составная часть культуры моего народа"?»* каждый второй опрошенный среди русских дал утвердительный ответ, в то же время каждый четвертый опрошенный не считает православие составной частью культуры своего народа. Можно сказать, что на первый взгляд складывается впечатление, что респонденты-русские демонстрируют несоответствие между самоидентификацией с конкретной религией и уровнем религиозности, однако пассивное культовое поведение опрошенных русских не является основанием для вывода, что у них невысокое проявление религиозности. Иными словами, в настоящее время наблюдается как рост, так и уменьшение количества верующих, сопровождающийся их самоидентификацией с определенной религией, в нашем случае с православием. Однако эти процессы не свидетельствуют о коренных и качественных сдвигах в мировоззрении: опрошенным характерно отождествлять себя с определенной религией, но при этом уровень выраженности их религиозности не совпадает с исповедуемой ими религией. Поэтому возникает вопрос «Можно ли считать всех, кто обозначил свою религиозную принадлежность, реальными приверженцами конкретной религии?». В частности, в социологическом сообществе сформировалось устойчивое представление о том, что конфессиональная идентичность «православные» в том виде, как она сложилась в настоящее время, оказывается значительно шире, чем собственно религиозная идентичность «верую-

щие»¹. Проявляется это в том, что количество людей, идентифицирующих себя как «православные», неуклонно растет: по данным Левада-Центра, с 17 % в 1989 г. до 73 % в 2009 г., приближаясь в процентном отношении к доле русского населения страны. Но при этом доля убежденных верующих среди православных, т.е. тех, кто безусловно верит в Бога (согласие с суждением «Я знаю, что Бог существует, и не испытываю в этом никаких сомнений»), значительно ниже доли православных по самоидентификации и, отражая динамику роста православной идентичности, составляла в 2009 г. 42 % (в 1991 г. – 36 %, в 1998 и в 2008 г. – 39 %) ². В такой ситуации можно предположить, что «значительная, если не подавляющая, часть респондентов идентифицирует себя с тем или иным вероисповеданием скорее по случайным, нежели устойчивым религиозным и глубоким критериям, а иногда – просто формально» ³.

Таким образом, полученные результаты социологического опроса показывают характерные для религиозности сложнейшие процессы: с одной стороны, проявление в массовом сознании опрошенных дагестанских русских чувства общности с «*представителями всех дагестанских народов*» и «*осознание себя россиянином*», с другой, подчеркивается важность «*религиозной и национальной принадлежности*» (этноконфессиональная идентичность), с уточнением каждым третьим опрошенным – «*для меня очень важна моя религиозная принадлежность*».

Далее в исследовании респондентам был задан вопрос «**Считаете ли Вы себя верующим человеком?**», на который 50,9 % опрошенных ответили «*я убежденно верующий человек, но не*

¹ См.: Каарийнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы. http://www/religare.ru/article__print.php?num=58; Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения. 2009. № 2; Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7; Кублицкая Е. А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4; Возьмитель А. А. Социология религии и образ жизни // Социологические исследования. 2007. № 2; Чеснокова В. Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М., 2005.

² Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения. 2009. № 2. С. 72.

³ Анурин В. Ф. Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 139.

всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды», и каждый шестой опрошенный подчеркивает *«я убежденно верующий человек, но вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды»,* при этом 6,5 % не верят в существование Бога. Однако в ответах на «контрольный вопрос» – **«Вы верите в Бога?»** – опрошенные русские демонстрируют противоречивое поведение: больше половины опрошенных (64,8 %) верят *«в Бога, создавшего мир и управляющего им»,* 30,6 % *«допускают существование Бога или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом»* и статистически небольшая доля опрошенных (4,6 %) *«не верят в Бога, потому что атеист»*. При принятии любого решения 48,1 % *«принимают во внимание предписания своей религии и свои собственные религиозные взгляды и убеждения»* и чуть меньше опрошенных (45,4 %) придерживаются позиции – *«никакого значения не имеют предписания моей религии и мои собственные религиозные взгляды и убеждения»*.

Таким образом, несмотря на демонстрацию высокого уровня религиозности и религиозной идентичности, существование определенных религиозных, в данном случае православных традиций, опрошенные русские показывают пассивное религиозное поведение, которое ограничивается выполнением, причем «иногда» некоторых, наименее обременительных религиозных предписаний. Так, на вопрос **«Как *«Вы думаете, что должен делать верующий человек?»*** 44,4 % придерживаются позиции о необходимости *«праздновать религиозные праздники (Пасха, Рождество и т.д.)»,* 40,7 % акцентируют внимание на *«молитве»,* 39,8 % разделяют суждение *«регулярно посещать церковь»,* 36,1 % *«соблюдать пост»,* 29,6 % *«читать религиозные тексты (Библия и т.д.)»,* 23,1 % *«исповедоваться»,* 18,5 % *«причащаться»,* 16,7 % *«посещать религиозные службы (богослужения и т.д.)»,* при этом 25,9 % опрошенных *«не соблюдают ни одно из перечисленных выше предписаний религии»,* но считают себя *«убежденно верующими»*.

Далее в нашем исследовании выявлялась частотность соблюдения религиозных ритуалов (см. таб. № 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопросы «*Как часто Вы посещаете церковь?*», «*Как часто Вы молитесь?*», «*Как часто Вы читаете религиозные тексты (Библия и т.д.)?*», «*Как часто Вы соблюдаете пост?*», «*Как часто Вы исповедуетесь?*», «*Как часто Вы причащаетесь?*» (варианты ответов даны в %)

Варианты ответов	В % русские респонденты
<i>Как часто Вы посещаете церковь?</i>	
Я постоянно посещаю церковь	3,7
Я часто посещаю церковь	11,1
Я редко посещаю церковь	54,6
Я вообще не посещаю церковь	29,6
<i>Как часто Вы молитесь?</i>	
Я постоянно молюсь	23,1
Я от случая к случаю молюсь	33,3
Я вообще не молюсь	38,9
<i>Как часто Вы читаете религиозные тексты (Библия и т.д.)?</i>	
Я постоянно читаю религиозные тексты (Библия и т.д.)	9,3
Я редко читаю религиозные тексты (Библия и т.д.)	38,9
Я вообще не читаю религиозные тексты (Библия и т.д.)	47,2
<i>Как часто Вы соблюдаете пост?</i>	
Я всегда соблюдаю пост	12,0
Я иногда соблюдаю пост	27,8
Я вообще не соблюдаю пост	50,9
<i>Как часто Вы исповедуетесь?</i>	
Я постоянно исповедуюсь	4,6
Я редко исповедуюсь	28,7
Я вообще не исповедуюсь	59,3
<i>Как часто Вы причащаетесь?</i>	
Я постоянно причащаюсь	2,8
Я редко причащаюсь	30,6
Я вообще не причащаюсь	53,7

Приведенные в таблице № 7 результаты исследования показывают, что религиозное поведение православных не отличается высокой активностью, и в основной массе опрошенные подчеркивают, что они «редко» выполняют те или иные религиозные предписания. При этом следует отметить, в Дагестане наблюдаются перемены в отношении празднования религиозных православных праздников. Так, впервые в 2015 г. в Русском драматическом театре (г. Махачкала) прошел организованный совместными усилиями Махачкалинской и Грозненской епархии, Комитета по свободе совести, взаимодействию с религиозными организациями Республики Дагестан и Министерства культуры Дагестана республиканский праздник русской культуры «Пасха».

Таким образом, вышесказанное является основанием для выводов: 1. опрошенные дагестанские русские демонстрируют сложные идентификационные процессы: с одной стороны, акцентируют внимание, если можно так сказать на «официальных» типах идентичности, с другой, подчеркивают важность ощущения своей связи с представителями одного с ними вероисповедания, т.е. их массовому сознанию характерна тесная связь этнической и религиозной идентичностей в форме одновременно обозначения а) «для меня очень важны моя национальная и религиозная принадлежности», б) «для меня очень важна моя религиозная принадлежность»; 2. в позициях православных наблюдается «размытость» в определении статуса (важности/неважности) религиозной принадлежности: так каждый четвертый опрошенный придерживается суждения «для меня не очень важна моя религиозная принадлежность» и каждый пятый «для меня совсем неважна моя религиозная принадлежность». По совокупности суждений – «для меня не очень важна моя религиозная принадлежность» и «для меня совсем неважна моя религиозная принадлежность» – в общественном сознании православных превалируют над позицией о значимости конфессиональной принадлежности; 3. роль религиозного компонента в массовом сознании дагестанских русских довольно высока, хотя он не находится в сильной зависимости от типа религиозности и религиозной практики, поэтому опрошенным характерно кон-

статировать связку «русский – православный», при этом идентичность одновременно, причем на равных позициях, включает в себя не только религиозное, но и этническое содержание. Поэтому опрошенные русские рассматривают «религию как составную часть своей национальной культуры», хотя среди них, по сравнению с опрошенными мусульманами, больше доля придерживающихся противоположной позиции.

ГЛАВА IV. УСТАНОВКИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И СТРАТЕГИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ДАГЕСТАНСКИХ РУССКИХ

4.1. Толерантность: определение, структура, формирование. Уровни толерантности

В конце прошлого столетия проблема толерантности приобрела актуальность во всем мире, в том числе и в России, где появились ранее невиданные формы интолерантного сознания и поведения. Особая значимость вопроса формирования толерантности обусловлена участвовавшими случаями проявления агрессии именно на межнациональной и межрелигиозной почве.

События, происходившие на постсоветском пространстве (распад СССР, первая чеченская кампания, тяжелое социально-экономическое положение, особенно в дотационных республиках и т.д.) способствовали росту антикавказских настроений, появлению выражений, оскорбляющих национальное достоинство человека («лицо кавказской национальности»), увеличению количества активных и откровенно экстремистских, агрессивных националистических и неонацистских группировок. Несмотря на заявление В.В. Путина, что власть будет усиливать деятельность правоохранительных органов, чтобы скинхеды и фашиствующие элементы исчезли с политической карты России, в данном направлении и в настоящее время, к сожалению, кардинальные перемены не произошли и, по-прежнему, в российском обществе преобладает нетерпимое отношение к представителям иной национальной, расовой и религиозной принадлежности.

Актуальность и широкую значимость проблема толерантности приобрела в период глобализации и информатизации общества, углубляющих дифференциацию частных интересов, соответственно возникает вопрос: «Как нам жить вместе, не утрачивая свои различия и особенности?». Краеугольным камнем толерантного отношения к частным интересам и мнениям, к группам и индивидам их выражающим, становится признание естественности и неустранимости из общественной жизни «инакомыслия». По мнению М. Уолцера, «смысл толерантности не в том, чтобы устранить "нас" и "их" (и, уж, конечно, не в том, чтобы устранить

"меня"), а в том, чтобы обеспечить долговременное мирное сосуществование и взаимодействие»¹, при этом он выделяет типологию установок (мотивов) толерантности: «1. Уходящая своими корнями в практику, религиозная терпимость XVI – XVII веков как отстранено-смирненное отношение к различиям во имя сохранения мира. Так, на протяжении веков люди продолжают убивать друг друга, затем наступает спасительная стадия изнеможения: ее то мы и называем терпимостью. 2. Позиция расслабленности, милостивого безразличия к различиям: "Пусть расцветают все цветы". 3. Моральный стоицизм – принципиальное признание того, что и "другие" обладают правами, даже если их способ пользования этими правами вызывает неприязнь. 4. Открытость в отношении других, любопытство, возможно, даже уважение, желание прислушиваться и учиться. 5. Восторженное одобрение различий, одобрение эстетическое, при котором различия воспринимаются как культурная ипостась огромности и многообразия творений божьих, либо природы»².

Понятием «толерантность» чаще всего обозначается морально-нравственная установка на терпимость, снисходительность, понимание другого. В современной обществоведческой литературе под толерантностью понимают определенную мировоззренческую и нравственно-психологическую установку личности на то, в какой мере ей принимать или не принимать различные, прежде чуждые идеи, обычаи, культуру, нормы поведения и т.д.³. Таким образом, сущностью толерантности является терпимость к «чуждому», «иному», соответственно, возникает необходимость рассмотрения толерантности как характеристики любых социальных структур, фиксирующую специфическую ориентацию на разрешение возникающих в процессе взаимодействия с другими социальными структурами конфликтных ситуаций. Специфичность этой ориентации заключается в стремлении понять позиции другой стороны, чаще противостоящей, с соответствующим изложением своих убеждений, с целью поиска взаимоприемлемого компромиссного решения.

¹ Уолцер М. О терпимости. М., 2000. С. 22.

² Там же.

³ Соколов В. М. Толерантность: состояние и тенденции // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 54.

При исследовании понятия «толерантность» необходимо учитывать то обстоятельство, что под «чуждыми» и «иными» не подразумеваются идеи, нравы, поведение, поступки, обряды, ритуалы, выполняющие разрушительную функцию. Проблема в данном случае возникает по причине того, что не сразу выявляется их разрушительно-негативная сущность, соответственно, возникающие трудности при оценке этих идей, сложности в формировании определенного к ним отношения. С другой стороны, толерантное отношение, лишённое стремления сразу же запретить, заклеить, позволяет выявить подлинную сущность «иного». Из этого вытекает, что толерантность не предполагает обязательного отказа от критики, дискуссии и, тем более, от собственных убеждений.

В подготовленной ЮНЕСКО книге по вопросам толерантности, отмечается: «толерантность выражает саму суть социальной ответственности в плюралистическом обществе»¹, и она проявляется в признании и уважении прав других людей и культур. Данный тезис подчеркивается и в утверждённой Генеральной конференцией ЮНЕСКО (1995 г.) Декларации принципов толерантности: «толерантность – означает уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности»². Таким образом, «толерантность» толкуется в Декларации как «активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека».

В истории человечества нетерпимость присутствовала всегда, порождая войны, религиозные преследования и идеологические противостояния. Идея толерантности имеет самое прямое отношение к истории философской мысли. О толерантности в условиях сильной церковной цензуры писал Д. Локк в «Очерках о терпимости» и «Письмах о терпимости», П. Бейль в нескольких своих философских сочинениях.

Как философская категория *толерантность* была сформулирована в связи с возникшей проблемой религиозной нетерпимости, и в XVI в. слово «толерантность» было заимствовано из

¹ Риэрдон Б. Толерантность – дорога к миру. М., 2001. С. 6.

² Там же. С. 262.

латинского и французского языков в связи с конфессиональным расколом. В данном контексте своей истории она поначалу имела более ограниченный смысл и понималась как терпимость к иным религиозным верованиям. На протяжении XVI и XVII вв. религиозная толерантность становится понятием из области права. Правительства издают декреты о толерантности, предписывающие чиновникам и правоверному населению толерантное поведение в отношении религиозных меньшинств – лютеран, гугенотов, папистов (католиков)¹. За правовым актом о терпимости властей к людям иной веры с их религиозной практикой следует обеспечение толерантного отношения к представителям религиозного объединения, которое ранее подавляли или преследовали.

Монтескье подчеркивает причинно-следственную связь между «*Tolerierung*» и «*Toleranz*»: «Как только некоторые страны пришли к законам о допущении многих религий, они должны были обязать их проявлять взаимную толерантность... поэтому целесообразно, чтобы законы об этих различных верованиях не только способствовали тому, чтобы они не доставляли беспокойства государству, но и тому, чтобы они поддерживали мир в отношениях между собой»². Как явствует из приведенной цитаты, данное понятие вплоть до времен буржуазных революций содержало в себе не только обращение к религиозным адресатам, но и административно-властную коннотацию чистой терпимости.

В. Лекторский предлагает 4 возможных способа понимания толерантности: «1. *"Толерантность как безразличие"* предполагает существование мнений, истинность которых никогда не может быть доказана (религиозные взгляды, специфические ценности разных культур, особенные этнические верования и убеждения и т.д.). 2. *"Толерантность как невозможность взаимопонимания"* ограничивает проявление терпимости уважением к другому, которого вместе с тем понять невозможно и с которым не-

¹ В 1598 г. Генрих IV издал Нантский эдикт. См. также: Act Concerning Religion правительства Мэриленда от 1649 г., или – как одно из последних верховных «разрешений» такого рода – «патент толерантности» 1781 г. от Иосифа II.

² Цит. по: Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 45.

возможно взаимодействовать. 3. *"Толерантность как снисхождение"* подразумевает привилегированное в сознании человека положение своей собственной культуры, поэтому все иные оцениваются как более слабые: их можно терпеть, но при этом одновременно и презирать. 4. *"Терпимость как расширение собственного опыта и критический диалог"* позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою в результате критического диалога»¹.

При исследовании категории «терпимость» представляется необходимым различать понятие «терпение» в социальном понимании. *Терпение* – уровень, психологический порог восприятия личностью, общественными слоями, группами неблагоприятных для нее, не соответствующих ее требованиям социальных, духовных, нравственных воздействий, при переходе пороговой величины, когда личность теряет свою психологическую и волевую стойкость и способна к непредсказуемым действиям. Понятие «терпимость» не только не отражает полноты «толерантности», но и может быть прямо противоположно ей. Русский глагол «терпеть» имеет негативную окраску: терпение всегда пассивно и означает лишь внешнее сдерживание своего отношения, никак не меняющее самой позиции нетерпимости.

Толерантность может проявить себя по-разному: в обстановке, когда крайне опасно открыто выражать интолерантное отношение без негативных последствий для себя, толерантность может формироваться по типу смирения, покорности обстоятельствам. Такого рода толерантность предполагает бессмысленное соглашательство или насилие над собой, а интолерантность существует в виде латентного напряжения, глухого недовольства от неизбежности признания того, что на самом деле отвергается в душе, или же в бурных аффектах неприятия в межличностных и межгрупповых отношениях. Существующая в подобном виде толерантность имеет пассивный или даже негативный характер, задача же заключается в том, чтобы превратить ее потенциал и возможности в мощный ресурс активного, осмысленного отношения к действительности, несущего в себе продуктивное начало, конструктивные социальные цели.

¹ Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 46.

В более широком смысле – как терпимость и уважение ко всему «инакому» – понимают толерантность приверженцы социокультурного подхода. Они связывают толерантность с необходимостью просвещать общество, воспитывать терпимость и уважение, уничтожать психологические барьеры, способствующие возникновению фобий. Приверженцы социокультурного подхода акцентируют внимание на воспитании общества в духе толерантности, необходимости внедрения принципов толерантности в соответствующие образовательные программы.

При исследовании феномена толерантности необходимо остановиться на уровнях ее проявления и таковыми являются: «1. активное осуждение, требование применения к "иному" репрессивных мер; 2. осуждение, требование непримиримой идейной борьбы, разоблачений, общественного запрета "чуждого", но без применения репрессивных мер; 3. безразличное отношение к "чуждому", "иному"; 4. неприятие "чуждого", но уважительное отношение к нему и его носителям; 5. практическое уважение к "чуждому", "иному", борьба за то, чтобы оно не отторгалось в обществе, имело полное право быть в нем представленным. Первые два уровня характеризуют личность с отрицательными мировоззренческими и нравственно-психологическими установками на терпимость, третий с незрелыми установками, четвертый и пятый – с разной степенью развитой толерантностью»¹.

Исследователи толерантности выделили следующие **знаки ее проявления**. 1. *Язык*. Отсутствие расовых, этнических и гендерных эпитетов. В СМИ, учебниках используется недвусмысленный язык, в описании событий и людей не допускаются предвзятые оценки, в образовании и СМИ используется язык меньшинств. 2. *Общественный порядок*. Характеризуется равенством всех людей, равным доступом к общественным благам, разнообразиям общественной деятельности, образованию и экономическим возможностям, независимо от социальной принадлежности, пола, национальности, вероисповедания и т.п. 3. *Общественные отношения*. Основаны на взаимном уважении человеческого достоинства всех членов общества и уважении прав человека. 4. *Политические процессы*. По своей сути демократия

¹ Соколов В. М. Указ. работа. С. 55.

предполагает равные возможности для участия национальных меньшинств в политических процессах. 5. *Отношение между большинством, меньшинством и коренным населением.* Общество в целом или отдельная группа намеренно обеспечивает возможность совместного участия представителей большинства и меньшинства в различных видах деятельности, при этом гарантируется, что культурная самобытность и языки национальных меньшинств будут сохранены, что их использование будет поощряться, что будут уважаться человеческое достоинство и все права людей, принадлежащих к меньшинствам или коренному населению. 6. *Общественные мероприятия, традиции.* Публичные мероприятия, посвященные историческим датам, предполагающие участие каждого заинтересованного человека в их планировании и проведении. Исторические даты, национальные праздники отмечаются в масштабе всего сообщества, проявляется чуткость ко всем, для кого данные исторические события могут иметь определенное значение. 7. *Религиозная практика.* Всем людям гарантирована свобода вероисповедания, возможность отправления религиозных обрядов и ритуалов. Никого не принуждают участвовать в отпращивании религиозных обрядов против их воли. 8. *Межгрупповое сотрудничество.* Все группы общества участвуют в решении общих проблем. Межэтнический и межрелигиозный диалог по поводу общих проблем и отношений между группами является частью общественных дискуссий. Исходя из наличия и функционирования вышеперечисленных признаков в обществе, можно сделать вывод о том, что данное общество развивается в русле культуры мира, демократии и соблюдения прав человека.

Наряду с признаками, характеризующими толерантность, существуют **симптомы нетерпимости и их проявления**: 1. *Язык.* Очернительный, уничижительный или отчуждающий язык, который обесценивает и унижает культурные, расовые, национальные или сексуальные группы, отрицание за этими группами права употреблять собственный язык (language rights). 2. *Стереотипы.* Характеристика всех членов какой-либо социокультурной группы посредством обобщенных, как правило, негативных характеристик. 3. *Насмешки.* Привлечение внимания к конкрет-

ным моделям поведения людей, к их качествам с целью их высмеивания или оскорбления. 4. *Предубеждения*. Вынесение суждения по поводу отдельных людей или групп на основании негативных и обобщенных стереотипов, а не реальных фактов или конкретных поступков. 5. *Поиск «козла отпущения»*. Обвинения конкретной группы или конкретного человека в несчастьях или в существовании социальных проблем другого народа или группы. 6. *Дискриминация*. Лишение отдельных лиц, групп или целых социальных сообществ равных социальных, политических и экономических прав. Преследование по причине экономического развития национальности, мировоззренческих или других социальных факторов. 7. *Остракизм (бойкот)*. Поведение, игнорирующее присутствие или существование других. Отказ говорить с другими, признавать их самих или их культуру. 8. *Осквернение или порча*. Нанесение прямого ущерба или искажение религиозных и культурных символов, предметов или зданий с целью дискредитации и осмеяния верований и идентичности тех, для кого эти здания, предметы и символы являются значимыми¹.

Рассматривать состояние межнациональной толерантности и интолерантности можно при фиксации устойчивых образов «своих» и «чужих» разделенных по национальному признаку. Эти образы, по своей сути являющиеся мифологемами, закрепляются в повседневном поведении индивида в форме стереотипов восприятия других и норм взаимодействия между ними. В зависимости от качественного наполнения данных образов можно говорить о проявлении как толерантного мышления и поведения, так и интолерантного.

Как же отражаются существующие мифологемы на повседневном поведении, определяют ли они толерантность на индивидуальном уровне? Поступки людей, как правило, вариативны, и в разных жизненных обстоятельствах индивид склонен придерживаться разных эталонов поведения. Модели поведения всех индивидов с учетом присутствия (отсутствия) в них «национальной составляющей», исследователи теоретически разделяют на 3 группы: 1. *Тип А*, безусловно интолерантное поведение, включает в себя поведенческую модель, находящуюся под преобладающим

¹ Риэрдон Б. Указ. работа.

влиянием отрицательных национальных оценок. 2. *Тип В*, модели поведения в рамках норм толерантности. Люди, следующие второму эталону, четко разграничивают социальное пространство по национальному критерию и обладают ясными представлениями о своей национальной идентичности. Тем не менее, они способны корректировать сложившиеся групповые стереотипы с нормами толерантности. Эта категория людей сознательно и последовательно проводит в жизнь установку на оценку человека по личным достижениям, несмотря на сложившиеся национальные образы. 3. *Тип С*, модели поведения, находящиеся вне поля данного противопоставления. Поскольку в них национальные границы отсутствуют, это можно объяснить таким фактором, как крайне низкая национальная самоидентификация, т.е. отказ от национальных характеристик в пользу иных ценностей.

Степень интолерантности зависит от культурной дистанции между национальными группами. Можно предположить следующую гипотезу: чем больше совпадений в национальных образах (своим и чужом), тем толерантность выражена слабее. Основой оптимальной модели взаимодействия этнических групп, наций является создание условий для диалога и на его базе полноценного общения. Данная стратегия базируется на равноправном положении партнеров и ее целью является создание благоприятной атмосферы, направленной на мирное взаимодействие и решение конкретных задач.

подавляющим большинством специалистов отмечается специфическая роль культуры как механизма сдерживания нетерпимости. Считается, что наиболее эффективный механизм воспитания толерантности – изучение иных культур. Поэтому на него и нацелено большинство международных образовательных программ, соответственно, базируется вся политика ЮНЕСКО. Часть экспертов отмечает нерезультативность такого подхода в отрыве от других форм воспитания, в частности, моделирования ситуаций, в которых «враги» вынужденно работают вместе или доказывают друг другу позиции, противоположные своей собственной; системы введения запретов, на проявляющееся на бытовом уровне интолерантное поведение и т.д.

В современном российском обществе вопросы плюрализма и культуры толерантности имеют свою конкретно-историческую

специфику, потому что интолерантные установки, несоответствие интересов разных категорий населения являются не столько следствием постиндустриальных трансформаций, сколько результатом системного кризиса, повлекшего за собой разрушение сложившихся ранее разных форм социальных идентификаций, поэтому для России любое проявление идеологии национализма и ксенофобии является разрушительным в силу ее полиэтничности.

В постсоветской России политическая культура складывалась под влиянием ряда существенных факторов, к числу которых относятся «расколотость» общества, отчужденность подавляющего большинства людей от власти, их бессилия что-либо изменить в установившемся раскладе сил. Возникший психологический раскол на «мы» и «они» создал благодатную почву для воспитания нетерпимости – в качестве психологической компенсации за причиняемый дискомфорт.

Эксперты отмечают распространенность в современной России этнофобий и религиозных фобий. В этнофобии выделяются – *кавказофобия, антисемитизм и синофобия*. Термин «кавказофобия» в общественной литературе появился сравнительно недавно, и, по мнению специалистов, обусловлен преобразованиями социально-экономического и политического характера, затронувшими российское общество в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия. Исследователи отмечают, что «кавказофобия» является самой распространенной и самой интенсивной по степени эмоционального неприятия типом ксенофобии в российском обществе. По мнению Э.Ф. Кисриева, «было бы правильным назвать этот феномен не "фобией" (страхом), а неприятием, ненавистью, негативизмом к "лицам кавказской национальности". Масштабы этого социального феномена разрастаются и неизбежно приобретают политическую значимость»¹. Подтверждением данной позиции является констатируемое из года в год в отчетах ВЦИОМ мнение, что «основную массу этнического негативизма по-прежнему образуют антикавказские установки»². По данным со-

¹ Кисриев Э. Ф. Социально-политическая ситуация в Дагестане в зеркале общественного мнения // Рукописный фонд ИИАЭ. 2000. Ф. 3. Оп. 2. Д. 975. С. 15.

² Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1994. № 1. С. 17 – 19.

циологов, для общественного мнения характерны позиции – «чем меньше в городе приезжих с Кавказа, тем спокойнее», в средствах массовой информации звучат мысли о «чернофобии», о том, что «москвичи не любят кавказцев» и ощущают «исходящую от них угрозу»¹.

Неоспоримым является то, что кавказофобия рождается в «низах» общества, что, как раз, свидетельствует о глубоких и иррациональных источниках ее формирования. В качестве «комплекса противоречивых причин кавказофобии» А. Малашенко перечисляет ряд позиций и дает им свое объяснение: «1. Прежде всего, обилие кавказцев в российских городах, что само по себе является непривычным и раздражающе действует на коренное русское население. 2. В силу своей предприимчивости, уровень которой выше, чем у местных жителей, кавказцы сравнительно легко приспособились к новым рыночным отношениям, извлекая из них финансовую выгоду. Образ спекулянта-кавказца вызывал и вызывает негативные эмоции у русских покупателей. 3. Раздражает и сплоченность кавказцев, объяснимая тем, что, будучи меньшинством, к тому же спаянным родственными и местническими узами, зачастую выступают сообща в конфликтных ситуациях. 4. С кавказцами связан рост преступности, что имеет под собой объективную основу: а) среди временных и постоянных мигрантов с Кавказа немало маргиналов; б) в некоторых регионах Кавказа разбой на уровне массового сознания воспринимается как некая специфическая форма героизма и в отдельных случаях встречает "понимание", если не сказать большего. 5. Жители Кавказа принесли на российские равнины свои не принятые в России стереотипы общественного поведения – громкий говор, бурную жестикуляцию, презрительно-потребительское отношение к (русским) женщинам. Вызывает неприязнь и показная ориентированность кавказцев на престижное потребление»². Таким образом, проблема формирования в массовом сознании россиян толерантных установок является важнейшим условием сохране-

¹ См.: *Сикевич З.* Расколотовое сознание (этносоциологические очерки). СПб., 1996. С. 77; *Искандарян А.* Чернофобия // Новое время. 1996. № 2. С. 21.

² *Малашенко А.* Ксенофобия в постсоветском обществе (вместо введения) // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М. 1999. С. 12 – 13.

ния стабильности и позитивного межнационального климата в полиэтническом и поликонфессиональном сообществе.

4.2. Общественное мнение дагестанских русских о межэтнической ситуации в Республике Дагестан

Трансформация российского общества происходила одновременно во всех сферах жизнедеятельности (социально-экономической, политической, духовной и т.д.), и, к сожалению, данные процессы не совпадали по масштабам и глубине, приводя к негативным последствиям, в частности, ухудшению межнациональных отношений, являясь основой формирования интолерантности в массовом сознании и поведении.

В постсоветский период в национальном самосознании российских народов произошел резкий сдвиг: считавшиеся еще недавно добрыми, соседи стали объектом критики, подчас весьма воинственной. От обывательского выискивания недостатков у представителей других этнических общностей, перешли к взаимному обвинению соседних народов в несправедливости и национальном притеснении. Причем каждая сторона свои права и претензии аргументирует ссылками на историю, следовательно, в орбиту межнациональных отношений все больше вовлекаются глубинные пласты самосознания этносов. Максимально дистанцируясь друг от друга, представители одного народа пытаются проецировать негативные качества присущие данной группе, народу на другую группу, на другой народ. А образ «врага» создается как из реальных, так и присваиваемых представлений о нем. Надо отметить, что многое в этих представлениях является переносом того, что нам не нравится в нас самих, и от чего мы пытаемся, как бы избавиться. Поэтому образ «врага» носит, как правило, коварный, жестокий, трусливый и глупый характер¹: «на авансцену общественной жизни вышел опасный культ – культ моей нации, как единственной самонации во вселенной... с одной стороны идет процесс раскрепощения, избавления от старых догм

¹Волкан В., Оболонский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политологическими комментариями // ОНС. 1992. № 6. С. 37.

и стереотипов, возрождается национальное самосознание, и это не может не радовать, а с другой – все мы отчетливо видим, как растут национальный эгоизм и отчужденность, переходящие в некоторых регионах страны в массовый "психоз национализма"»¹.

Дагестан – полиэтничный регион, в начале 90-х гг. прошлого столетия, характеризовавшийся сложной межнациональной обстановкой. Массовый отъезд русскоязычного населения из республики, политические убийства и террористические акты, появление чуждого для дагестанских верующих экстремистского течения «ваххабизм», низкий уровень жизни населения, высокий уровень безработицы, появление национальных движений, ставивших вопрос о федеративном переустройстве республики и преследовавших свои узконациональные интересы и политические цели, вносили дестабилизацию в политическую жизнь дагестанского общества. Стремление национальных лидеров к дележу сфер политического и экономического влияния не раз ставило республику на грань межэтнического столкновения. Если в поведении граждан не наблюдается столкновений на межнациональной почве, это не исключает существования в латентной форме неосознанного противостояния ценностей и норм различных этнокультур, соответственно, и соперничества между национальными элитами. История же свидетельствует, что «народы Дагестана никогда не воевали друг против друга. В течение веков здесь стихийно складывались механизмы саморегулирования межнациональных отношений, утверждались дух терпимости, гуманистические по своей сущности принципы и институты межнационального общения»². Более того, «этничность не касалась жизненных интересов общин, а составляла лишь культурную атрибуцию суверенных общин гражданского типа и их союзов. В конфликтах, весьма частых из-за территориальных владений, перераставших иногда в военные стычки между общинами – владельцами территорий, этнический фактор как бы отсутствовал. Он также отсутствовал в вопросах кровомщения или других

¹ *Абдулатипов Р. Г.* Коварный культ // Советская Россия. 1989. 25 августа. С. 3.

² *Гасанов Н. Н., Зачесов К. Я., Казимов А. К.* Межнациональное согласие в Дагестане: проблемы и перспективы // Полис. 1993. № 3. С. 51.

уголовных и гражданских тяжбах между представителями различных этнографических групп или национальностей»¹.

По мнению дагестанских исследователей, в современный период вопрос стоит в плоскости: «Насколько прочна основа гуманистической культуры межэтнических отношений и может ли быть сохранено межнациональное согласие в республике?». Факторами, влияющими на сохранение стабильной межнациональной толерантности в республике являются, во-первых, важность этнической принадлежности, во-вторых, установки на сохранение национальных традиций, обычаев и этнокультурной самобытности, в-третьих, позитивное отношение к иноэтническим образованиям и инокультурному влиянию. При этом обострению межнациональных отношений в Дагестане способствуют 1) экономические факторы, 2) переселенческая политика, 3) деятельность национальных движений, ставивших вопрос о федеративном переустройстве республики². Также ухудшение межгрупповой и межнациональной толерантности в республике обусловлена следующими причинами, которые заметно обострились на фоне изменения социально-экономической и политической ситуации в российском обществе: а) проблемы репрессированных и насильственно переселенных народов, создающие реальную почву для формирования интолерантного сознания и поведения в дагестанском обществе; б) неопределенность этнического статуса малочисленных дагестанских народов, нерешенность их этнических, политических, социально-экономических проблем; в) земельный вопрос, который довольно сильно политизирован, особенно на равнинных районах республики, и создающий реальную почву для возникновения межэтнического противостояния; г) установки на разделение по религиозному признаку, вернее, существующее в республике внутриконфессиональное (исламское) противостояние.

Многочисленные исследования российских этносоциологов, политологов и т.д. свидетельствуют о том, что межэтническая напряженность является одной из главных особенностей межна-

¹ *Агларов М. А.* Исторические корни межэтнической толерантности в Дагестане // Современный Кавказ. 2007. № 5. С. 131.

² *Гасанов Н. Н., Зачесов К. Я., Казимов А. К.* Указ. работа. С. 51 – 52.

циональных отношений на постсоветском пространстве. В то же время нужно оговориться, что в некоторых российских регионах межэтническое противостояние характеризовалось разной степенью напряженности. Если в Дагестане открытых межнациональных конфликтов не наблюдалось, то в соседних республиках они происходили. Субъективные оценки представителями различных этнических общностей состояния межнациональной ситуации в Дагестане отражают существующие различия в уровнях межэтнической напряженности. При этом необходимо принимать во внимание особенности этих различий, которые обусловлены не только локализацией агентов межэтнической напряженности, но и психологическими характеристиками взаимодействующих этнических групп. Символические заявления власти о «единстве, равенстве народов» не должны расходиться с тем, что люди видят в практике повседневной жизни, иначе это будет вызывать недовольство существующей системой, и тогда не избежать солидаризации против проявления беззакония, несправедливости и неравенства, считают российские исследователи¹. Поэтому в отечественной науке межличностные отношения рассматривают «как» особую сферу, ибо «общаясь повседневно в деловой и неформальной обстановке – в соседском, дружеском, семейном окружении – люди на практике ощущают равенство или неравенство, партнёрство или ущемление, уважение или унижение, всё то, что определяется как толерантные или интолерантные, дружественные, нейтральные или напряжённые отношения»².

Несомненно, на характер межэтнического взаимодействия определенное воздействие оказывают как внешние, так и внутренние факторы, среди которых следует отметить исторически сложившийся в этноконтактных зонах республики межнациональный климат. В ситуации усиления социально-экономической, и как следствие, политической напряженности, наблюдается заметное увеличение количества носителей гиперэтничности и интолерантности.

¹ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2013. С. 335.

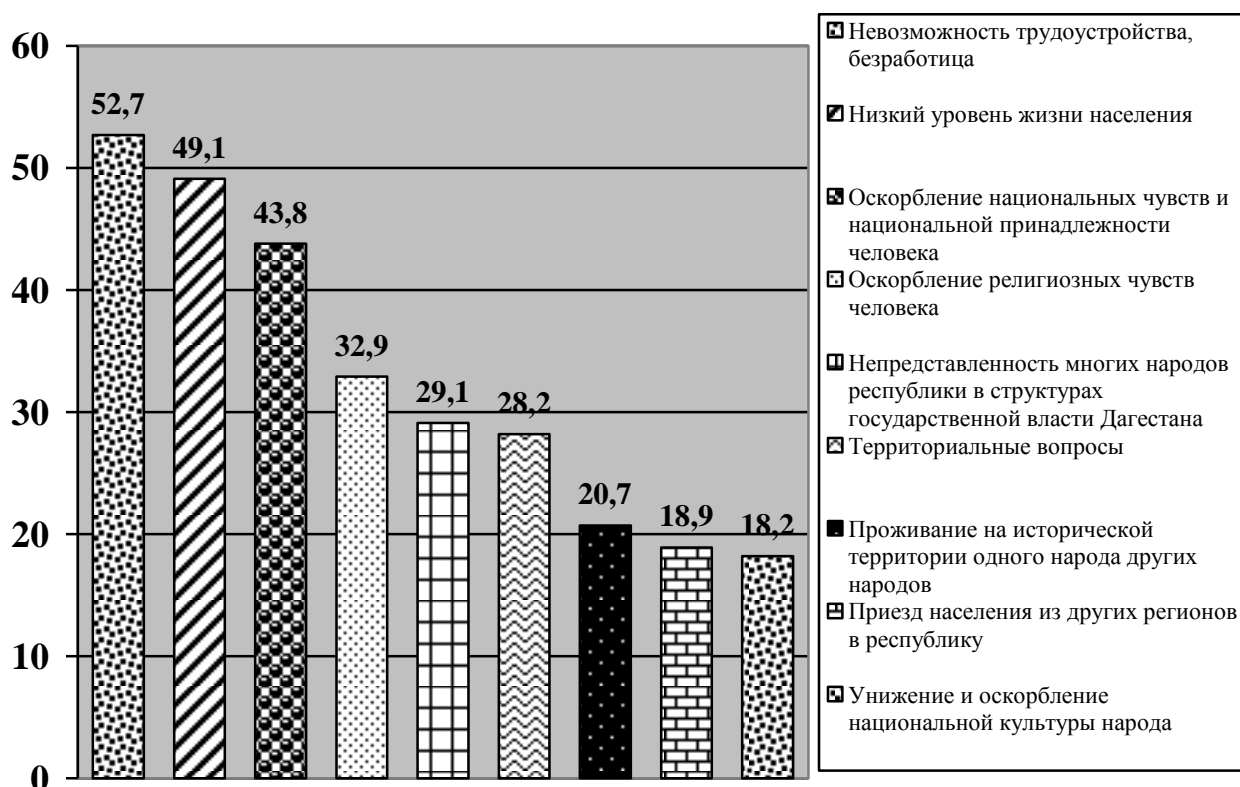
² Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 263.

Состояние межнациональной ситуации в полиэтнических районах Дагестана является актуальной, ибо в сильной зависимости от нее находится этническое самочувствие народов, проживающих на этих территориях. Авторы не придерживаются позиции, что в республике межэтнические отношения характеризуются как нестабильные и конфликтные. Разумеется, в Дагестане в латентной форме существует межнациональное противостояние и, вытекающая из него, межэтническая напряженность, почвой существования которой являются самые различные факторы: территориальный, кадровый, уровень социально-экономического развития, степень удовлетворенности или неудовлетворенности населения качеством и образом жизни.

В нашем исследовании, при характеристике межнациональной ситуации в Дагестане, установлении причин возникновения межэтнической нетерпимости в современном дагестанском обществе мы попытались отразить позиции не только русского населения республики, но и остальных дагестанских народов (см. гист. № 11).

Гистограмма 11

Распределение ответов на вопрос «*Каковы причины возникновения межнациональной нетерпимости между дагестанскими народами?*» (варианты ответов даны в %)

С целью полноты отражения существующих в массовом сознании тенденций и динамики представляется необходимым провести сравнение результатов опросов разных годов (см. таб. № 8)¹.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «*Каковы причины возникновения межнациональной нетерпимости между дагестанскими народами?*» (варианты ответов даны в %)

Варианты ответов // Национальности	Территориальные споры	Проживание на исторической территории одного народа других народов	Отсутствие возможности для самобытного развития народов	Миграция из других регионов в республику	Непредставленность многих дагестанских народов в структурах государственной власти республики
Аварцы	63,6	44,4	19,2		34,3
Даргинцы	52,2	17,4	13,0	17,4	39,1
Кумыки	61,5	36,5	7,7	21,2	15,4
Лезгины	54,5	13,6	18,2	9,1	54,5
Лакцы	35,1	42,1	8,8	22,8	22,8
Чеченцы	34,1	93,7	15,1	0	15,1
Русские	62,5	41,7	20,8	16,7	29,2
Ногайцы	61,7	25,5	12,8	38,3	25,5
Всего:	50,0	52,2	14,3	13,8	25,7

¹ Шахбанова М. М. Межэтническая толерантность в полиэтническом регионе (на примере Республики Дагестан). Махачкала, 2007. С. 88. Социологический опрос по изучению состояния межнациональных отношений в Республике Дагестан проведен в 2005 г. в Казбековском, Новолакском, Каякентском, Кизлярском, Кизилюртовском, Хасавюртовском районах и в гг. Махачкала, Кизляр. N – 764.

Приведенные в таблице № 8 результаты социологического опроса показывают, что совместное проживание представителей инонациональных общностей, а также территориальные споры могут способствовать ухудшению межэтнических отношений между дагестанскими народами, особенно в многонациональных районах республики. Возможность определенного влияния *«территориальных споров»* на характер (позитивный/негативный) межнациональных отношений, а также их роль в ухудшении состояния межэтнического климата отмечается почти всеми опрошенными дагестанскими народами, за исключением лакцев и чеченцев, которые придерживаются позиции, что формированию межнациональной нетерпимости между дагестанскими народами способствует *«проживание на исторической территории одного народа других народов»*. Не меньшее влияние на усиление межэтнической напряженности может оказать и фактор *«непредставленности многих дагестанских народов в структурах государственной власти республики»*, и на него указывает каждый второй опрошенный среди лезгин.

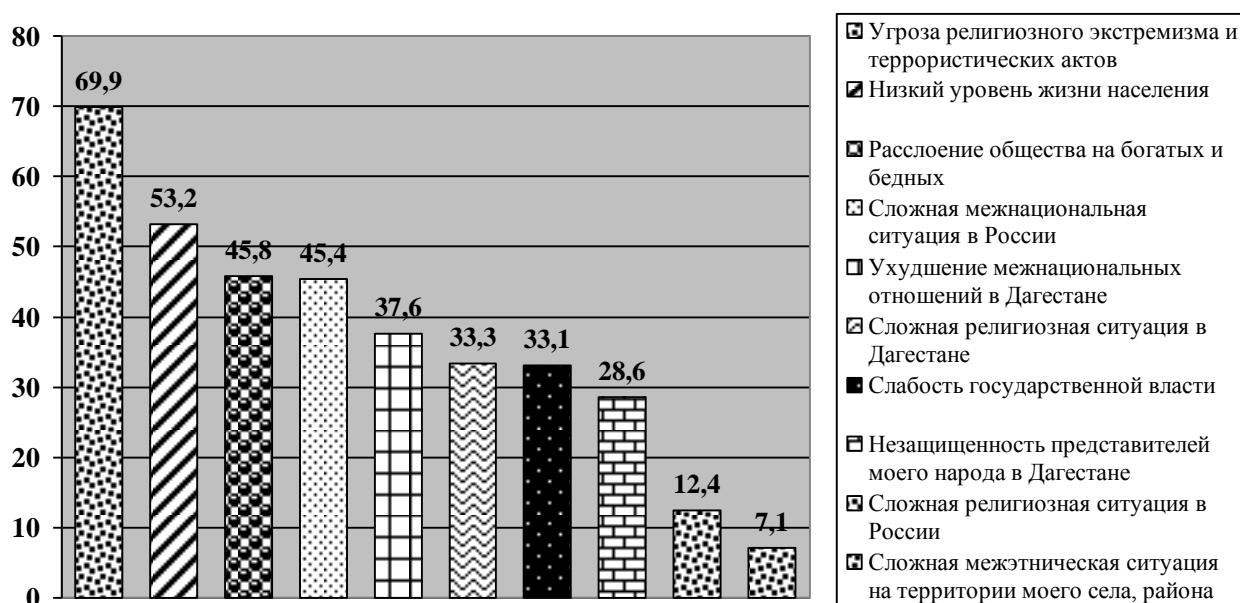
Сравнение результатов опроса по разным годам показывает, что в позициях дагестанских русских за прошедший период произошли существенные изменения: если в опросе 2005 г. доминировало мнение *«проживание на исторической территории одного народа других народов»*, то в опросе 2015 г. они в основном акцентируют внимание на социально-экономических проблемах, соответственно, превалируют суждения – *«невозможность трудоустройства, безработица»* и *«низкий уровень жизни населения»* и только третье место занимает собственно *«этническая проблематика»*. Важность социально-экономического фактора в сохранении межнационального согласия и стабильности в республике подтверждается и ответами опрошенных на другой вопрос *«Как Вы думаете, почему наблюдается миграция русского населения из Дагестана?»*. Так опрошенные дагестанские русские суждение *«в советский период русские в основном работали на промышленных предприятиях и в настоящее время оказались без работы»* по значимости поставили на второе место.

Полученные на вопрос *«Каковы, на Ваш взгляд, причины возникновения межнациональной нетерпимости между даге-*

станскими народами?» результаты показывают, что русское население Дагестана выделяет целый комплекс факторов, которые ухудшают межнациональную ситуацию в республике, поэтому им был задан «контрольный» вопрос (см. гист. № 12).

Гистограмма 12

Распределение ответов на вопрос *«Какие проблемы в настоящее время вызывают у Вас наибольшую тревогу?»*
(варианты ответов даны в %)

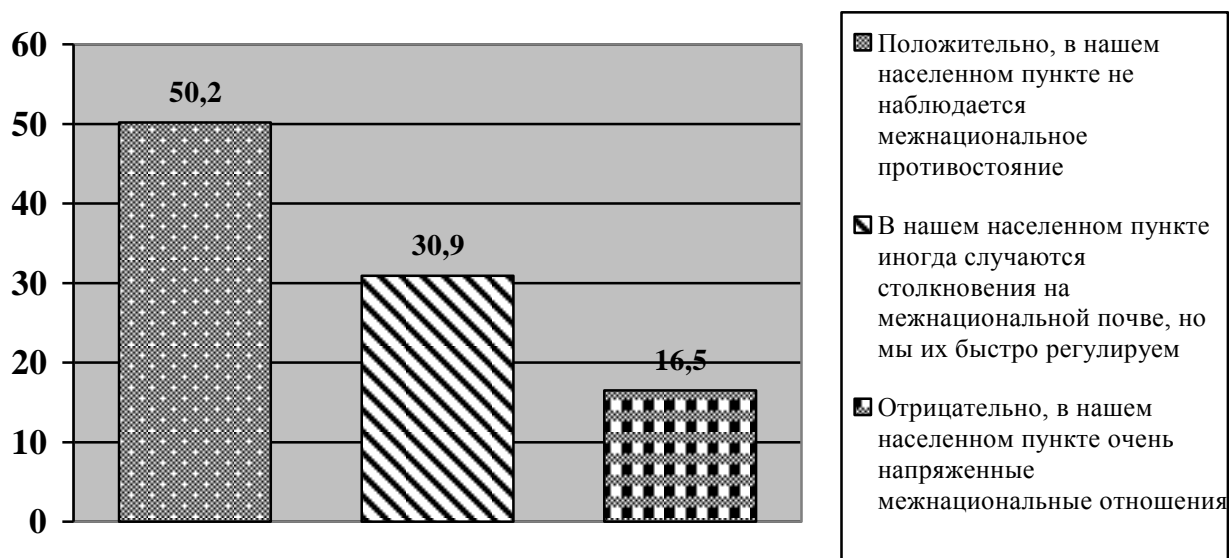
По результатам нашего исследования, в ответах на вопрос *«Какие проблемы в настоящее время вызывают у Вас наибольшую тревогу?»* было установлено, что в массовом сознании дагестанских русских беспокойство вызывает целый комплекс факторов, среди которых превалирует наличие угрозы *«религиозного экстремизма, террористических актов»* и *«низкий уровень жизни населения»*, хотя суждения *«расслоение общества на богатых и бедных»*, *«сложная межнациональная ситуация в России»*, *«ухудшение межнациональных отношений в Дагестане»*, *«сложная религиозная ситуация в Дагестане»*, *«слабость государственной власти»*, *«незащищенность представителей моего народа в Дагестане»* вызывает у опрошенных не меньшее беспокойство; на *«сложную религиозную ситуацию в России»* указывает каждый восьмой опрошенный и на *«сложную межэтническую ситуацию на территории своего села, района»* каждый четырнадцатый опрошенный.

Уже отмечалось существование в республике целого комплекса проблем, обусловленных низким уровнем социально-экономического развития, невысоким уровнем культуры межэтнического общения, укреплением позиций ислама и, как следствие, рост значимости религиозных установок в поведении, кадровая проблема, отсутствие эффективной национальной политики, и они, в целом, способствуют ухудшению межнационального климата в Дагестане.

В связи с вышеперечисленным, в ходе опроса респондентов попросили оценить состояние межэтнической ситуации на территориях своего проживания (см. гист. № 13).

Гистограмма 13

Распределение ответов на вопрос «*Как Вы оцениваете межнациональную ситуацию в Вашем населенном пункте, районе?*» (варианты ответов даны в %)

В нашем исследовании мы исходили из предположения, что межнациональная ситуация в Кизлярском и Тарумовском районах сложнее, чем в других районах проживания русскоязычного населения. По результатам нашего опроса, подмассив русских Кизлярской и Тарумовской зоны оценивают межнациональную ситуацию в своем населенном пункте и районе положительно, потому что в их населенном пункте «не наблюдается межнациональное противостояние» (58,8 %), хотя 29,2 % опрошенных подчеркивают, что в их населенном пункте «иногда случаются столкновения на межнациональной почве, но мы их быстро регулируем», и небольшая часть опрошенных характеризует меж-

национальные отношения в своем населенном пункте как *«очень напряженные»* (8,6 %). Для сравнения, остальной подмассив русских в целом характеризует межнациональную обстановку положительно (45,3 %), хотя каждый третий опрошенный придерживается позиции *«в нашем населенном пункте иногда случаются столкновения на межнациональной почве, но мы их быстро регулируем»* (31,8 %) и заметно выше доля придерживающихся суждения *«отрицательно, в нашем населенном пункте очень напряженные межнациональные отношения»* (21,1 %). Иными словами, можно сказать, что по совокупности двух вариантов ответов *«в нашем населенном пункте иногда случаются столкновения на межнациональной почве, но мы их быстро регулируем»* и *«отрицательно, в нашем населенном пункте очень напряженные межнациональные отношения»* почти равняются с суждением *«в нашем населенном пункте не наблюдается межнациональное противостояние»*.

Несомненно, на характер межэтнического взаимодействия определенное воздействие оказывают как внешние, так и внутренние факторы, среди которых следует отметить исторически сложившийся в этноконтактных зонах республики межнациональный климат. В ситуации усиления социально-экономической, и, как следствие, политической напряженности наблюдается заметное увеличение количества носителей гиперэтничности.

В рамках обозначенной проблематики, начиная с перестроечного периода, в Дагестане не теряет своей актуальности вопрос миграции русского населения из республики. Если обозначить положение русскоязычного населения не только в Дагестане, но и в целом на Северном Кавказе, то, по мнению А.Б. Дзадзиева, основными факторами, определяющими миграционный отток русского населения из республик Северного Кавказа являются: 1. *Начавшийся в конце 80-х – начале 90-х гг. процесс «суверенизации»*, который ухудшил межатническую обстановку в полиэтнических республиках региона. Причем для первой половины 90-х гг. характерным было усиление гиперидентичных установок и интолерантности, а национализм, сепаратизм и русофобия в той или иной форме проявились во всех северокавказских республиках. 2. *Причины социально-экономического и этнополитического*

характера. К причинам социально-экономического характера необходимо отнести то, что к концу 60-х – началу 70-х гг. XX в. была создана материально-техническая база северокавказских республик, для строительства и эксплуатации которой в довоенные и послевоенные годы привлекались специалисты и квалифицированные рабочие из «русских» регионов России. Одновременно шла подготовка квалифицированных рабочих и специалистов из числа титульных национальностей. С одной стороны, это сняло в определенной мере потребность республик Северного Кавказа в привлечении квалифицированной рабочей силы из «русских» регионов страны, с другой – привело к конкуренции на рынке труда, особенно в престижных сферах занятости. Естественно, что в этой конкуренции «стали выигрывать» национальные кадры. В трудоизбыточных республиках, какими были и остаются северокавказские республики, это стало повсеместным явлением не только на рынке труда, но и в сфере получения высшего и среднего специального образования. К причинам, обуславливающим отток нетитульного населения из республик Северного Кавказа, необходимо отнести и крайне низкий, по сравнению с «русскими» субъектами региона, уровень социально-экономического развития этих республик. *Причины этнополитического характера:* территория республик Северного Кавказа, несмотря на усилия федерального центра, продолжает оставаться не просто беспокойным, а взрывоопасным регионом. И на этом фоне все попытки руководителей отдельных северокавказских республик преподнести возвращение нескольких русских семей в качестве доказательства политической стабильности и экономического благополучия «своих» республик выглядят не более, чем политический фарс.

3. *Резмиграция в республики Северного Кавказа значительного числа представителей титульных этносов.* За последний межпереписной период сальдо миграции населения титульных национальностей в северокавказских республиках составило в целом около 975 тыс. чел. Этот процесс осложнил и без того сложные межэтнические отношения на рынке труда, в сфере получения высшего и среднего специального образования. Наиболее ярко это проявляется в Дагестане и Северной Осетии.

4. *Изменение этнических пропорций.* В северокавказских респуб-

ликах происходят существенные изменения пропорций этнической структуры населения, особенно в городах, в пользу титульных этносов. 5. *Отсутствие в большинстве республик Северного Кавказа программ по сокращению миграционного оттока русскоязычного населения.* Одним из формальных исключений этого являются Ингушетия и Чечня. В Ингушетии с апреля 2005 г. реализуется республиканская целевая программа «*Возвращение и обустройство русскоязычного населения, ранее проживавшего в Республике Ингушетия, до 2010 года*», которая предусматривает принятие и обустройство в республике 1050 чел. Убийства семей русских учительниц, русской женщины-врача, русской семьи летом-осенью 2008 г. и другие убийства русскоязычного населения в Ингушетии ставят под серьезное сомнение возможность реализации указанной программы. Русское население Ингушетии и соседних республик региона рассматривает вышеуказанные теракты как реакции устрашения русских, направленные на выдавливание русского населения из ряда северокавказских республик. 6. *Деятельность некоторых общественных организаций титульных национальностей и СМИ северокавказских республик.* Некоторые общественные организации титульных национальностей продолжают исповедовать идеи этноцентризма, национальной исключительности и выдвигать лозунги приоритетности политических и культурных интересов титульных национальностей перед другими. Важное значение в этих идеологических тенденциях имеют воспоминания об этнических травмах: Кавказская война XIX в., исход значительной части адыгских народов в Турцию, сталинские депортации народов в 1943 – 1944 гг. Некоторые республиканские СМИ публикуют материалы об «этноциде северокавказских народов», начатом Российской империей в период Кавказской войны и продолжавшемся большевиками вплоть до начала 90-х гг. XX в. 7. *Проблема получения русским населением республик региона высшего образования.* Данные о национальном составе студентов высших учебных заведений республик Северного Кавказа свидетельствуют, что эта проблема для русских является весьма существенной и во многом определяет миграционные установки русской молодежи. Причина слабой представленности русских в численности студентов республик Северного

Кавказа (как, впрочем, и во властных структурах этих республик) кроется не в сознательной политике дискриминации русских в сфере получения высшего образования. Главная причина этого – бедность основной части русского населения, что является фактором и этнополитического характера. 8. *Ярко выраженная этническая направленность кадровой политики.* Этнизация исполнительной, законодательной и судебной властей в республиках Северного Кавказа, происшедшая в начале 90-х гг. прошлого столетия, факт общеизвестный. Объективные данные свидетельствуют о крайне низком уровне представленности русских в органах исполнительной, законодательной, судебной власти, в правоохранительных структурах республик Северного Кавказа, а также во всех наиболее престижных сферах занятости. Отсутствуют, несмотря на декларативные заявления руководства северокавказских республик, действительно демократические принципы подбора управленческих кадров в полиэтничном составе населения.

Отток русских и населения других нетитульных этносов из республик Северного Кавказа свидетельствует о гораздо более негативных, чем это представляется многим, процессах в сфере межнациональных отношений в республиках региона, а, соответственно, и об уровне демократических реформ в этих субъектах федерации. Как следует из материалов СМИ, руководители северокавказских республик, постоянно подчеркивая интернационализм адыгейского/ингушского/осетинского/чеченского и других титульных народов и говоря о межэтническом согласии в своих республиках, стараются не видеть негативных процессов в сфере межэтнических отношений в республиках, а имеющий место отток нетитульного населения объясняют исключительно экономическими причинами. Что, естественно, далеко не так. Имеющиеся в республиках Северного Кавказа негативные процессы в сфере межэтнических отношений требуют не попыток их оправдания, а серьезного научного анализа и выработки соответствующих механизмов их разрешения, в том числе и сокращения масштабов миграции населения из этих республик. 9. *Слабая работа общественных организаций русского населения республик Северного Кавказа по защите своих интересов.* Созданные в ряде респуб-

лик региона по инициативе властей, эти общественные организации призваны «демонстрировать» межэтническое согласие и мир в этих республиках. «Парадный», декоративный характер большей части этих обществ сводит всю свою деятельность, как правило, к проведению фестивалей национального танца, песни, кухни и т.п. 10. *Отсутствие региональной политики, учитывающей интересы русского населения, отсутствие диалога между общественными организациями русского населения и властными структурами.* Русское население в большинстве своем глубоко убеждено, что ни республиканским, ни федеральным органам власти нет никакого дела до их проблем¹.

Дагестанские исследователи подчеркивают, что переселение населения горных районов на равнину имело как положительные, так и отрицательные последствия. Если с одной стороны, переселение проводилось с мотивацией разрешения проблем трудовых ресурсов, то в последующем руководство республики «для обоснования необходимости продолжения переселенческой политики прибегали к доводам о диспропорциях в народонаселении и землепользовании двух зон – горной и равнинной... дагестанской бюрократии, заинтересованной в продолжении такой политики, было выгодно придерживать этих данных, хотя аграрная переселенность гор в результате многократных переселений снизилась по сравнению с тем, что было»². Более того, миграция населения способствовала кардинальному изменению этнической структуры равнинных районов республики: «в 1926 г. Бабаюртовский, Кизлярский, Караногайский (Ногайский) районы в современных административных границах были почти полностью однонациональными. Основное население этих районов составляли соответственно, кумыки, русские и ногайцы. Материалы переписи населения 1979 г. показывают, что за полвека в этих районах появилось более десятка новых относительно крупных этнических массивов. Прежде всего, это аварцы, даргинцы, лезги-

¹ См.: Дзадзиев А. Б. Русское население республик Северного Кавказа: современные миграционные установки // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008. С. 136 – 146.

² Лысенко Ю. М. Северный Дагестан 1957 – 2000 гг. (аспекты социально-экономического развития г. Кизляра, Кизлярского и Тарумовского районов). Махачкала, 2005. С. 124 – 125.

ны, табасаранцы и лакцы, которые вместе составляют около половины всего населения равнины»¹, с другой стороны, сохраняется база межэтнического противостояния – земельный вопрос.

В постановлении Госсовета Республики Дагестан «О состоянии и мерах по улучшению социально-экономической, общественно-политической ситуации в г. Кизляр, Кизлярском и Тарумовском районах Республики Дагестан» (21 июля 2003 г.) отмечалось, что «под влиянием внутренней и внешней миграции, значительные изменения претерпела демографическая ситуация. Внешней миграции в основном подвержено русское население. Внутренняя миграция характеризуется притоком населения из горных (Цумадинского, Цунтинского и Ботлихского) районов республики, а также переселенцев из Чеченской Республики»², поэтому «Кизлярский район, насчитывающий 89 населенных пунктов, русские уже не проживают в 22, в 50 селах их число незначительно, только в 17 населенных пунктах русские составляют больше половины населения. В Тарумовском районе из 24 населенных пунктов в 5 русские не проживают, в 12 их число незначительно, только в 7 населенных пунктах этого района русские составляют более половины»³.

Таким образом, сложная ситуация с миграцией русских из Кизлярского и Тарумовского районов актуализировал вопрос их этнического самочувствия, которое измеряется социально-экономическими показателями и общественно-политической ситуацией не только в самом Дагестане, но и в приграничных с ним районах. Подтверждением является республиканская научно-практическая конференция «Проблемы русского и русскоязычного населения Республики Дагестан» (1994 г.), на которой были обозначены объективные и субъективные факторы отъезда русского населения из республики. К первой группе относятся соци-

¹ Цит. по: *Лысенко Ю. М.* Северный Дагестан 1957 – 2000 гг. (аспекты социально-экономического развития г. Кизляра, Кизлярского и Тарумовского районов). Махачкала, 2005. С. 127.

² Материалы по вопросам развития национальных и межнациональных отношений в Республике Дагестан. Махачкала, 2008. С. 193.

³ Цит. по: *Ибрагимов М.-Р. А.* Динамика численности русского населения Дагестана (середина XIX – начало XXI вв.) // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 4. С. 131.

ально-экономические факторы, в частности, резкое падение производства, которые имеют «ощутимое влияние на русских, поскольку 80 % промышленности в республике было ориентировано на оборонный сектор, а русские в городах работали преимущественно на оборонных предприятиях. Безработица поразила русских больше других. К субъективным относятся – рост преступности и позорные факты рэкета в жилищной сфере в отношении русских»¹. В советский период русские были не только носителями государствообразующей культуры, построенной на русском языке, но и исполняли роль «старшего брата» в процессах модернизации страны. Русские не только первыми из всех народов СССР прошли путь «экстенсивной» урбанизации (к концу 80-х гг. доля горожан среди русских превышала 80 %), но именно «русскими» (наравне с белорусами и украинцами) осваивались, прежде всего, промышленные отрасли производства, особенно связанные с индустриальными и постиндустриальными технологиями².

Существуют самые различные факторы, вынуждающие русских мигрировать из республики, среди них назывались и социально-экономические причины, однако надо отдать должное, что в целом в 90-х гг. низкий уровень социально-экономического развития был характерен для всех российских регионов, поэтому объяснять их выезд за пределы республики только данной причиной будет необъективным. Наряду с экономическими обстоятельствами существует и нестабильная межнациональная ситуация в республике, распространение идей религиозного экстремизма, многочисленные террористические акты на территории Кизлярского района, захват заложников, в частности Кизлярской больницы, характерный для переселенцев бытовой национализм, исходящие от них угрозы в адрес русскоязычного населения и т.д. При личном общении с авторами, респонденты-русские довольно жесткой форме выражали свое отношение к переселен-

¹ Гусаев М.-С. М. Проблемы русского и русскоязычного населения Дагестана: истоки, современное состояние, пути решения // Проблемы русского и русскоязычного населения Республики Дагестан. Материалы научно-практической конференции. Махачкала, 1996.

² Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1999. С. 57.

цам, хотя в результатах опроса они в полной мере, в силу определенных причин, к сожалению, своего мнения не отразили.

Существующая в общественном сознании русских респондентов неоднозначная характеристика межэтнической ситуации в своем населенном пункте требует выявления мотивации миграции русских из республики (см. таб. № 9).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос *«Как Вы думаете, почему наблюдается миграция русского населения из Дагестана?»*
(варианты ответов даны в %) ¹

Варианты ответов // Годы	1997 г.	2013 г.	2014 г.
Проблемы русскоязычного населения в Дагестане не существует и она является надуманной	18,5 / 9,1	–	17,3
В условиях возрождения ислама плохо стали относиться к людям другой веры	6,2 / 4,5	32,2 / 46,9	40,3
Низкий уровень социально-экономического развития люди связывают с нахождением Дагестана в составе России	1,5 / 0	13,8 / 15,4	16,2
Когда трудно жить кого-то выживают. Русских легче выжить из Дагестана, чем другие народы	10,0 / 22,7	20,6 / 25,2	29,0
В Дагестане плохо относятся к русским, так как в России отдельными людьми и партиями ведется несправедливая антидагестанская и антикавказская пропаганда	19,6 / 22,7	31,6 / 23,1	20,8
Отъезд русских из Дагестана вызван тем, что русское население в России плохо относится к приезжим из Дагестана и вообще с Кавказа	18,1 / 0	33,3 / 9,8	21,9

¹ В таблице № 9 в графе результаты опроса 1997 г. и 2013 г. **первая цифра** – результаты по всему массиву, **вторая цифра** – позиции русских респондентов; в графе – 2014 г. – результаты опроса только среди дагестанских русских.

У нас разные обычаи и культура, поэтому совместно проживать русским с дагестанцами и дагестанцам с русскими трудно	3,5 / 0	21,0 / 9,8	13,3
Кавказ – взрывоопасный регион. Русские уезжают из Дагестана, опасаясь возможных этнических и религиозных конфликтов	18,1 / 31,8	51,9 / 64,3	53,5
Давление со стороны переселенцев на территориях исконного проживания русского населения	–	9,9 / 25,9	16,4
В республике ущемляются права русского населения и они не защищены	–	12,0 / 29,4	16,2
В советский период русские в основном работали на промышленных предприятиях и в настоящее время оказались без работы	–	26,2 / 32,2	46,1
Давление на русских со стороны криминальных структур, мафии, вынуждения их к продаже квартир, домовладения	11,2 / 9,1	–	–

Полученные результаты исследования показывают, что за истекший период одной из самых болезненных причин, вынуждающих русскоязычное население мигрировать из Дагестана остаются их опасения, обусловленные сохранением угрозы возможных «*этнических и религиозных конфликтов*». Не менее значимым является, по мнению опрошенных, то, что «*в условиях возрождения ислама плохо стали относиться к людям другой веры*», причем наблюдается увеличение количества придерживающихся данной позиции. Следует отметить, что в историческом прошлом в Дагестане не наблюдалась межрелигиозная интолерантность и противостояние. Также нельзя сбрасывать со счетов проблему трудоустройства и специфику занятости русского населения, их невостребованность в промышленном секторе республики, ибо после распада Советского Союза многие предприятия,

на которых в основном были заняты русские, пришли в упадок или были вообще ликвидированы, следовательно, отсутствие возможности трудоустройства – «в советский период русские в основном работали на промышленных предприятиях и в настоящее время оказались без работы».

По мнению исследователей, несмотря на миграционный отток русского населения из республик Северного Кавказа, русские продолжают оставаться основной производительной силой в экономике этих республик, прежде всего в ее индустриальных отраслях. Так, например, индекс представленности (ИП) русских в численности занятого населения Дагестана составлял в 2008 г. 1,85, ИП дагестанских народов – 0,97. В других северокавказских республиках ИП русских в численности населения, занятого в экономике республик, составлял от 1,36 до 1,05, ИП титульного населения этих республик – от 0,76 до 1,09. Еще более существенны различия в ИП русских и населения титульных национальностей в индустриальных отраслях экономики республик региона¹.

Невозможность, в силу ряда объективных и субъективных причин, конкурировать с титульными этносами в условиях рыночных отношений, низкая представленность во властных структурах и престижных сферах занятости, отсутствие перспектив социального роста и улучшения материального благосостояния, незащищенность перед криминальными структурами, а зачастую и открытые угрозы в адрес русских заставляют практически всё русское население республик с большим пессимизмом смотреть в будущее. Эти причины вынуждают русских покидать республики Северного Кавказа, которые являются родиной не одного поколения проживавшего и еще проживающего в них русского населения. В первую очередь уехала и продолжает уезжать наиболее квалифицированная часть русского населения, имеющая больше реальных шансов – интеллектуальных и материальных – для более или менее благополучного обустройства на новом месте².

¹ Дзадзиев А. Б. Русское население республик Северного Кавказа: современные миграционные установки // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008. С. 133.

² Дзадзиев А. Б. Указ. работа. С. 133.

Дагестанским руководством принято несколько документов, направленных на сдерживание миграционных процессов русскоязычного населения из республики, в частности, распоряжением Совета министров РД была создана Правительственная комиссия Республики Дагестан по проблемам русскоязычного населения (1993 г.), и как уже было ранее отмечено – Координационный совет Северного региона Республики Дагестан. С целью защиты этнических интересов русскоязычного населения принято Постановление Госсовета РД «О дополнительных мерах по предупреждению оттока населения из Республики Дагестан» (1999 г.). Более того, руководством районов и г. Кизляр был предложен механизм разрешения проблем дагестанских русских. Среди них: 1. признать проблему русскоязычного населения в Республике Дагестан острой и требующей безотлагательного разрешения совместными усилиями руководства республики, структур на местах, политическими партиями, национальными движениями; 2. придать Северному району статус особой социально-экономической зоны с целью сохранения и развития исторически сложившегося природного, этнического, экономического расклада; 3. ускорить выделение средств в фонд «Стабилизация», направленных на приостановление миграции русских; 4. расширить права в решении кадровых вопросов; 5. разработать механизм выборов в представительные органы власти местного и республиканского уровня с обязательным квотированием числа русских¹. Таким образом, результаты нашего исследования и принятые на республиканском уровне документы показывают, что проблема этнического самочувствия русскоязычного населения Дагестана остается сложной, ибо дагестанские русские сокращение численности своего народа в республике расценивают как сознательное «выталкивание», если не сказать их выживание с исторических территорий, которое способствует усилению межэтнической напряженности на территориях проживания их с другими дагестанскими народами.

Этнические дагестанцы, в частности лакцы (65,5 %), кумыки (53,8 %), аварцы (52,4 %), ногайцы (47,4 %), лезгины (45,3 %),

¹ *Лысенко Ю. М.* Северный Дагестан 1957 – 2000 гг. (аспекты социально-экономического развития г. Кизляра, Кизлярского и Тарумовского районов). Махачкала, 2005. С. 139 – 140.

даргинцы (44,3 %) и чеченцы (41,9 %) считают, что *«русские уезжают из Дагестана, опасаясь возможных этнических и религиозных конфликтов»*. Далее, одной из основных причин отъезда русских из республики опрошенные лакцы (34,5 %), ногайцы (31,6 %), аварцы (28,5 %), кумыки (24,3 %), лезгины (22,7 %) и даргинцы (22,2 %) называют специфику их занятости, неостребованность в промышленном секторе республики. Опрошенные кумыки (30,2 %) придерживаются позиции, что *«когда трудно жить, кого-то выживают. Русских легче выжить из Дагестана, чем другие национальности»*, хотя чеченцы (38,7 %), аварцы (38,2 %), лезгины (36,0 %), кумыки (31,3 %) и даргинцы (27,2 %) усматривают причину плохого отношения к дагестанским русским в том, что *«в России отдельными людьми и партиями ведется несправедливая антидагестанская и антикавказская пропаганда»*. Более того, по мнению кумыков (38,5 %), даргинцев (37,3 %), аварцев (37,2 %), лезгин (32,0 %), чеченцев (29,0 %) и лакцев (27,6 %), миграция русскоязычного населения из республики обусловлена тем, что *«русское население в России плохо относится к приезжим из Дагестана и вообще с Кавказа»*. Данная причина имеет под собой основание, но вместе с тем надо отметить, что негативное отношение со стороны местного населения к дагестанцам в российских регионах своим поведением провоцируют сами дагестанцы. К примеру, события на московском рынке, когда были нанесены побои представителю правоохранительных органов, инцидент с Вечным огнем в Астрахани и ряд подобных событий, которые, в конечном итоге, формируют негативные этностереотипы, следовательно, и интолерантные установки в массовом сознании русских в отношении выходцев из Дагестана. К сожалению, здесь дает о себе знать отсутствие, вернее утрата накопленного в социалистический период опыта интернационального воспитания, культуры межнационального общения и этнического поведения, воспитание уважительного отношения к ценностям и символам иноэтнической культуры.

Наряду с социально-экономическими и политическими факторами опрошенные лезгины (21,3 %), аварцы (21,9 %), кумыки (22,9 %), лакцы (24,1 %), даргинцы (25,9 %) и чеченцы (29,0 %) акцент делают на специфике духовных ценностей и подчеркива-

ют *«у нас разные обычаи, культура, поэтому совместно жить дагестанцам с русскими и русским с дагестанцами трудно»*. Одновременно с выделенными причинами, определенную роль в данном процессе играет принадлежность русских к иной религиозной конфессии, на которую указывают опрошенные азербайджанцы (21,6 %), лакцы (24,1 %), аварцы (26,4 %), даргинцы (28,5 %), чеченцы (29,0 %), кумыки (30,6 %), ногайцы (31,6 %) и лезгины (37,3 %) с формулировкой *«в условиях возрождения ислама плохо стали относиться к людям другой веры»*. Религиозное возрождение создает проблему не только русским, которые исповедуют православие, но и самим дагестанцам-мусульманам. И вообще усиление религиозного компонента не только в дагестанском, но и в целом в российском обществе, демонстративное подчеркивание руководителями разного ранга своего отношения к религии, участие представителей власти в религиозных праздниках не способствует формированию веротерпимости, поэтому в массовом сознании формируется негативное отношение к атеистам, а порой и их осуждение. Более того, местные СМИ, прерывая вещание, очень часто «вклиниваются» в программы других каналов. Увеличение количества исламских учебных заведений, мечетей и часов вещания религиозных передач вряд ли способствует росту нравственности и осознанию значимости исламских ценностей в массовом сознании дагестанцев, тем более, если не принимается во внимание факт дисперсного проживания в республике русскоязычного населения, исповедующее православие, впрочем, как и евреев-иудеев.

Возможность *«экономического давления со стороны переселенцев на территориях исконного проживания русского населения»* отметила статистически небольшая часть опрошенных и среди них наибольшее количество лакцев (13,8 %), аварцев (11,1 %) и кумыков (8,0 %). Вместе с тем опрошенные аварцы (13,5 %) придерживаются мнения, что *«в республике ущемляются права русского населения и они не защищены»*.

При анализе полученной информации, из всего массива опрошенных, мы выделили русских респондентов, чтобы отдельно изложить их позиции в отношении миграции представителей их народа из республики. Так опрошенные русские причины отъ-

езда из Дагестана представителей своего народа усматривают в следующем: «опасение возможных этнических и религиозных конфликтов», «в условиях возрождения ислама плохо стали относиться к людям другой веры», «в советский период русские в основном работали на промышленных предприятиях и в настоящее время оказались без работы», «в республике ущемляются права русского населения и они не защищены», «давление со стороны переселенцев на территориях исконного проживания русского населения», «когда трудно жить, кого-то выживают. Русских легче выжить из Дагестана, чем другие национальности», «в Дагестане плохо относятся к русским, потому что в России отдельными людьми и партиями ведется несправедливая антидагестанская и антикавказская пропаганда», «низкий уровень социально-экономического развития люди связывают с нахождением Дагестана в составе России», «русское население в России плохо относится к приезжим из Дагестана и вообще с Кавказа» и «у нас разные обычаи, культура, поэтому жить дагестанцам с русскими и русским с дагестанцами совместно трудно».

Положение русских в разных районах Дагестана неодинаковое. Уже отмечалось, что в худшем положении находится русскоязычное население, проживающее в Северной зоне (Кизлярском и Тарумовском районах) и относительно лучше в южной части республики, хотя их численность там небольшая. На следующей таблице приведены результаты опроса по подмассивам (см. таб. № 10).

Наше исследование показывает, что респонденты-русские независимо от территории проживания отмечают одни и те же факторы, вынуждающие их покидать Дагестан, и таковыми являются, как по всему массиву опрошенных, так отдельно по подгруппам, наличие угрозы межэтнического и религиозного столкновения, а также, характерное для постсоветского периода возрождение ислама, причем распространение его радикальных направлений. Ухудшение межнациональных отношений опрошенные русские связывают именно с широким проникновением исламских норм практически во все сферы дагестанского общества.

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, почему наблюдается миграция русского населения из Дагестана?»

(варианты ответов даны в %)

Варианты ответов // Подмассивы	Подгруппа русских с Кизлярского и Тарумовского районов	Подгруппа стальных русских
Проблемы русскоязычного населения в Дагестане не существует и она является надуманной	15,7	19,2
В условиях возрождения ислама плохо стали относиться к людям другой веры	34,8	44,4
Низкий уровень социально-экономического развития люди связывают с нахождением Дагестана в составе России	21,7	14,1
Когда трудно жить, кого-то выживают. Русских легче выжить из Дагестана, чем другие народы	28,8	27,5
В Дагестане плохо относятся к русским, так как в России отдельными людьми и партиями ведется несправедливая антидагестанская и антикавказская пропаганда	13,9	24,2
Отъезд русских из Дагестана вызван тем, что русское население в России плохо относится к приезжим из Дагестана и вообще с Кавказа	23,6	21,7
У нас разные обычаи и культура, поэтому совместно проживать русским с дагестанцами и дагестанцам с русскими трудно	10,5	14,6
Кавказ – взрывоопасный регион. Русские уезжают из Дагестана, опасаясь возможных этнических и религиозных конфликтов	56,9	52,3

Давление со стороны переселенцев на территориях исконного проживания русского населения	28,5	7,8
В республике ущемляются права русского населения и они не защищены	14,2	17,2
В советский период русские в основном работали на промышленных предприятиях и в настоящее время оказались без работы	41,9	48,7

Далее, подгруппа русских с Кизлярского и Тарумовского районов, в отличие от другой подгруппы, указывает на *«давление со стороны переселенцев на территориях исконного проживания русского населения»*. Если, исповедующие ислам дагестанские народы – *«у нас разные обычаи, культура, поэтому жить дагестанцам с русскими и русским с дагестанцами совместно трудно»* – как причину возможной миграции русских из республики, поставили на 6 место, то данный фактор для респондентов-русских оказывается малозначимым и занимает только 9 место. Вместе с тем каждый шестой опрошенный в подгруппе Северной зоны (Кизлярский и Тарумовский районы), каждый пятый во второй подгруппе придерживаются суждения – *«проблемы русскоязычного населения в Дагестане не существует и она является надуманной»*, несмотря на то, что в первой подгруппе каждый третий опрошенный указывал на *«давление со стороны переселенцев на территориях исконного проживания русского населения»*, которое вынуждает русскоязычное население выезжать за пределы Дагестана.

Вопросы этнического положения и самочувствия русскоязычного населения, начиная с перестроечного периода, были актуализированы в сфере сохранения межнациональной стабильности, а две чеченские военные кампании их еще более усугубили. Сравнение результатов опроса по разным годам показывает, что если характерную для 90-х гг. миграцию русских из Дагестана, опрошенные считали *«надуманной проблемой»* (второе ранговое место после *«в Дагестане плохо относятся к русским, потому что в России отдельными людьми и партиями ведется несправедливая антидагестанская и антикавказская пропаганда»*), то в опросе

2013 г. и 2014 г. картина кардинально меняется. Основную причину отъезда русских из республики, опрошенные дагестанские народы, усматривают в нестабильной межэтнической и религиозной ситуации в Дагестане, в сохранении угрозы возникновения межэтнического и религиозного противостояния. Таким образом, во многом мнения русских и остальных дагестанских народов совпадают, хотя респонденты-русские акценты на причинах отъезда представителей своего народа из республики расставляют по-другому.

Однако следует иметь в виду, что Дагестан является не только многонациональной, но и поликонфессиональной республикой, в которой не наблюдается межрелигиозное противостояние, несмотря на существование внутриисламского конфликта. В преломлении нынешней межэтнической общественной жизни все более актуальным становится сохранение единства народов Дагестана. Неслучайно еще в 2007 г. в Послании Президента Республики Дагестан Народному Собранию большое внимание было уделено проблеме сохранения, укрепления и развития исторически сложившегося межнационального единства дагестанских народов. Соответственно, в решении основных задач в сфере формирования благоприятного межнационального климата отводилась «Комплексной программе развития национальных отношений в Республике Дагестан на 2007 – 2010 гг.». Республика Дагестан имеет глубокие корни межнациональных отношений, заложенные еще в далеком прошлом предыдущими поколениями. В современный период они развиваются и углубляются, и проект программы определял важнейшие направления на пути расширения и укрепления межэтнических отношений в органическом сочетании с межрегиональным и международным сотрудничеством¹.

Таким образом, массовый отток русского населения из северокавказских республик, в том числе и из Дагестана, обуславливает необходимость принимать конкретные меры по предотвращению их миграции, более того, федеральный центр возвращение

¹ *Шахбанова М. М. Межэтническое общение и межнациональная толерантность в Республике Дагестан: состояние, тенденции и взаимовлияние. Махачкала, 2010. С. 393.*

и сохранение русскоязычного населения в республиках Северного Кавказа обозначил как одну из стратегических задач.

Постановлением Правительства Республики Дагестан (13 декабря 2013 г.) утверждена государственная программа «Поддержка проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения на 2014 – 2017 годы». Основной целью данного документа является содействие социально-экономическому обустройству мест компактного проживания русских и их этнокультурному развитию. На решение этих задач в течение 4 лет планируется направить 373 млн. руб., из которых 350 млн. руб. выделяется из республиканского бюджета, остальное муниципальными образованиями по согласованию¹.

14 марта 2014 г., на заседании правительственной Комиссии по проблемам русскоязычного населения, состоялось первое обсуждение предварительных итогов реализации Программы, в частности, на администрации Тарумовского, Кизлярского районов и г. Кизляр с целью уменьшения миграции русских из республики и повышения уровня их жизни были возложены обязанности по созданию в местах компактного проживания русского населения развитой инженерной инфраструктуры².

Руководство республики одной из причин миграции русских из Дагестана считают отсутствие социальной инфраструктуры, поэтому из выделенных 373 млн. руб. г. Кизляр получил 10 млн. руб., которые были направлены на капитальный ремонт дорог³. Далее предусматривалось содержание дорог местного значения в Кизлярском районе, ремонт внутрипоселенческих дорог Тарумовского района на участке Таловка-Коктюбей, проведение ка-

¹ Цементирующая основа дагестанского общества. [Электронный ресурс]. Сайт «Дагестанская правда». http://www.dagpravda.ru/rubriki/obshchestvo/37448/?sphrase_id=11128. (Дата обращения 02.03.2015).

² Планируется создание развитой инженерной инфраструктуры в местах компактного проживания русского населения. [Электронный ресурс]. Сайт «Правительство Республики Дагестан». <http://www.e-dag.ru/novosti/novosti-pravitelstva/planiruetsya-sozdanie-razvitoj-inzhenernoj-infrastruktury-v-mestakh-kompaktnogo-prozhivaniya-russkogo-naseleniya.html> (Дата обращения 02.03.2015).

³ Болотникова С. Скатертью дороги из Кизляра. [Электронный ресурс]. Сайт «Кавказская политика». http://kavpolit.com/articles/skatertju_dorogi_iz_kizljara-10474/ (Дата обращения 14.04.2015).

питательного ремонта дорог в Кизляре, замена ветхих водопроводных сетей, строительство внутрипоселковых газопроводов, развитие семейных животноводческих ферм и поддержка начинающих фермеров, строительство средней образовательной школы и детских садов в сс. Новокохановское, Ефимовка, Брянск, Крайновка Кизлярского района, хотя, к большому сожалению, еще в полной мере, обозначенные мероприятия не реализованы.

По итогам заседания Комиссии был утвержден план мероприятий по снижению миграции и созданию условий для возвращения и обустройства русскоязычного населения в республике. Управлению Федеральной миграционной службы по РД рекомендовано было продолжить ведение учета по оттоку и притоку русского населения и представление информации в органы местного самоуправления. Администрациям муниципалитетов было рекомендовано вести учет прибывших граждан на территорию муниципалитетов, оказывать им содействие в социальной, культурной и психологической адаптации¹.

Кизлярский депутат молодежного парламента при Народном собрании Дагестана Р. Дедин считает, что у дагестанских чиновников нет четкого понимания, что нужно сделать для прекращения оттока и возвращения русских в республику. По мнению журналиста «Кавказской политики», поддержка казачества и развитие социальной инфраструктуры необходимы, но в большей степени нужны перемены в кадровой политике, чтобы лица, приходящие на высокие должности, выражали интересы населения, а не тех, кто их назначил или пролоббировал. Нужны гарантии безопасности. Без учета этих проблем программа по сохранению и возвращению русского населения, как и любого другого, не даст ожидаемого эффекта².

С целью более глубокого анализа существующих в массовом сознании дагестанских русских оценок межнациональной ситуации на территориях их проживания были сопоставлены между собой вопросы идентичности и оценки характера межэтнической обстановки (см. таб. № 11).

¹ Планируется создание развитой инженерной инфраструктуры в местах компактного проживания русского населения...

² *Болотникова С.* Указ. работа.

Таблица 11

Распределение ответов на вопросы «*Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?*» и «*Как Вы оцениваете межнациональную ситуацию в Вашем населенном пункте, районе?*» (варианты ответов даны в %)

Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан? // Как Вы оцениваете межнациональную ситуацию в Вашем населенном пункте, районе?	Положительно, в нашем населенном пункте не наблюдается межнациональное противостояние	Отрицательно, в нашем населенном пункте очень напряженные межнациональные отношения	В нашем населенном пункте иногда случаются столкновения на межнациональной почве, но мы их быстро регулируем
Представителем только своего народа	37,5	39,1	23,4
Представителем дагестанского народа	60,0	9,0	30,3
Россиянином	49,4	17,2	30,2
Представителем Кавказа	57,1	5,7	38,6
Представителем своей религии	7,1	7,1	85,7
Представителем своего народа и религии	43,3	20,6	32,0
Всего:	49,7	16,6	31,7

Наше исследование показывает, что в позициях респондентов существует положительная оценка межэтнической ситуации в своем населенном пункте, районе, хотя, в то же время, они подчеркивают, что в их *«населенном пункте иногда случаются столкновения на межнациональной почве, но мы их быстро регулируем»*. Придерживающихся последнего суждения больше в подгруппе осознающих себя *«представителем своей религии»*. Также следует обратить внимание на мнение респондентов с ярко выраженной этнической идентичностью – *«представителем только своего народа»*, которые оценивают межнациональную обстановку на территории своего проживания отрицательно – *«в нашем населенном пункте очень напряженные межнациональные отношения»*, впрочем, как и опрошенные, ассоциирующие себя *«представителем своего народа и религии»* и *«россиянином»*. Существование такого разброса мнений свидетельствует о том, что на территориях проживания дагестанских русских межэтническая ситуация не является благоприятной.

В ходе исследования интерес представляет оценка респондентами дальнейшего развития межэтнических взаимоотношений, поэтому им был задан вопрос, позволяющий выявить существующие в данной сфере установки (см. таб. № 12).

В позициях опрошенных доминируют два суждения – *«стремление объединиться в единую, сильную дагестанскую нацию»* и *«стремление жить отдельно, но в дружбе»*. Первую позицию разделяет больше половины опрошенных аварцев и лакцев, хотя аналогичного мнения придерживается каждый второй из опрошенных даргинцев, азербайджанцев, лезгин и кумыков. Второе мнение очень важно для опрошенных чеченцев и русских, поставивших его по значимости на первое место, хотя каждый третий из опрошенных даргинцев и лакцев также разделяет его. Вместе с тем, относительно большая доля лезгин, русских, каждый седьмой из опрошенных аварцев, восьмой из кумыков и чеченцев придерживается позиции, что в массовом сознании дагестанских народов проявляются установки на самоизоляцию, следовательно, характерной тенденцией во взаимоотношениях между ними является *«стремление жить отдельно друг от друга и заботиться только о своем народе»*.

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос «*Какие из тенденций проявляются сегодня во взаимоотношениях между дагестанскими народами?*» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Стремление жить раздельно, но в дружбе	Стремление объединиться в единую, сильную дагестанскую нацию	Жить отдельно друг от друга и заботиться только о своем народе
Аварцы	28,1	51,0	13,9
Азербайджанцы	32,4	43,2	10,8
Даргинцы	38,0	46,8	5,1
Кумыки	33,7	43,4	14,9
Лакцы	37,9	58,6	6,9
Лезгины	18,7	49,3	22,7
Ногайцы	31,6	31,6	10,5
Русские	33,6	24,5	30,8
Чеченцы	51,6	32,3	12,9
Другие	41,7	33,3	25,0
Всего:	32,3	43,0	16,1

По образовательному признаку, придерживающихся суждения, что дагестанским народам характерно «*стремление объединиться в единую, сильную дагестанскую нацию*», больше среди имеющих среднее (50,2 %) и среднее специальное образование (48,8 %) и заметно ниже среди респондентов с высшим образованием (38,9 %). При этом каждый третий опрошенный из последней подгруппы характерным для взаимоотношений дагестанских народов считает «*стремление жить раздельно, но в дружбе*» (35,0 %). Более того, среди респондентов с высшим образованием, доля разделяющих позицию «*стремление жить отдельно друг от друга и заботиться только о своем народе*», по сравнению с другими подгруппами, выше и составляет 19,4 %, против

11,0 % со средним и 12,0 % со средним специальным образованием.

Таким образом, исследование показывает, что опрошенным дагестанским русским характерны: 1. позитивная оценка межэтнической ситуации на территориях своего проживания, хотя они оценивают межнациональную ситуацию как в целом по России, так и в республике как «сложную»; 2. опрошенные русские подчеркивают, что во взаимоотношениях дагестанских народов проявляется «стремление жить отдельно, но в дружбе», несмотря на существование в республике целого комплекса факторов, способствующих ухудшению межнациональной ситуации, в частности, религиозный экстремизм, угроза террористических актов, низкий уровень культуры межнационального общения и отсутствие эффективной политики интернационального воспитания.

4.3. Состояние межнациональной толерантности в Республике Дагестан

В российском обществе подчеркивается актуальность утверждения в массовом сознании россиян идей толерантности и толерантного поведения к представителям иной этнической и конфессиональной принадлежности. Можно сказать, что идеи толерантности более значимы в многонациональной и поликонфессиональной среде.

Неоспоримым фактом является то, что Дагестан – это неповторимый в своей многонациональности субъект Российской Федерации. Единое многонациональное государство на территории Дагестана со всей атрибутикой государственной власти сформировалось лишь при советском строе. Многие века до этого на территории современного Дагестана существовало множество феодально-политических, национальных образований во главе с ханами, уцмиями и шамхалами. В этих условиях постоянно враждовавшие между собой дагестанские этносы, чтобы сохраниться, находили эффективные политические решения, обеспечивающие мирное совместное существование и созидательную жизнь на общей для них территории: «в Дагестане, при его насыщенной и хорошо читаемой с древних времен истории, за

последние два тысячелетия, по меньшей мере, неизвестны не только межэтнические войны, но даже конфликты на межнациональной основе. Местные историографы, начиная от Мухаммеда-Рафи (XIV в.) до Гасана Алкадари (XIX в.), не только не отмечают межнациональные конфликты, но вообще игнорируют национальный фактор в истории непрерывных внутренних конфликтов, войн за независимость, что вели горцы, или в других исторически значимых акциях во внешней или внутривластной жизни. Этнический фактор в конфликтных ситуациях как бы вообще отсутствовал. Тем не менее, Дагестан в те же последние тысячелетия был также многоязычен – «полиэтничен», как и сегодня. При исключительном малоземелье и множественности этнических образований межэтнические конфликты, казалось, были бы не только неизбежными, но стали бы печальной повседневностью. К сожалению, виртуальная вероятность межэтнических конфликтов, как сущая реальность эксплуатировалась политиками. В действительности мы имеем обратную ситуацию межэтнической толерантности»¹. И далее, «базовая причина межэтнического мира в прошлом и в настоящем заключалась в том, что в Дагестане не были известны, абсолютно неизвестны "этнические территории" постоянной константы известных конфликтов»².

Для дагестанских народов характерным является сохранение устойчивых родоплеменных связей. Если представить их в виде пирамиды, то можно увидеть, что в ее основании находятся семейные узы, затем интересы тухума, т.е. рода, включающего ближних и дальних родственников. Над ними располагается земляческая приверженность к представителям своего села, района, национальности, и лишь на следующей верхней ступени отдается предпочтение укреплению межнациональных связей. При этом приоритетность в целом ослабевает по мере продвижения снизу-вверх. Необходимо отметить, что в данном случае речь скорее идет о стереотипах поведения, чем о строго закрепленных правилах. Вместе с тем указанный механизм национальных приоритетов почти всегда срабатывается там, где идут процессы накопления капитала, перераспределения и удержания собственности,

¹ *Агларов М. А.* Исторические корни межэтнической толерантности в Дагестане // Современный Кавказ. 2007. № 5. С. 127.

² Там же.

дележа власти, занятия доходных мест, управления экономикой. Именно вследствие указанных причин возрастает роль государственной власти в защите интересов всего многонационального сообщества Дагестана, следовательно, ее пассивность чревата развитием межэтнических конфликтов, центробежных тенденций в дагестанском обществе, в свою очередь, угрожая сохранению целостности республики.

Сложная межнациональная ситуация в некоторых районах республики требует выявления отношения (толерантного/интолерантного) респондентов к совместному проживанию с иноэтнической общностью (см. таб. № 13).

Приведенные в таблице результаты социологического опроса показывают наличие существенной разницы в позициях опрошенных в отношении переселения в свой населенный пункт представителей своей и иной этнической общности. Если респонденты позитивно оценивают переселение в свой населенный пункт представителей своего народа, то негативно воспринимают миграцию на свою территорию других народов. Вместе с тем, доля отрицательно настроенных к переселению в свой населенный пункт представителей другого народа заметно выше в подмассиве русских с Кизлярского и Тарумовского районов.

Состояние межэтнических отношений и существующие в общественном сознании дагестанских русских тенденции к возможной миграции в их населенный пункт представителей иных народов показывают результаты ответов на вопрос **«Как бы Вы отнеслись к тому, что в Ваш населенный пункт по тем или иным причинам поселили бы большую группу лиц иной национальности?»**¹. Каждый второй опрошенный (43,5 %) придерживается позиции *«мне безразлично»*, каждый третий опрошенный (33,1 %) настроен положительно и каждый пятый респондент (21,9 %) негативно оценивает возможность переселения в их населенный пункт представителей иноэтнической общности.

¹ Социологический опрос по изучению этнической идентичности и стратегии межэтнического поведения русскоязычного населения Республики Дагестан проведен в 2015 г. в Дербентском, Кизлярском, Кизилюртовском, Тарумовском, Хасавюртовском районах, гг. Махачкала, Буйнакск, Дербент, Каспийск, Кизилюрт, Кизляр, п. Тарумовка. N – 1342.

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос «*Как бы Вы отнеслись к тому, что в Ваш населенный пункт по тем или иным причинам поселили бы большую группу лиц Вашей/иной национальности?*» (варианты ответов даны в %)

Варианты ответов // Годы		1997 г.	2004 г.	2014 г.
<i>Мне все равно</i>	Вашей национальности	36,4	29,2	30,1
	Иной национальности	40,9	37,5	43,5
<i>Положительно</i>	Вашей национальности	31,8	29,2	66,3
	Иной национальности	31,8	12,5	33,1
<i>Отрицательно</i>	Вашей национальности	2,3	2,3	2,5
	Иной национальности	13,6	29,2	21,9
<i>Кизлярский и Тарумовский районы</i>				
<i>Мне все равно</i>	Вашей национальности	–	–	27,3
	Иной национальности	–	–	40,1
<i>Положительно</i>	Вашей национальности	–	–	68,9
	Иной национальности	–	–	25,8
<i>Отрицательно</i>	Вашей национальности	–	–	2,2
	Иной национальности	–	–	31,8
<i>Остальные районы</i>				
<i>Мне все равно</i>	Вашей национальности	–	–	31,8
	Иной национальности	–	–	45,5
<i>Положительно</i>	Вашей национальности	–	–	64,7
	Иной национальности	–	–	37,5
<i>Отрицательно</i>	Вашей национальности	–	–	2,6
	Иной национальности	–	–	15,9

С возрастом увеличивается количество отрицательно оценивающих совместное проживание с представителями других народов: 13,5 % «до 20 лет», 17,5 % «от 30 до 40 лет», 18,8 % «от 20 до 30 лет», 24,7 % «от 40 до 50 лет», 25,6 % «от 50 до 60 лет» и 28,4 % «от 60 лет и выше». По сравнению с другими подгруппами, относительно больше доля толерантно настроенных к совместному проживанию в возрасте «от 40 до 50 лет» (39,6 %) и «от 60 лет и выше» (36,8 %); негативно к возможности к миграции в свой населенный пункт настроены независимо от образовательного статуса каждый четвертый опрошенный со средним, со средним специальным и с высшим образованием.

Вместе с тем, опрошенным характерно совершенно противоположное этническое поведение к возможности переселения в их населенный пункт представителей их этнической общности: 66,3 % придерживаются суждения *«положительно»*, более чем в 2 раза меньше относящихся безразлично и статистически незначимая доля отметила *«отрицательно»* (2,5 %). По сравнению с другими возрастными подгруппами, относительно большая часть опрошенных в возрасте «до 20 лет» (6,8 %) отрицательно оценивают возможность переселения в их населенный пункт представителей своего народа. Таким образом, сравнение результатов вопросов *«Как бы Вы отнеслись к тому, что в Ваш населенный пункт по тем или иным причинам поселили бы большую группу лиц Вашей/иной национальности?»* показывает различное этническое поведение и отношение к совместному проживанию: если дагестанские русские демонстрируют положительное отношение к миграции представителей своего народа, то в отношении носителей инонациональной культуры наблюдается «разброс» мнений от безразличия и позитива до негативного восприятия представителей иноэтнической общности.

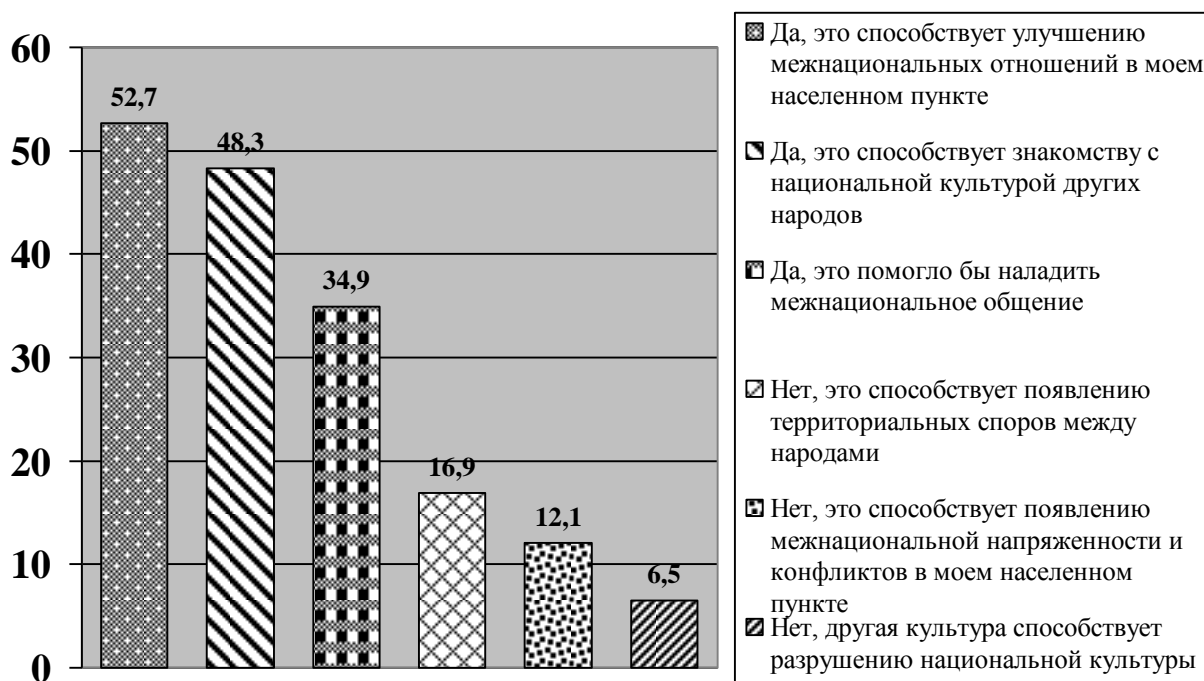
Далее в ходе опроса респондентам был задан «контрольный» вопрос (см. гист. № 14).

Приведенные в гистограмме № 14 результаты опроса показывают, что в позициях опрошенных русских доминирует позитивное отношение к многонациональности своего населенного пункта с мотивацией, что полиэтничность способствует, во-первых, *«улучшению межнациональных отношений в моем насе-*

ленном пункте», во-вторых, «знакомству с национальной культурой других народов», в-третьих, «помогло бы наладить межнациональное общение».

Гистограмма 14

Распределение ответов на вопрос «**Вы хотели бы, чтобы в Вашем населенном пункте проживали представители других народов?**» (варианты ответов даны в %)

Негативно к совместному проживанию с представителями иноэтнической общности, с формулировками «*другая культура способствует разрушению национальной культуры моего народа*», «*появлению межнациональной напряженности и конфликтов в моем населенном пункте*» и «*появлению территориальных споров между народами*», настроена небольшая часть опрошенных. Подгруппы, имеющие среднее, среднее специальное и высшее образование придерживаются позиции, что совместное проживание представителей разных народов «*способствует появлению территориальных споров между народами*». По возрастному критерию, относительно больше доля разделяющих мнение, что совместное проживание «*способствует появлению территориальных споров между народами*» в когорте «до 20 лет» (20,3 %), «от 20 до 30 лет» (23,2 %), т.е. молодое поколение демонстрирует негативное отношение к возможности проживания с представителями других народов, в то время как доля таковых с возрастом имеет тенденцию к снижению. Далее в подгруппах «от

20 до 30 лет» и «от 30 до 40 лет» каждый шестой респондент против нахождения представителей инациональной общности в своем населенном пункте, ибо это *«способствует появлению межнациональной напряженности и конфликтов в моем населенном пункте»*. Несомненно, такая точка зрения имеет право на существование и территориальный вопрос является одним из факторов ухудшения межэтнических отношений. Если обратиться к результатам опроса 2004 г., то опрошенные русские как причины возникновения межэтнической нетерпимости между дагестанскими народами указывали *«миграцию из других регионов в республику»* (16,3 %), *«отсутствие возможности для самобытного развития народов»* (20,8 %), *«непредставленность многих дагестанских народов в структурах государственной власти республики»* (29,2 %), *«проживание на исторической территории одного народа других народов»* (41,7 %) и *«территориальные споры»* (62,5 %) ¹. В исследовании 2013 г. ², опрошенные дали следующую классификацию основных причин возможного возникновения межнационального противостояния в Республике Дагестан: *«проживание на исторической территории одного народа переселенцев»* (12,7 %), *«конфликты неизбежны – они в человеческой природе»* (27,5 %), *«межнациональные конфликты являются следствием внутррелигиозных конфликтов»* (28,9 %), *«территориальные споры»* (30,8 %), *«деятельность политиков, противопоставляющих одни народы другим»* (32,6 %), *«конфликты происходят от взаимонепонимания между народами»* (33,1 %), *«причина конфликтов в низком уровне культуры межнационального общения»* (34,6 %), *«недостаточное интернациональное воспитание»* (40,2 %), *«низкий уровень социально-экономического положения республики»* (41,6 %).

В немалой степени формированию интолерантности и ухудшению межнациональной обстановки в республике способствует проблема частной собственности на землю, которая под-

¹ Шахбанова М. М. Межэтническая толерантность в полиэтническом регионе: состояние и тенденции (на примере Республики Дагестан). Махачкала, 2007. С. 88.

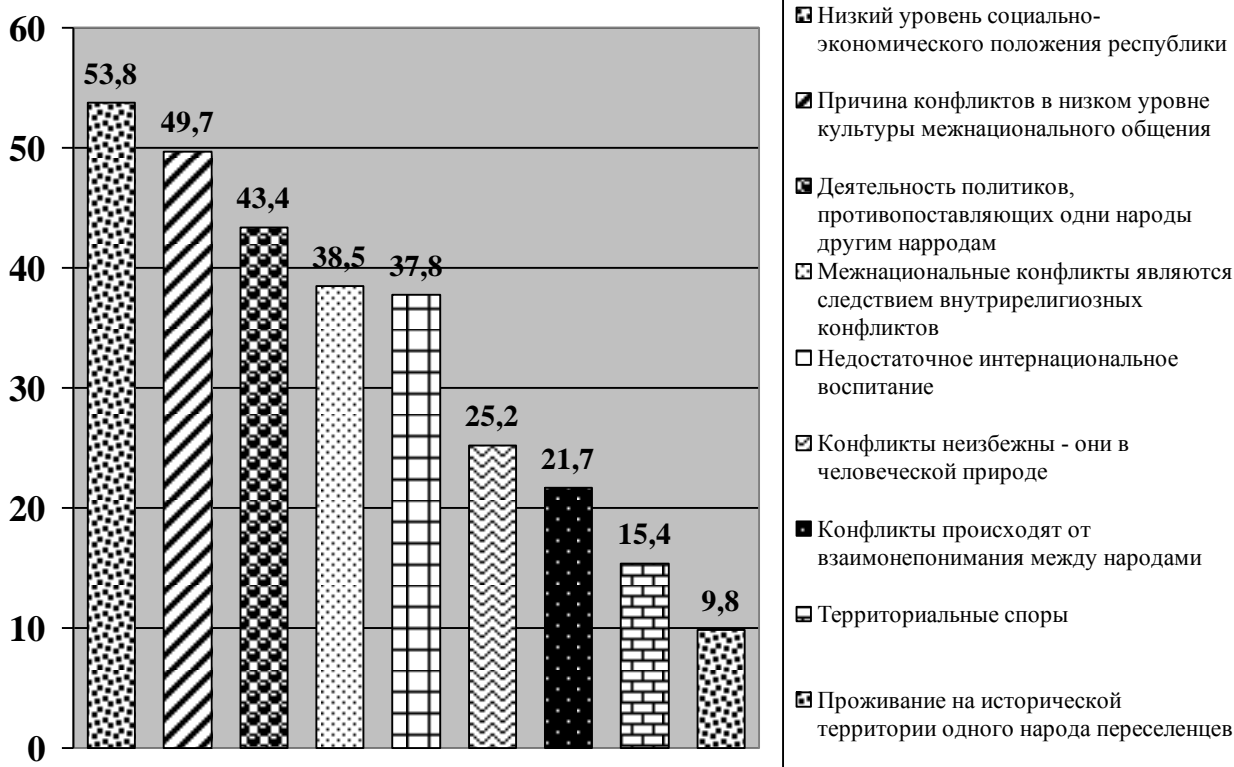
² Социологическое исследование по изучению этнической идентичности дагестанских народов проведено в 2013 г. в Бабаюртовском, Дербентском, Казбековском, Кайтагском, Карабудахкентском, Кизилюртовском, Кизлярском, Кумторкалинском, Хасавюртовском районах, гг. Махачкала, Кизляр, Кизилюрт, Дербент. N – 1143.

нималась на республиканском уровне и вызвала неоднозначную реакцию в дагестанском обществе. Если вопрос аренды небольших участков земли под коммерческие предприятия и коммерческую деятельность не вызывает какого-либо негатива со стороны населения, то резонанс в обществе вызвала сама идея о допустимости крупной частной собственности на землю, при существующей в массовом сознании не только русского населения республики, но и всех дагестанских народов высокой оценке роли и места «территория проживания» и «исторической территории» как идентификационных маркеров.

За прошедший период нельзя утверждать, что в дагестанском обществе произошли существенные изменения, которые кардинально поменяли существующие в массовом сознании установки и результаты исследования, фиксирующие небольшую часть опрошенных, которая негативно характеризует межнациональные отношения, не свидетельствуют об отсутствии межэтнических противоречий и противостояния на территориях проживания русского населения (см. гист. № 15).

Гистограмма 15

Распределение ответов на вопрос «*Каковы основные причины возникновения межнационального противостояния в Дагестане?*» (варианты ответов даны в %)

Результаты опроса показывают, что почвой для межэтнических коллизий является не только экономических фактор, в тесной связи с ним находятся и другие, в частности, относительно низкий уровень культуры межнационального общения, деятельность политиков, которые в своих целях «эксплуатируют» национальную идею и защиту национальных интересов и противопоставляют одни народы другим, порой межнациональные конфликты подпитываются внутрирелигиозным противостоянием, а также неэффективное интернациональное воспитание, если не сказать его полное игнорирование в постсоветской России. Если другие дагестанские народы акцентируют внимание на «территориальных спорах», как факторе усиления межэтнической напряженности, то опрошенные русские по значимости поставили его на предпоследнее место. Например, в опросе 2013 г. опрошенные кумыки (46,2 %), лакцы (37,9 %) и чеченцы (35,5 %) усматривали причину межэтнического противостояния в «*территориальных спорах*»; 47,4 % опрошенных ногайцев «*в деятельности политиков, противопоставляющих одни народы другим*»; опрошенные аварцы (41,3 %), даргинцы (45,6 %) и русские (53,8 %) таковым считают «*низкий уровень социально-экономического положения республики*». При этом опрошенные чеченцы (51,6 %), лакцы (48,3 %), лезгины (42,7 %) и даргинцы (41,8 %) указывают и на «*недостаточное интернациональное воспитание*». Большая часть опрошенных чеченцев (51,6 %), русских (49,7 %) и ногайцев (47,4 %) как причину сохранения межэтнической напряженности в Дагестане отмечают «*низкий уровень культуры межнационального общения*». На невысокий уровень культуры межнационального общения респонденты указывали и в опросе 2008 г., поставив по важности данный фактор на четвертое место.

В ходе исследования мы решили установить степень влияния типа этнической идентичности на отношение дагестанских русских к совместному проживанию с представителями иноэтнических общностей (см. таб. № 14).

Приведенные в таблице № 14 результаты опроса показывают, что при превалировании позитивного отношения к совместному проживанию с представителями других народов, респондентам независимо от типа этнической идентичности характерна нега-

тивная оценка национальной смешанности территории своего проживания, с мотивацией «это способствует появлению территориальных споров между народами».

Таблица 14

Распределение ответов на вопрос «**Вы хотели бы, чтобы в Вашем населенном пункте проживали представители других народов?**» (варианты ответов даны в %)

Варианты ответов // Типы этнической идентичности (Я такой человек, который...)	Нет, потому что это способствует появлению межнациональной напряженности и конфликтов в моем населенном пункте	Нет, другая культура способствует разрушению национальной культуры моего народа	Нет, это способствует появлению территориальных споров между народами
Этноэгоизм			
Нередко чувствует превосходство своего народа над другими народами	20,7	14,4	27,9
Считает, что взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей	27,2	12,5	31,6
Испытывает напряжение, когда вокруг себя слышит чужую речь	20,0	10,0	25,7
Раздражается при близком общении с людьми других национальностей	35,3	25,5	43,1
Национальный фанатизм			
Считает, что права нации выше прав человека	26,6	21,9	26,6

Считает, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа	22,3	18,3	22,9
Считает строго необходимым сохранять «чистоту» народа	17,6	11,8	20,2
Люди другой национальности должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории	35,6	16,9	33,9
<i>Этнонигилизм</i>			
Часто ощущает превосходство людей другой национальности	20,6	11,3	28,4
Часто чувствует неполноценность из-за своей национальной принадлежности	21,4	8,9	35,7
<i>Этноиндифферентность</i>			
Считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу	22,9	11,9	25,4
<i>Нормальная идентичность</i>			
Предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам	10,3	5,3	15,3
Любит свой народ, уважает язык и культуру других народов	11,0	6,3	16,3

При этом выделяются носители *этноэгоизма* («раздражается при близком общении с людьми других национальностей» и «это способствует появлению межнациональной напряженности и конфликтов в моем населенном пункте») и *национального фанатизма* («люди другой национальности должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории»). Каждый шестой носитель идентичности по типу «нормы» также придерживается отрицательного отношения к совместному проживанию, потому что «это способствует появлению территориальных споров между народами».

Таким образом, важным в сохранении установок толерантности является этническая среда, отношение местного населения

к инонациональным общностям, характер восприятия (позитивный/негативный) полиэтничности своего населенного пункта. По результатам нашего исследования, в ответах на вопрос *«То, что в Вашем населенном пункте проживают представители других народов способствует ли сохранению дружественных отношений между Вашим и другими народами?»* доминирует положительная оценка многонациональности: *«знакомство с людьми другой культуры (образ поведения, национальные традиции, характер и т.д.) способствует сохранению дружественных отношений между нами»* (84,6 %). Однако каждый седьмой опрошенный усматривает отрицательный момент, ибо *«другая культура (образ поведения, национальные традиции, характер) не способствует сохранению дружественных отношений между нашими народами»* (14,2 %). По образовательному признаку, каждый пятый опрошенный со средним образованием придерживается позиции, что проживание в их населенном пункте представителей других народов не способствует *«сохранению дружественных отношений между народами»* (20,3 %), чуть меньше таковых среди имеющих среднее специальное и высшее образование – 14,4 % и 12,6 %, соответственно. С возрастом уменьшается доля настроенных негативно к совместному проживанию с представителями иноэтнической общности: 28,4 % «до 20 лет», 15,2 % «от 20 до 30 лет», 14,3 % «от 50 до 60 лет», 13,0 % «от 30 до 40 лет», 12,6 % «от 60 лет и выше»; меньше всего таковых в подгруппе «от 40 до 50 лет» (9,7 %).

В нашем исследовании была поставлена задача установить этническое самочувствие (комфортное/дискомфортное) русского населения Дагестана, отношение к ним со стороны представителей других народов (см. таб. № 15).

Полученные результаты опроса показывают, что за прошедший период заметно снизилась доля придерживающихся суждения, что им не приходилось испытывать дискриминацию при поступлении на работу, учебу или в организациях, куда они обращались за содействием, при небольшом увеличении количества респондентов, которые столкнулись с такого рода трудностями.

Таблица 15

Распределение ответов на вопрос «*Приходилось ли Вам испытывать национальную дискриминацию при поступлении на работу, учебу или в организациях, куда Вы обращались за содействием?*» (варианты ответов даны в %)

Варианты ответов	Нет	Да, в Дагестане	Да, за пределами Дагестана
Опрос 1996 – 1997 гг.	77,3	18,2	9,1
Опрос 2014 г.	68,6	21,6	9,5

Одним из факторов формирования интолерантных установок и болезненным вопросом для российского, в том числе и дагестанского общества является унижение и оскорбление этнической принадлежности человека, на что очень часто указывают, выезжающие в центральные российские регионы дагестанцы. Данная проблема существовала и в самом Дагестане в 90-х гг. прошлого столетия, в период наибольшего обострения межнациональных отношений не только в республике, но во всем северокавказском регионе.

Наше исследование показывает, что русские респонденты сталкивались с унижением их этнической принадлежности в общественных местах, причем каждый второй опрошенный, но за истекший период доля таковых значительно снизилась, видимо благодаря политике дагестанских властей, которые уделяли пристальное внимание положению русскоязычного населения в Дагестане (см. таб. № 16).

Таблица 16

Распределение ответов на вопрос «*Приходилось ли Вам слышать в общественных местах (в магазинах, в очередях, в общественном транспорте и т.д.) выражения, оскорбляющие Ваше национальное достоинство?*» (варианты ответов даны в %)

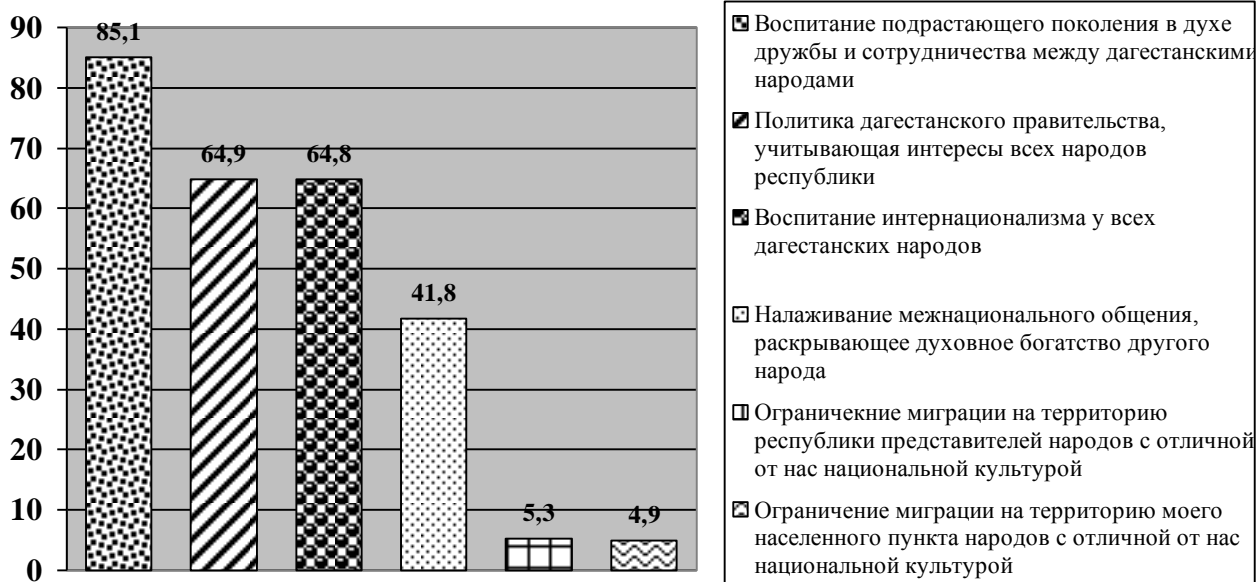
Варианты ответов	Нет	Да, в Дагестане	Да, за пределами Дагестана
Опрос 1996 – 1997 гг.	36,4	59,1	9,1
Опрос 2014 г.	43,7	44,7	10,9

Приведенные в таблице № 16 результаты исследования показывают, что выросла доля тех, кто не сталкивался в общественных местах с оскорблением своей национальной принадлежности и достоинства. Вместе с тем определенную тревогу вызывает то, что примерно равные доли опрошенных русских отмечают, что они в республике одновременно сталкивались и не сталкивались с оскорблением их этнической принадлежности. На первый взгляд, приведенные в таблице результаты опроса рисуют радужную картину: по сравнению с опросом 1996 – 1997 гг., уменьшилась доля людей, которые подвергались унижению своей национальной принадлежности. В то же время, каждый второй опрошенный указывает, что ему приходилось сталкиваться с оскорблением его национального достоинства.

Для полного прояснения ситуации по формированию межнациональной толерантности обратимся к результатам социологического исследования (см. гист. № 16).

Гистограмма 16

Распределение ответов на вопрос *«Как Вы думаете, что должно играть главную роль в формировании толерантности в современном дагестанском обществе?»*
(варианты ответов даны в %)

Полученные результаты опроса показывают доминирование в позициях дагестанских русских трех позиций: *«воспитание подрастающего поколения в духе дружбы и сотрудничества между дагестанскими народами»*, *«воспитание интернациона-*

лизма у всех дагестанских народов», «политика дагестанского правительства, учитывающая интересы всех народов республики» и на четвертом месте располагается суждение «налаживание межнационального общения, раскрывающее духовное богатство другого народа», в то время как мнения «ограничение миграции на территорию республики представителей народов с отличной от нас национальной культурой» и «ограничение миграции на территорию моего населенного пункта, района народов с отличной от нас национальной культурой» придерживается статистически небольшая доля опрошенных. Надо отметить, что респонденты независимо от возраста, образовательного статуса и отношения к религии придерживаются данных позиций. Вместе с тем, в ходе исследования было установлено, что каждый десятый опрошенный «до 20 лет» главную роль в формировании толерантности в современном дагестанском обществе усматривает в необходимости «ограничения миграции на территорию их населенного пункта, района народов с отличной от них национальной культурой» и каждый одиннадцатый опрошенный в «ограничении миграции на территорию республики представителей народов с отличной от них национальной культурой». Первой позиции придерживаются 13,5 % «убежденно верующих» и второй позиции 10,8 % «верующих». Если обратиться к результатам опроса 2004 г., то в позициях дагестанских русских доминировало суждение «политика дагестанского правительства, учитывающая интересы всех народов республики» (87,5 %), на втором месте располагалось суждение «воспитание интернационализма у всех дагестанских народов» (62,5 %) и, с большим отрывом, третье место занимает «межнациональные браки» (20,8 %).

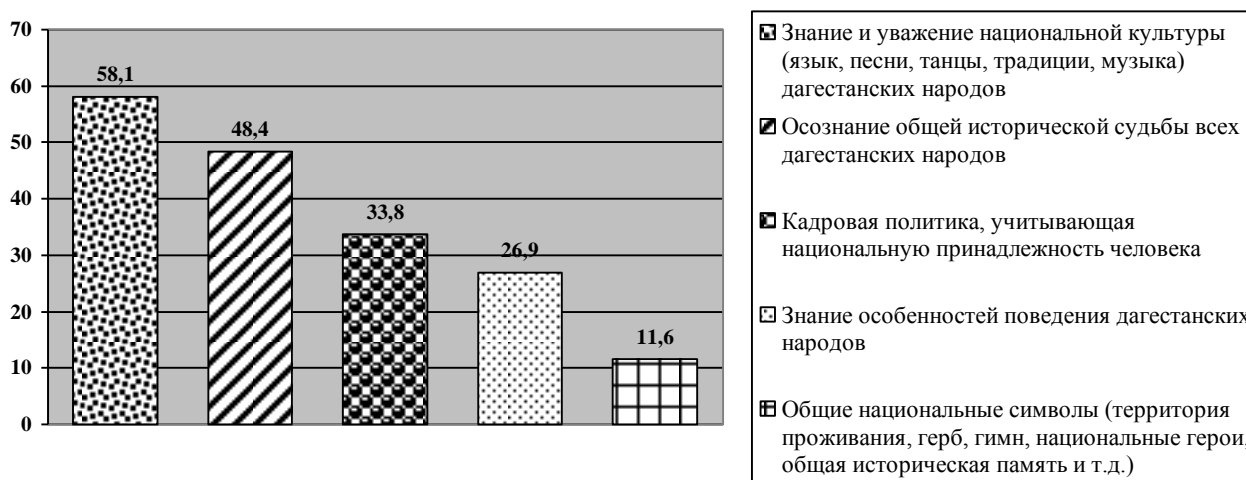
Установление факторов формирующих толерантные установки в современном дагестанском обществе, предполагает выявление механизма укрепления межнационального согласия (см. гист. № 17).

По нашему исследованию, важнейшим фактором формирования межнациональной стабильности в республике является «знание и уважение национальной культуры (язык, песни, танцы, традиции, музыка) дагестанских народов», на второй позиции располагается «осознание общей исторической судьбы дагестан-

ских народов» и на третьей – «кадровая политика, учитывающая национальную принадлежность человека», в то время как на значимость «общих национальных символов (территория проживания, герб, национальные герои, общая историческая память и т.д.)» указывает только каждый девятый опрошенный.

Гистограмма 17

Распределение ответов на вопрос «**Что может способствовать укреплению дружбы между дагестанскими народами?**»
(варианты ответов даны в %)

Исследователями подмечено, что кадровый вопрос и представленность каждого из народов в структурах республиканской власти является одним из факторов сохранения межэтнической толерантности. И, к сожалению, существующее в республике своеобразное восприятие той или иной руководящей должности как «принадлежащей определенной этнической группе» способствует формированию интолерантных установок в массовом сознании, поэтому в ходе исследования респондентам был задан вопрос «**Как должен решаться кадровый вопрос в многонациональной республике?**». По мнению 92,4 % респондентов, «руководящий пост должен занимать только профессионал своего дела, компетентный и учитывающий национальные интересы всех народов, проживающих в данном населенном пункте, районе, республике, независимо от национальной принадлежности»; статистически незначимая доля опрошенных разделяет суждение «руководящий пост должен занимать только представитель моего народа» (3,4 %) и 3,6 % «затрудились ответить». Таким

образом, с одной стороны, опрошенные дагестанские русские кадровый вопрос (непредставленность представителей их народа в структурах власти Дагестана) считают одной из причин существования интолерантности в современном дагестанском обществе, с другой стороны, акцентируют внимание исключительно на профессиональных качествах руководителя.

4.4. Особенности межэтнической коммуникации и поведения дагестанских русских

Тип этнической идентичности оказывает огромное влияние на характер межкультурного взаимодействия. При этом необходимо уточнить, что от степени выраженности различных типов этнической идентичности («норма», пассивный, деструктивный) зависит характер этноконтактирования, частотность этноконтактов, формирование толерантных/интолерантных установок в позициях контактирующих групп, предпочтение определенной стратегии межэтнического взаимодействия и поведения.

В моноэтнической среде, как правило, этническая идентичность характеризуется как «нормальная», в то время как в полиэтнической среде подвержена всякого рода изменениям, которые большей частью формируются в этноконтактных зонах. По мнению Г.У. Солдатовой, «этноконтактная ситуация объединяет по меньшей мере две групповые позиции, каждая из которых имеет собственную социокультурную базу и свой исторический опыт. В то же время каждая групповая позиция кристаллизуется и развивается не сама по себе, а в контексте межгрупповых отношений, то есть при обязательном наличии других сторон. Поэтому, с одной стороны, в едином фокусе преломляются совокупности переменных различного уровня и качества. С другой стороны, процессы понимания, познания и взаимодействия в этноконтактной ситуации имеют характер даже не диалога, а полилога и этнически специфическую интенциональную природу: они направлены на представителей других этнических групп»¹.

¹ Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 19.

Этносы, находящиеся в многонациональной среде добровольно или принудительно вынуждены вступать в межэтнические контакты, которые, по мнению ряда зарубежных исследователей, напрямую зависят от состояния межэтнических отношений. Например, М. Аргайл, А. Фернэм и Дж. Грэм придерживаются позиции, что одним из значимых элементов этноконтактной ситуации являются цели и интересы, мотивы и потребности, статус и роли, когнитивные концепты, а также правила, нормы и стратегии поведения ее участников, представляющих различные этнические группы. Выявление возможных противоречий между данными компонентами демонстрирует степень межэтнической напряженности.

Проблематика межэтнической напряженности, причины ее усиления рассматриваются в русле так называемых «контактных гипотез». Г. Олпорт основополагающим в снижении этноцентризма считает 1) равный статус контактирующих групп, 2) поощрение и поддержка властью межэтнических контактов, 3) кооперативное взаимодействие, предполагающее наличие общей цели. Данная концепция была дополнена Е. Амиром, который считал, что осуществление межэтнического контакта на базе знакомства и психологической близости, а не как случайность, позволит уменьшить межнациональную напряженность. С. Кук существенно дополнил данное положение, отметив, что соблюдение всех вышеназванных условий, благоприятное изменение установок возможно «на основе контакта с такой личностью из другой этнической группы, образ которой расходится с ее типичным представителем»¹.

Одновременно с этим отмечается, что не всегда межэтнические контакты могут привести к ослаблению межэтнической напряженности, соответственно, и улучшению межнациональных отношений. Возможны различные ситуации, когда предпочтительнее избегать межнациональную коммуникацию, поэтому категорию «межэтнической напряженности» представляется необходимой рассматривать как существенный фактор в процессе взаимодействия народов, этнических групп и т.д.

¹ См.: *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 16 – 25.

Существенную роль в этноконтактных зонах имеет этническая граница, введенная в научный оборот Ф. Бартом, который подчеркивал, что основой выделения этнической группы является не столько культурное содержание, сколько границы, которые группа сама себе очерчивает. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что этническая граница в работе рассматривается как социально-психологическое явление, соответственно, культурные характеристики этнических групп не представляются значимыми при ее исследовании, ибо подвержены постоянным изменениям. По мнению Г.У. Солдатовой, «этническая граница – это психологический результат универсальной для всего живого на земле тенденции разделять мир на "чужих" и "своих" на основе этнической принадлежности. Это оппозиционная тенденция, а значит ее доминирование поляризует любую ситуацию, в том числе и этноконтактную. Для этнической группы это, по меньшей мере, означает массовое осознание этнического членства, и более или менее внятно выраженную национальной элитой коллективную волю выделиться, обозначить и защитить свою культурную отличительность. Для членов группы становятся актуальными категориями общее название и разделяемая культура, вера в общее происхождение, ассоциирование себя с определенной территорией, общая историческая память и внутригрупповая солидарность»¹.

Контрарность «мы – они» лежит в основе формирования межэтнических отношений. В последующем развитие позитивного или негативного межнационального общения зависит от характера взаимоотношений, например, отличия в суждениях, ценностях, способах поведения и чем ярче и осознаннее эти различия, тем сильнее, может быть, выражено нежелание поддерживать отношения. Более того, этническая граница может превратиться в отчетливую демаркационную линию, если ее психологическое содержание дополняется территориальными, конфессиональными или лингвистическими эквивалентами. Этническая граница формирует феноменологическое поле межэтнической напряженности, организуя когнитивно-эмоциональные образования в глобальные системы понятий и в отечественной науке та-

¹ Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1997. С. 23.

кой глобальной системой понятий является этническое самосознание, в западной – широко исследуемая «этническая идентичность» или «этничность»¹.

Характер отношений между представителями разной этнической принадлежности в социологии выявляется путем изучения межэтнических установок, определения готовности/неготовности к поддержанию отношений с людьми иной национальной принадлежности в различных сферах: деловой, соседской, дружеской, семейной. В межэтнических установках так же, как и в других, выделяют когнитивный, эмоциональный и регулятивный компоненты.

Для выявления социально-культурной дистанции применяют шкалу Богардуса, с помощью которой фиксируется готовность принять людей другой национальности как граждан государства, делового партнера, соседа, друзей, жену или супруга, сына, дочери, сестры, брата. Если человек готов к семейному, дружескому общению, то тем более он расположен к другим видам социальных контактов. В ходе многолетних исследований отечественными и зарубежными исследователями было установлено, что избегающие контакта с представителями какой-то одной национальности, как правило, предубеждены и против других.

Готовность к межэтническому общению в различных сферах жизнедеятельности человека (деловой, неформальной, в том числе семейной) находится под влиянием множества факторов. Например, в производственной сфере отношение к межэтническим контактам может формироваться как соперничество за рабочие места, особенно престижные, в том числе во властных структурах, обеспечивающих доступ к собственности. В то время как в семейно-брачной сфере установки на межэтническое общение находятся под сильным влиянием национальных традиций, часто тесно связанных с религиозными предписаниями: «у народов мусульманской культуры при добром расположении к общению с русскими, а в советские времена даже престижности такого общения, тем не менее, нормой были эндогамные браки»².

¹ Там же. С. 25.

² Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2003. С. 45.

Таким образом, межэтнические установки и поведение формируются в течение длительного исторического периода и зависят от социально-экономической, политической ситуации, уровня социально-экономического развития, наличия или отсутствия неравного статуса народов, а также психологических факторов (доверие, взаимное уважение и т.д.).

В нашем исследовании важным является изучение особенностей межэтнического общения и поведения дагестанских русских. Социальная дистанцированность в многонациональном обществе зависит от предпочтительности или избегания этноконтактирования и зрелость этнической идентичности характеризуется частотностью межнациональных контактов. С другой стороны, высокая/низкая степень частотности этноконтактов свидетельствует о стабильности или нестабильности межнациональной ситуации в полиэтнических территориях. В ответах на вопрос **«Бывают ли у Вас этноконтакты с представителями других народов и как часто они случаются?»** дагестанские русские придерживаются суждения *«контактирую постоянно»* (81,6 %), в противовес *«контактирую редко»* и *«совсем не контактирую»* – 9,6 % и 6,6 %, соответственно. В опросе 2013 г. первое суждение отметили 75,5 %, второе и третье 11,2 % и 4,9 %, соответственно. Полученные результаты констатируют, что дагестанские русские находятся в постоянном межэтническом взаимодействии и преобладает суждение *«контактирую постоянно»*, причем практически не избегают межнационального общения большая часть опрошенных.

«Этноцентристы» с представителями других народов *«контактируют постоянно»* (71,3%), считая при этом, что *«взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей»*, видимо по этой причине, каждый пятый опрошенный *«контактирует редко»*; из опрошенных, которые *«испытывают напряжение, когда вокруг себя слышат чужую речь»* 79,6 % *«контактируют постоянно»*, однако каждый третий опрошенный *«раздражается при близком общении с людьми других национальностей»*, поэтому *«контактирует редко»* (33,3 %).

Чаще поддерживают этноконтакты опрошенные женщины (83,1 %), по сравнению с мужчинами (77,6 %). По образователь-

ному признаку, каждый десятый опрошенный со средним, каждый двенадцатый со средним специальным образованием «*совсем не контактирует*» – 10,5 % и 8,6 %, соответственно, в то время как среди респондентов с высшим образованием таковых статистически незначимая часть (4,7 %).

По возрастному критерию, доля респондентов, которые «*совсем не контактируют*» относительно выше в возрастной категории «от 50 до 60 лет» (9,0 %) и «от 30 до 40 лет» (8,4 %); доля контактирующих редко больше в когорте «до 20 лет» (27,0 %), более того, каждый десятый опрошенный в возрасте «от 40 до 50 лет» и «от 60 лет и выше» редко включены в процессы межнациональной коммуникации. Тревогу вызывает молодое поколение «до 20 лет», которое избегает этноконтактов и объяснения здесь могут быть самые различные, от нежелания вступать в межэтнический диалог, до увлеченности социальными сетями и удовлетворенностью интенсивностью общения в данном пространстве.

Далее, в уточняющем вопросе «*Как бы Вы описали характер этноконтактов?*», респондентов попросили охарактеризовать процесс межэтнической коммуникации. В позициях опрошенных доминирует суждение «*контактирую с удовольствием*» (63,4 %), однако 25,7 % «*контактируют в случае необходимости*» и статистически незначимая доля старается «*избегать этноконтактов*» (5,6 %) и «*при общении испытывает напряжение, дискомфорт*» (2,5 %). Таким образом, результаты исследования показывают позитивную оценку межнационального общения и разница между суждениями «*контактирую с удовольствием*» и «*стараюсь избегать контактов*» существенная. Респонденты независимо от образовательного уровня описали этноконтактирование позитивно с формулировкой «*контактирую с удовольствием*» – 51,1 % со средним, 58,9 % со средним специальным и 69,4 % с высшим образованием. Далее 36,8 % опрошенных со средним, 28,7 % со средним специальным и 21,5 % с высшим образованием «*контактируют постоянно*». Небольшая доля респондентов со средним специальным (7,7 %), со средним (6,8 %) и с высшим образованием (4,7 %) избегают межэтническое общение. При этом среди респондентов со средним образованием, по сравнению с другими подгруппами, относительно

выше доля в процессе этноконтактирования *«испытывающих напряжение и дискомфорт»* (4,5 %).

Далее, независимо от возраста, респонденты находятся в процессе постоянного межличностного взаимодействия – 63,5 % «до 20 лет», 81,1 % «от 60 лет и выше», 82,7 % «от 50 до 60 лет», 83,1 % «от 30 до 40 лет», 85,1 % «от 40 до 50 лет», 87,5 % «от 20 до 30 лет», т.е. опрошенные показывают ориентированность на поддержание межнациональной коммуникации. При этом 63,3 % опрошенных характеризуют межнациональное общение позитивно, среди них 51,4 % «до 20 лет», 60,0 % «от 60 лет и выше», 62,5 % «от 20 до 30 лет», 65,4 % «от 30 до 40 лет», 65,6 % «от 50 до 60 лет», 67,5 % «от 40 до 50 лет»; в то же время каждый четвертый опрошенный *«контактирует в случае необходимости»* и таковых относительно больше в подгруппах «до 20 лет» (31,1 %) и «от 60 лет и выше» (30,5 %). Позицию *«редко контактирую»* выбрали 9,5 % «до 20 лет», 6,8 % «от 50 до 60 лет» и по 6,3 % в подгруппах «от 20 до 30 лет» и «от 50 до 60 лет». Таким образом, результаты опроса констатируют, что для полинациональных районов республики характерна ориентация на поддержание межнационального контактирования, при этом вступающие в межэтническое общение, положительно оценивают сам процесс межнациональной коммуникации, а доля, испытывающих в процессе межэтнической коммуникации отрицательные чувства, статистически незначима.

В процессе этноконтактирования немаловажное значение имеет культурное сходство, иными словами предпочтение отдается тем народам, которые обладают близкой системой материальной и духовной культуры (см. таб. № 17).

По всему массиву, опрошенные дагестанские русские близкими для себя по обычаям, традициям и поведению считают представителей своего народа (первое ранговое место), из коренных дагестанских народов респонденты выделяют аварцев (вторая позиция), кумыков (третья позиция) и даргинцев (четвертая позиция). Также необходимо отметить, что опрошенные русские выражали определенное недовольство формулировкой данного вопроса, подчеркнув, что они рассматривают не народ, а конкретно каждого человека, но об этом далее.

Таблица 17

Распределение ответов на вопрос «*Какие народы Вам близки по обычаям, традициям и поведению?*»
(варианты ответов даны в %)

<i>Варианты ответов</i>	<i>%</i>
Русские	72,6
Аварцы	17,9
Кумыки	13,6
Даргинцы	11,6
Лакцы	11,0
Все народы	10,2
Лезгины	9,2
Никакой народ	4,1
Азербайджанцы	1,1
Украинцы	0,8
Евреи	0,4
Безразлично	0,4
Табасаранцы	0,3
Татары	0,3
Чеченцы	0,1

По возрастному критерию, респонденты «до 20 лет» обозначают культурное сходство с аварцами (31,1 %), даргинцами (24,3 %), лакцами (20,3 %), лезгинами (16,2 %) и кумыками (13,5 %); «от 20 до 30 лет» указывают на аварцев (20,5 %), даргинцев (10,7 %), кумыков (8,9 %), лезгин (8,9 %); «от 30 до 40 лет» выделяют аварцев (14,3 %), даргинцев (11,7 %) и кумыков (12,3 %); «от 40 до 50 лет» аварцев (15,6 %), кумыков (12,3 %), даргинцев (10,4 %), лакцев (9,1 %), лезгин (9,1 %); опрошенным в возрастном разрезе «от 50 до 60 лет» ближе аварцы, кумыки, «все народы» – по 12,8 %; «от 60 лет и выше» указали на кумыков (24,2 %), аварцев (22,1 %), лезгин (15,8 %), лакцев (14,7 %) и даргинцев (12,6 %). Заметно выше доля отметивших, что по этнокультуре им не близок «никакой народ» среди респондентов в возрастной градации «до 20 лет» (9,5 %) и «от 20 до 30 лет» (6,3 %).

В следующем вопросе прослеживается последовательность позиций опрошенных и они отметили народы, с которыми им комфортно поддерживать этноконтакты (см. таб. № 18).

Таблица 18

Распределение ответов на вопрос «С какими из народов Вам приятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения?» (варианты ответов даны в %)

<i>Варианты ответов</i>	<i>%</i>
Русские	61,8
Аварцы	37,3
Даргинцы	33,0
Кумыки	28,5
Лакцы	23,8
Все народы	22,8
Лезгины	22,6
Азербайджанцы	3,6
Нет таких народов	1,8
Безразлично, не обращаю внимания	1,7
Ногайцы	1,0
Евреи	0,4
Табасаранцы	0,4
Чеченцы	0,4
Татары	0,1

Результаты опроса показывают, что дагестанские русские предпочитают в процессе межэтнического общения отдавать аварцам, даргинцам, кумыкам, лакцам, лезгинам, а также представителям своего народа. Среди выделенных народов доминируют аварцы и даргинцы, однако каждый пятый опрошенный предпочитает поддерживать добрососедские отношения «со всеми народами» и статистически незначимая доля опрошенных избегает межнациональное общение.

Респонденты независимо от возраста поддерживают межэтническую коммуникацию с наиболее крупными дагестанскими народами. При этом обращает на себя внимание подгруппа в возрасте «до 20 лет», в которой заметно ниже доля вступающих в

этноконтактирование (27,0 %). Далее среди народов, с кем комфортно поддерживать этноконтакты, опрошенные русские отмечают те же народы, но среди них заметно выделяются аварцы.

Для нас в исследовании важным является выявление существующих в массовом сознании дагестанских русских установок в отношении других народов по возрастному признаку, потому что, на взгляд авторов, существуют определенные различия, обусловленные возрастом: молодое поколение, в отличие от старшего, может демонстрировать интолерантную позицию (см. таб. № 19).

Таблица 19

Распределение ответов на вопросы «С какими народами Вам приятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения?» и «С какими народами Вам неприятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения?» (варианты ответов даны в %)¹

Варианты ответов // Возраст	До 20 лет	От 20 до 30 лет	От 30 до 40 лет	От 40 до 50 лет	От 50 до 60 лет	От 60 лет и выше	Всего:
С аварцами	45,9/ 13,5	34,8 / 20,5	35,7 / 11,7	36,4 / 14,3	33,1 / 13,5	45,3/ 10,5	37,5/ 14,0
С даргинцами	39,2 / 6,8	32,1 / 12,5	29,9 / 6,5	35,7 / 5,8	26,3 / 9,0	38,9 / 8,4	33,0 / 8,0
С лакцами	30,3 / 8,1	25,0 / 8,0	22,1 / 5,2	21,4 / 5,2	20,3 / 4,5	34,7 / 1,1	23,5 / 5,3
С лезгинами	32,4/ 10,8	21,4 / 8,9	19,5 / 11,0	23,4 / 12,3	15,8 / 11,3	30,5 / 6,3	22,7/ 10,4
С кумыками	24,3/ 10,8	25,0 / 12,5	24,7 / 13,6	29,2 / 8,4	31,6 / 5,3	36,8 / 7,4	28,5 / 9,7

¹ **Первая цифра** в таблице № 19 – ответы на вопрос «С какими народами Вам приятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения?», **вторая цифра** – ответы на вопрос «С какими народами Вам неприятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения?».

С русскими	55,4	62,5	56,5	64,9	61,7	67,4	61,5
Ни с каким да-гестанским народом	0	3,6	0,6	1,3	1,5	2,1	1,5
Со всеми народами / Нет таких народов	16,2/ 54,1	19,6 / 49,1	27,3 / 50,6	23,4 / 57,1	26,3 / 63,2	15,8/ 55,8	22,4/ 55,1
С порядочными, хорошими / С глупыми, скандальными, плохими	0 / 5,4	0 / 1,8	1,9 / 3,2	0 / 2,6	0,8 / 2,3	2,1 / 4,2	0,8 / 3,0
Безразлично, не обращаю внимания	2,7 / 6,8	2,7 / 4,5	1,3 / 5,8	2,6 / 4,5	0 / 4,5	3,2 / 11,6	1,9 / 6,0
Евреи	1,4	0	0	0	0	2,1	0,4
Чеченцы	0	0 / 1,8	0,6 / 1,3	0 / 1,3	0,8	1,1	0,4 / 0,8
Татары	0	0	0,6	0	0	0	0,1
Ногайцы	0	0 / 0,9	1,3 / 0,6	1,9 / 0,6	0	1,1	0,8 / 0,4

Приведенные в таблице данные показывают, что опрошенные дагестанские русские выделяют одни и те же народы, с которыми они одновременно предпочитают поддерживать и не поддерживать межличностные взаимодействия. Такая же картина вырисовывается при анализе через образовательный признак. Так респонденты, независимо от образовательного статуса, межэтническое контактирование предпочитают с четырьмя дагестанскими народами: со средним образованием – с аварцами (33,1 %), даргинцами (30,1 %), кумыками и лезгинами (по 21,1 %); со средним специальным образованием – с аварцами и даргинцами (по 35,4 %), кумыками (34,4 %), лакцами (23,4 %); с высшим образованием – с аварцами (39,5 %), даргинцами (31,7 %), кумыками (27,7 %) и лакцами (25,9 %).

Вместе с тем, в массовом сознании дагестанских русских доминирует суждение «нет таких народов», с которыми опрошенным было бы дискомфортно поддерживать межнациональное общение, хотя небольшая часть указала на аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев и лезгин. Далее, независимо от возраста, опрошенные предпочитают в процессе межнациональной коммуникации отдавать аварцам, даргинцам, кумыкам, лакцам и лезгинам. При этом выделяется возрастная подгруппа «от 50 до 60 лет», среди которых больше всего отметивших суждение «нет таких народов», с которыми им было бы неприятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения, хотя доля таковых выше и в других подгруппах. Среди народов, с кем не хотят поддерживать какие-либо отношения опрошенные русские выделяют аварцев и лезгин: с первыми избегают межличностное общение каждый седьмой опрошенный и таковых больше всего в подгруппе «от 20 до 30 лет», со вторыми каждый десятый опрошенный (в подгруппе «от 40 до 50 лет» каждый восьмой опрошенный).

Далее, респонденты независимо от образовательного статуса демонстрируют относительную интолерантность: например, опрошенным со средним образованием дискомфортно общаться, дружить и поддерживать добрососедские отношения с аварцами (18,0 %), даргинцами (8,3 %), лезгинами (8,3 %) и кумыками (6,0 %); опрошенные с более высоким образовательным статусом – со средним специальным образованием – придерживаются аналогичной позиции, отметив аварцев (14,4 %), лезгин (12,4 %), кумыков (8,1 %), лакцев (7,7 %) и даргинцев (6,7 %); имеющие высшее образование указали на аварцев (12,3 %), кумыков (11,5 %), лезгин (9,4 %) и даргинцев (8,6 %). Таким образом, предположение, что степень толерантных установок зависит от образовательного уровня и возраста респондента, не совсем соответствует действительности – интолерантность демонстрируют опрошенные обладающие как низким, так и высоким образовательным статусом; терпимость по отношению к представителям иных этнических образований в большей степени демонстрируют представители старшего поколения.

Также необходимо отметить, что респонденты, особенно старшего поколения, выражали свое недовольство сформулированными в анкете вопросами *«С какими из народов Вам приятно/неприятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения?»* и посчитали их некорректными, поэтому определенная часть опрошенных не обозначила своего мнения по этим вопросам. Причина, надо полагать, кроется в сохранившихся в сознании старшего поколения принципах интернационального воспитания, которые в постсоветской России оказались невос требованными. Предпринимаемые органами государственной власти меры по преодолению существующих в данной области проблем во многом носят декларативный и половинчатый характер, поэтому не достигают желаемого результата.

В межэтническом поведении проявляется стремление опрошенных обозначить свое отношение к совместному проживанию. Если по всему массиву опрошенных в общественном сознании превалирует негативное отношение к переселению в свой населенный пункт представителей других народов, то при определенных условиях респонденты отмечают народы, с которыми они предпочли бы проживать на одной территории. По результатам социологического опроса, в ответах на вопрос *«Если бы Вам было суждено жить вдали от своего народа, то с каким народом предпочли бы жить?»* в позициях русских респондентов преобладает суждение *«не имеет значения, безразлично»* (48,3 %), хотя они выделили конкретно народы – «кумыков» (7,0 %), «даргинцев» (4,2 %) и «аварцев» (1,4 %). Также следует отметить, что остальные дагестанские народы (9,7 % чеченцев, 10,5 % ногайцев, 10,7 % лезгин, 14,6 % аварцев, 16,2 % азербайджанцев, 16,5 % даргинцев и 20,5 % кумыков) предпочтение отдают русскому народу, хотя они как причину миграции русских из республики отмечали *«у нас разные обычаи, культура, поэтому совместно жить дагестанцам с русскими и русским с дагестанцами трудно»* (21,1 %). Доля выбирающих совместное проживание с русскими, относительно больше среди аварцев, азербайджанцев, даргинцев, кумыков, ногайцев и наименьшая среди лакцев.

В опросе 2015 г. респондентам заново был задан вопрос *«Если бы Вам было суждено жить вдали от своего народа, то*

с каким народом Вы предпочли бы жить?». Опрошенные русские предпочтение отдают аварцам (18,2 %), кумыкам (11,9 %), даргинцам (9,2 %), лезгинам (8,5 %) и лакцам (7,6 %). При этом каждый шестой опрошенный придерживается позиций «безразлично, не имеет значения» и «со всеми».

Далее в исследовании респондентам был задан и противоположный вопрос *«Если бы Вам было суждено жить вдали от своего народа, то с каким народом Вы не хотели бы жить?»*. Дагестанским русским ближе суждение *«нет таких народов»* (24,9 %), хотя в их позициях проявляется и некоторая противоречивость: если в вопросе *«Если бы Вам было суждено жить вдали от своего народа, то с каким народом Вы предпочли бы жить?»* они выбрали аварцев, то в ответах на второй вопрос дагестанские русские не хотели бы совместно проживать «с аварцами» (13,5 %), «с кумыками» (9,2 %), «с лезгинами» (8,7 %) и «с даргинцами» (7,0 %). При этом опрошенные русские акцентируют внимание не только на этнической принадлежности, но и на человеческих качествах, избегая совместное проживание «с агрессивными, плохими, двуличными людьми» (15,7 %), а также «с националистами, фашистами» (12,6 %).

Изучение этнического поведения народов представляется довольно сложным полем исследования по целому ряду факторов: если респонденты готовы бывают принять или не принять человека иной национальной принадлежности в определенных сферах коммуникации, то, как показывает практика, они одновременно обозначают и свое отношение (позитивное/негативное) к этим народам. Так в ответах на вопрос *«От каких народов Вы ощущаете угрозу и агрессию в отношении Вашего народа?»* каждый восьмой опрошенный указал на «аварцев» (13,2 %) и статистически небольшая доля на «даргинцев» (3,4 %), «лакцев» (1,6 %), «кумыков» (1,1 %) и «лезгин» (0,9 %), при этом в их суждениях с большим перевесом превалирует суждение *«ни от кого»* (70,4 %).

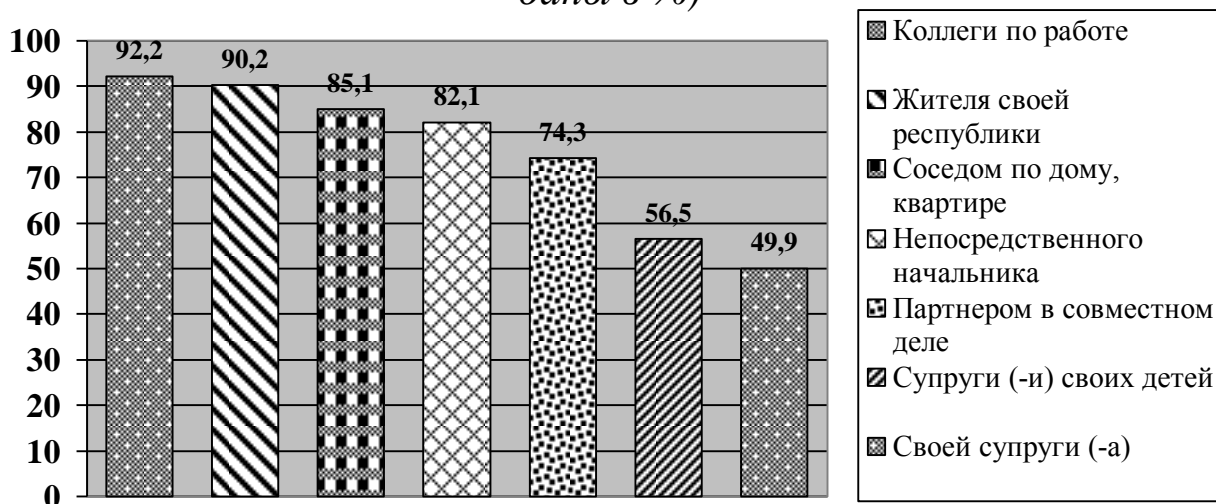
Методической основой измерения межнациональных установок явилась шкала социальной дистанции Богардуса, позволяющая выявить психологическую готовность и ориентированность дагестанских русских к сближению или к отторжению предста-

вителей инациональной общности независимо от их личностных характеристик. Суждение опрошенного на вопрос о том, в качестве кого он принимает представителя другой этнической группы, позволяет определить социальную дистанцию, определяемую респондентом между собой и другими этническими образованиями.

В нашем исследовании модифицированная шкала Богардуса включает 7 позиций, каждая из которых характеризует готовность принять представителя другой национальной принадлежности в различных сферах этноконтактирования (см. гист. № 18).

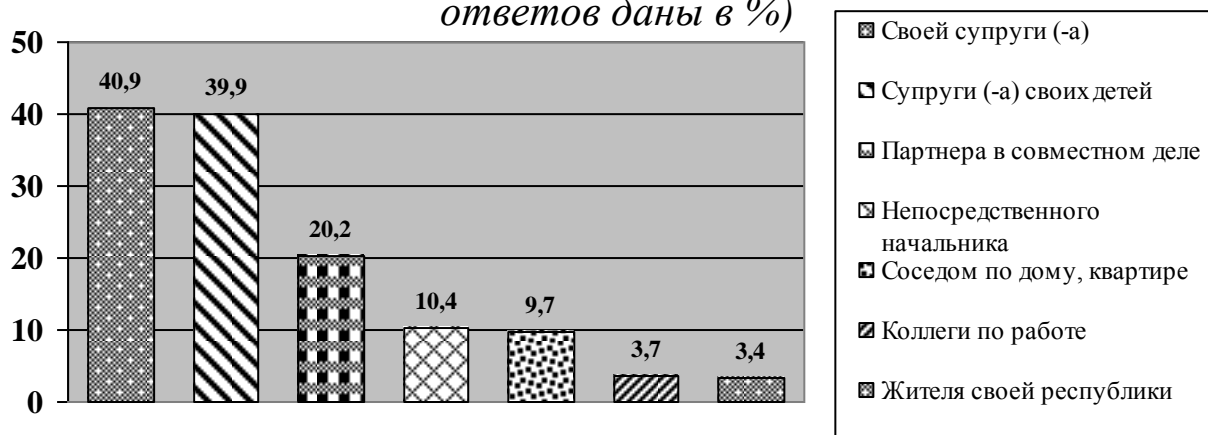
Гистограмма 18

Распределение ответов на вопрос «*Готовы принять человека другой национальности в качестве...*» (варианты ответов даны в %)

Гистограмма 19

Распределение ответов на вопрос «*Не готовы принять человека другой национальности в качестве...*» (варианты ответов даны в %)

Приведенные в гистограммах № 18 и № 19 результаты исследования показывают отсутствие у опрошенных дагестанских русских явных этнических барьеров. Наиболее толерантно респонденты ориентированы на принятие представителя иной этнической принадлежности в качестве *«жителя республики»*, *«коллеги по работе»*, *«соседа по дому, квартире»*, *«непосредственным начальником»* и уже несколько снижается их позиция в отношении принятия *«партнером в совместном деле»*, *«своего (-ей) супруга (-и)»* и *«супруга (-и) своих детей»*, т.е. социальная дистанция увеличивается на уровне семейно-брачных отношений. Однако нужно учитывать, что декларируемое этническое поведение несколько отличается от реальной. При ориентации на межэтнические контакты во многих сферах межличностного общения (друзья, соседи, партнеры в совместном деле и т.д.) в практической жизни дагестанским народам свойственно неприятие межнациональных браков, более того и их избегание. Опрошенные дагестанские русские негативно настроены к смешанным бракам и не воспринимают как собственное, так и решение своих детей к заключению межнационального брака.

По сравнению с другими возрастными категориями, относительную толерантность как к собственному, так и своих детей межэтническому браку демонстрируют молодые люди в возрасте «до 20 лет» – 73,0 % и 64,9 %, соответственно, в то время как 36,6 % в возрастной категории «от 20 до 30 лет», 40,3 % «от 40 до 50 лет», 42,1 % «от 60 лет и выше», 42,9 % «от 50 до 60 лет», 48,7 % «от 30 до 40 лет» отрицательно относятся к межэтническому браку своих детей. Далее 35,8 % в подгруппах «от 60 лет и выше», 39,3 % «от 20 до 30 лет», 42,2 % «от 40 до 50 лет», 42,9 % «от 50 до 60 лет», 46,8 % «от 30 до 40 лет» не готовы принять человека иной этнической принадлежности в качестве своего (-ей) супруга (-и). Только среди респондентов «до 20 лет» относительно выше доля настроенных позитивно своему и собственных детей межэтническому браку – 27,0 % и 23,0 %, соответственно.

Далее, по сравнению с респондентами, имеющими низкий образовательный уровень, опрошенные с высшим образованием не воспринимают представителя иной национальной принадлежности в качестве брачного партнера, как своих детей, так и своего

(-ей) супруга (-и) – 41,9 % и 40,8 %, соответственно. Доля негативно настроенных как к своему, так и своих детей межнациональному браку, среди имеющих среднее специальное образование составляет 42,6 % и 40,2 %, соответственно. По сравнению с подгруппами, имеющими высокий образовательный статус, респонденты со средним образованием толерантно настроены к межнациональному браку как своих детей (64,7 %), так и своему (51,9 %). Против смешанного брака своих детей выступают 33,1 %, а возможность заключения собственного межнационального брака исключают 39,1 % опрошенных. Обращает на себя внимание такой момент – относительно позитивное восприятие смешанного брака детей, при негативном отношении к возможности заключения брака самим опрошенным с представителем иной этнической общности.

С целью выявления установок в отношении межэтнического брака в исследовании респондентам был задан «контрольный вопрос» *«Как бы Вы отнеслись к тому, что кто-нибудь из Ваших ближайших родственников (сын, дочь, брат, сестра) вступили в брак с человеком другой национальности?»*. По результатам нашего исследования, 35,7 % опрошенных *«предпочел бы человека своей национальности, но возражать не стал бы»*; положительно относятся к смешанному браку каждый четвертый опрошенный, при этом каждый пятый респондент считает, что *«национальность в браке не имеет вообще никакого значения»*. Каждый девятый респондент негативно оценивает межнациональный брак (11,0 %); 12,3 % опрошенных придерживаются мнения *«национальность в браке не имеет значения, если муж (жена) соблюдает обычаи моего народа»*.

Далее в социологическом опросе выявлялась важность/неважность этнической принадлежности человека в разных сферах этноконтактирования (см. таб. № 20).

Приведенные в таблице результаты опроса свидетельствуют о том, что фактор этнической принадлежности при выборе супруга (-и) важен для всех возрастных подгрупп, за исключением в разрезе «до 20 лет»; на значимость национальной принадлежности при выборе друзей указывает каждый десятый опрошенный в подгруппах «от 20 до 30 лет», «от 50 до 60 лет», «от 60 лет и выше».

Таблица 20

Распределение ответов на вопрос «*В какой степени для Вас важна национальная принадлежность...*»

(варианты ответов даны в %)

Варианты ответов // Возраст	При выборе друзей			При выборе супруга (-и)		
	Для меня очень важна национальная принадлежность	Для меня не очень важна национальная принадлежность	Затрудняюсь ответить	Для меня очень важна национальная принадлежность	Для меня не очень важна национальная принадлежность	Затрудняюсь ответить
До 20 лет	8,1	77,0	16,2	20,3	44,6	33,8
От 20 до 30 лет	10,7	77,7	11,6	36,6	50,0	11,6
От 30 до 40 лет	7,1	77,9	13,6	38,3	44,8	15,6
От 40 до 50 лет	7,1	83,8	8,4	37,7	50,0	8,4
От 50 до 60 лет	10,5	82,7	4,5	37,6	50,4	9,0
От 60 лет и выше	12,6	78,9	9,5	38,9	48,4	12,6
Всего:	9,1	80,1	10,2	36,0	48,2	13,7

«Контрольный вопрос» – «*В какой степени для Вас важна национальная принадлежность при выборе супруга (-и)?*» показывает, что с ростом образовательного статуса респондента увеличивается доля опрошенных, для которых «очень важна национальная принадлежность» человека при выборе супруга (-и): 33,8 % со средним, 35,9 % со средним специальным, 36,9 % с высшим образованием. По возрастному признаку на важность этнической принадлежности будущего брачного партнера обращает внимание каждый третий респондент в возрастной категории «от 60 лет и выше» (38,9 %), «от 30 до 40 лет» (38,3 %), «от 40 до 50 лет» (37,7 %), «от 50 до 60 лет» (37,6 %), «от 20 до 30 лет» (36,6 %), в то время как среди респондентов «до 20 лет»

только каждый пятый опрошенный придерживается данной позиции.

Отмеченное в массовом сознании дагестанских русских негативное отношение к некоторым сферам этноконтактирования свидетельствует о желании сохранить свою этнокультурную самобытность, можно даже сказать о некоторой психологической изолированности опрашиваемых, диктуемых, надо полагать, желанием сохранить этнический облик своего народа, страхом подавления своей национальной культуры иными этнокультурами. Можно сделать вывод о существовании в латентной форме интолерантных установок в их общественном сознании, демонстрируемое ими через избегание как межэтнического общения, так и нежеланием иметь представителя иной национальной принадлежности в качестве соседа, друга, начальника, брачного партнера и т.д. Наличие, хотя и относительно в слабой форме, интолерантности в процессах межнационального контактирования можно объяснить издержками воспитания, трансформациями российского общества, потерей многих ценностных установок социалистического периода.

ГЛАВА V. ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ДАГЕСТАНСКИХ РУССКИХ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

5.1. Определение, структура и методы исследования этнического стереотипа

В данной главе основное внимание будет уделено изложению этнических стереотипов (автостереотипов и гетеростереотипов) дагестанских русских, ибо этностереотипы оказывают заметное влияние на формирование типов (нормально-го/пассивного/деструктивного) этнической идентичности. По мнению отечественных этносоциологов, «барометром межэтнических отношений являются этнические стереотипы. В напряженных ситуациях резко ухудшаются гетеростереотипы – представления о других и прежде всего народе, который символизирует образ врага. Ему прежде всего отказывают в способностях – интеллектуальных, деловых и, естественно, приписывают негативные коммуникативные и бытовые характеристики (негостеприимные, злые, нечистоплотные и т.п.)»¹.

Несомненно, наличие этнической идентичности по типу «нормы» и ее доминирование в общественном сознании способствует формированию позитивных гетеростереотипов при отсутствии негативного отношения и восприятия других народов. «Для современности характерно – писал Э. Фромм – отсутствие объективности в отношении к другим народам. Что ни день в другом народе открываются все новые черты испорченности, жестокости, в то время как свой народ олицетворяет все хорошее и благородное. Каждое действие врагов оценивается по одному критерию, каждое собственное действие – по-другому. Даже хорошие поступки неприятеля считаются знаками особых дьявольских уловок, имеющих целью обмануть нас и весь мир, в то время как наши плохие поступки признаются необходимыми и оправдываются нашими благородными целями, которым они служат. В самом деле, если проследить отношения между народами, как и

¹ Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2003. С. 44.

между индивидами, можно прийти к заключению, что объективность – это исключение, а большая или меньшая степень нарциссического искажения – это правило»¹.

Огромное внимание исследователей к процессу стереотипизации и стереотипам обусловлено их яркостью, эмоциональной окрашенностью, отчетливостью в представлении общественного и индивидуального сознания, поэтому в основном работы, в которых рассматривались социальные стереотипы, были выполнены на основе исследования этнических стереотипов.

Феномен этнических стереотипов в отечественной науке сравнительно недавно стал предметом этносоциологических и этнопсихологических исследований. Между тем, в исследованиях зарубежных специалистов данное явление в силу его остроты и актуальности в течение долгого периода времени является предметом внимания широкого круга специалистов. Впервые термин «социальный стереотип» ввел в употребление в 1922 г. У. Липпман в книге «Общественное мнение» при анализе влияния имеющегося знания о предмете на его восприятие и оценку при непосредственном контакте. По Липпману, стереотипы – это упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права. В отличие от традиционного, чисто философского подхода к сознанию, Липпман в качестве главной проблемы ставит не гносеологическую (проблема пропорции в знании истинного и ложного), а функциональную проблему, т.е. влияние уже имеющегося, содержащегося в сознании знания о предмете при непосредственном с ним контакте, причем особое внимание уделяется устойчивости этого знания, зафиксированного в образе, или, по его выражению, «картинка в голове».

Устойчивость стереотипа – основное свойство, при помощи которого Липпман пытался объяснить проблемы, возникающие в процессе формирования общественного мнения, понимаемого им как процесс столкновения стереотипов, т.е. знаний-представлений, каждое из которых претендует на то, чтобы быть единственно истинным. С тех пор в литературе появилось очень

¹ Фромм Э. Искусство любви. Минск, 1990. С. 71.

много различных трактовок дефиниции «социальный стереотип». По мнению Т. Шибутани, «социальный стереотип – это популярное понятие, обозначающее приблизительную группировку людей, с точки зрения какого-то легко различаемого признака, поддерживаемое широко распространенными представлениями относительно свойств этих людей»¹.

Тезис о взаимосвязи устойчивости стереотипа с его функцией социально-психологической и идеологической защиты объекта, представляющего ценность для данной социальной общности, а также объяснение эмоционального «заряда» стереотипа этой же функцией имеет исключительно важное значение. По мнению П.Н. Шихирева, у Липпмана – эти моменты не получили достаточного развития в связи с тем, что он акцентировал те стороны стереотипа, которые связаны с «эффектом призмы», функцией организации и опосредования процесса познания, когнитивного процесса².

Снижение устойчивости стереотипов может быть обусловлено двумя типами факторов: социальными и психологическими. К социальным относятся – образовательный ценз людей и осознание обществом особенностей стереотипов. Установлено, что чем выше уровень образования человека, тем менее устойчивы его этнические предрассудки. Говоря о психологических факторах, способствующих изменению стереотипов, можно выделить следующие: 1. общение и совместная деятельность с объектом познания; 2. объединение людей во имя обозначенной цели; 3. увеличение знаний об объекте общения; 4. некоторые факторы групповой динамики; 5. определенные личностные черты; 6. сильные эмоциональные впечатления.

Представления об объеме истины, содержащийся в стереотипе, претерпели довольно показательную эволюцию: по мере того, как рос объем знаний о стереотипе, категорическое утверждение об исключительно ложном его характере сменилось более осторожной оценкой. В настоящее время, большое признание находит выдвинутая в 1950 г. О. Клайнбергом гипотеза о «зерне

¹ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 98.

² Шихирев П. Н. Исследования стереотипа в американской социальной науке // Вопросы философии. 1971. № 5. С. 170.

истины» в стереотипе, согласно которой общий объем истинных знаний в стереотипе превышает объем знаний ложных: мнения о членах какой-либо социальной группы вероятнее всего будут точны, если эта группа выполняет строго определенную роль, «поскольку то, что приписывается категории (людей) обычно выполняется ею и от нее ожидается»¹.

Несомненным фактом, не требующим особых доказательств, является то, что межэтнические взаимоотношения оказывают реальное воздействие на содержание стереотипов, причем его сила может быть наглядно продемонстрирована на примере неоднократно описанного феномена «зеркального образа». Последний заключается в том, что члены двух конфликтующих групп (причем изучались именно этнические группы) приписывают идентичные положительные черты себе, а идентичные пороки – противникам.

Представляется очевидным, что наиболее высокими будут согласованность и отчетливость взаимных стереотипов соперничающих групп, т.к. в этом случае внутри каждой группы появится потребность размежеваться с «врагами». Наоборот, если группы сотрудничают между собой, стереотипы будут менее согласованными и менее отчетливыми, ведь при подобном характере отношений внутригрупповой фаворитизм нивелируется, и не столь явно проявляется одна из основных функций стереотипов – функция защиты групповых ценностей.

По мнению Г.У. Солдатовой, «в последнее десятилетие, в исследованиях этнических стереотипов стал доминировать "неоценочный подход". Они стали рассматриваться не как плохие или хорошие, а как естественные и закономерные элементы самосознания. Этнические стереотипы – это в первую очередь, "культурные" образования. Они естественны и неизбежны до тех пор, пока будут существовать народы и этнические группы. Вышесказанное определяет рассмотрение этнического стереотипа по отношению к таким межэтническим установкам как предубеждение и предрассудки в качестве родового понятия»².

¹Цит. по: Шихирев П. Н. Исследования стереотипа в американской социальной науке // Вопросы философии. 1971. № 5. С. 170.

² Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 67.

Отечественные исследователи до самого последнего времени в большинстве случаев предпочитали как можно реже употреблять этот термин, особенно когда речь шла о межнациональных отношениях. По-видимому, это не в последнюю очередь связано с широко распространенным убеждением, что стереотип – это всегда нечто однозначно негативное, деструктивное и плохое. По мнению отечественных исследователей, явный дефицит работ обусловил неудовлетворительную разработанность целого ряда общих и частных вопросов, затрагивающих именно психологическую сторону проблемы, к числу которых можно отнести структуру этнического стереотипа и составляющих его элементов (рационального и иррационального), множество вопросов, связанных с динамическими аспектами этностереотипов – закономерностями их генезиса, трансформации и исчезновения. Не до конца ясна роль этностереотипов в регуляции межэтнического взаимодействия, и, наоборот, влияния такого рода контактов на изменение и трансформацию стереотипов. Вместе с тем существует ряд важных вопросов, остающихся пока без ответов, не говоря уже о целом комплексе чисто терминологических неясностей: считать ли, например, этнический стереотип разновидностью социальной установки, тождественны ли понятия «стереотип» и «предрассудки» и т.п.

Этностереотип характеризует выработанные в пределах этнической общности нормы поведения и ценности, устойчивые во времени, передающиеся от поколения к поколению и закрепленные на уровне обыденного сознания в повседневной деятельности. Этнические стереотипы непосредственно влияют на отношения между представителями различных народов, «детерминируя процессы восприятия и интерпретации» и «обретают самостоятельное социально-психологическое существование в ситуациях межэтнического общения и занимают определенное место в коммуникативно-познавательной деятельности личности. Такой статус этнические стереотипы приобретают за счет как их предметного и смыслового содержания, так и эмоционально-оценочного характера, в силу особого качества отражать определенное отношение к этническим объектам»¹. Исследователи связывают воз-

¹Солдатова Г. У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // Познание и общение. М., 1988. С. 111 – 112.

никновение и функционирование этнических стереотипов с определенным типом причинной интерпретации поведения представителей различных этнических групп.

Многие исследователи, ограничиваясь проблемой межличностного восприятия, без учета влияния социально-психологических факторов и понимания внешних и внутренних факторов как строго альтернативных, обусловили рассмотрение этнических стереотипов на основе асимметрии в объяснении поведения представителей различных этнических групп, в конечном итоге, сводя межэтническую атрибуцию к этноцентристской, основанной на изначальном позитивно-ценностном значении своей этнической общности и негативном отношении к иноэтническим группам.

Причинная интерпретация наблюдаемого или прогнозируемого поведения представителей собственной и иноэтнической группы находится в зависимости от социально-экономических, идеологических и культурных факторов, которые определяют характер межэтнического общения и формируют различную степень субъективной близости и отдаленности этнических групп друг от друга. Последнее находит свое отражение в этноинтегрирующих (автостереотипы) и этнодифференцирующих (гетеростереотипы) признаках – атрибущиях – содержательных компонентах этнического самосознания. Надо отметить, что этнические стереотипы не всегда несут в себе негативное отношение к членам иноэтнических групп, хотя они, как правило, возникают на основе субъективного восприятия представителей данной общности¹. Лежащий в основе восприятия субъективизм основан на феномене противопоставления.

При исследовании, стереотип рассматривается как разделяемые мнения по поводу личностных характеристик, неких доминирующих черт характера определенной группы людей, в данном случае этнической. Сам термин «этнический стереотип» считают исследователи, употребляется в значении относительно устойчивого мнения обобщающего характера, содержащий (в явной или скрытой форме) элементы оценок, относящийся к той или иной этнической общности. Многие стереотипы относятся к чер-

¹ Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980. С. 413.

там характера. Обычно они скудны по содержанию и выражают лишь мнение о наиболее ярких чертах той нации, о которой идет речь, не претендуя на исчерпывающую характеристику. В большинстве своем стереотипы отражают не столько мнения отдельных лиц, сколько мнения, бытующие в определенных группах или слоях населения. В высказываниях одних и тех же лиц часто встречаются стереотипы, логически противоречащие друг другу – в значительной мере каждый из них определяется конкретной ситуацией и контекстом.

По мнению Х. Дейкер и Н. Фрейда, «хотя и верно, что стереотипы зачастую являются по содержанию негативными, враждебными, а также неоправданными, это не означает, что все стереотипы подлежат безоговорочному осуждению. Помимо того, что встречаются стереотипы благоприятные, позитивные и дружественные, функции стереотипов можно и следует изучать независимо от их фактического содержания»¹. Под «этническими стереотипами» в специальной литературе принято понимать «относительно устойчивые представления о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей»². В них, как правило, фиксируются оценочные суждения об указанных качествах.

Этнический стереотип составляет ту часть системы психологических знаний о мире, которая отражает различия между народами. На основе дихотомии «мы-они» в его структуре выделяются два основных компонента. Это **автостереотип** – совокупность атрибутивных признаков о действительных или воображаемых специфических чертах собственной этнической группы, т.е. оценочные суждения, относимые к собственной этнической общности, ее представителями и **гетеростереотип** – совокупность атрибутивных признаков о других этнических группах, т.е. совокупность оценочных суждений о других народах. Надо отметить, что автостереотип и гетеростереотип не автономные единицы, а структурные взаимозависимые компоненты единого целостного образования личностного или группового самосознания. Автостереотипы более благоприятны, чем гетеростереотипы.

¹ Дейкер Х. П., Фрейда Н. Х. Национальный характер и национальные стереотипы // Современная зарубежная этнопсихология. М., 1979. С. 203.

² Психология. Словарь. М., 1990. С. 467.

Адекватность содержания этнических стереотипов весьма проблематична: зачастую они выступают как приписывание сходных характеристик всем членам оцениваемого народа без достаточного осознания возможных различий между ними. Этнические стереотипы негативного характера становятся более отчетливыми («произносимыми») и этнофобными, когда возникает напряженность между взаимодействующими народами. Они усваиваются очень рано и используются даже детьми задолго до возникновения у них ясных представлений об оцениваемых народах на основании собственного опыта межэтнического взаимодействия¹.

Правильным считается условно подразделять все субъективные измерения этностереотипа, фиксируемые инструментальными факторами, на две условные группы: внутригрупповые и межгрупповые. При этом главным для оценки этнических стереотипов являются не их «внутригрупповые», а именно межгрупповые измерения, в первую очередь, те, которые сигнализируют как «нам» с «ними» взаимодействовать. В структуре этнического стереотипа есть группа атрибуций, которые приписываются не этнической группе в целом, а ее отдельным «нетипичным» представителям.

Основой формирования стереотипа служат реальные культурные различия, которые могут быть легко восприняты на уровне поведения в ситуации межкультурного взаимодействия. В повседневной жизни этнокультурные различия представлены достаточно отчетливо: язык, внешний облик, регламентация различных сторон жизни традициями и обычаями, некоторые особенности поведения.

Объяснение и оправдание существующих социальных отношений, защита групповых ценностей, когнитивная и социальная межгрупповая дифференциация, трансляция культурно-исторического опыта – вот далеко не полный перечень тех функций, которые чаще всего связываются с этностереотипами. Огромное значение подобного рода исследования имеют, особенно в тех случаях, когда межэтнические отношения становятся напряженными и чреватыми опасными последствиями.

¹ Там же.

Этнический стереотип как регулятивный элемент этнического самосознания выполняет три основные функции: 1. познавательную, 2. коммуникативную и 3. защитную. Познавательная функция этнического стереотипа широко изучалась на основе когнитивного подхода к исследованию стереотипизации. Эта традиция, как научное направление была обозначена еще в ранних работах Г. Олпорта, а в 1970 – 1980 гг. продолжена как специальная сфера исследования в работах Г. Тэжфела и его коллег. На основе когнитивного подхода этнический стереотип изучался как процесс формирования понятий, концептов, обобщений и как процесс категоризации.

Формируясь в пограничной зоне культурных контактов на основе систем этнических представлений о воображаемых и действительных чертах собственной и других групп, стереотип психологически закрепляет отношение к собственной этнической группе, отношения между этническими группами и, следовательно, отношение к ее отдельным представителям. Поэтому зона функционирования этнического стереотипа включает помимо познавательной сферы и собственно коммуникативную. В системе социализации этнической культуры изначально заложен механизм воспитания у ее представителей уважения к иным культурам, при одновременном предпочтении своих национальных этнокультурных ценностей. Отражая стремление людей к сохранению и укреплению позитивной этнокультурной идентичности, этнический стереотип играет важную роль в процессе консолидации этнической группы.

При исследовании процесса формирования этнических стереотипов может быть использован большой материал различных жанров устного народного творчества. Истоки зарождения этнических стереотипов обнаруживаются в фольклоре, «как непосредственном выражении мыслей, чувств, идеалов, настроений, эмоций широких народных масс», представляющих в ряде случаев незаменимый источник для психологов и социологов¹.

Анализ гетеростереотипов, помимо их исследований как этнодифференцирующих компонентов когнитивной структуры эт-

¹ Гусев В. Е. Фольклор как источник изучения социальной психологии // Проблемы общественной психологии. М., 1965. С. 370 – 378.

нического самосознания, позволяет нам проверить так называемую этноцентристскую гипотезу, суть которой заключается в предположении более негативного характера гетеростереотипов по сравнению с автостереотипами: а) автостереотип «ингруппы» более позитивен, чем гетеростереотипы «аутгруппы» («мы» лучше, чем они»); б) гетеростереотип «аутгруппы» более негативен, чем автостереотип «аутгруппы» («они хуже, чем они думают»); в) автостереотип «ингруппы» более положителен, чем гетеростереотип «ингруппы» («мы лучше, чем они думают о нас»)¹.

Основной единицей анализа гетеростереотипов, как и автостереотипов, выступают этнокультурные особенности, которые оказались опорными характеристиками для всех остальных групп признаков. Этнокультурные феномены, среди которых важное место занимают этнические представления, обычаи, традиции и нравы, выступают в качестве средств стабилизации утвердившихся общественных отношений в этносе. На внутригрупповом и межгрупповом уровнях этнокультурные феномены становятся нормами поведения и восприятия. Оценочно-нормативный компонент социокультурной системы этноса – ценности, нормы, убеждения, выступающие и как внешние регулятивные элементы, и как интериоризованные факторы личности – определяют формирование содержания этнических стереотипов. Это нередко служит предпосылкой того, что «точка отсчета» восприятия особенностей характера или поведения представителя иноэтнической среды находится в пределах системы традиционной этнокультуры собственной группы. Восприятие через призму собственных этнокультурных ценностей не может не оказывать влияния на снижение адекватности и повышения субъективности образа представителя этноса.

Наиболее распространенными методами исследования этнических стереотипов являются: 1. метод свободного описания; 2. метод прямого опроса: в зависимости от используемого инструментария могут быть выделены такие его разновидности, как список личностных черт, шкалы социальной дистанции (шкала Богардуса), шкалы этноцентризма, диагностический тест отно-

¹ Солдатова Г. У. Указ. работа.

шений и другие; 3. различные варианты проективных методов; 4. психосемантические методы¹.

Актуальной является проблема соотношения этнического стереотипа и предрассудка, их роли и функции в регуляции непосредственного взаимодействия между представителями различных рас, этносов, этнических меньшинств и т.д., ибо они в силу своей практической остроты и актуальности в течение долгого периода времени привлекают внимание широкого круга специалистов. Некоторые отождествляют их, но существуют и противоположные точки зрения, в частности В.П. Трусов и Л.Х. Стрикленд считают, что негативная оценка социального стереотипа «распространена из-за ошибочного мнения об обязательных деструктивных последствиях стереотипизации, выражающихся якобы в том, что стереотипное восприятие непременно мешает установлению хороших отношений между людьми»². Вместе с тем, они отмечают их конструктивную роль: «этнические стереотипы могут быть максимально желательны, если две группы содержат важнейшие черты общей культуры, и каждая имеет особые черты, которые не мешают другим группам достижению своих целей»³.

Формирование предубеждений и предрассудков связано с глубинными изменениями структуры этнических образов. Социальное же их «конструирование» обусловлено в таком случае не столько этнокультурными факторами, сколько современными экономическими, политическими и социальными причинами. Поэтому по сравнению с этническим стереотипом, как более «культурной» установкой, предрассудок и предубеждение – это как бы более «социальная установка». Их формирование так же, как и обратные трансформации, в значительной степени зависит от конкретной общественно-исторической ситуации. Этнический стереотип и этнический предрассудок – производные разного порядка и их следует рассматривать в качестве регулятивных механизмов различного уровня межэтнической напряженности.

¹ См.: Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М, 1990.

² Трусов В. П., Стрикленд Л. Х. Социальная психология в Канаде // Психологический журнал. 1985. № 5. С. 158.

³ Там же.

Предубеждение часто репрезентируется на вербальном уровне в форме вербального агрессивного поведения (сплетни, обидные шутки, оскорбления). Но все же, это не то установочное образование, которое активно определяет в непосредственной этноконтактной ситуации конкретные негативные поступки по отношению к членам иноэтнических групп. В основном, предубеждения в зависимости от уровня негативного аффективного заряда и типа этноконтактной ситуации, соответствуют таким формам поведения как избегание общения или уклонение от межэтнических контактов в определенных сферах жизнедеятельности. Основой предрассудка становится чрезмерное восхваление достижений и качеств своей нации в сочетании с высокомерным отношением и неприязнью к другим народам. Концентрированный негативный эмоциональный заряд делает предрассудок реальной движущей силой в ситуациях межэтнического общения.

Этнические стереотипы и предубеждения могут возникнуть в процессе тесного межэтнического контакта, общения и большей частью проявляются на бытовом уровне, как в дружеской беседе, так и в конфликтной ситуации. Но и в благоприятных условиях сохранения межнационального согласия, изучение этнических стереотипов представляет практический интерес, в частности, процессы адаптации в иноэтнической среде, межэтнические контакты, смешанные браки. Огромное влияние на этнические стереотипы оказывают межличностные контакты. На основе исследований проведенных Н.В. Бакаревой был сделан вывод, что одним из факторов, приводящих к ослаблению и преодолению негативных этнических стереотипов является «увеличение знаний об объекте отношения». По мнению Г.У. Солдатовой, многонациональный коллектив может привести к снижению значимости негативных стереотипов, но это не значит, что сама по себе совместная деятельность нескольких этносов приводит к «разрушению» негативных этнических стереотипов. Большое значение в возможности снижения негатива в стереотипах приобретает организация совместной деятельности, ее успешность и т.д. Но исследование этих параметров лишь на уровне межличностных отношений представителей различных этнических групп не позволяет выявить причины существования стереотипов той или иной направленности, степени благоприятности или неблагоприятно-

сти. Для получения адекватной информации необходимо привлечение более широкого социального контекста – контекста межличностных отношений.

При исследовании природы стереотипизации имеет место так называемая «гипотеза контакта», считающая, что чем дольше и глубже контакт между группами, соответственно, тем выше истинность стереотипа. Более того, согласно «гипотезе контакта», непосредственное взаимодействие между представителями различных групп снижает этноцентризм и стереотипность оценок и суждений. Все это создает почву для взаимодействия и доверия, способствует общему улучшению отношений между группами. Поэтому представляет определенный интерес место и роль «гипотезы контакта» в процессах межэтнического общения и взаимодействия, влияния на содержание стереотипа. Несмотря на кажущуюся очевидность и убедительность этой гипотезы, проблема значительно сложнее. Дело в том, что далеко не всякое межэтническое общение, межнациональное взаимодействие, близость контактов разрушают и размывают этнические стереотипы, ибо «предшествующая напряженность в межгрупповых отношениях, недостаток информированности друг о друге, отрицательные социальные установки по отношению друг к другу и т.п. в результате непосредственного общения лишь усугубляют взаимные негативные оценки»¹.

В мононациональной среде этнические особенности не осознаются и, соответственно, не возникает вопроса о различиях между этническими сообществами. Активизации этнической культуры способствует межэтническое взаимодействие и общение, на основе которых появляется осознание этнических стереотипов, их выделение как отличительных свойств одной этнической общности от другой. Понимание отличительных признаков, свойств и их формирование происходит через свое, противопоставление себя со своими характерными признаками остальным и, причем через собственную систему этнических признаков, с помощью системы значений своей этнической группы. При таком подходе, конечно, можно наблюдать искажение смысла

¹Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990. С. 138.

структуры иноэтнической культуры, что является основой и источником формирования ошибочных ориентаций и установок по отношению к иной этнической общности, ее культуре, национальным традициям и обычаям.

5.2. Этнические стереотипы в структуре этнической идентичности дагестанских русских

Среди социальных стереотипов главенствующее положение занимают этнические стереотипы, при исследовании им уделяется приоритетное внимание, на их основе формируется как позитивный, так и негативный межнациональный климат и обстановка. Изначальная интерпретация стереотипа преимущественно в негативном ракурсе межнациональных отношений, определяя главными формами социального взаимодействия – соперничество, конфликт и дискриминацию – привела к неоднозначному его восприятию научным сообществом.

Изучая стереотип, взятый за единицу измерения, как «предвзятое, т.е. не основанное на свежей непосредственной оценке каждого явления, а выведенное из стандартизированных суждений и описаний мнения о свойствах людей и явлений»¹, мы исходим из его понимания как «представлений о своем собственном или чужих народах, которые не просто суммируют определенные сведения, но и выражают эмоциональное отношение к субъекту»².

При изучении стереотипов выдвинута идея о решающей роли политической социализации на формирование разных моделей этнической идентичности, выражающаяся через этнические стереотипы. Корни этноцентризма в сознании опрашиваемых кроются в особенностях первичной социализации, воспитания в семье, а также свою роль играют политические, идеологические трансформации, обусловившие включение индивидом защитных механизмов с целью сохранения собственной целостности и обеспечения безболезненной адаптации.

¹ Кон И. С. Психология предрассудка // Новый мир. 1996. № 9. С. 188.

² Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология. М., 1974. С. 130.

Этническую идентичность можно рассматривать как важнейшую основу внутригруппового и межгруппового взаимодействия и призму, через которую преломляется окружающий мир. В качестве основной теоретической предпосылки исследования стало признание того, что этническая идентичность, будучи социально обусловленным конструктом имеет свойство трансформироваться в зависимости от конкретных социально-политических реалий и варьирует в широком диапазоне от гипо- до гиперидентичности. Крайние формы изменения позитивной этнической идентичности одинаково опасны для межэтнических отношений, нарушая коммуникативный баланс между взаимодействующими этническими общностями, с одной стороны, и нивелируя культурное своеобразие этноса с другой.

Для оценки изменений этнической идентичности представителей различных этнических групп была использована шкала показателей, предложенная в исследованиях Г.У. Солдатовой. Крайние позиции используемой шкалы включали: а) «отрицание» идентичности, при котором фиксируется негативное отношение к собственной этнической группе; б) гиперидентичность, граничащую с этническим фанатизмом, который отличается выраженной нетерпимостью к представителям других этнических групп¹.

Этничность, способствуя этнической интеграции, одновременно оказывает влияние на развитие дезинтеграционных тенденций в полиэтническом обществе в целом. Она выполняет функцию культурной отличительности, но этнические границы становятся более плотными и искусственными, когда этнокультурная вариативность групп сменяется нарастанием противоречий в их требованиях. В этом случае этническая граница представляет уже линию столкновения этничностей. Из оборонительной, защитной она способна превращаться в психологический инструмент отчуждения и этнической дезинтеграции в обществе. На основе социально-перцептивных механизмов, регулирующих межгрупповое восприятие, происходит накопление негативной информации, избирательность восприятия на этносоциальной основе, уменьшение внутригрупповых и усиление межгрупповых

¹ Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. М., 1998. С. 37.

различий, генерализация эмоций по этническому критерию, перенос ответственности и вины на другую группу и внешние обстоятельства, переоценка различий в культуре. А естественная любовь к своему народу трансформируется в политическую доктрину этнонационализма, поддерживаемую массами¹.

В ситуации существования межнациональной напряженности внутренняя связь между позитивной групповой (этнической) идентичностью и аутгрупповой (межэтнической) толерантностью может распадаться или становится обратной. При возникновении интолерантности актуализируются механизмы социальной перцепции, направленные на восстановление позитивной этнической идентичности, а вслед за ней и этнической толерантности.

Этническая толерантность понимается как отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее наличие позитивного образа за иной культурой при сохранении позитивного восприятия своей собственной. Иными словами, этническая толерантность не является следствием ассимиляции как отказа от собственной культуры, а свидетельствует о межэтнической интеграции, для которой характерно «принятие» и позитивное отношение к своей этнической культуре и к этнокультурам групп, с которыми данная группа вступает в контакт. Под этим углом зрения явление этнической интолерантности представляет собой преимущественно негативное восприятие иной этнической культуры при сверхпозитивном восприятии собственной. Н.М. Лебедева, основываясь на концепции Д. Берри и М. Плизента и на своих собственных, делает вывод о том, что «позитивная этническая идентичность является основой этнической толерантности»², которая проявляется в виде позитивного образа «мы-они», включая ее этнокультурные особенности, чувства сплоченности, эмоциональной приверженности группе и общей удовлетворенности ее представителей своей этнической принадлежностью.

Исследователи отмечают важность автостереотипов в процессе формирования позитивной этнической идентичности, а также природу образования негативных гетеростереотипов в

¹ Там же.

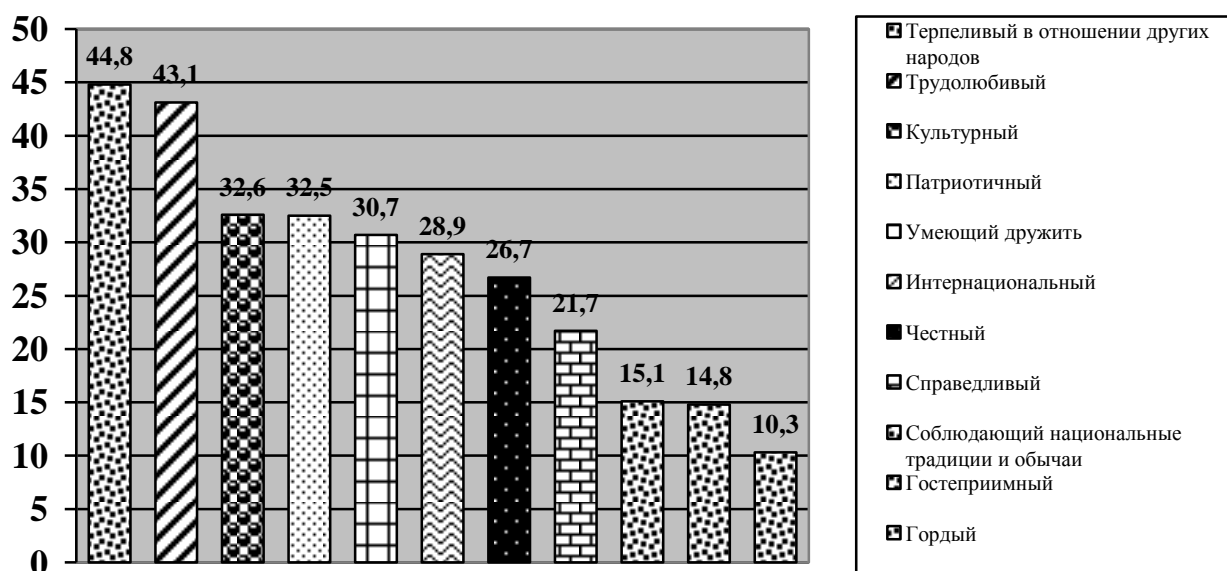
² Лебедева Н. М. «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 109.

процессе межэтнического взаимодействия, которые отрицательно отражаются на характере межнационального общения. Как правило, в ситуации нестабильных межэтнических отношений доля отрицательных оценок, подчеркивание негативных коммуникативных и бытовых характеристик доминирует.

При исследовании этнических стереотипов мы попытались проанализировать автостереотипы дагестанских русских через группу признаков «*Черты характера*», исследовать насколько процесс этнической идентификации находится под влиянием позитивных/негативных атрибутов (см. гист. № 20).

Гистограмма 20

Распределение ответов на вопрос «*С какими из ниже перечисленных признаков характеризуется для Вас русский народ?*» (варианты ответов даны в %)

Приведенные в гистограмме № 20 результаты нашего исследования показывают, что в массовом сознании дагестанских русских преобладает позитивная оценка качеств представителей своего народа. Однако следует обратить внимание на то, что если при изучении автостереотипов других дагестанских народов положительное восприятие качеств своего народа варьируется в пределах от 80,0 % и выше, то дагестанские русские относительно низко оценивают черты характера своего народа. Причем заметно выражены только два качества: «терпеливый в отношении других народов» и «трудолюбивый». Только каждый десятый из

всего массива опрошенных отметил позицию «гордый» и респонденты от руки в графе «другое» дописали «не хватает гордости» и «приспосабливающийся ко всем обычаям, но не соблюдающий национальные обычаи и традиции своего народа». Иными словами, в позициях опрошенных дагестанских русских существует определенная самокритичность и определенное недовольство этническим поведением своего народа.

Этническая нетерпимость является характерной чертой межнационального взаимодействия проявляющаяся в период кризиса этнической идентичности. Основой ее является повышенная чувствительность к представителям иных национальностей, выражающаяся от незаметного проявления дискомфорта до дискриминации и даже взрывов негодования и ненависти. Носители интолерантного сознания и поведения, позитивно оценивая свою собственную этническую группу (автостереотипы), довольно сильно выражают негативное восприятие и, соответственно, поведение в отношении других этнических групп. Именно в категории «мы» защищаются установочными образованиями, что является результатом функции защиты позитивной групповой идентичности. А способы такой защиты чаще предполагают не агрессивные формы выражения отношения к иноэтническим группам, а скорее когнитивное искажение. Чем выше уровень межэтнической напряженности, тем сильнее искажены и неадекватны установки, тем чаще они как «действия сознания» совпадают с реальными поступками. Рост негативных атрибуций (приписываемых признаков) в этническом образе определяет степень предубежденности субъекта. Чем она выше, тем выше уровень негативного аффективного заряда и больше в поведении дискриминирующих моментов по отношению к членам других этнических групп. Наличие в этническом самосознании предрассудков укорачивает дистанцию между интенциями и фактическими действиями в направлении ограничения возможностей, прав и привилегий, которыми могут пользоваться члены дискриминируемой этнической группы, а также нередко ведет к массовому и индивидуальному насилию на национальной почве¹.

¹ Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 221.

В условиях отсутствия межнациональной напряженности на передний план выступают характеристики типа «профессия», «возраст», «социальное положение», «пол», заменив частично «национальную принадлежность». На данном уровне этнический стереотип «не работает», соответственно, негативные этнические атрибуты не актуализируются.

5.3. Инокультурное взаимодействие дагестанских русских: оценка и тенденции

В контексте исследования специфики формирования и воспроизводства этнической идентичности, а также этнических стереотипов, которые развиваются на почве позитивной/негативной этнической идентичности, в многонациональных районах не менее важным является изучение последствий и особенностей инокультурного влияния. Каждая национальная культура обнаруживает значимое воздействие на характер адаптации этнических общностей к иным условиям, тем более, если на них отражаются требования современного информационного общества. Процесс приспособления носителей инонациональной культуры подразумевает их стремление и готовность к принятию иной этнической системы материальной и духовной культуры, несмотря на характерные для современности глобализационные процессы, которые унифицируют этнокультуры и стирают различия между народами. Адаптация этнокультур далеко непростой процесс, ибо способствует кардинальному преобразованию собственной системы культурных ценностных установок и ориентаций. В этой связи, некоторым исследователям характерно понимание адаптации как процесса «жертвования определенными несущественными сегментами этнической культуры для сохранения в новой среде и возможно в новой форме тех единиц культуры, которые являются существенными, системообразующими для нее»¹.

В современном обществе формирование межнационального согласия в основном базируется на процессах формирования, со-

¹ Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2003. С. 125.

ответственно и управления идентичностью. Для сохранения межэтнической стабильности, межнациональной толерантности в полиэтническом обществе необходимо формирование государственно-гражданской идентичности и позитивное развитие этнической идентичности, предполагающее доброжелательное отношение как к собственной, так и к другим этническим общностям, отсутствие враждебности в отношении инационального окружения, доброжелательное (или просто нейтральное) восприятие межкультурных различий¹.

Длительный исторический опыт существования на общей территории многочисленных этнических групп с самобытными культурными традициями способствовал формированию уникального культурного и идеологического пространства Российской Федерации. Многочисленные этносоциологические и этнопсихологические исследования показывают, что, несмотря на различия в религиях (мусульмане, христиане, буддисты, сторонники языческих культов), языках, обычаях и нравах, при всех пережитых межэтнических напряжениях Россия в целом является страной, где доминирует межэтническое и межкультурное согласие².

Для успешной межкультурной интеграции в иной этнокультурной и географической среде необходимым условием выступает этническая толерантность в сфере межкультурного восприятия, позитивное восприятие своей и соседней этнических групп. «Переживание» культурной дистанции с какой-то этнической группой с отличительными этнокультурными характеристиками зависит от ряда параметров: 1. от объективно существующей культурной отличительности; 2. от индивидуальной способности к воспроизведению нового и устойчивости к стрессам; 3. от личного непосредственного опыта межкультурных контактов.

Культурная дистанция является основным фактором, влияющим на успешность психологической адаптации к иной культурной среде³. С позиции Ф. Барта, культурные различия снижаются при частых межэтнических контактах в сферах трудовой

¹ Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия). Информационно-аналитический бюллетень. 2012. № 4. С. 46.

² Дробижева Л. М. Социальные проблемы межэтнических отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 15.

³ Там же. С. 109.

деятельности, а в семейно-ролевых и бытовых формах поведения различия между представителями разных культур вновь возрастают. Этот факт имеет немаловажное значение для исследования культурной дистанции и межэтнических отношений между народами длительное время проживающими совместно на одной территории и вступающими в интенсивные межэтнические контакты, как это происходит в Дагестане.

В исследованиях западных ученых было обнаружено, что степень стрессогенности новой культурной среды для мигранта, т.е. испытываемый им «культурный шок» (А. Фернхейм, С. Бочнер), зависит от степени близости родной культуры среде нового проживания. При этом степень близости культур оценивалась исследователями в параметрах «далекой – средней – близкой» (с учетом географического фактора) удаленности, а ощущение переживаемого культурного шока оказалось связанным с установленными параметрами «близости – далекости культур». Чем более близкой воспринималась чужая культура, тем менее болезненным был и культурный шок.

Влияние культурной дистанции на проявление этнической интолерантности в отечественной этнопсихологии было доказано Н.М. Лебедевой, изучавшей этнокультурную адаптацию групп русских старожилов в Закавказье: культурная дистанция и степень целостности этнической группы как субъекта межэтнического взаимодействия являются двумя основными факторами, оказывающими наиболее сильное влияние на проявление интолерантности в отношении других этнических групп. Автором было доказано, что воспринимаемая культурная отличительность может влиять на процесс формирования негативного социально-перцептивного образа соседней культуры. Оказалось, что «чем более далекой, непохожей на собственную воспринимается культура, с которой взаимодействуют представители адаптирующейся этнической группы, тем сильнее развивает такая группа механизмы психологической защиты в виде ... позитивного образа «мы» и ... негативного образа "они"»¹.

Еще одной характерной чертой работы Н.М. Лебедевой явилась теоретическая проработка понятия «культурная дистан-

¹ Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросскультурную психологию. М., 1998. С. 72

ция» и создание батареи методик для ее определения применительно как к задачам собственного исследования, так и к условиям совместно проживающих народов. Она констатирует, что «социальная перцепция культурной дистанции – это субъективный образ и, значит, он подвержен всевозможным трансформациям как любой субъективный образ». Этот образ «является как отражением объективной разности взаимодействующих этнических культур, так и отражением реальности межгрупповых отношений и внутригруппового состояния»¹.

Попыткой соединить конструктивистский и примордиалистский подходы к исследованию культурных границ как группового, социально обусловленного феномена и явления культурной дистанции как субъективного образа «близости-далекости» культур можно считать исследование Л.М. Дробижевой, по мнению которой, понять культурную дистанцию можно, только рассматривая ее комплексно – в историческом, социальном и политическом контексте. При таком подходе предметом анализа культурной отличительности в ее субъективном преломлении в феномен культурной дистанции становятся не все элементы культуры, а те из них, которые имеют социально дистанцирующий смысл в конкретных политических и экономических условиях.

С целью установления культурной дистанцированности русского населения от остальных дагестанских народов в нашем исследовании респондентам был задан вопрос «*Какие из народов Вам ближе по характеру, темпераменту и образу жизни?*» и предложены варианты ответов «очень близки», «средне близки» и «очень далеки» (см. таб. № 21).

Таблица 21

Варианты ответов // Национальности	Очень близки	Средне близки	Очень далеки
Аварцы	23,3	49,1	20,4
Даргинцы	13,3	53,6	23,8
Кумыки	12,7	54,2	24,2
Лакцы	15,3	49,3	26,7
Лезгины	13,6	47,3	31,6

¹ Там же. С. 71 – 72.

Приведенные в таблице результаты опроса показывают, что каждый четвертый среди опрошенных русских «очень близкими» для себя по характеру, темпераменту и образу жизни считают аварцев; при этом сильнее социальная дистанцированность русских с формулировкой «очень далекие» проявляется в отношении лезгин, что объясняется тем, что лезгины в основном проживают в южной части Дагестана, в то время как численность русскоязычного населения на данной территории заметно ниже, по сравнению с Северной зоной (Кизлярский и Тарумовский районы) Дагестана. При этом в позициях дагестанских русских в отношении всех дагестанских народов доминирует суждение «средне близкие», которое, надо полагать, объясняется принадлежностью к разным религиозным учениям и культуре.

По мнению З.В. Сикевиц, «ядро характера народа воспроизводится из поколения в поколение благодаря преемственности этнической культуры, проявляющейся в общих символах, которые усваиваются и интериоризируются благодаря общему языку, общему историческому прошлому, традициям, ритуалам и обрядам»¹, поэтому не менее важным в сохранении межэтнического согласия в целом в республике, так и в многонациональных районах, является выявление последствий инокультурного воздействия и его оценка, отношение дагестанских русских к культурному взаимовлиянию (см. гист. № 21).

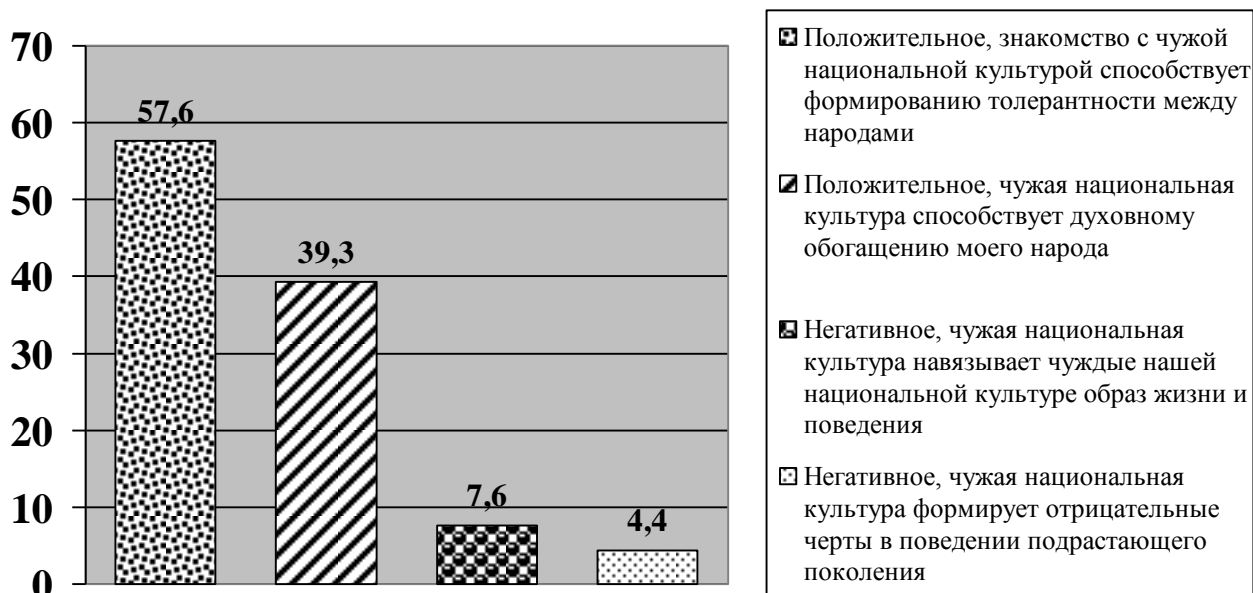
По всему массиву опрошенных, с существенным отрывом доминирует позитивное восприятие инокультурного воздействия, при довольно низкой оценке негативного культурного влияния. Приведенные в гистограмме результаты показывают, что доля характеризующих инокультурное взаимодействие отрицательно с формулировками *«чужая национальная культура формирует отрицательные черты в поведении подрастающего поколения»* и *«чужая культура навязывает чуждые нашей национальной культуре образ жизни и поведения»* статистически небольшая. Иными словами, опрошенные русские довольно высоко оценивают возможности культурной коммуникации в процессах фор-

¹ Сикевиц З. В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 182.

мирования толерантности и согласия в современном дагестанском обществе.

Гистограмма 21

Распределение ответов на вопрос *«Какое влияние имеет национальная культура других народов на национальную культуру Вашего народа?»* (варианты ответов даны в %)

По образовательному признаку, относительно больше доля придерживающихся суждения *«знакомство с чужой культурой способствует формированию терпимости между народами»* среди имеющих высшее образование (61,0 %), в то время негативной оценки межкультурного взаимовлияния с мотивацией *«чужая культура навязывает чуждые нашей национальной культуре образ жизни и поведения»* и *«чужая культура формирует отрицательные черты в поведении подрастающего поколения»* придерживаются респонденты с низким образовательным статусом (имеющие среднее образование) – 16,4 % и 13,7 %, соответственно.

При сопоставлении вопроса *«Какое влияние имеет национальная культура других народов на национальную культуру Вашего народа?»* с типом этнической идентичности, «этноцентристы» и «этноиндифференты» позитивно оценивают инокультурное влияние. Положительно оценивая инокультурное воздействие, первые одновременно отмечают необходимость *«"очищения" культуры своего народа от влияния других культур»*, потому что *«чужая культура навязывает чуждые нашей националь-*

ной культуре образ жизни и поведения» (16,8 %) и «чужая национальная культура формирует отрицательные черты в поведении подрастающего поколения» (11,3 %), подчеркивая важность «строго сохранять "чистоту" народа» (13,6 %). Статистически незначимая доля носителей пассивного уровня этнической идентичности усматривают негативные последствия инокультурного влияния.

Респонденты с высшим образованием отмечают роль инонациональной культуры в формировании толерантных установок в массовом сознании (52,6 %), как и опрошенные в возрасте «от 40 до 60 лет» (49,7 %), хотя, по сравнению с другими подгруппами, каждый восьмой опрошенный в когорте «от 20 до 40 лет» считает, что «чужая национальная культура формирует отрицательные черты в поведении подрастающего поколения» (12,4 %) и «чужая культура навязывает чуждые нашей национальной культуре образ жизни и поведения» (10,4 %). Последнее мнение разделяет 10,6 % респондентов с высшим образованием.

Далее респондентам был задан уточняющий вопрос «**Существует ли, по Вашему мнению, угроза для национальной культуры Вашего народа?**». В общественном сознании русских (40,6 %) превалирует позиция, что со стороны других национальных культур, угрозы для национальной культуры их народа не существует потому, что, во-первых, «из чужих национальных культур, культура моего народа берет только самое лучшее», во-вторых, «национальная культура моего народа развивается самостоятельно, не испытывая на себе влияние чуждой национальной культуры» (18,2 %). Однако существуют и противоположные мнения: 12,6 % опрошенных считают, что «влияние национальной культуры других народов мешает развитию национальной культуры моего народа»; 16,1 % опрошенных придерживаются мнения «национальная культура моего народа теряет свою самобытность и неповторимость» и статистически небольшая часть (7,0 %) разделяет суждение «национальная культура моего народа находится на грани исчезновения, ибо преобладает национальная культура соседних народов».

«Этноцентристы» подчеркивают, что национальная культура их народа «теряет свою самобытность и неповторимость»

(20,2 %) и «*влияние национальной культуры других народов мешает развитию национальной культуры моего народа*» (16,0 %), поэтому необходимо «*очистение*» культуры моего народа от влияния других культур» и «*сохранение "чистоты" народа*». «Этноиндифференты» «*часто чувствуют неполноценность из-за своей национальной принадлежности*» (17,5 %) и «*часто ощущают превосходство людей другой национальности*» (15,0 %) по причине того, что «*национальная культура моего народа теряет свою самобытность и неповторимость*». Носители позитивной этнической идентичности, разделяя суждение «*я такой человек, который любит свой народ, уважает язык и культуру других народов*» вместе с тем усматривают угрозу для национальной культуры своего народа и отмечают, что их национальная культура «*теряет свою самобытность и неповторимость*» (16,7 %).

Опрошенные со средним специальным (17,2 %) и с высшим образованием (21,6 %) считают, что под воздействием инонациональной культуры, этнокультура их народа теряет свою «*самобытность и неповторимость*». Этой позиции придерживаются 15,4 % опрошенных в возрастной категории «до 20 лет», 19,9 % «от 20 до 40 лет» и 23,4 % «от 40 до 60 лет».

Таким образом, в общественном сознании опрошенных дагестанских русских проявляются противоречивые мнения, с одной стороны, позитивная оценка инокультурного взаимодействия и взаимовлияния, с другой, хотя и небольшая доля респондентов указывает на исходящую от иных национальных культур угрозу, причем носители всех типов этнической идентичности указывают на необходимость «очистения» культуры своего народа от чужого культурного влияния, чтобы сохранить свою этническую «самобытность и неповторимость».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современный период в Дагестане актуализирован этнический компонент, сопровождающийся заметным ухудшением межнациональной ситуации в многонациональных районах республики, поэтому актуальность приобретает исследование процесса адаптации дагестанских русских в условиях ухудшения социально-экономического положения, существующие в их массовом сознании и поведении межэтнические установки, механизмы урегулирования межэтнической напряженности, рассмотрение влияния типа этнической идентичности на характер межнациональных отношений.

Объективные изменения в социально-экономической, политической, духовной, идеологической сферах российского общества неизбежно, в зависимости от политической воли государства, способствуют изменению идентичности россиян. Пробуждению этнической идентичности могут содействовать не только бесчисленные обстоятельства индивидуальной человеческой жизни, но и факторы, обусловленные кардинальными преобразованиями в российском обществе. Свидетельством является заметный рост этнической идентичности практически у всех этносов после распада СССР. В связи с этим для государства как координирующего центра, призванного обеспечить достижение унифицирующей и интегрирующей общественной солидарности, а также укрепление целостности и стабильности сообщества, встает вопрос о регулировании статуса различных этнических групп в рамках сообщества и о защите их специфических национальных интересов и прав.

В перестроечный период на всей территории российского государства с особой остротой обозначились ранее тлевшие межнациональные проблемы, особенно сильно они проявились в полиэтнических республиках. Современная межнациональная ситуация в России, в зависимости от исследовательских подходов, характеризуется как нестабильная, подчеркивая при этом существование вполне реальной угрозы межэтнического столкновения по самым разным (социально-экономическим, политическим, территориальным, кадровым) причинам. Наличие такой точки

зрения в позициях исследователей обусловлено ростом и значимостью этнической идентичности при усилении процесса самоидентификации всех дагестанских народов.

Республика Дагестан является полиэтническим регионом, в котором исторически проживает более 30 народов с отличительными языковыми, культурными, социальными чертами. Этнические проблемы не только русского, но и остальных дагестанских народов остро обозначились в постсоветский период, когда трансформация российского общества привела к возникновению национальных движений, ставивших вопрос о федеративном переустройстве республики.

Анализ состояния межнациональной ситуации в Республике Дагестан и установление существующих в массовом сознании дагестанских русских тенденций требуют глубокого социологического исследования процесса трансформации их этнической идентичности, анализа факторов ее деформации, выявления корреляции между различными типами социальной идентичности, которая позволит спроектировать дальнейшее развитие этнической идентичности в полиэтническом сообществе.

Постановка вопроса об изучении типов социальной идентичности дагестанских русских, установление места их этнической идентичности в структуре социальной идентичности определяется рядом следующих факторов: 1) рост этнической идентичности способствовал активизации проблем сохранения национального языка, этнокультуры, национальных традиций и обычаев, возрождению этнической самобытности, который сопровождается обострением и кризисом этнической идентичности; 2) длительность совместного проживания в полиэтническом и поликультурном пространстве способствует формированию особых форм межнациональных взаимодействий и этнокультурных взаимовлияний, превалированию одного из типов социальной идентичности, соответственно, возрастает необходимость формирования принципов толерантности в современном дагестанском обществе; 3) существование в массовом сознании дагестанских русских гипо- и гиперидентичных установок (латентно или открыто) негативно отражается на межнациональных отношениях, формирует отрицательный образ представителя иного народа, как след-

ствие, трансформирует позитивную этническую идентичность в пассивную (этнонигилизм, этноиндифферентность, амбивалентность) и деструктивную (этнодоминирование, этноцентризм, этнофаворитизм) формы.

Наше исследование показывает доминирование в установках русского населения республики государственно-гражданской идентичности («россиянин»), при относительно слабом проявлении этнической идентичности («представитель моего народа»), который, на взгляд авторов исследования, означает, что в современном Дагестане проблема функционирования этничности как своего рода социально-экономического капитала несколько ослаблена, следовательно, минимизирован риск возникновения межэтнического противостояния с другими народами республики. Однако невыраженность, по сравнению с другими типами социальной идентичности, этнической идентичности у дагестанских русских не свидетельствует об ее эрозии, ибо для опрошенных русских осознание представителем своего народа подразумевает «знание и соблюдение национальных традиций и обычаев своего народа», «знание национального языка своего народа», «сопричастность своему народу и его национальной культуре», дополненное «стремлением защитить национальные интересы своего народа». Более того, для русских респондентов важнейшим критерием определения национальной принадлежности человека выступает «самосознание человека (к какому народу он себя относит)», далеко отодвинув остальные идентификационные признаки – «национальность отца», «особенности поведения, мышления», «национальный язык» и «национальность матери».

В ходе нашего исследования были установлены этноинтегрирующие и этнодифференцирующие маркеры воспроизводства этнической идентичности дагестанских русских, среди которых заметно выделяются «национальные традиции и обычаи», «национальный язык», «совместная жизнь на данной территории», «религия», «историческое прошлое». Однако и остальные этнические признаки – «историческая территория моего народа», «общность характера, схожесть поведения», «национальная литература, народное творчество», «национальная одежда, жилище, быт» выполняют определенную роль в процессе воспроизводства эт-

нической идентичности дагестанских русских. При этом статистически незначимая часть опрошенных придерживается позиции, что их «ничего не объединяет с представителями своего народа».

При исследовании этнической идентичности важным является выявление состояния межнациональных взаимоотношений, конкретно отношения дагестанских русских к представителям своей и иноэтнической группы, рассмотрение последствий инкультурного влияния. Не вызывает сомнения, что состояние межнационального климата (позитивное/негативное) оказывает огромное влияние на этническое самочувствие дагестанских русских. В ходе проведенного исследования было установлено, что у дагестанских русских беспокойство вызывает наличие угрозы «религиозного экстремизма, террористических актов», «низкий уровень жизни населения», «расслоение общества на богатых и бедных», «сложная межнациональная ситуация в России», «ухудшение межнациональных отношений в Дагестане», «сложная религиозная ситуация в Дагестане», «слабость государственной власти», «незащищенность представителей своего народа в Дагестане», «сложная религиозная ситуация в России», «сложная межэтническая ситуация на территории своего села, района». При этом дагестанские русские позитивно оценивают межэтническую ситуацию на территориях своего проживания, несмотря на данную им характеристику межнациональной ситуации как в целом по России, так и в Дагестане как «сложной».

В конце прошлого века определенное беспокойство вызывала неконтролируемая, по самым разным причинам, миграция русских из Дагестана, которая оказала существенное влияние на ухудшение межнационального климата в республике. Наше исследование показало, что, если в 90-х гг. прошлого столетия в массовом сознании превалировало суждение, что проблема оттока русскоязычного населения из Дагестана является «надуманной проблемой», то за прошедший период произошли кардинальные изменения в установках опрошенных: в настоящее время миграция русских из Дагестана обусловлена «опасением возможных этнических и религиозных конфликтов», «в советский период русские в основном работали на промышленных предприятиях и

в настоящее время оказались без работы», «в условиях возрождения ислама плохо стали относиться к людям другой веры», «когда трудно жить кого-то выживают. Русских легче выжить из Дагестана, чем другие народы», «отъезд русских из Дагестана вызван тем, что русское население в России плохо относится к приезжим из Дагестана и вообще с Кавказа», «в Дагестане плохо стали относиться к русским, потому что в России отдельными людьми и партиями ведется несправедливая антидагестанская и антикавказская пропаганда», «давление со стороны переселенцев на территориях исконного проживания русского населения», «в республике ущемляются права русского населения и они не защищены».

Таким образом, характерный для постсоветского периода массовый отъезд русских из Дагестана негативно отразился на межнациональной обстановке. Существующие в массовом сознании на «бытовом уровне» толерантные установки часто замещаются формированием интолерантных установок в иных сферах, формированием негативной этнической идентичности, усилением социальной дистанцированности и межэтнической напряженности, заметной выраженностью крайних форм этнической идентичности, способствующих обострению межнациональных отношений в Дагестане.

При исследовании этнической идентичности дагестанских русских была применена модифицированная шкала Г.У. Солдатовой «Я такой человек, который...», на основе которой были классифицированы типы этнической идентичности, показано проявление пассивного и деструктивного форм этнической идентичности, их отражение на межэтнических контактах и роль в формировании толерантных/интолерантных установок в массовом сознании и поведении русского населения республики. Так, результаты нашего исследования свидетельствуют о доминировании в установках дагестанских русских «нормального» типа этнической идентичности с формулировками «я такой человек, который предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам», «я такой человек, который обычно не скрывает своей национальности», «я такой человек, который любит свой народ, уважает язык и культуру других

народов», «я такой человек, который всегда находит возможность мирно договориться в межнациональном споре», «я такой человек, который готов иметь дело с представителями любого народа, несмотря на национальные различия». Вместе с тем, дагестанские русские демонстрируют гиперидентичные (этноэгоизм, этнофаворитизм) и гипоидентичные установки (этноиндифферентность). Наличие пассивной и деструктивной форм этнической идентичности в массовом сознании дагестанских русских негативно отражается на состоянии межнациональных отношений и межэтнической коммуникации. Дагестанские русские, придерживаясь позиции, что дагестанским народам характерно «стремление объединиться в единую, сильную дагестанскую нацию» демонстрируют склонность к определенной самоизоляции с мотивацией «жить отдельно друг от друга и заботиться только о своем народе».

Наличие нерешенных, по тем или иным причинам, этнических проблем любого из дагестанских народов в целом отрицательно сказывается на состоянии межнациональных отношений, соответственно, актуальность приобретает этническое самочувствие каждого из дагестанских народов, которое является основой сохранения межэтнической и межрелигиозной толерантности в республике.

В этническом поведении дагестанских русских наблюдается определенная противоречивость в отношении переселения в свой населенный пункт представителей своего и иных народов: при положительной оценке к миграции в свой населенный пункт представителей своего народа, опрошенные отрицательно настроены к переселению в свой населенный пункт других народов, причем с возрастом увеличивается количество негативно оценивающих совместное проживание с представителями иноэтнических общностей. Причем доля отрицательно настроенных заметно выше в подмассиве русских с Кизлярского и Тарумовского районов. Важным в сохранении установок толерантности является этническая среда, отношение местного населения к инонациональным общностям, позитивный/негативный характер восприятия полиэтничности своего населенного пункта. В позициях опрошенных доминирует позитивное отношение к полиэт-

ничности своего населенного пункта с мотивацией «это способствует улучшению межнациональных отношений в моем населенном пункте», «это способствует знакомству с национальной культурой других народов» и «это помогло бы наладить межнациональное общение». Однако, при существовании положительного отношения к совместному проживанию с представителями иных народов, опрошенным, независимо от типа этнической идентичности, характерна негативная оценка полиэтничности своей территории с мотивацией «это способствует появлению территориальных споров между народами».

Результаты нашего исследования показывают, что за прошедший период с 77,3 % до 68,6 % снизилась доля придерживающихся суждения, что им не приходилось испытывать дискриминацию при поступлении на работу, учебу или в организациях, куда они обращались за содействием. Вместе с тем, определенную тревогу вызывает тот факт, что дагестанские русские в республике сталкивались с оскорблением их национального достоинства.

Факторами формирования толерантности в современном дагестанском обществе, по мнению опрошенных русских, являются «воспитание подрастающего поколения в духе дружбы и сотрудничества между дагестанскими народами», «воспитание интернационализма у всех дагестанских народов», «политика дагестанского правительства, учитывающая интересы всех народов республики», «налаживание межнационального общения, раскрывающее духовное богатство другого народа». Более того, огромную роль в укреплении межнационального согласия в республике выполняют «знание и уважение национальной культуры дагестанских народов», «осознание общей исторической судьбы дагестанских народов» и «кадровая политика, учитывающая национальную принадлежность человека». Не является секретом, что одной из причин ухудшения межнациональных отношений и формирования интолерантности в Дагестане является кадровый вопрос и представленность каждого из народов в структурах республиканской власти. Однако, несмотря на то, что подавляющая часть опрошенных придерживается позиции, что «руководящий пост должен занимать только профессионал, компетентный и учиты-

вающий национальные интересы всех народов, проживающих в данном населенном пункте, районе, республике независимо от национальной принадлежности» в реальности, в массовом сознании не только русского, но и других дагестанских народов существует своеобразное отношение к назначению руководителей разного уровня.

В контексте исследования процесса воспроизводства этнической идентичности актуализировано установление социальной дистанцированности между дагестанскими русскими и остальными дагестанскими народами. В позициях дагестанских русских в отношении дагестанских народов доминирует суждение «средне близкие», которое, надо полагать, объясняется принадлежностью к разным вероучениям и культуре, хотя каждый четвертый опрошенный «очень близкими» для себя по характеру, темпераменту и образу жизни считают аварцев; при этом сильнее социальная дистанцированность опрошенных русских с формулировкой «очень далекие» проявляется в отношении лезгин.

В общественном сознании дагестанских русских превалирует положительная оценка инокультурного взаимодействия, сопровождающаяся относительно слабо выраженной негативной оценкой культурного влияния. Более того, в установках русских доминирует суждение, что со стороны других национальных культур, угрозы для национальной культуры их народа не существует по ряду факторов: во-первых, «из чужих национальных культур, культура моего народа берет только самое лучшее», во-вторых, «национальная культура моего народа развивается самостоятельно, не испытывая на себе влияния чужой национальной культуры». Вместе с тем имеют место и противоположные мнения: «влияние национальной культуры других народов мешает развитию национальной культуры моего народа», «национальная культура моего народа теряет свою самобытность и неповторимость» и «национальная культура моего народа находится на грани исчезновения, ибо преобладает национальная культура соседних народов». Таким образом, массовому сознанию дагестанских русских характерна противоречивость, с одной стороны, позитивная оценка инокультурного взаимодействия, с другой, хотя и небольшая доля респондентов указывает на исходящую от

иных национальных культур угрозу, причем носители всех типов этнической идентичности указывают на необходимость «очищения» культуры своего народа от чужого культурного влияния, чтобы сохранить свою этническую «самобытность и неповторимость».

Социальная дистанцированность в многонациональном обществе проявляется через предпочтительность или избегание этноконтактов. Дагестанские русские находятся в состоянии интенсивной межэтнической коммуникации, демонстрируя стремление поддерживать межнациональное общение с представителями иноэтнических общностей, с конкретизацией характера общения («контактирую с удовольствием»), при высокой частотности этноконтактов («контактирую постоянно») и доля опрошенных, избегающих этноконтакты статистически незначима. Более того, в массовом сознании дагестанских русских преобладает суждение «нет таких народов», с которым им было бы некомфортно поддерживать межнациональный диалог.

В формировании негативной этнической идентичности и национализма ведущую роль играют этнические стереотипы и предрассудки. Каждый народ присваивает себе положительные качества, а отрицательными стереотипами наделяет представителей иного этнического образования. Результаты нашего исследования показывают, что в массовом сознании дагестанских русских доминируют позитивные автостереотипы и относительно сильнее выражены качества «терпеливый в отношении других народов» и «трудолюбивый».

ЛИТЕРАТУРА:

Абрамова М.А., Гончарова Г.С. Степени этничности как основа национальной политики // Социологические исследования. 2012. № 10.

Агаларханов М.Д. Настоящее и будущее сельского хозяйства Дагестана. Махачкала, 1965.

Агларов М.А. Исторические корни межэтнической толерантности в Дагестане // Современный Кавказ. 2007. № 5.

Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.

Аклаев А.Р. Язык в системе национальных ценностей и интересов // Духовная культура и этническое самосознание. Выпуск 1. М., 1990.

Алиева В.Ф. Русское население Дагестана. Махачкала, 2001.

Александренков Э.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение. 1996. № 3.

Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000.

Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1980.

Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе. М., 1978.

АОА ГОК. Ф.р-23. Оп. 3. Д. 23. Л. 127.

АОА ГОК. Ф. р-144. Д. 117а. Д. 128.

АОА ГОК. Ф. 320. Оп. 1. Д. 106.

АОА КР. Ф.р.-128. Оп. 2. Д. 7.

Арутюнян Ю.В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 31.

Арутюнов С.Л. Этничность – объективная реальность (отклик на статью С.В. Чешко) // Этнографическое обозрение. 1995. № 5.

Булатов Б.Б., Рамазанова Д.Ш. Деятельность органов государственной власти Республики Дагестан в области межнациональных отношений (80 – 90 г. XX в.). Махачкала, 2000.

Бексултанов Б.А. Роль русскоязычного населения в развитии капиталистических отношений в северо-восточном Дагестане (2-я пол. XIX – нач. XX в.). Дисс... к.и.н. Махачкала, 2001.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. Досоветский период. Махачкала, 1986.

Великая Н.Н. Казаки восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. Ростов н/Д, 2001.

Виноградов В.Б. «Уголок России – отчий дом...». Очерки об истории Тарумовских степей и Кизлярщины. Армавир – Кизляр, 1996.

Водопьянова Н.А. Потенциал интегрированных маркетинговых коммуникаций в формировании российской идентичности // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов/н/Д, 2007.

Волкан В., Оболонский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политологическими комментариями // ОНС. 1992. № 6.

ГА АО. Ф. 13. Оп 1. Д. 396.

Гаджиев А.С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1965.

Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1964.

Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961.

Гарунова Н.Н. Кизляр в XVIII – первой половине XIX века: проблемы политического, социально-экономического и культурного развития. Автореф. дис. ...к. и. н. Махачкала, 1999.

Гасанов Н.Н., Зачесов К.Я., Казимов А.К. Межнациональное согласие в Дагестане: проблемы и перспективы // Полис. 1993. № 3.

Гасанов Р.М. Руководство партийных организаций Дагестана развитием движения за коммунистический труд в сельском хозяйстве (1959-1965 гг.) // Вопросы истории Дагестана и северного Кавказа (Советский период). Вып. 1. Махачкала, 1973.

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М., 2013.

Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края V – середины XIX века. Ростов/н/Д., 1984.

Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. // ЧИНИИ ИЯЛ. Т. IV. Грозный, 1961.

Губогло М.Н. Проблемы языковой политики: теория и практика // Ресурсы мобилизованной этничности. Уфа, 1997.

Гусев В.Е. Фольклор как источник изучения социальной психологии // Проблемы общественной психологии. М., 1965.

Гусейнова С.К. Становление и развитие стекольной промышленности Советской России 1921-1980-е гг. (на примере стекольного завода «Дагестанские Огни»). Автореф.дисс...к.и.н. Махачкала, 2010.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

Гусаев М-С.М. Проблемы русского и русскоязычного населения Дагестана: истоки, современное состояние, пути решения // Проблемы русского и русскоязычного населения Республики Дагестан. Материалы научно-практической конференции. Махачкала, 1996.

Дагестан к 60-летию Великого октября. Ст. сб. Махачкала, 1972.

Дейкер Х.П., Фрейда Н.Х. Национальный характер и национальные стереотипы // Современная зарубежная этнопсихология. М., 1979.

Дзадзиев А.Б. Русское население республик Северного Кавказа: современные миграционные установки // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008.

Дмитренко И.И. Материалы к истории Терского казачьего войска // Терский сборник. Владикавказ, 1897. Кн. 4. От. 2.

Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии РАН. 2010. № 1.

Дробижева Л.М. Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов. М., 1994.

Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.

Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.

Дробижева Л.М. Этническое и историческое самосознание народов СССР на рубеже последнего десятилетия XX в. (в конце 60-х – нач. 90-х гг.) // Духовная культура и этническое самосознание. М., 1991.

Дробижева Л.М. Историческое самосознание как часть национального самосознания // Традиции в современном обществе. М., 1981.

Жидков Н. Преображенные плантации // Кизлярская правда. 1979. 4 августа.

Журова Т. Юбиляр // Кизлярская правда. 1997. 24 сентября.

Заринов И.Ю. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2.

Заринов И.Ю. Исторические рамки феномена этничности (по поводу статьи С.В. Чешко «Человек и этничность») // Этнографическое обозрение. 1997. № 3.

Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина VI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974.

Егорова В.П. И.С. Костемеровский (1813 – 1891гг) – представитель русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала, 2000.

Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия). Информационно-аналитический бюллетень. 2012. № 4.

Ильяшенко С.В. О миграционных процессах в Республике Дагестан // Вопросы статистики. 2003. № 3.

Иванов А. Живет село нелегкими заботами // Дагестанская правда. 1997. 18 октября.

Иванов А. Этот терпкий юбилей // Дагестанская правда. 1995. 6 декабря.

Иванов А. А. Экспортная продукция // Кизлярская правда. 1985. 28 сентября.

Иванова И. Главное качество // Кизлярская правда. 1980. 9 декабря.

Иванова С.Ю., Аракелян Э.А. Становление гражданской идентичности в полиэтничном социуме // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов/н/Д, 2007.

Ильяшенко С.В. О миграционных процессах в Республике Дагестан // Вопросы статистики. 2003. № 3.

Иноземцева Е.И., Лысенко Ю.М. Дагестанские русские: история и современность // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской конференции (Ставрополь, 11 – 14 сентября 2001 г.). Москва – Ставрополь, 2001. Ч. 1.

Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала, 2001.

Иноземцева Е.И. Формирование нижнетерского казачества (XVI – XVIII вв.) // Народы Дагестана. 2001. № 3.

Иноземцева Е.И. Нижне-Терское казачество: исторические особенности формирования // Кизляр – столица Нижне-Терского казачества. Махачкала, 2010.

История Дагестана. М., 1968. Т. 2.

История Дагестана. М., 1969. Т. 4.

История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150 –летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.

История советского рабочего класса. В 6-ти томах. Т. 4. М., 1987.

Калтахчян С.Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности. М., 1967.

Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011.

Кизляр орденоносный. Махачкала, 1995.

Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002.

Ковалевская Е.А. Хозяйственная деятельность русского населения в Дагестане во второй половине XIX – нач. XX в. Дисс...к.и.н. Махачкала, 2004.

Ковалевская Е.А., Лысенко Ю.М. Вклад русских переселенцев в развитие сельского хозяйства Дагестана в начале XX века // Трансформация социально-экономических отношений на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века. Материалы Всероссийской научной конференции. Махачкала, 2014.

Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и его место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2.

Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994.

Кон И.С. Психология предрассудка // Новый мир. 1996. № 9.

Кон И.С. К проблеме национального характера // История и психология. М., 1974.

Коновалова А.В. Формы проявления этнической идентичности в полиэтничном социуме // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов/н/Д, 2007.

Кульчик Ю.Г., Конькова З.Б. Нижнетерское и гребенское казачество на территории Дагестана. М., 1995.

Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951.

Крюков И.В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. Выпуск 6. М., 1976.

Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросскультурную психологию. М., 1998.

Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. 1997. № 11.

Лобанов В. Рис: хотим как лучше, продолжается как прежде // Дагестанская правда. 1999. 1 октября.

Лысенко Ю.М. Северный Дагестан 1957 – 2000 гг. (аспекты социально-экономического развития г. Кизляра, Кизлярского и Тарумовского районов). Махачкала, 2005.

Лысенко Ю.М. «Русские районы» Дагестана: проблемы этнодемографического развития (вторая половина XX в.) // Русский язык в истории и культуре народов Дагестана. Сб.ст. Махачкала, 2007.

Лысенко Ю.М. Вклад кизлярцев в Победу в Великой Отечественной войне // Народы Кавказа в Великой Отечественной войне 1945-1945 гг. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1945-1945 гг. Махачкала, 2005.

Лысенко Ю.М. Миграция русских Кизлярщины в регионы Юга России: причины, механизм, особенности // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента. (К 90-летию ИИАЭ ДНЦ). Махачкала, 2014.

Лысенко Ю.М., Гаджиева З.Н. Политика переселения горцев на равнину – особый фактор социально-экономического развития Дагестана. 1960–1970-е гг. // *Фундаментальные исследования*. М., 2013. № 4. Ч. 3.

Лысенко Ю. М., Лысенко Л. Ф. К вопросу о заселении низовьев Терека // *Научное обозрение*. Сб.ст. Ассоциации молодых ученых Дагестана. Махачкала, 2006. Вып. 35.

Лыцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722–1723 гг. М., 1952.

Мавродин В.В. Формирование русской нации. М., 1947.

Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

Магомедова Р.Ш. Социально-экономические отношения в Хасавюртовском округе во второй пол. XIX - нач. XX в. Дисс... к.и.н. Махачкала, 2000.

Малашенко А. Ксенофобия в постсоветском обществе (вместо введения) // *Мониторинг общественного мнения ВЦИОМ*. 2001. № 6.

Мансуров М.Х. Русские переселенцы в Дагестане (2-я половина XIX – начало XX в.). Махачкала, 1994.

Мансуров М.Х. Засулакская Кумыкия. Махачкала, 1994.

Матинов Г. К вопросу о защите интересов русскоязычного населения республики Дагестан // *Народы Дагестана*. 2001. № 3.

Материалы по вопросам развития национальных и межнациональных отношений в Республике Дагестан. Махачкала, 2008.

Мелешко А.Г. Расслоение крестьянства в дагестанском ауле накануне Октября // *УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР*. Махачкала, 1958. Т IV. С.36; *Очерки истории Дагестана*. Махачкала, 1957. Т. 1.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. С.-П., Ч. 3. Выпуск 1. 1901.

Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.

Наши маяки // *Блокнот агитатора*. 1963. № 5.

Нерознак В.П. Современная этноязыковая ситуация в России // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. Т. 53. № 2. М., 1994.

Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М., 1999.

Нурадинова Л.Ч. Район в режиме постоянного развития // Народы Дагестана. 2013. №3.

Обзор Дагестанской области за 1902 год. Темир-Хан-Шура, 1903.

Обзор Дагестанской области за 1903 год. Темир-Хан-Шура, 1904.

Обзор Дагестанской области за 1913 год. Темир-Хан-Шура, 1915.

Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991.

Описание кавказского шелководства // СМОМПК. Вып. 11. Тифлис, 1891.

Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохин Т.А. История России с древнейших времен до наших дней. М., 1999.

Основные национальности республики Дагестан. Ст. сб. Махачкала, 1995.

Очерк виноделия Кавказа // Сборник сведений о Кавказе. Т. III. Тифлис, 1875.

Очерки рыболовства по реке Волге и берегам Каспийского моря: Извлечения из донесения доктора медицины Овсянникова, командированного с высочайшего соизволения в Астраханскую губернию для исследования рыболовства и изыскания причин порчи соленой рыбы. Астрахань, 1856.

Паламарчук В.С. Роль нерегулируемой миграции в экономическом и социальном развитии города Кизляра // Проблемы русского и русскоязычного населения республики Дагестана. Материалы научно-практической конференции. Махачкала, 1996.

Пискотель А.А. Этничность и «внутренняя природа» человека // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Выпуск 5. М., 1998

Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.

Потехин И.И. Формирование национальной общности южноафриканских банту. М., 1955.

Потто В.А. Два века терского казачества. Владикавказ, 1917.

Прокопенко Л.И. Будни и праздники Тарумовского края // Народы Дагестана. 2013. № 3.

Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала, 1984.

Рамазанов Х.Х. Освоение производственного опыта России в Дагестане // Проблемы социально-экономического и политического развития Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1978.

Редькин Ф. Историческое описание Черноморского хозяйства и рыбных ловель, состоящих в Кизлярском округе при берегах Каспийского моря. 1825. Астраханская областная библиотека.

Ризаханова М.Ш. Дагестанские русские. XIX - нач. XX вв. Махачкала, 2001.

Риэрдон Б. Толерантность – дорога к миру. М., 2001.

Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809.

Румянцева Т.Г. Факторы способствующие агрессии // Психология человеческой активности. Минск – Харвест. М., 2001.

Русское население Дагестана: Социально-экономические, политические и этнические проблемы; Махачкала, 1996.

Рыбаков С.Е. Этничность и этнос // Этнографическое обозрение. 2003. № 3.

Рыбаков С.Е. Философия этноса. М., 2001.

Сагдиева Э.А. Трансформация этнической идентичности трудовых мигрантов // Этнологические исследования в Татарстане. Казань, 2009.

Серажутдинов О.А. Рыбная промышленность Дагестана и перспективы ее развития // Проблемы развития экономики Дагестана. Вып. VIII. Махачкала. 1970.

Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997.

Сикевич З. Расколотое сознание (этносоциологические очерки). СПб., 1996.

Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999.

Сикевич З.В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2.

Силанов А.Н. Наша рабочая гордость. Махачкала, 1990.

Соколов В.М. Толерантность: состояние и тенденции // Социологические исследования. 2003. № 8.

Солдатов Е. Хорошо отдыхают! // Рассвет. 1963. № 93.

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

Солдатова Г.У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // Познание и общение. М., 1988.

Социально-экономическое положение Республики Дагестан. 1995 г. Махачкала, 1996.

Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2003.

Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. М., 1998.

Степанов В. Продолжая взятый курс // Кизлярская правда. 1985. 28 сентября.

Суздальцева И.А. Русские переселенцы в Дагестане в конце XIX – начале XX в.: численность, состав, деятельность. Махачкала, 2006.

Суровикин П.Н. Кизлярский коньячный завод (летопись в фотографиях и фактах). Махачкала, 1972.

Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11.

Трусов В.П., Стрикленд Л.Х. Социальная психология в Канаде // Психологический журнал. 1985. № 5.

Уледов А.К. Русская идея как феномен национального самосознания // Вестник высшей школы. 1992. № 7 – 9.

Уолцер М. О терпимости. М., 2000.

Файзуллин Ф.С., Зарипов А.Я. Грани этнической идентификации // Социологические исследования. 1997. № 8.

Фромм Э. Искусство любви. Минск. 1990.

Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий // Социологические исследования. 2006. № 1.

Халидова О.Б. «Дагестанские русские» в регионах юга России в 1980 –2010 гг.: особенности адаптации в материнском этносе // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента. (К 90-летию ИИАЭ ДНЦ). Махачкала, 2014.

ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 5 а.

- ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 4. Д. 52. Л. 50.
ЦГА РД. Ф. 35. Оп. 3. Д. 7, 9.
ЦГА РД. Ф. 58. Оп. 17. Д. 12, Д. 19.
ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 3. Д. 57.
ЦГА РД. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2.
ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 5.
ЦГА РД. Ф. 219. Оп. 1. Д. 5.
ЦГА РД. Ф. р-558. Оп. 1. Д. 41. Д. 75.
ЦГА РД. Ф. р.-558. Оп. 2. Д. 6.
ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 3033, Д. 3055, Д. 3057, Д. 3058, Д.
3758.
ЦГА РД. Ф. 1475 - п. Оп. 1. Д. 1014.
ЦГА РД. Ф. 2377-п. Оп. 1. Д. 305, Д. 364, Д. 376, Д. 383, Д.
400.
ЦГА РД. Ф. 2628-п. Оп. 1. Д. 154, Д. 478.
ЦГА РД. Ф. 2730-п. Оп. 1. Д. 160., Д. 193, Д. 264, Д. 491, Д.
547, Д. 593.
Шахбанова М.М. Межэтническая толерантность в полиэт-
ническом регионе: состояние и тенденции (на примере Республи-
ки Дагестан). Махачкала, 2007.
Шахбанова М.М. Межэтническое общение и междунаци-
ональная толерантность в Республике Дагестан: состояние, тен-
денции и взаимовлияние. Махачкала, 2010.
Шелепов В.Г. Общность происхождения – признак этниче-
ской общности // Советская этнография. 1968. № 4.
Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.
Ширяев С. Грозненская область. Грозный, 1955.
Шихирев П.Н. Исследования стереотипа в американской со-
циальной науке // Вопросы философии. 1971. № 5.
Чебоксаров Н.Н. Проблемы происхождения древних и со-
временных народов (Вступительное слово на симпозиуме). Тру-
ды VII МКАЭН. Т. V. М., 1970. С. 748.
Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обо-
зрение. 1994. № 6.
Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Научное издание

**Шахбанова М.М.
Лысенко Ю.М.
Мамараев Р.М.**

**Дагестанские русские:
историко-социологическое исследование.**

Подготовка оригинал-макета *Керимов В.А.*
Дизайн обложки *Магомедов И.Р.*

Подписано в печать 24.07.2015 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Печать ризографная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 20. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии АЛЕФ, ИП Овчинников М.А.
367000, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50
Тел.: +7-903-477-55-64, +7-988-2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru